

АЙДЫН БАЛАЕВ

**АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
НАЦИЯ:**

*основные этапы становления на рубеже
XIX-XX вв.*

Москва
2012

УДК 94(479.24)<18/19>

ББК 63.3(5Азе)

Б20

Автор выражает сердечную благодарность за спонсорскую поддержку в выпуске данной книги генеральному директору ООО ПКФ «Гюнай», Ализаману Сабир оглы Рагимову.

Научный редактор:

М.Н. Губогло – доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензент:

В.В. Карлов – доктор исторических наук, профессор,
кафедра этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Б20 Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX-XX вв. М. : ООО «ТиРу», 2012. – 403 с.

ISBN 978-5-905039-13-3

Книга доктора исторических наук А. Балаева посвящена исследованию процессов становления и развития азербайджанской нации на рубеже XIX-XX вв. Данная работа является первой попыткой исследования процессов формирования азербайджанской нации в контексте модернистской теории, которая отвергает тезисы о стихийном и предопределенном характере процесса нациестроительства. Опираясь на основные положения модернистской теории, автор попытался по-новому осмыслить основные этапы становления и развития азербайджанской нации.

В книге на примере конкретных фактов показано, что современная азербайджанская нация является результатом не только объективных исторических процессов, но и целенаправленной деятельности представителей национальной интеллигенции начала XX века, а также политических и государственных структур АДР. В этом контексте особое внимание в работе уделено освещению ключевой роли выдающихся представителей азербайджанской интеллигенции - М.Ф. Ахундова, Г. Зардаби, А. Гусейн-заде, А. Агаоглу и М.Э. Расулзаде в разработке основ национальной идеологии азербайджанских тюрков. Эти выдающиеся личности внесли огромный вклад в становление современной азербайджанской нации и утверждение среди азербайджанских тюрков единой национальной идентичности.

УДК 94(479.24)<18/19>

ББК 63.3(5Азе)

ISBN 978-5-905039-13-3

© Айдын Балаев, 2012

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сколько угодно можно обнародовать конституции, созывать меджлисы, но если не изменится наша сущность и сознание, если внутри каждого из нас сидит деспотизм, проявления которого можно проследить в наших домах, улицах, собраниях, в нашей манере поведения, то мы не сможем двигаться вперед, наравне с современными обществами.

Ахмед бек Агаоглу

Изучение проблемы формирования азербайджанской нации в отечественном обществоведении до сих пор находится на зачаточном уровне. Хотя некоторые аспекты проблемы и затрагивались в отдельных публикациях последних лет, в целом же она не стала предметом специального монографического исследования.

Учитывая большую научную и практическую актуальность проблемы, мы решили посвятить эту книгу освещению процессов формирования азербайджанской нации на рубеже XIX-XX веков.^{*} Основной целью данной работы является определение предпосылок возникновения азербайджанской нации, выявление закономерностей, тенденций и условий развития этого процесса, раскрытие роли выдающихся представителей интеллектуальной элиты Азербайджана в формировании национальной идентичности азербайджанских тюрок в начале XX века.

При этом автор считает вполне правомерным использование термина «азербайджанские тюрки» применительно к началу XX века, когда разворачивались процессы формирования нации в Азербай-

^{*} Исследование охватывает процессы формирования азербайджанской нации лишь на территории Северного Азербайджана, большая часть которого ныне входит в состав Азербайджанской Республики. – А.Б.

джане. Дело в том, что представители азербайджанской политической и интеллектуальной элиты того периода в своем подавляющем большинстве оперировали именно термином «азербайджанские турки» для обозначения формирующейся нации. А ныне используемый термин «азербайджанцы» имеет более позднее происхождение. Тем не менее автор далек от мысли противопоставления этих двух терминов и использует их в качестве синонимов в своей работе.

Прежде чем приступить к исследованию проблемы формирования азербайджанской нации, автор также считает необходимым обратить внимание на некоторые теоретические положения трактовки категории «нация». Тем более, что в мировой науке не существует общепринятой дефиниции «нация», которая объединяла бы в себе все разнообразие взглядов, мнений и подходов на данную проблематику. В силу этого даже в учебниках политологии имеется огромное множество определений этого понятия.

Многообразие интерпретаций понятия «нация» в значительной степени объясняется тем, что данная категория с трудом поддается строгому научному анализу и разложению на составные элементы. В этой связи многие исследователи, вообще, ставят под сомнение саму возможность объективного исследования сущности данного явления. Например, еще в начале XX века известный русский философ Николай Бердяев подчеркивал, что «...поистине нация не поддается никаким рациональным определениям. Никакие рационально уловимые признаки не исчерпывают ее бытия. Все дальше и дальше в таинственную, иррациональную глубину уходит бытие нации по мере приложения к ней рациональных психологических и социологических определений»¹.

С подобным мнением Н. Бердяева солидарны и некоторые современные исследователи. Так, российский этнолог С. Чешко, отмечая бессилие всех существующих теорий в раскрытии сущности феномена нации, пишет: «Перед исследователями - явление, которое, безусловно, существует, но неизменно ускользает сквозь пальцы, несмотря на любые методологические ухищрения. Оно может проявляться повсю-

¹ *Бердяев Н.* Философия неравенств. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 75-76.

ду, влияет на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет»².

С. Чешко приходит к выводу об «иррациональной природе» нации. По его мнению, в отличие от религии и искусства наука оперирует сугубо рациональными методами познания, и поэтому ограничена в возможностях исследования такого «иррационального явления», как нация. С. Чешко утверждает, что данное явление невозможно выразить посредством какой-то точной дефиниции, по крайней мере, на современном этапе развития науки³.

Впрочем, отсутствие в современной науке общепринятой универсальной теории нации можно объяснить и тем, что этот феномен является относительно новым явлением в мировой истории, несмотря на широкое распространение мнения о чуть ли не извечности нации.

Ведь широкое использование термина «нация» связано с Великой Французской революцией конца XVIII века. Этот термин, пущенный в оборот руководителями Французской революции, обозначал сообщество свободных граждан страны и противопоставлялся понятию «подданные короля». В их трактовке понятие «нация» подразумевало государство и народ как идейное и политическое целое.

При этом идеологами Французской революции был сформулирован так называемый принцип национальности, согласно которому каждый народ, как сообщество граждан, суверенен и имеет право на образование собственного государства. Тем самым идея нации, как свободного и добровольного союза граждан, стала эквивалентом республиканизма и демократии.

В XIX веке эта идея получила широкое распространение в европейских странах. Именно в этот период, названный «веком национализма», нации постепенно превратились в доминирующий фактор мирового политического ландшафта. И насущная потребность осмысления процессов, происходящих в то время в жизни европейских обществ, стимулировала разработку теории нации.

В этом отношении первым систематическим изложением теории нации принято считать доклад известного историка и литератора Э.

² Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 39.

³ Там же. С. 40.

Ренана на тему «Что такое нация?», прочитанный им в Сорбонне 11 марта 1882 года. Анализируя исторический путь эволюции различных форм человеческих общностей, Э. Ренан приходит к выводу о том, что нация – «явление в истории довольно новое». По его мнению, древние государства не были нациями либо по причине своих ограниченных размеров, либо в связи с разнообразным составом населения и отсутствием идеи «гражданства» и «отечества». Придав термину «нация» политический оттенок, Э. Ренан подчеркивал, что нацию нельзя отождествлять ни с династией, ни с расой, ни с религией, ни с языком. Вывод Э. Ренана заключался в том, что нация есть выражение духовного стремления людей жить вместе, сохранять наследство, полученное от предшествующих поколений, и стремиться к общей цели⁴. Исходя из этого, он утверждал, что «существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума - вечное утверждение жизни»⁵.

Взгляды Э. Ренана сыграли заметную роль в дальнейших исследованиях в этой области, дав толчок дискуссии в научном мире о сущности и происхождении нации. Данная дискуссия, касающаяся исходных понятий обозначенной проблематики, т. е. смысла термина «нация», продолжается и по сей день. Результатом ее является появление сотен и тысяч научных публикаций с самой разнообразной трактовкой феномена нации.

Однако, несмотря на огромное разнообразие мнений в отношении феномена нации, в научном мире в целом сложились две основные теории о происхождении и сущности нации: примордиалистская и модернистская⁶.

Последователям примордиалистской теории (от англ. *primordial* – изначальный, исходный) нация представляется «объективной данностью, своего рода, изначальной (примордиальной, т. е. исконной) характеристикой человечества»⁷. Тем самым в примордиалистской

⁴ Ренан Э. Что такое нация? // Э. Ренан. Собрание сочинений. Т. 6. Киев, 1902. С. 100-101.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Кокишарев Н. В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // *Credo new*. 2002. № 4.

⁷ Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопросы социологии*. 1993. № 1-2. С. 3.

концепции этничность рассматривается как врожденное свойство человеческой идентичности, имеющее свою объективную основу либо в природе, либо в обществе ⁸. Исходя из этих двух объективных оснований существования этноса, все теории, сформулированные в рамках примордиалистского подхода, можно разделить на два направления: социо-биологическое и эволюционно-историческое.

Сторонники первого направления настаивают на биогенетической природе нации. В частности, наиболее яркий представитель данного направления Л. Н. Гумилев считал этнос природным, биологическим феноменом. По мнению Л. Н. Гумилева, этнос - естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности ⁹.

Историю человечества Л. Н. Гумилев рассматривал как последовательную цепь этногенезов, движущей силой которой являются пассионарные толчки — своего рода микромутации, вызывающие появление особо энергичных и деятельных людей — пассионариев, объединенных общими идеями и интересами. Истоки этих мутационных процессов находятся, по мнению Л. Н. Гумилева, в биосферных явлениях Земли. В своем развитии этнос проходит несколько стадий — от молодости (фаза подъема) до глубокой старости (фаза обскурации) и смерти (мемориальная фаза), что обусловлено исчерпанием энергии пассионарности. Таким образом, в пассионарной концепции Л. Н. Гумилева этнос представляет собой биологическую реальность, облаченную в социальную оболочку.

Представители другого направления примордиалистского подхода - эволюционно-исторического, выдвигая на первый план идею экономической или культурной детерминации, рассматривают этносы как социальные, а не биологические сообщества, глубинно связанные с социально-историческим контекстом. Это реально сущест-

⁸ *Винер Б. Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 4. С. 14.

⁹ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2003. С. 549.

вующие группы с присущими им чертами - языком, культурой, идентичностью, отличающими их от других групп.

К примордиализму тяготели и основоположники марксизма, хотя они и не давали каких-либо конкретных определений понятию «нация». Первые же попытки разработки марксистской теории нации на основе отдельных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса были предприняты лишь в начале XX века руководителем австрийских социал-демократов О. Бауэром и лидером германской социал-демократии К. Каутским.

Рассматривая нацию как историческое явление, О. Бауэр подчеркивал, что «нация – это вся совокупность людей, связанная общностью характера на почве общности судьбы»¹⁰. Тем самым общность происхождения, языка и территории он не считал отличительными характеристиками этого феномена.

Впоследствии с резкой критикой «расплывчатого и неверного» определения нации, предложенного О. Бауэром, выступил К. Каутский. Он считал основными признаками нации не общность судьбы и «национальный характер», как это утверждал О. Бауэр, а язык и территорию.

Безусловно, концепции как К. Каутского, так и О. Бауэра не раскрывали всю сущность феномена нации. На первый взгляд, данное обстоятельство должно было лишь стимулировать дальнейшие исследования этой проблемы в контексте марксистской идеологии. Однако в реальной действительности в течение многих десятилетий все исследования в этой области в советском обществоведении сводились лишь к той или иной интерпретации известного высказывания И. В. Сталина о сути нации. Он определял нацию как «исторически сложившейся устойчивой общностью людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹¹.

Следует отметить, что сталинское определение нации не отличалось ни оригинальностью, ни самобытностью. И это неудивительно, поскольку оно не было плодом каких-то серьезных научных изыска-

¹⁰ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 1-2.

¹¹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 296.

ний в области этнической проблематики, а появилось в результате механического соединения двух признаков по Каутскому (общность языка и территории) с одним признаком Бауэра (общность психического склада, или национального характера), к которым И.В. Сталин добавил и общность экономической жизни. Как бы то ни было, в течение длительного времени отечественные исследователи вынуждены были вести все теоретические разработки в этой области в жестких рамках подобного догматизированного определения нации.

Примордиалистская теория, главным образом, эволюционно-исторического направления вплоть до 60-70-х годов XX века практически доминировала в мировой науке, а в советском обществоведении была единственной до начала 90-х годов XX века. Впрочем, по инерции марксистская теория нации до сих пор сохраняет свои позиции в отечественной науке. Спустя почти два десятилетия после развала СССР и краха коммунистической идеологии азербайджанские ученые по-прежнему продолжают оперировать понятиями сталинской концепции.

Между тем, начиная с 60-70-х гг. XX века в мировой науке получило развитие новая, модернистская концепция о происхождении нации, которая быстро завоевала ведущие позиции в западной этнологии. В отличие от примордиалистского подхода, модернистская теория в ее классическом понимании исходит из того, что нации ни в коем случае не являются природной данностью, они возникли лишь на этапе перехода общества от аграрного к индустриальному способу производства.

Автор заранее предупреждает, что он далек от мысли включиться в дискуссию по спорным теоретическим вопросам о происхождении и сущности нации, поскольку его задача скромнее - разъяснить именно те исходные теоретические постулаты модернистской теории, которыми будет руководствоваться при освещении процессов формирования азербайджанской нации на рубеже XIX-XX вв.

Толчком для появления и развития в западной этнологии модернистской теории нации, в небольшой степени, послужило то обстоятельство, что в недавнем прошлом наиболее реакционные политические режимы для оправдания практики национальной дискримина-

ции, как правило, прибегали к «объективным обоснованиям» национального бытия. Ведь с точки зрения концепции расового превосходства национальные различия между людьми заданы самой природой, и в силу этого они неустранимы. Сторонники этой концепции убеждены в том, что природными факторами обусловлено и деление наций на высшие и низшие, на генетически полноценные и неполноценные, которые представляют собой своего рода мусор на пути утверждения наций и народов, призванных к мировому господству.

Критический анализ подобных взглядов, а также необходимость объяснения новых явлений в общественно-политических процессах, в частности, причин резкого роста в 60-70-х гг. XX века массовых этнических и расовых движений во всем мире, привел современную науку к более детальному изучению истории становления национальных общностей и образований. И в результате этих исследований модернисты пришли к выводу о том, что нации не являются природной данностью, а представляют собой идеологические конструкции, созданные представителями интеллектуальной элиты - писателями, журналистами, учеными, политиками.

Хотя модернистская теория стала приобретать особо заметное влияние в западной этнологии в 60-х гг. XX века, некоторые основополагающие принципы данного направления были сформулированы еще Э. Ренаном, Дж. Мадзини, Ж. Мишле, О. Бауэром, Э. Дюркгеймом и М. Вебером.

Например, в трудах М. Вебера есть целый ряд положений о субъективном характере этнической группы и нации, об эмоциональном характере этнической солидарности, о роли интеллигенции в формировании национального самосознания и т. д., которые имеют практическое значение для классического модернизма. Кроме того, с точки зрения модернистской теории представляет большой интерес утверждение М. Вебера о том, что именно стремление к созданию своего государства отличает нацию от других типов этнических общностей. Тем самым он подчеркивал важную значимость политического фактора для становления и развития современных европейских наций. Этот тезис М. Вебера впоследствии стал одним из концептуальных основ модернистской теории нации.

В формировании же современного модернистского и постмодернистского направления в качестве целостной концепции решающую роль сыграли работы Э. Геллнера, Б. Андерсона, А. Смита, Э. Хобсбаума и др. исследователей 70-80-х гг. XX столетия¹². В значительной степени благодаря их трудам было покончено с господством примордиалистской теории нации в мировой этнологии.

Как было отмечено выше, представители модернистского направления считают нации продуктом современной эпохи, и отвергают тезис об их древности или извечности.* Следовательно, с точки зрения модернистов, никакой русской, французской, английской, еврейской, индийской или какой-либо другой нации «в незапамятные времена» просто не существовало. Хотя любая нация, как правило, стремится представить себя ведущим свою историю из глубины веков. Однако модернисты убеждены в том, что любые подобные разговоры об «уходящей в незапамятное прошлое» истории той или иной нации в лучшем случае являются неоправданной модернизацией.

В этом отношении исходный принцип модернистской теории заключается в том, что в основе формирования наций лежат процессы ликвидации феодальной раздробленности в результате развития индустриализации и роста урбанизации, создания единого внутреннего рынка, унификации языка и культуры. В силу этого, современные нации начали развиваться в Европе, а позднее и в других частях мира, начиная со времен Великой Французской революции, т. е. на рубеже XVIII-XIX вв.

Модернисты обосновывают этот тезис тем, что до начала XIX столетия в европейских государствах просто не существовало идеи о том, что все люди, проживающие в одной стране, разделяют единую идентичность или имеют нечто общее, кроме преданности монарху. А на Востоке, в том числе в азербайджанском обществе, подобная

¹² *Gellner E.* Nations and nationalism, Cornell University Press, 1983; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983; *Smith A.* Theories of Nationalism. Irving Place, 1983; *Hobsbawn E.* Nations and Nationalism Since 1780: Programmer, Myth, Reality. N. Y., 1990.

* Здесь и далее изложение основных постулатов модернистской теории дается по книге: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

ситуация сохранялась и в начале XX века. Как отмечал Ахмед бек Агаев (Агаоглу) в своей блестящей работе «Три культуры», в которой дается скрупулезный научный анализ истории государственности исламских стран, в сознании мусульманина государство, как правило, отождествлялось с правителем и правящей династией. Поэтому в исламских странах «правило преданности правителю господствовало над принципом преданности государству»¹³.

Даже в крупных династических государствах периода феодализма большинство субъектов были интегрированы локально, поскольку они, прежде всего, являлись членами семей, кланов, деревень. Но особенно безобразную форму это приобрело в восточных обществах. Как отмечал А. Агаоглу, мусульмане были «равнодушны ко всему, что находится вне семьи. Любые связи вне семьи существовали для них механически, внешне и опять-таки для обеспечения интересов семьи»¹⁴. На этом основании, характеризуя азербайджанское общество начала XX века, А. Агаоглу пишет: «У нас нет общества, а есть только лишь люди механически и случайно собравшиеся в одном месте»¹⁵.

Между тем, согласно модернистской теории, нации отличаются от донациональных образований тем, что их члены, в первую очередь, осознают себя представителями конкретной нации, и только затем - членами групп более низкого порядка - класса, родственной группы, профессиональной группы и т. д. И в этом смысле замкнутые и изолированные конгломераты донациональной эпохи в виде кровнородственных, трайбалистских и феодальных сообществ еще не являлись нациями в подлинном смысле этого слова.

Характерно, что средневековые династические государства Европы даже не пытались добиться культурного единообразия общества, поскольку тогда это не имело никакого значения. Поэтому неудивительно, что представители некоторых социальных слоев, например священники или члены правящих семей различных государств, ощущали большую близость между собой, чем с населением собственного государства.

¹³ Ağaoglu A. Üç medeniyet. İstanbul. 1972. S. 130.

¹⁴ A.g.e. S. 46-47.

¹⁵ A.g.e. S. 116-117.

Ситуация кардинальным образом изменилась с переходом от традиционного аграрного общества, в котором господствует натуральное хозяйство, к промышленно развитому индустриальному обществу. Как отмечает Э. Геллнер, наиболее существенное различие между аграрным и индустриальными обществами состоит в том, что первое более стабильно, а второе более мобильно.

Непосредственным проявлением этой мобильности являются значительные территориальные перемещения населения и невиданный в истории рост урбанизации, создание единого национального рынка, а также развитие транспортных систем. Все эти революционные изменения в жизни общества создают огромные возможности для интеграции людей и товаров, способствуя тем самым уничтожению прежних социальных барьеров и территориальной изолированности отдельных регионов.

В отличие от аграрного, индустриальное общество могло функционировать при участии не только мобильного, но и грамотного, культурно-унифицированного, взаимозаменяемого населения. Эти требования были обусловлены особенностями производственной системы индустриального общества, которое требовало от членов общества хотя бы среднего уровня грамотности и технической компетентности.

Таким образом, экономические и технологические предпосылки периода индустриализации создавали условия для достижения культурной гомогенизации и единства языка, поскольку социальные условия и масштабы производства индустриального общества требуют стандартизированного, однородного, централизованного образования, охватывающего все население, а не только элитарное меньшинство, как это было в аграрном обществе. В этом контексте всеобщий, стандартизированный и типовой вид обучения является не просто лозунгом или саморекламой, а необходимым условием эффективного функционирования индустриального общества.

Введение всеобщего образования способствует повышению не только уровня грамотности, но и культурной гомогенизации населения. Ведь нормальное функционирование системы всеобщего образования требует создания стандартизированного и единого литературного языка. Причем, его еще предстоит создать в эпоху индустриали-

зации через всеобщую систему обучения из множества местных говоров, диалектов и «социолектов», и распространить в массах.

Дело в том, что в аграрном обществе литературный язык, как правило, был привилегией довольно узкого круга образованной элиты, и по этой причине носил элитарный и функционально ограниченный характер. Это приводило к тому, что в сфере устного общения литературный язык фактически не функционировал, и в нем преобладали территориальные диалекты или обиходно-разговорный язык.

Между тем, процессы формирования индустриального общества способствовали заметному увеличению коммуникативных потребностей нации. Данное обстоятельство в совокупности с потребностями формирующейся всеобщей системы образования катализировало процесс нормализации и стандартизации литературного языка, который постепенно получает относительно стабильную, кодифицированную норму.

Одновременно с развитием системы образования и новых коммуникационных систем, в частности, периодической печати, увеличивается количество активных носителей литературного языка и обеспечивается его распространение среди народных масс. Тем самым, в эпоху индустриализации литературный язык, утрачивая социальную маркированность, из языка элитарного, социально ограниченного постепенно превращается в общепонятный национальный язык.

В результате всех этих процессов в архисистеме языка происходят кардинальные внутрисистемные изменения. Если для аграрного общества был характерен приоритет обиходно-разговорного языка и диалектов над литературным языком, то в эпоху индустриализации уже последний занимает доминирующее положение в отношении этих форм языка.

Таким образом, в результате модернизационных процессов система замкнутых в себе аграрных обществ, отделенных пространствами друг от друга, постепенно заменяется совершенно новым типом общества, для которого характерно слияние до сих пор более или менее замкнутых сообществ на основе единой экономики и культуры.

Однако, по мнению модернистов, достижение экономической и культурной однородности населения еще не дает ключа к самому про-

цессу формирования наций. Оно лишь создает исходный материал, из которого при благоприятных условиях в перспективе может возникнуть нация. Для полномасштабного же «запуска» процессов формирования нации экономическое и культурное единство членов конкретной этнической общности должно быть дополнено представлениями об их политическом единстве. Эти представления находят воплощение в создании представителями интеллигенции национальной идеологии, которая, в свою очередь, является идеологизированной формой выражения и политической практикой реализации идентичности.

В этимологическом плане понятие «идентичность» происходит от латинского слова «*indenticus*», т.е. «тождественный», «одинаковый». Широкую известность понятия «идентичность» и «идентификация» в гуманитарных науках получили благодаря основателю психоаналитической школы З. Фрейду, который ввел их в оборот в своем труде «Групповая психология и анализ Эго»¹⁶. С содержательной точки зрения и в наиболее широкой трактовке проблема национальной идентичности осмысливается как вся совокупность возможных ответов на вопрос: «Кто мы такие и чему мы принадлежим?».

Процесс формирования нации начинается именно с момента появления соответствующей национальной идеологии, когда небольшая группа интеллектуалов провозглашает существование нации, и во многих случаях в исходных точках ее бытия она является творением городской элиты. Именно в интеллектуальной и образованной среде, как правило, обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов, которые затем транслируются в народные массы. В этом контексте национализм, будучи формой выражения национальных интересов, является проектом создания нации, сконструированным интеллектуалами.

В формировании нации большую роль играют поэты, художники, журналисты, историки и лингвисты. По этой причине иногда даже утверждают, что почти все европейские нации - проекты представителей романтизма. Действительно, на формирование шотландской нации оказали большое влияние Роберт Бернс и Вальтер Скотт,

¹⁶ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 2004. С. 297.

датской – Ханс Кристиан Андерсен и Бертель Торвальдсен, польской – Фредерик Шопен, Адам Мицкевич и Генрик Сенкевич, итальянской – Джузеппе Мадзини, финской – Элиас Ленрот, немецкой – Шиллер, Гете и Гердер.

Таким образом, суть модернистской концепции заключается в том, что нация не является древней или извечной природной данностью. С этой точки зрения, образование наций не является универсальной стадией развития всех народов мира. Так, многие малочисленные народы (племена, языково-территориальные группы) нередко сливаются с крупными нациями.

По мнению модернистов, нация представляет собой продукт экономических изменений, индустриальной революции, становления системы общего стандартизированного образования и современных форм коммуникации - железных дорог и средств массовой информации, и самое главное, политического действия - сформулированного интеллектуальной элитой национальной идеологии. Как в этой связи подчеркивает Э. Геллнер, не нация создает национализм, а наоборот, «национализм создает нации, существование которых не представляется возможным без государства и является политическим принципом. Национализм – это, прежде всего, политический принцип, согласно которому политические и национальные единицы должны совпадать»¹⁷.

Представители постмодернистского направления, вслед за Бенедиктом Андерсоном, трактуют нации как «воображаемые сообщества». Сторонники данного подхода рассматривают нацию как продукт воображения, как идею или проект, формирующиеся при помощи дискурсивных практик - научных, художественных, политических. Причем, «воображенная» природа национальных сообществ вовсе не свидетельствует об их ложности или нереальности, о чем часто твердят неглубокие критики национализма. При этом Б. Андерсон, обоснованно опасаясь спекуляций вокруг термина «воображаемые сообщества», особо подчеркивал, что локальные общности традиционных обществ опирались на узы родства и непосредственное взаимодействие их членов друг с другом. Между тем подобное практически невозможно в таких огромных по своим масштабам общностях,

¹⁷ Gellner E. Nations and nationalism. Cornell University Press, 1983. P. 1.

как нации. Именно в этом смысле Б. Андерсон называет «воображенными» все сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже «понаслышке» большинство других его членов, хотя и имеют представление о таком сообществе¹⁸.

Главный акцент в рамках постмодернистского подхода ставится на понятии национальной идентичности. Один из известных представителей постмодернистского направления Бенедикт Андерсон на основе анализа огромного исторического материала пришел к выводу, что национальное самосознание есть результат деятельности политических и государственных структур. Действительно, чтобы люди могли почувствовать себя принадлежащими к определенной национальной общности, должна быть проделана колоссальная работа, начинающаяся с установления законных границ и определения геополитического местоположения данной нации по отношению к другим народам, включающая в себя разработку и проведение в жизнь определенной политики в области языка и иных средств общения, создания системы представлений об историческом прошлом данного народа, которая бы была принята в качестве важнейшей составляющей современного образования.

Безусловно, чтобы стать действенным политическим инструментом, эти представления должны постепенно становиться все более привлекательными для масс. Поэтому Б. Андерсон в своей работе особо отмечает, что между моментом, когда образ нации возникает у представителей элиты, который условно можно называть идеологическим или идеальным Отечеством, и моментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов этого «воображенного» сообщества и получает политическое оформление, лежит значительное время¹⁹.

И модернисты, и постмодернисты солидарны в том, что окончательное конструирование нации возможно только в качестве национального государства - «нации-государства» (nation-state). Не случайно, английский исследователь А. Смит считает, что нации могут состо-

¹⁸ Anderson B. *Imagined Communities*... P. 15.

¹⁹ См.: Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, 1983.

яться только в своих собственных государствах²⁰. По мнению К. Дейча, «Нация – это народ, овладевший государством»²¹. По этой причине любая национальная идея обязательно подразумевает создание собственного национального государства если и не сейчас, то в перспективе.

Э. Геллнер определяет национализм «как течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной»²². В этом смысле модернисты фактически ставят знак равенства между нацией и государством. Они исходят из того, что идеология национализма – это идеология, которая требует государственности в интересах какой-либо этнической группы.

При этом модернистская теория вовсе не отрицает, что в аграрном мире время от времени возникали сообщества, которые по тем или иным признакам могли напоминать современное национальное государство. Однако, если для аграрного мира создание подобных сообществ было исключением, то для индустриального общества – это является правилом.

Один из основополагающих постулатов модернистской теории заключается в том, что процесс формирования нации вовсе не является предопределенным. Другими словами, усилия по утверждению того или иного варианта национальной идентичности могут увенчаться как успехом, так и неудачей, равно как реальное воплощение нации даже в случае реализации проекта может существенно отличаться от его исходной версии.

Как замечает Э. Геллнер, нации являются не заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп, а процессом «формирования новых сообществ, соответствующих современным условиям, хотя использующих в качестве сырья культурное, историческое и прочее наследие донационалистического мира».

Безусловно, у современных наций имеются глубокие корни в более ранних этнических сообществах, поскольку предвестником со-

²⁰ *Smith A.* Theories of Nationalism. Irving Place, 1983. P. 20-21.

²¹ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.), 1953. P. 4.

²² *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 24.

временной нации является этническая общность предшествующей эпохи. В этом смысле характерная для современных наций культурная однородность формируется на базе конкретной этнической общности, которая становится основой конструирования нации. Этнические и культурные характеристики того населения, которое становится объектом интеллектуалов, существенно влияют на их концепции. В силу этого, нельзя утверждать, что исходный этнический материал не имеет никакого значения в процессе проектирования нации интеллектуальной элитой.

Однако было бы неверно утверждать, что существует абсолютно неразрывная связь между национальными и более ранними формами общности, поскольку в реальной действительности этнос и нация - совершенно разные явления. «Нация, в отличие от этноса, - пишет В. М. Межуев, - это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию - могу выбрать... Нация - это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность»²³.

Поэтому неудивительно, что большинство современных наций сложилось из разных этнических общностей в процессе совместной жизнедеятельности в рамках единого государства. «Идея нации, - считает В. А. Тишков, - рождается среди народов, не обязательно культурно однородных, как политическая программа для создания суверенных гражданских сообществ, и уже государства создают нации»²⁴.

В силу этого, в «нацию-государство» могут входить представители различных народностей, причем, не обязательно родственных и культурно близких друг другу. Например, к моменту образования французского государства в конце XVIII века, лишь около трех миллионов населения страны из двенадцати говорили по-французски и могли считаться этническими французами²⁵. Единой французской нацией это разноязычное и разноэтническое сообщество стало в ходе

²³ Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5-6.

²⁴ Тураев В. А. Этнополитология. М., 2004. С. 40.

²⁵ Тишков В. Дилеммы развития России // Этнополис. 1992. № 2. С. 77.

антифеодального движения, суть которого заключалось в защите и укреплении завоеваний Великой Французской революции. Лишь в процессе такой борьбы могла формироваться идея национального единства, без которого французская нация не смогла бы оформиться.

Таким образом, будучи исторической формой глобального процесса модернизации традиционных обществ, национальная идея, способствующая формированию нации, появилась и продолжает появляться в те моменты, когда с развитием индустриализации, урбанизации и ростом индивидуализма социальная значимость родства ослабевает. И национализм заполняет этот образовавшийся социальный и культурный вакуум в жизни людей, выступая в качестве формы метафорического родства и объявляя всех членов нации одной большой семьей.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что согласно модернистской точки зрения, нация появляется лишь тогда, когда в обществе развивается высокая культура (которая в качестве своего источника имеет реальные или воображаемые элементы «народной» культуры), когда население является культурно гомогенным и существует достаточно стабильная и широкая система образования, позволяющая каждому члену общества получить доступ к высокой культуре, и когда появляется национальная идея, цементирующая эти отдельные элементы в единое целое.

Процесс превращения этноса в нацию принято называть нацизацией этноса, а целенаправленные действия государства, его политических институтов или этнополитической элиты по превращению этноса в нацию – нацистроительством. При этом процесс формирования нации может приобретать различные формы в зависимости от конкретных исторических и социально-экономических условий.

При исследовании и объяснении процесса формирования азербайджанской нации в конце XIX – начале XX вв., автор будет оперировать, в основном, понятиями модернистской концепции, которая возобладает в современной западной этнологии. Данная работа будет первой попыткой исследования процессов формирования азербайджанской нации в контексте модернистской теории.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Я не научился любить свою родину
с закрытыми глазами, с преклоненной головой,
с запертыми устами... Я предпочитаю бичевать
свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю
унижать ее, только бы ее не обманывать.*

П.Я.Чаадаев

§ 1. Краткий экскурс в этническую историю азербайджанских тюрков

Азербайджанские тюрки являются наиболее крупным по численности народом Кавказа. Они составляют основное население Азербайджанской Республики и северо-западных регионов Ирана, которые именуются Южным, или Иранским Азербайджаном. Это связано с тем, что историческая территория, на которой происходил процесс формирования азербайджанского этноса, выходит далеко за пределы современной Азербайджанской Республики, охватывая сопредельные регионы соседних государств – Ирана, Турции, Грузии, Армении и России. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство азербайджанских тюрков, общая численность которых в мире насчитывает более 30 млн. чел., живут за пределами своего национального государства – Азербайджанской Республики.

Согласно данным последней переписи населения, в Азербайджанской Республике проживают примерно 8 млн. азербайджанских тюрков, составляющих более 90% населения страны. Между тем, даже по самым скромным подсчетам, в настоящее время численность

азербайджанских тюрков в Иране превышает 20 млн. человек¹. Они составляют большинство населения в провинциях Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, Ардебиль и Зенджан. Помимо этого, азербайджанские тюрки проживают в восточных районах провинций Курдистан и Хамадан, а также в северных районах провинции Казвин. Крупные азербайджанские общины имеются в городах Тегеран, Кередж и Мешхед.

Азербайджанские тюрки традиционно составляют значительную часть населения южных и юго-восточных регионов Грузии (примерно 300 тыс. чел.) и южных районов Дагестана (более 100 тыс. чел.), преимущественно города Дербента и его окрестностей.

До начала армяно-азербайджанского конфликта в 1988 году азербайджанские тюрки проживали в различных регионах Армении, включая Эривань, где они до октябрьского переворота 1917 года были крупнейшей этнической группой, превосходившей по численности армян². По официальным данным, в конце 80-х гг. XX столетия в Армении проживало более 160 тыс. азербайджанских тюрков³. Но после эскалации карабахского конфликта и последовавших за ним межнациональных столкновений все они были изгнаны из Армении.

В Турции же азербайджанцы традиционно заселяют приграничные с Арменией регионы - провинции Карс и Игдыр, а также округ Шенкая провинции Эрзурум.

Язык азербайджанских тюрков вместе с турецким, туркменским и гагаузским языками относится к огузской (юго-западной) группе тюркских языков. До 20-х гг. XX века в качестве письменности азербайджанцы использовали арабскую графику, которая с 1 января 1929 года была полностью заменена латиницей. Впоследствии под предлогом, что латинский алфавит якобы затрудняет межнациональное общение народов СССР и препятствует их приобщению к достижениям русской культуры, с 1 января 1940 года азербайджанская письменность была переведена на кириллицу. Лишь в 1991 году с целью

¹ *Shaffer Brenda*. Sınırlar ve kardeşler. İran ve Azerbaycanlı kimliği. İstanbul, 2008. S. 1.

² Эривань // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 81. СПб., 1904. С. 15.

³ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 134.

устранения «исторической несправедливости» парламент Азербайджана принял решение о восстановлении функционировавшего до 1940 года латинизированного азербайджанского алфавита.

В антропологическом отношении азербайджанские тюрки относятся к каспийскому типу европеоидной расы.

По вероисповеданию же большинство азербайджанских тюрков являются мусульманами-шиитами имамитского (признающего 12 имамов) толка. Лишь в северных регионах Азербайджана – в Шеки-Закатальской, Губа-Гусарской и Шамаха-Габалинской зоне преобладают приверженцы ислама суннитского направления.

Азербайджанский этнос складывался на территории, где скрещивались большие караванные пути средневековья – Шелковый путь и Путь пряностей, соединявших восточное Средиземноморье, а заодно и Европу с Индией и Китаем, а также Пушнинный путь, соединявший Западную Сибирь и северо-восточную Россию с Ираном, Византией и арабскими странами. Одновременно через эту территорию, в связи с его особым географическим расположением на стыке Азии и Европы, издавна пролегали пути переселения народов и постоянных миграций. К тому же богатые природные ресурсы и выгодное стратегическое положение региона с древнейших времен привлекали внимание различного рода завоевателей. В силу этих причин территория этногенеза азербайджанских тюрков издревле была зоной активных контактов народов, синтеза их языков и культур, что предопределило чрезвычайно противоречивый и сложный характер процесса становления азербайджанского этноса.

Однако слабая изученность в отечественной и зарубежной историографии проблемы происхождения азербайджанских тюрков объясняется не только этими объективными обстоятельствами, но и политическими факторами. Не следует забывать, что данная проблема имеет как научно-познавательную, так и серьезную политическую значимость. Дело в том, что правящие режимы государств – Советского Союза и Ирана, в составе которых в течение последнего столетия по воле исторической судьбы находились азербайджанские тюрки, пытались манипулировать этой проблемой в угоду своим имперским интересам. В силу этого, подавляющее большинство советских

и иранских историков подходили к проблеме складывания азербайджанского этноса не с научной точки зрения, а с позиций традиционной имперской политики⁴.

Принцип приоритета классового фактора над общечеловеческими и национальными ценностями являлся краеугольным камнем советской идеологии. В подобной ситуации вполне естественно, что пытаясь нейтрализовать влияние национального фактора на общественно-политическую жизнь народов, советский режим в течение всего периода своего существования энергично проводил в жизнь политику манкуртизации – «лишения народов их исторической памяти под надуманными псевдореволюционными лозунгами»⁵, что, в свою очередь, значительно облегчало задачу манипулирования ими в политических целях. Из памяти народов пытались стереть их знаменитые победы, подвиги национальных героев, вклад в мировую цивилизацию их величайших сынов. Предполагалось, что это значительно облегчит путь народов к светлому будущему коммунизма. Так рождались директивы, постановления, декреты, устные установки и прочие распоряжения «сверху», лишаящие народы радости воспоминаний о своем героическом прошлом⁶.

Все «прелести» этой политики в полной мере почувствовали на себе и азербайджанские тюрки. Одним из главных компонентов политики манкуртизации советского режима в условиях Азербайджана являлась тотальная фальсификация этнической истории азербайджанских тюрков, путем грубейших подтасовок исторических фактов. Последствия этой политики не до конца преодолены и после достижения Азербайджаном независимости в начале 90-х годов XX столетия, поскольку метастазы советской «научной концепции» о происхождении азербайджанских тюрков поразили достаточно глубокие слои отечественной историографии.

Суть этой псевдонаучной «концепции» о происхождении азербайджанских тюрков, возникшей в начале 50-х гг. XX века по пря-

⁴ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. / Под. ред. Алиярылы С. Баку, 2009. С. 156.

⁵ Губогло М.Н. Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти. М., 1992. С. 7.

⁶ Там же. С. 28.

мому указанию тогдашних руководителей Кремля, заключается в том, что ее авторы пытались обосновать отсутствие исторических корней азербайджанских тюрков на нынешней территории их обитания, а заодно и отрицать тюркское происхождение современных азербайджанцев. Произвольно манипулируя историческими фактами, они стремились доказать отсутствие какого-либо генетического родства между современными азербайджанцами и историческими тюрками. Вопреки очевидным фактам, они утверждали, что азербайджанские тюрки – это отуреченные персы и представители кавказских племен. Тем самым, сторонники данной «концепции» объявляли носителей тюркских языков пришельцами на нынешней территории обитания азербайджанцев.

Подобные попытки фальсификации истории формирования азербайджанского этноса преследовали далеко идущие политические цели и были направлены на уничтожение исторической памяти азербайджанских тюрков. При этом следует учесть, что важнейшим условием существования и развития любой этнической системы является оптимальное сочетание в ней преемственности и инноваций. И если деформируется соотношение между двумя этими составляющими, если нарушается баланс, то этнической общности в лучшем случае угрожает размывание, исчезновение, бесплодие, тупиковое или застойное топтание на месте ⁷.

В данном случае авторы «теории» об иранских и кавказских корнях азербайджанского этноса стремились путем манкуртизации азербайджанских тюрков значительно облегчить задачу их интеграции в состав единого советского народа, а заодно и ускорить процесс формирования у них общесоветской идентичности. Еще одна важная цель сторонников этой «теории» заключалась в ограждении азербайджанских тюрков от культурно-нравственного и политического влияния Турции.

Политический характер «концепции» об иранском и кавказском происхождении азербайджанских тюрков подтверждает и тот факт, что в течение десятилетий любая попытка исследователей полемизировать относительно достоверности ее основных положений жест-

⁷ Губогло М.Н. Энергия памяти. С. 7.

ко пресекалась советским режимом. Инициаторы же этих попыток однозначно обвинялись в политической неблагонадежности.

Даже в разгар перестройки, когда в стране, по сравнению с периодами сталинизма и брежневского застоя, уже имелись определенные условия для свободного выражения собственного мнения, один из апологетов данной «теории» на страницах «Вестника древней истории» безапелляционно заявлял: «Утверждения о глубокой древности или даже автохтонности тюркского элемента в переднеазиатских областях, как известно, в конечном счете, восходят по преимуществу к идеям пантюркистов и других турецких националистов»⁸.

Нельзя не отметить, что основные положения «теории» об иранских корнях азербайджанцев, утвердившейся в 50-х гг. прошлого столетия в советской историографии, были просто скопированы советскими историками из трудов одного из основоположников паниранизма А. Кесреви, посвятившего всю свою жизнь отрицанию самобытности азербайджанского этноса. По крайней мере, базисный принцип этой «теории» о тюркизации Азербайджана в XI-XII веках также заимствован из работы А. Кесреви «Азери, или древний язык Азербайджана» («Азяри, йа зябане-бастане-Азярбайган»), впервые изданного в 1926 году на персидском языке в Тегеране.

Вряд ли можно считать случайностью тот факт, что данная работа А. Кесреви появилась на свет сразу же после прихода к власти в Иране персидской династии Пехлеви в 1925 году. До этого в течение почти целого тысячелетия среди правителей Ирана не было ни одного правителя персидского происхождения, в то время, как тюркские династии играли доминирующую роль в политической жизни страны. Достаточно напомнить, что в течение последних четырех веков в Иране правили тюркские династии Сефевидов и Каджаров, оставившие заметный след в истории этой страны. Неудивительно, что в момент прихода к власти династии Пехлеви азербайджанские тюрки занимали ведущие позиции в различных областях жизни иранского общества. И династия Пехлеви, движимая идеей реванша, не могла смириться с подобной ситуацией. Она начала претворять в жизнь

⁸ Алиев И. Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977-1987 гг. // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 68.

политику выдавливания азербайджанских тюрков из ключевых позиций в государственном управлении и обществе. Одновременно азербайджанское население Ирана стало подвергаться целенаправленной культурно-языковой ассимиляции со стороны персов. Сомнительная слава создания теоретических основ этой шовинистической политики принадлежит А. Кесреви.

В этой связи правящая династия Пехлеви поставила перед А. Кесреви конкретную политическую задачу - любыми способами доказать, что азербайджанские тюрки по своим генетическим корням являются не тюрками, а персами. А. Кесреви в своей работе, произвольно манипулируя историческими фактами в интересах своих заказчиков в лице иранских правящих кругов, попытался придать «научнообразную» форму этой политической парадигме⁹.

Б. Шаффер, в свое время руководившей программой каспийских исследований в школе управления Джона Кеннеди Гарвардского университета, подчеркивает, что идеологические взгляды и политические цели А. Кесреви предопределили направление и суть его исследований по истории Азербайджана¹⁰.

Впрочем, ради справедливости следует отметить, что еще задолго до Б. Шаффер аналогичного мнения в отношении работы А. Кесреви придерживался известный советский востоковед, крупный специалист по иранским языкам Б.В. Миллер. Обращая внимание на политическую подоплеку работы А. Кесреви, он еще в 1930 году писал: «Кесреви искренне убежден в том, что во всей Персии должен быть только один персидский язык, что уже много веков как завершившееся отуречение его родины, Азербайджана, не есть окончательное слово истории, что с улучшением в Персии путей сообщения персидский язык вытеснит тюркский»¹¹. Как замечает Б.В. Миллер, «персидскому патриоту» А. Кесреви неприятно было «использование термина Азербайджан для наименования тюркской республики в Закавказье»¹².

⁹ *Brenda Shaffer*. Sınırlar ve kardeşler. İran ve Azerbaycanlı kimliği. S. 19.

¹⁰ A. g. e.

¹¹ *Миллер Б.В.* К вопросу о языке населения Азербайджана до отуречения этой области // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. 1. 1930. С. 200.

¹² Там же.

Безусловно, мы далеки от мысли отрицать факт участия в формировании азербайджанского этноса ирано- и кавказоязычных элементов, в течение столетий живущих бок о бок в одном и том же регионе. Тем более что среди современных народов нет ни одного, который бы не смешивался с другими этносами, и азербайджанские тюрки в этом отношении не составляют исключения. Однако, несомненно, и то, что доминирующая роль в процессе формирования азербайджанского этноса принадлежала именно тюркским племенам.

Между тем, вышеупомянутая «теория», по сути, отрицала эту очевидную истину. Тюркоязычность же современных азербайджанцев сторонники данной «теории» считали следствием языковой ассимиляции их ирано- и кавказоязычных предков тюрко-огузскими племенами, проникшими в массовом порядке в регион Передней Азии в XI-XII веках. При этом апологетов данной «теории» нисколько не смущал тот факт, что их утверждение в корне противоречит опыту мировой истории. А этот опыт свидетельствует о том, что пришлые племена и народы могут коренным образом изменить этническую ситуацию на осваиваемой территории, если они являются носителями более высокой по сравнению с покоренными народами, цивилизации.

Как справедливо отмечает азербайджанский исследователь Э. Исмаилов, если тюрки в массовом порядке появились в Передней Азии только с началом второго тысячелетия нашей эры, возникает недоумение, как они могли в течение короткого времени трансформировать языковую среду на значительной территории Передней Азии в свою пользу? Новую религию, с помощью которой испанцы, например, осуществили языковую ассимиляцию народов Южной Америки, они принесли с собой. В данном же случае, наоборот, огузские племена сами приняли религию покоренного народа - арабов. К тому же, и при тюрках арабский и персидский языки долгие столетия оставались языками делопроизводства, науки, литературы и образования¹³.

Что же могло способствовать тюркизации этнического состава населения Азербайджана? Ответ на это дает тот же опыт мировой истории. Увеличение тюркского фактора в регионе началось задолго

¹³ Исмаилов Э. Очерки истории Азербайджана. М., 2010. С. 44.

до притока огузских племен в XI–XII веках, приход же последних лишь завершил начатый до этого процесс. Поэтому нельзя сводить формирование азербайджанского этноса исключительно к нашествию сельджуков в Азербайджан в начале второго тысячелетия нашей эры. В этой связи академик З. Буниятов резонно писал: «Принять, что тюркизация произошла в XI—XII вв., как это делают некоторые исследователи, было бы ошибочным. Считать тюрков каким-то пришлым, инородным элементом на территории Азербайджана - также неверно, ибо в данном случае игнорируются большие компактные местные тюркские племенные образования»¹⁴.

Следует отметить, что в начале нашей эры территория современного Азербайджана входила в состав двух различных государств – Атропатены и Кавказской Албании. Южная часть Азербайджана почти полностью входила в состав Атропатены, которая была одним из эллинистических государств на Ближнем и Среднем Востоке, возникших в 20-х гг. IV века до н.э. на развалинах огромной империи Александра Македонского. По сведениям Страбона, «свое имя она получила от военачальника Атропата», который будучи наместником Александра Македонского в области, после его смерти в 323 году до н.э. «сделал по собственному решению эту страну независимой»¹⁵.

По одной из версий, возникновение слова «Азербайджан» также относится к этому периоду и является видоизмененной формой древней Атропатены. Однако арабский автор более позднего периода, Табари, возникновение слова «Азербайджан» связывает со словом «азер», что в переводе с пехлевийского (одного из вариантов древнеперсидского языка) означало огонь. Таким образом, по мнению Табари, название Азербайджан означает «Страна огней»¹⁶.

Примерно аналогичной позиции придерживается и другой арабский автор Йакут ал-Хамави (1179-1229). В своем многотомном географическом словаре «Му'джам ал-булдан» («алфавитный перечень стран») Йакут отмечает, что слово «Азербайджан» означает «храни-

¹⁴ Буниятов З. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965. С. 179.

¹⁵ Страбон. География. М., 2004. С. 324.

¹⁶ Расулзаде М.Э. Историческое развитие Азербайджана // Из истории азербайджанской эмиграции. М., 2001. С. 299.

тель огня». Он считает, что это соответствует истине, поскольку «храмов огня в этих краях было очень много»¹⁷.

Примерно в 20-х гг. нашей эры, попав в зависимость от Парфии, государство Атропатена прекратило свое существование. До падения под ударами Сасанидов Парфянской державы в 224 году Атропатена оставалась в составе этого государства.

Что же касается северной части страны, т.е. территории современной Азербайджанской Республики, то начало государственности на этих землях связано с возникновением государства Кавказская Албания. Согласно утвердившейся в азербайджанской историографии точке зрения, Кавказская Албания образовалась в III веке до н.э.

Приход к власти в Иране в 226 году династии Сасанидов самым непосредственным образом отразилось на судьбах народов и государств Южного Кавказа. Под руководством Сасанидов была создана могущественная империя, которая, укрепив свою власть в Иране, приступила к широкомасштабным завоеваниям. Не удалось избежать этой участи Атропатене, которая превратилась в одну из областей Сасанидской империи. Сасаниды попытались также покорить Кавказскую Албанию, но лишь частично достигли своей цели, поскольку Албания сумела сохранить относительную самостоятельность.

Характеризуя этнический состав населения на территории современного Азербайджана в конце античного периода и начале раннего средневековья, приходится констатировать тот очевидный факт, что ни в южных областях страны - Атропатене, ни в северной ее части - Кавказской Албании не сложилось единого монолитного этноса, а существовали разноязычные племенные образования. Среди них были как кавказоязычные и ираноязычные, так и тюркоязычные племена.

Азербайджанские исследователи настаивают на присутствии уже в III тысячелетии до н.э. на территории Азербайджана носителей алтайско-пратюркских языков, являющихся предками современных азербайджанцев¹⁸. Хотя следует признать, что прямых свидетельств, которые могли бы служить основанием для определения этнического состава населения

¹⁷ *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-булдан (Сведения об Азербайджане). Баку, 1983. С. 7.

¹⁸ *Юсифов Ю.Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // Вестник древней истории. 1987. № 1. С. 39.

края в те далекие времена, не существует, а первые письменные источники, свидетельствующие о присутствии тюркских племен на территории современного Азербайджана, относятся к раннему средневековью.

Достоверно известно лишь то, что начиная с III века усиливается проникновение и массовое оседание тюрков (гуннов) булгаро-савирского круга племен - булгаров, савиров, оногуров, кангаров, барсилов, хайландуров и др. Именно с гуннами связано начало процесса складывания азербайджанского этноса¹⁹.

Письменные сведения однозначно подтверждают рост в V-VI веках удельного веса тюркского населения в регионе, что было связано с участвовавшими вторжениями через Дербентский проход тюркских племен. Так, в 503 году гунны-савиры через Дербентский проход вторглись вглубь Южного Кавказа, захватили северную часть Албании (государство в северо-восточной части нынешнего Азербайджана), Восточную Грузию и в течение пяти лет оставались здесь. Войска, посылаемые к своим северным рубежам албанскими царями и сасанидскими наместниками, были бессильны воспрепятствовать этим вторжениям. Периодические походы гуннов-савиров в регион продолжались и в последующие годы. Более того, нередко албаны и иберы сами открывали кавказские проходы и впускали северных тюрков, используя их военную силу в борьбе против Ирана²⁰. Очевидно, что каждый раз какая-то часть участников походов оседала на территории Албании и Атропатены, усиливая присутствие тюркского элемента. А после разгрома аварями в середине VI века савирской конфедерации на Северном Кавказе, часть савиров поселилась в бассейне реки Куры, на территории современного Азербайджана.

Зачастую и сами Сасаниды способствовали оседанию на подконтрольных им землях тюркских племен, чтобы затем использовать их в военных целях. Как сообщает пехлевийская «Книга деяний Ануширвана», сохранившаяся в переводе на арабский язык, в 37-й год царствования Хосрова I, т.е. в 568 году, свыше 50 тысяч представителей четырех тюркских племен из Северного Кавказа по их просьбе

¹⁹ *Насибов Ю.* Этапы консолидации и формирования азербайджанского народа // Азербайджанцы. Баку, 1998. С. 35.

²⁰ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 124.

были поселены иранским шахом в Южном Азербайджане, Аране (Албании) и наделены землей. Впоследствии из них были сформированы военные отряды под началом иранских командиров-марзбанов. А еще раньше, в 553 году Хосров I разместил в Албании, округе Габалы примерно 10 тыс. захваченных в плен хазар²¹.

Все это способствовало росту удельного веса тюркского населения, и, следовательно, возрастанию его роли в истории и культуре края. В этой связи небезосновательно считается, что поселившиеся в различных частях страны гунны и их тюркский язык (его называют протобулгарским и относят к западно-тюркской группе) стал языком межплеменного общения в регионе. Данный факт подтверждается многочисленными тюркскими заимствованиями в гаргарском, удинском и древнегрузинском языках, а также в «Истории албан» Моисея Каланкайтукского (УП в.)²².

Не вызывает сомнений, что к моменту прихода арабов в регион племена огузской группы тюрков уже составляли немалую часть населения не только Арана, но и Южного Азербайджана, а в некоторых местностях даже составляли большинство. Сведения о том, что ко времени арабского завоевания, начавшегося с походов 639-643 гг., здесь имелось довольно значительное тюркское население, подтверждается многими арабскими источниками. В одном из них, содержащем версию о вторжении в Азербайджан южно-арабских племен уже в конце 30-х - начале 40-х гг. УП века, говорится о столкновении проникших в Азербайджан йеменцев с тюрками.

Арабский автор IX века Абу Мохаммед Абдул ибн Хишам сообщает, что омейядский халиф Муавийе I (661-680), задумавший новый поход в Азербайджан, желает получить подробную информацию об этой стране у своего советника аль-Джурхуми. Как пишет Ибн Хишам, на вопрос халифа: «какие у вас беспокойства и воспоминания в связи с Азербайджаном?» аль-Джурхуми отвечает: «Это земля тюрков. Они, скопившись там, смешались друг с другом и усовершенствовались»²³.

²¹ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 125.

²² *Насибов Ю.* Этапы консолидации и формирования азербайджанского народа. С. 35.

²³ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 189.

В течение VII-VIII вв., в период господства на территории современного Азербайджана сначала Хазарского каганата, а затем арабов приток новых компактных групп тюрков принял еще более интенсивный характер. В период арабо-хазарских войн VII-VIII вв. арабы вывели из территории каганата десятки тысяч хазар, значительная часть которых поселилась на азербайджанских землях. Например, только арабским полководцем Марваном на территорию Арана было переселено около 40 тыс. хазар, принявших ислам. В IX-X веках процесс переселения тюрков из приграничных с Центральной Азией областей в Южный Азербайджан приняло значительные масштабы.

Кроме того, этот период характеризуется решающей ролью тюркской гвардии и тюркских по происхождению военачальников в армии Аббасидов. По некоторым данным, число тюркских воинов гвардии халифа в IX-X веках составляло около 20 тыс. человек, соответственно – с семьями воинов – от 70 до 100 тыс. человек²⁴. Все эти факты свидетельствуют о том, что исламизация страны не прервалось, а наоборот, еще больше усилило тюркское присутствие в регионе.

В этот период тюркский этнический пласт активно взаимодействовал не только с разрозненными в этнокультурном плане кавказскими племенами, но и с этнически «устоявшимися» иранским и арабским напластованиями. И по мере возрастания плотности тюркского населения усиливался процесс ассимиляции представителей этих этнических единиц, к тому времени в значительной степени усвоивших тюркский язык. Именно это компактно расселенное местное тюркское население, а не пришлые кочевые тюркские племена, мигрировавшие в Азербайджан в начале второго тысячелетия нашей эры, впоследствии составили основу азербайджанского этноса.

С массовым же притоком огузских племен в XI-XII вв. процесс тюркизации этнического состава населения вступил в заключительную стадию. Эффективность процесса тюркизации в этот период объясняется тем фактом, что огузы во многих регионах Передней Азии, в том числе в Азербайджане, столкнулись с довольно компактным местным тюркским населением. А этническая близость пришедших в XI

²⁴ *Асадов Ф.М.* Социальное положение тюркских гвардейцев в халифате Аббасидов в IX-X вв. // Средневековый Восток. Баку, 1993. С. 57.

веке огузов к тюркам гуннского происхождения (от булгар III-IV вв. до хазар VIII-X вв.), ставших уже коренным населением Азербайджана, подтверждается многочисленными историческими фактами²⁵. Именно это обстоятельство способствовало как усилению монопольного положения тюркского языка, так и ассимиляции значительной части присутствовавших здесь нетюркских элементов.

Еще одним важнейшим последствием притока огузских племен в XI-XII вв. стало то, что с их массовым проникновением в регион население южной и северной части Азербайджана в этническом плане стало однородным. Таким образом, точка зрения, согласно которой процесс тюркизации Азербайджана начался после нашествия огузских племен и освоения ими территории края в XI-XII вв., не учитывает, что массовое переселение огузов в Азербайджан началось задолго до прихода сельджуков. Что же касается сельджукских завоеваний, то они лишь усилили этот процесс и довели его до логического завершения²⁶.

С сожалением приходится констатировать, что и в наши дни «концепция», отрицающая тюркское происхождение современных азербайджанцев, имеет широкое хождение в некоторых политических и научных кругах соседних с Азербайджаном государств. В нынешних условиях она используется в несколько иных целях, в частности, для отрицания права азербайджанских тюрков на создание собственной государственности. В этом отношении особенно усердствуют близкие к иранским властям некоторые политические силы в соседнем Иране, которые считают территорию Азербайджанской Республики временно потерянными историческими областями Ирана.

Завоевание арабами Азербайджана в VII-VIII вв., сопровождаемое распространением ислама и превращением основной части населения в верующих мусульман, явилось поворотным пунктом в исторических судьбах азербайджанского этноса. И дело не только в том, что первые столетия исламизации страны совпали по времени с превращением тюркских элементов в доминирующий фактор этнического ландшафта Азербайджана.

²⁵ *Насибов Ю.* Этапы консолидации и формирования азербайджанского народа. С. 38.

²⁶ *Исмаилов Э.* Очерки по истории Азербайджана, С. 46.

Исламизация населения Азербайджана и его нахождение в рамках единого государства, простирающего от Испании до Центральной Азии, создали важные предпосылки не только для экономического развития - расцвета городов, ремесла и торговли, но и для духовно-культурного и интеллектуального подъема. Именно эти предпосылки способствовали тому, что в IX-XII вв. мусульманский Восток оказался в авангарде мировой цивилизации, оставив далеко позади по уровню социально-экономического и научно-культурного развития Европу.

При этом, как подчеркивает известный исследователь А. Бенигсен, наиболее северные мусульманские регионы - Кавказ, Поволжье и Средняя Азия отнюдь не являлись отдаленными и оторванными провинциями исламского мира. Скорее, наоборот, эти регионы были сердцем исламского мира, поскольку именно здесь сформировались и развивались тюркские и персидские культурные центры, наиболее выдающиеся в истории исламской цивилизации²⁷.

Этот могущественный, процветающий, ослепительный и огромный исламский мир, заново открывший Аристотеля и астрономию, придумавший алгебру, представлял собой единое целое. Никакие политические, расовые или языковые барьеры его не разделяли. Туркестанец Ибн Сина, например, был как у себя дома в Каире и Медине, а гренадский араб Абу Хамид аль-Гарнати не чувствовал себя на чужбине на берегах Волги.

Этот был период расцвета науки и искусства на всем мусульманском Востоке, толчком которому послужил перевод на арабский язык научных и философских трудов Архимеда, Птолемея, Платона, Аристотеля и других античных авторов по философии, математике, астрономии, индийских и греческих медицинских трактатов. Рецепция античности, охватившая огромную территорию от Бухары и Самарканда до Севильи и Кордовы, способствовала созданию новых культурных ценностей в арабо-мусульманском мире. Неслучайно, что этот период в истории Востока называется «мусульманским ренессансом».

В этом смысле принятие населением Азербайджана мусульманской религии означало также приобщение к формирующемуся ис-

²⁷ *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. Париж, 1983, С. 14-15.

ламскому миру, к знакомству с творчеством наиболее выдающихся представителей раннего периода его развития. Неслучайно, что в этот период Азербайджан был охвачен процессом духовного обновления. Так, распространение ислама в Азербайджане ознаменовалось массовым сооружением по всей стране мечетей, которые были центрами распространения не только сугубо религиозных идей, но и научных знаний, культуры. При мечетях действовали учебные центры – медресе, в которых дети получали образование. В азербайджанских городах Гяндже, Мараге, Тебризе, Ардебиле, Шамахе, Дербенте функционировало большое количество медресе, прославившихся на всем Востоке. Причем, в медресе дети, кроме усвоения Корана и грамматики арабского языка, получали знания в области географии, истории, математики, литературы и риторики.

Мы далеки от мысли идеализировать влияние исламизации на социально-экономическое и культурное развитие Азербайджана. Поэтому считаем, что отмечая положительные моменты исламизации Азербайджана, нельзя игнорировать и ее негативные последствия, которые особенно проявили себя в языковой сфере. Например, в функционировавших на территории Азербайджана школах-медресе дети обучались исключительно на арабском, а начиная с X века и на персидском языках²⁸. Неслучайно, что в течение столетий арабский и персидский языки выполняли функцию «литературных языков ислама».

Хотя в факте господства арабского и персидского языков в исламском мире нет ничего экстраординарного, поскольку примерно аналогичные функции в средние века в Европе выполняли классические языки - латынь и древнегреческий, которые являлись литературными языками европейских христиан. В период средневековья школьное обучение в Европе велось на латыни и древнегреческом языки, которые являлись основными средствами хранения и передачи научных знаний. Лишь в XVI веке, благодаря требованиям идеологов Реформации о предоставлении верующим возможности молиться и читать священные книги на своем родном языке, началось массовое распространение письменности на национальных языках

²⁸ История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века. Баку, 1995. С. 206-207.

европейских народов. Но и после этого в области образования продолжали безраздельно господствовать латинский и древнегреческий языки. Впервые выдвинутая в начале XVIII века концепция школьного обучения на национальных языках (французском, итальянском, английском, испанском) была признана и получила широкое практическое применение лишь в XIX веке.

К сожалению, судьба национальных языков на Востоке оказалась еще более удручающей. Это было обусловлено тем, что первые зачатки ренессансной культуры в исламском мире, возникшие еще в X - XII веках, не получили дальнейшего развития и не перешли непосредственно в культуру нового времени, как это было в большинстве стран Европы. В Азербайджане, как и в других странах мусульманского Востока, «контрреформация» и феодальная реакция пресекли ренессансные процессы.

Поэтому, если эпоха Возрождения и движение Реформации стали мощным стимулом процессов развития национальных языков европейских народов, то в мусульманском мире аналогичные процессы опоздали на несколько столетий. Идеи реформации ислама возникли лишь в XIX веке, когда становилось все более очевидным и угрожающим отставание ислама от других мировых религий, и в первую очередь, от христианства. Неудивительно, что и первые светские школы на национальных языках мусульманских народов, в том числе на азербайджанском языке, появились лишь в конце XIX века.

Учитывая эти обстоятельства, вполне естественно, что в период средневековья в Азербайджане, как и на всем мусульманском Востоке, арабский язык функционировал как язык Корана, религиозно-канонических (право, философия, теология) и ряда естественнонаучных дисциплин (медицина, математика, астрономия, химия). Персидский же язык широко применялся в художественной литературе, гуманитарных науках, а также в официальной и деловой переписке.

В этой связи азербайджанский историк, профессор Эльдар Исмаилов задается резонным вопросом: почему, несмотря на достаточно широкий ареал распространения уже в начале второго тысячелетия тюркского элемента, тюркский язык не был столь популярен на Востоке, как арабский и персидский? Э. Исмаилов предлагает искать раз-

гадку в степени распространения ислама на Востоке среди разных народов. По мнению автора, официальными языками могли стать лишь языки народов, раньше других принявших мусульманскую веру. Между тем, распространение ислама среди тюрков происходило намного медленнее, чем среди персов, не говоря уже об арабах. Следовательно, персы намного раньше тюрков получили возможность использовать в качестве алфавита арабскую вязь. А образованными могли считаться лишь люди, исповедующие ислам и использующие в письменности алфавит, на котором написана священная книга мусульман - Коран.

Тюрки медленно, поэтапно и неодинаковыми по численности группами значительно позже, чем арабы и персы, переходили в ислам. Тюрки-огузы, составляющие основу азербайджанского этноса, приняли в своей массе ислам лишь в XI веке. И по этой причине, тюркская письменность на основе арабской графики возникла значительно позже, и этим можно объяснить позднее появление письменных произведений на тюркском языке. При этом Э. Исмаилов справедливо отмечает, что это вовсе не отрицает факта формирования тюркского языка как одного из наиболее распространенных языков общения на Востоке, как минимум в конце первого - начале второго тысячелетия н.э.²⁹

Как бы то ни было, элитарный характер образования и функционирование учебных заведений исключительно на арабском и персидском языках привели к широкому распространению этих языков среди образованных слоев тюркского населения Азербайджана. Ведь в школе они приобретали навыки письменной речи не на родном, а на арабском и персидском языках. Это препятствовало полноценному функционированию тюркского языка в сфере литературы и науки. В подобных условиях вполне естественно, что долгое время ученые, поэты и летописцы тюркского происхождения создавали свои произведения на персидском и арабском языках. В частности, знаменитые азербайджанские поэты XI-XII вв., обогатившие своими произведениями сокровищницу мировой литературы, в том числе, Низами Гянджеви, Гатран Тебризи, Мехсети Гянджеви, Хагани Ширвани и другие вынуждены были писать и творить на персидском языке.

²⁹ Исмаилов Э. Очерки истории Азербайджана, С. 66.

Однако доминирование арабского и персидского языков в общественно-политической и культурной жизни страны, хотя и существенно замедлило, но не смогло приостановить процесс становления литературного азербайджанского языка. Подтверждением тому является появление в конце XIII - начале XIV вв. первых письменных произведений на азербайджанском языке, дошедших до наших дней, - двух газелей поэта Иззадина Гасаноглу.

Монгольский период в истории Азербайджана, длившийся около полутора столетий, начиная с 20-х гг. XII века, еще больше укрепил позиции тюркских племен на территории Азербайджана. Ведь как свидетельствуют источники, большинство осевших в этот период на азербайджанских землях пришельцев были не монголами, а представителями различных тюркских племен. Среди них находились и представители таких древних огузских племен, как каракоюнлу и аккоюнлу, впоследствии сыгравших особую роль в истории Азербайджана³⁰. Очевидно, что языковая интеграция этих племен с местным населением, значительную часть которого уже к этому времени составляли турки, не представляла больших проблем.

А создание в XV веке представителями одноименных огузских племен на территории Азербайджана государств Каракоюнлу и Аккоюнлу со столицей в Тебризе стало свидетельством окончательного перехода политического господства в стране к тюркским племенам. Значимость данного события состояла в том, что наряду с преобладанием тюркского этноса, он стал играть решающую роль в формировании политической, а вслед за тем и социальных элит. Этим был обусловлен и резкий рост количества литературных произведений на тюркском языке.

Еще одним важнейшим последствием исламизации страны стало превращение религии на долгие века в базисный элемент идентичности тюркского населения Азербайджана. Это исходило из самой сути исламской религии, которая запрещала любое разделение мусульман по национальной и расовой принадлежности, считая их членами единой «уммы» - братства и сообщества мусульман всего мира. Как

³⁰ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 272.

гласит хадис, священное предание, исходящее от пророка Мухаммеда, «на лоне ислама нет национальностей»³¹.

Более того, по исламским канонам разделение мусульман по национальному и расовому признаку считалось большим грехом, равносильным язычеству, с которым ислам вел непримиримую борьбу на протяжении всей своей истории. В арабском языке нация обозначается термином «умма». Поэтому неудивительно, что в учении ислама понятия религия и нация практически тождественны³².

Все это способствовало доминирующему положению конфессиональной характеристики в самосознании представителей всех без исключения мусульманских народов, в том числе азербайджанских турков. На протяжении столетий на Востоке религия была едва ли не главной питательной средой идентичности, основанной на конфессиональном факторе. Лишь в религии человек находил опору для сохранения своей самобытности и индивидуальности³³.

Монополия религии в этой области блокировала развитие других форм, например, политической, этнической, гражданской и гендерной идентичности. Неслучайно, что процесс формирования национальной идентичности у мусульманских народов начался лишь к концу XIX века.

В отличие от многих других религий, в основу ислама с самого момента его возникновения была заложена идея тесной связи религии и государственности. Как отмечал академик В.В. Бартольд, законы, изданные основателем ислама, и впоследствии вошедшие в Священное писание - Коран, во все времена имели обязательную силу для верующих³⁴. Согласно идеологии ислама, в мусульманском государстве не могло быть отдельной законодательной власти и законотворческой деятельности, поскольку все законы были установлены пророком.

³¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 256.

³² Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 5.

³³ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. С. 260-261.

³⁴ Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 413.

Поэтому все государства, возникшие до начала XX века на мусульманском Востоке, имели ярко выраженный теократический характер. В этой связи весьма симптоматично, что основатель Османской империи Осман I Гази (1258-1324), лежа на смертном одре, наставлял своего сына и наследника следующим образом: «Порадуй мою отлетающую душу блистательной чередой побед. Своими руками распространяй религию. Возводи ученость в достоинство, чтобы был утвержден Божественный Закон»³⁵. Таким образом, даже Осман I, человек, превративший одно из турецких племен в турецкий народ и заложивший заряд новой идентичности будущей турецкой нации, призывал своего наследника бороться за распространение господства ислама, не собственного народа.

Впрочем, теократический характер государств, в составе которых, начиная с VII века вплоть до вхождения северных областей Азербайджана в состав Российской империи, находились предки нынешних азербайджанцев, имел для них и положительные последствия. Ведь в подобных государствах лишь благодаря своей конфессиональной идентичности (принадлежности к исламу) человек мог рассчитывать на сохранение и на серьезную защиту своих основных прав. Именно по этой причине, азербайджанских тюрков нельзя рассматривать в качестве угнетенного этноса в большинстве государств, в состав которых они входили в VIII-XIX вв. Существовавшее правовое неравенство подданных этих государств, естественно, имело не этнический, а социальный и религиозный характер.

Исходя из этого, можно смело утверждать, что предки азербайджанских тюрков, используя современную терминологию, относились к представителям титульных этносов этих государств. А в отдельные периоды, как уже выше было отмечено, они занимали лидирующее положение в формировании политических элит этих государств. Азербайджанские тюрки утратили это свое особое положение на Южном Кавказе лишь после присоединения в начале XIX века северной части страны к православной России.

Не следует считать исламскую идентичность монолитной и однородной, поскольку она имела различные формы в зависимости от

³⁵ *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 37.

принадлежности верующих к тем или иным направлениям в исламе. В этом смысле можно выделить два основных типа исламской идентичности – суннитскую и шиитскую. Распространением в период существования Сефевидского государства среди значительной части тюркского населения Азербайджана шиизма предопределило преобладание соответствующей формы исламской идентичности в стране.

Данное обстоятельство, как в целом и образование в начале XVI века Сефевидской державы под руководством одноименной тюркской династии, вопреки утверждениям большинства современных азербайджанских исследователей, оказало неоднозначное влияние на этническое развитие азербайджанских тюрков. Основанное шах Исмаилом I Сефевидское государство охватывало огромную территорию от Амударьи до Евфрата. Оно было одним из могущественных государств на Ближнем Востоке в период позднего средневековья. Опорой Сефевидов являлись проживавшие в Азербайджане и соседних районах Южного Кавказа тюркские племена афшар, кадждар, зулькадар, текелу, устаджлу, шамлу, румлу и караманлу, получившие обобщенное название кызылбашских племен. Все они влились в этнический состав азербайджанских тюрков.

По этой причине правящая элита Сефевидского государства, в особенности в начальный период его существования (до конца 80-х гг. XVI века), состояла в основном из представителей тюркской, а если подходить с позиций сегодняшнего дня, азербайджанской знати. Касаясь роли Азербайджана в образовании Сефевидского государства, известный иранист Б.Н. Заходер писал: «Стоявший на относительно высокой ступени социально-экономического развития Азербайджан составил ядро того обширного государства, которое сложилось в начале XVI века на территории Закавказья и Ирана. Это государство включило в себя множество племен и народностей, но длительное время преобладали в нем азербайджанские феодалы, на военную силу которых опирались первые Сефевиды»³⁶.

Даже наиболее известные иранские исследователи, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к азербайджанским тюркам, признают руководящую роль и господствующее положение тюрков в Се-

³⁶ Заходер Б.Н. Государство Сефевидов // Всемирная история. Т. 4. М., 1959. С. 558.

февидской державе. Так, автор многотомного труда Насрулла Фалсафи следующим образом характеризует шах Исмаила I и основанное им государство: «Шах Исмаил считал себя со стороны отца сеидом, потомком Али и гордился этой родословной... Со стороны же матери он был внуком Гасан бека Туркмана Аккоюнлу (Узун Гасана – А.Б.) и по праву считал себя законным наследником этой династии. Его приверженцы, как это известно из всех историй периода, также были в основном из племен туркманов и татар. Даже после восшествия на трон он презирал иранское происхождение и язык - две главные основы нации. Коренное население Ирана он подчинил и сделал подвластным туркманским по происхождению кызылбашским племенам. В эпоху, когда сладостный персидский язык в Османской империи и Индии был языком политики и благовоспитанности, он сделал тюркский язык официальным языком иранского двора»³⁷.

Этот факт подтверждается многочисленными свидетельствами европейских путешественников. В частности, итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1586-1652), побывавший в Исфахане, стал очевидцем широкого употребления тюркского языка во дворце Сефевидов. Он пишет: «Во дворце я убедился в том, что в Иране больше говорят на тюркском, чем на персидском языке. Действительно, тюркский является языком двора, высокопоставленных лиц». По его свидетельству, даже гуламы, набранные из представителей других народностей, «между собой разговаривают на тюркском, поскольку не владеют персидским. Учения у них проводятся на тюркском языке, и шах большую часть времени бывает среди них. Шаху легче разговаривать с ними по-тюркски. Со временем тюркский язык стал языком двора, глав государства и армии»³⁸.

С аналогичной ситуацией столкнулся и немецкий ученый Энгельберт Кемпфер (1651-1716), находившийся в 1684-1685 гг. в Иране. В своих путевых заметках Кемпфер отмечает, что «тюркский, бывший родным языком Сефевидской династии, является в иранском дворе широко распространенным языком. Тюркский язык распро-

³⁷ Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVII веке. Баку, 1981. С. 36-37.

³⁸ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 403.

странен от дворца до домов высокопоставленных и благородных лиц и в результате получилось так, что каждый, кто желал завоевать уважение шаха, говорил на этом языке. Дело сейчас дошло до того, что для каждого, кто дорожит своей головой, незнание тюркского считается виной. Тюркский самый легкий из языков Востока»³⁹.

В XVI столетии тюркский язык широко применялся и в государственно-дипломатической переписке Сефевидской державы с иностранными, в том числе европейскими государствами. Например, письма Сефевидских правителей османскому Султану Селиму II, английской королеве Елизавете I Тюдор (1533-1603), австрийскому императору Фердинанду II (1619-1639), принцу Саксонии и королю Польши Фридриху Августу (1694-1733) и др. были написаны на тюркском языке.

Сотни таких писем, документов, указов, сохранившихся до наших дней, свидетельствуют о том, что масштабы и сферы применения тюркского языка в Сефевидском государстве были значительно шире, по сравнению с персидским. В этом смысле Сефевидский период стал одним из важнейших этапов довольно длительного процесса, когда возрастание тюркского элемента в истории Персии достигло той стадии зрелости, при которой тюркский язык предъявил свои права на его применение во всех сферах политической и духовной жизни⁴⁰.

Повышение социального статуса и престижа тюркского языка привело к увеличению количества литературных произведений на азербайджанском языке. Это было проявлением резкого скачка в развитии азербайджанского литературного языка. Весомый вклад в развитие азербайджанского литературного языка внес основатель государства Сефевидов Шах Исмаил I, писавший под псевдонимом Хатаи. Шах Исмаил Хатаи не без основания считал «стихи на родном наречии тюркских племен наилучшим орудием пропаганды среди них (тюрков - А.Б.) религиозно-философской школы, основателем которой был он сам»⁴¹.

³⁹ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 403.

⁴⁰ *Исмаилов Э.* Очерки по истории Азербайджана. С. 104.

⁴¹ *Расулзаде М.Э.* Современная литература Азербайджана. Доклад, прочитанный 17 января 1936 г. в Париже // *Расулзаде М.Э.* Сборник произведений и писем. М., 2010. С. 171.

Следствием широкого применения в государственном управлении, армии и духовной жизни Сефевидского государства тюркского языка стало проникновение в этот период в словарный состав персидского языка примерно 1200 лексических единиц тюркского происхождения⁴².

Однако, несмотря на то, что турки являлись государствообразующим этносом в Сефевидской державе и, соответственно, тюркский язык фактически функционировал в качестве государственного языка, влияние данного периода на дальнейшее этническое развитие азербайджанских тюрков было достаточно противоречивым и двойственным. Наряду с вышеупомянутыми положительными моментами, следует отметить и весьма негативные последствия данного периода, которые, в первую очередь, были связаны с объявлением шиизма в Сефевидском государстве государственной религией.

Возникновение шиизма, второго после суннизма крупного течения в исламе, было связано с борьбой за власть в мусульманском мире, возникшей сразу же после смерти Пророка. Главное противоречие между суннитами и шиитами заключается в разных представлениях о том, кому должна принадлежать власть в мусульманской общине. Согласно суннитскому учению, верховная религиозная власть принадлежит самой общине верующих, согласие (теократическое) которой необходимо для воцарения главы общины - халифа. Шииты же считают, что единственно законными наследниками и духовными преемниками пророка Мухаммеда являются двоюродный брат и зять пророка Али ибн Абу Талиб и его потомки. Именно они, по мнению шиитов, и обладают исключительным правом стать халифом.

Учитывая, что победа в борьбе за власть во второй половине VII века сопутствовала суннитам, сторонники шиизма, спасаясь от преследований властей, вынуждены были стекаться на периферию Халифата, в частности, в Иран и Азербайджан. В этом отношении шиизм является исторически гонимым религиозным течением в исламском мире. Правда, несмотря на все эти гонения и преследования, на протяжении всей истории ислама шииты никогда не прекращали борьбу за возвращение власти потомкам Али.

⁴² Doerfer G. Azeri (Adheri) Turkish // Encyclopedia Iranica. London-New York, 1989. P. 146.

Привлекательность шиитского учения для Сефевидов заключалась в том, что оно лучше других течений в исламе было приспособлено для обоснования и оправдания с религиозной точки зрения их притязаний на господство не только в Иране и Азербайджане, но и на всем Ближнем Востоке. Умело используя шиизм для собственных политических целей, Сефевиды вели борьбу под лозунгом возвращения верховной власти «семье Пророка» - потомкам Али.

Основатель Сефевидского государства Шах Исмаил I не переставал подчеркивать, что он «горд своим «происхождением» от Али и Фатимы»⁴³. Это позволяло консолидировать под флагом Сефевидов всех недовольных существующим положением и значительно расширить социальную базу кызылбашского движения. Именно широкое участие простого народа в движении обеспечило его успех и приход Сефевидов к власти.

Безусловно, Сефевиды интересовались шиизмом скорее как знаменем политической борьбы против Аккоюнулу и других суннитских государств, в жестком противостоянии с которыми зарождалось Сефевидское государство, нежели как отвлеченной религиозной доктриной. Кроме того, шиизм был довольно удобным идеологическим инструментом и в борьбе с суннитской Османской империей, с которой Сефевидское государство вело бесконечные войны. Хотя Сефевиды объявляли эти войны борьбой за чистоту ислама, но на самом деле это было лишь прикрытием их притязаний на господство на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом.

Впрочем, широкое распространение в период господства Сефевидов шиизма среди населения Азербайджана оказало неоднозначное воздействие на этническое развитие азербайджанских тюрков, что было обусловлено особенностями шиитской религиозной доктрины. Как в свое время справедливо отмечал выдающийся азербайджанский мыслитель и общественный деятель Ахмед бек Агаоглу, шиизм является национальной религией Ирана. По мнению А. Агаоглу, хотя возникновение шиизма было связано с разногласиями внутри хашимитов, его превращение в реальную политическую силу в исламском мире всецело является заслугой иранцев.

⁴³ *Minorsky V. The Poetry of Shah Isma'il I. BSOAS, vol. X, 1942. P. 1026a.*

Будучи студентом Сорбонны и Коллеж де Франс, А. Агаоглу в начале 90-х гг. XIX века опубликовал в журнале «La Nouvelle Revue» серию статей под названием «La Société persane» («Персидское общество») ⁴⁴. В этих статьях дается скрупулезный анализ различных сторон жизни персидского общества, в том числе раскрывается сущность и исторические корни шиитской религиозной доктрины. А. Агаоглу указывает, что после исламизации Ирана персы с целью сохранения своей идентичности и самобытности, находились в постоянном поиске путей и способов дистанционирования от арабского мира. Именно эти поиски привели к тому, что иранцы стали единственным мусульманским народом, в своей основной массе принявшим шиизм.

Как пишет А. Агаоглу, иранцы, стремясь особо не задевать религиозные чувства своих завоевателей, были в поиске приемлемой фигуры, которая обладала бы родственными связями как с основателем ислама – пророком Мухаммедом, так и Сасанидским наследием Ирана, уничтоженным арабами. Ее они нашли в лице двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда - Али. Тем более что первые три халифа, враждовавшие с Али, были злейшими врагами и персов, поскольку именно при их правлении Иран был завоеван и положен конец Сасанидской империи. В этом контексте Али, как и последний Сасанидский правитель, в представлениях персов были людьми несправедливо пострадавшими от насилия и произвола арабов. И самое главное, второй сын имама Али - имам Хусейн, особо почитаемый шиитами, был женат на дочери последнего Сасанидского царя ⁴⁵.

Опираясь на конкретные исторические факты, А. Агаоглу проводит параллели между шиитским учением и доисламскими верованиями Ирана, и в первую очередь маздакизмом. На основе изучения и анализа огромного количества фактического материала, А. Агаоглу приходит к выводу об идентичности и тождестве многих основных

⁴⁴ Агаоглу А. La Société persane // La Nouvelle Revue. 1891. № 69. P. 376-389; 1891. № 70. P. 792-804; 1891. № 73. P. 523-541; 1892. № 77. P. 534-538; 1892. № 79. P. 278-296; 1893. № 83. P. 509-527; 1893. № 84. P. 792-803.

⁴⁵ Агаоглу А. La Société persane: la religion et les sectes religieuses // La Nouvelle Revue. 1891. № 73. P. 525.

постулатов маздакизма и шиитской доктрины. Это дает ему основные утверждать, что персы приспособили шиизм для выражения своей этнической самобытности.

По мнению А. Агаоглу, в шиизме нашли свое продолжение и дальнейшее развитие многие элементы доисламских верований Ирана, в частности, дуализм маздакизма. Так, одно из основных положений маздакизма, согласно которому царь является «воплощением бога», живет в культе имама Али⁴⁶. Именно этот культ, обожествляющий имама Али, занимает центральное место в шиитском учении и противоречит основным догмам ортодоксального ислама. Ведь в отличие от шиитского имама, являющегося «отражением божественного света», суннитский халиф далек от всяких сакральных свойств⁴⁷.

Благодаря Сефевидам Иран стал единственной исламской страной, где шиизм получил государственный статус, что оказало весьма негативное влияние на этническое развитие азербайджанских тюрков. Они стали единственным тюркским народом, в основной своей массе, принявшим шиизм. В этом смысле распространение Сефевидами шиизма среди азербайджанских тюрков, а также их постоянное противостояние и вражда с другими тюркскими режимами - османцами, узбеками и т.д. объективно способствовали отдалению азербайджанцев от остальных тюркских народов, и наоборот, установлению тесных связей с персами⁴⁸.

Будучи, по словам А. Агаоглу, выражением не сломленного арабскими завоеваниями иранского духа и способом сохранения персами собственной идентичности в огромном мусульманском мире, шиизм стал проводником иранского влияния в азербайджанские массы. И тот факт, что шиизм получил статус официальной религии Ирана именно при правлении этнических тюрков - династии Сефевидов, не меняет суть дела.

⁴⁶ *Shissler A. Holly*. İki imparatorluk arasında. Ahmet Ağaoğlu ve Yeni Türkiye. İstanbul, 2005. S. 135.

⁴⁷ *Аббасов А.* Ислам в современном Азербайджане: образы и реалии // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001. С. 301.

⁴⁸ *Shaffer Brenda*. Sınırlar ve kardeşler. İran ve Azerbaycan kimliği. İstanbul. S. 23.

Причем, негативные последствия принятия шиизма - массовое проникновение под покровом этой религиозной доктрины в азербайджанские массы иранских ценностей и влияния продолжали сказываться и после краха Сефевидского государства. Иранское влияние на азербайджанских тюрков достигло особенно угрожающих масштабов в начале XIX века. В этот период литературным языком азербайджанских тюрков, за редким исключением, являлся персидский язык. Знание персидского языка и персидской литературы считалось признаком культурности и хорошего тона.

Характеризуя ситуацию в начале XIX века, М.Э. Расулзаде отмечал, что «азербайджанцы, не зная о своем тюркском происхождении, считали себя иранцами. Они мыслили как иранцы и вели иранский образ жизни. Азербайджанцы, забывая о своих корнях, теряли многие национальные черты»⁴⁹.

Впрочем, после крушения Сефевидской империи в середине 30-х гг. XVIII века политическая ситуация в стране начала постепенно меняться в благоприятном для этнического развития азербайджанских тюрков направлении. Сменивший на иранском престоле Сефевидов Надир шах Афшар не смог долго продержаться у власти, и был убит в результате дворцового заговора в 1747 году. Тем самым был положен конец существованию империи Надир шаха, что создало реальные возможности для борьбы за создание сугубо азербайджанской государственности. К этому моменту азербайджанский этнос имел довольно широкий ареал расселения, занимая компактной массой все восточное и южное Закавказье, а также северо-западную часть современного Ирана.

После смерти Надир шаха Афшара, в 40-х гг. XVIII века как в южной, так и в северной частях Азербайджана возникли десятки ханств, наиболее влиятельными из которых являлись Урмийское, Шекинское, Губинское и Карабахское ханства. Таким образом, Азербайджану удалось освободиться от иранского господства не в форме единого и целостного государства, а в виде отдельных ханств, что было обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, это было результатом целенаправленной политики шахской власти, которая препятствовала созданию в Азербайджане

⁴⁹ *Расулзаде М.Э.* Сиявшу нашего времени // *Хазар.* 1990. № 1. С. 48.

единого политического центра. С этой целью во времена Сефевидов азербайджанская территория была разделена на различные административные единицы – беглярбекства.

Во-вторых, в Азербайджане не была необходимой экономической базы, способной стать основой для восстановления политического единства страны. В условиях экономического упадка, охватившего страну с конца XVIII века, хозяйственные связи между различными регионами были на довольно низком уровне, и в Азербайджане отсутствовало единое торгово-экономическое пространство.

В-третьих, могущественные соседи Азербайджана, и в первую очередь Иран и Россия, не были заинтересованы в создании вблизи своих границ сильного и централизованного государства. Более того, эти государства всячески пытались еще больше усугубить противоречия между ханствами Азербайджана.

Неудивительно, что отдельные попытки азербайджанских правителей объединить страну, опираясь на внешние силы, оказались безрезультатными. В этом отношении весьма показательным является провал политики Фатали хана Губинского, который в конце XVIII века пытался при поддержке России обеспечить себе доминирующее положение среди ханств северной части Азербайджана. Не увенчалась успехом и активная деятельность Урмийского ханства по объединению южно-азербайджанских земель.

Причем Урмийский и Губинский ханы были не одиноки в стремлении расширить территорию своих владений, поскольку к этому же стремились и все остальные азербайджанские ханы. Все это приводило к столкновению интересов различных ханов и перманентным военным стычкам между ними. Будучи неизбежными спутниками политической раздробленности, подобные войны между ханствами, а также перманентная борьба за власть внутри каждого из этих государственных образований оказывали весьма негативное влияние на этнополитическое развитие и консолидацию азербайджанского этноса, способствуя распылению сил и энергии народа.

Тем не менее, трудно не согласиться с мнением азербайджанского историка Э. Исмаилова, который считает, что ханский период в истории азербайджанского народа сыграл объективно весьма прогрессивную роль. Он обращает внимание на тот факт, что ханства

были расположены на территории проживания преимущественно тюркского населения. Это определило зарождение именно здесь начал сугубо азербайджанской государственности. Быть может, ханы, как, впрочем и население ханств, не осознавали этого в должной степени, но сам факт образования государственных образований с преимущественно однородным этническим составом закладывал основы для перехода от представлений о государствах династических, в которых общность людей определялась принадлежностью большинства к числу единоверцев, к общности по признакам этническим⁵⁰.

К тому же не следует забывать, что путь Азербайджана, как и других стран, переживших эпоху феодальной раздробленности, к политическому объединению состоял из нескольких этапов. Так, распри и междоусобицы, которые велись за расширение территорий ханств, можно рассматривать как первый из этих этапов. Затем должен был последовать качественно новый этап - подчинение более крупными ханствами с помощью военных и политико-дипломатических методов других ханств, переход к единой административной системе и расширение масштабов объединения⁵¹. К сожалению, из-за колониальной экспансии Российской империи в регион в начале XIX века процессы политического объединения страны, которые являются важным фактором этнической консолидации, оказались прерванными. Тем не менее, к тому моменту азербайджанские турки вступили в стадию своего развития, непосредственно предшествующую их оформлению в качестве самобытной нации.

§ 2. Установление российского господства в Азербайджане и его политические, социально-экономические, этнокультурные и демографические последствия

Кавказское направление во внешнеполитическом курсе России было тесно связано, а в геополитическом плане - неотделимо от вос-

⁵⁰ *Исмаилов Э.* Очерки по истории Азербайджана. С. 148.

⁵¹ *История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в.* С. 489.

точного вопроса, который к началу XIX века стал приоритетным направлением мировой политики. Как известно, в широкой трактовке под восточным вопросом подразумевается борьба ведущих европейских государств за доминирование на Среднем и Ближнем Востоке. Катализатором этих процессов стало усиление центробежных тенденций в Османской империи. Если учесть, что все ведущие государства Европы включились в борьбу за предстоящий раздел османских владений, то неудивительно, что в этот период Ближний и Средний Восток, где разворачивались главные события мировой политики того периода, превратились в основную арену соперничества великих держав.

Причем, после поражения наполеоновской Франции в начале XIX века, Великобритания и Россия превратились в ключевых политических игроков в восточном вопросе, каждая из которых преследовала собственные цели в этом регионе. Так, основной смысл восточной политики Великобритании состоял в обеспечении безопасности своего господства в Индии. С этой целью англичане пытались перекрыть для других держав все морские и сухопутные доступы к Индии. В этом контексте особое внимание уделялось усилению английского влияния в Иране и на побережье Персидского залива, которые рассматривались Великобританией в качестве важнейших элементов системы обороны Индии.

Что же касается Российской империи, то интерес правящих кругов этой страны к восточному вопросу был мотивирован, прежде всего, тем, что к началу XIX в. возможности пространственного расширения Российской империи в западном, северном и восточном направлениях практически были исчерпаны. По этой причине в исследуемый период южное направление и стремление к обладанию Центральной Азией и Кавказом стало приоритетным направлением внешней политики Российской империи. Россия в контексте своей восточной политики стремилась сохранить и упрочить свои позиции в Персии, установить гегемонию на Балканах, а при благоприятном развитии событий овладеть проливами Босфор и Дарданеллы.

Как бы то ни было, стремление Российской империи к доминированию на Кавказе привело в первой трети XIX века к продолжительным и кровопролитным русско-османским (1806-1812 гг. и 1828-1829 гг.) и русско-иранским (1804-1813 гг. и 1826-1828 гг.) войнам.

Как и следовало ожидать, находившиеся в глубоком кризисе Османская империя и Иран оказались не в состоянии воспрепятствовать российским экспансионистским планам, и эти войны, в конечном итоге, завершились включением данного региона в состав колониальной империи России.

Факты отчаянного сопротивления российской экспансии со стороны отдельных азербайджанских ханов не оказали существенного влияния на окончательный исход русско-турецких и русско-иранских войн начала XIX века. Наиболее серьезный отпор русским войскам был дан в Эриванском, Гянджинском и Бакинском ханствах.

В частности, во время первой русско-иранской войны 1804-1813 гг. Эриванская крепость так и осталась неприступной для русских войск. Хотя они дважды – в 1804 и 1808 гг. – и пытались ею овладеть, но в обоих случаях длительная осада города русскими войсками не дала желаемого результата, и они вынуждены были отступить⁵². Лишь с третьей попытки, предпринятой уже в ходе второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.), 1 октября 1827 года царским войскам после семидневного штурма удалось установить свой контроль над городом⁵³.

С не менее упорным сопротивлением местного населения русские войска столкнулись при взятии Гянджи. С 3 декабря 1803 г. по 3 января 1804 г. русские войска держали город в плотном кольце окружения, подвергая его систематическому и массированному артобстрелу. В этой связи командующий русскими войсками генерал П. Цицианов в донесении Александру I отмечал, что «целый месяц держали мы крепость в самой крепкой осаде. У осажденных не было ни воды, ни дров. Пять раз требовал сдачу города; угрожал, убеждал, обещал Высочайшим именем премилосердного моего Государя оставить хана владельцем и данником России, но ничто не могло превозмочь упорства и буйства Джавад хана Гянджинского. Кроме штурма, мне ничего не оставалось делать»⁵⁴.

Штурм города начался в ночь со 2 на 3 января 1804 года защитники Гянджи смогли отбить первые две попытки русских взобраться

⁵² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. Военно-учетного архива Главного штаба (далее – ВУА). Д. 4258, Л. 1-41.

⁵³ Там же. Д. 4292, Л. 1-18.

⁵⁴ Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис, 1864. С. 77.

на крепостные стены, но в конечном итоге, русским войскам все же удалось овладеть городом. В бою героически погиб Джавад хан. Русский офицер, участник этой битвы, так описывает последние минуты жизни Джавад хана: «...видя повсеместный успех русских и неизбежность падения крепости, Джавад хан бросился к одной из башен, атакованный майором Лисаневичем, и, сев на пушку, оборонялся отчаянно, пока не был изрублен»⁵⁵.

Примечательно, что Джавад хан в одном из своих писем П. Цицианову отмечал: «Верно, вас рок несчастный завел сюда из Петербурга, и вы испытаете его удар»⁵⁶. Эти слова Джавад хана оказались поистине пророческими, поскольку примерно через год после захвата Гянджи, 8 февраля 1805 года П. Цицианов был убит у крепостных ворот Баку. Это случилось во время церемонии передачи ключей города генералу П. Цицианову, которая происходила на внешней стороне крепости. В тот момент, когда Гусейнгули хан Бакинский в присутствии 200 солдат российского гарнизона подносил ключи генералу, двоюродный брат хана Ибрагим бек сзади выстрелил в П. Цицианова. Одновременно с городских стен был открыт пушечный огонь по русским войскам, а всадники хана с криком бросились на русский гарнизон. Не ожидавшие такого поворота событий, русские войска поспешно отступили от стен Баку⁵⁷.

Безусловно, этот инцидент не предотвратил, а лишь отложил на определенное время захват Баку русскими войсками. Да и в целом все отдельные факты самоотверженности азербайджанских ханов и местного населения не изменили, да и не могли изменить, общий ход событий и предотвратить завоевание страны Российской империей. Ведь не следует забывать, что в тот период Российская империя находилась на вершине своего могущества. Было бы верхом наивности предполагать, что разрозненные силы мелких азербайджанских ханств могли выдержать натиск одной из самых сильных армий мира начала XIX века.

Тем не менее, было бы несправедливо считать эти жертвы, принесенные азербайджанским народом в борьбе с русской экспансией в

⁵⁵ Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис, 1864. С. 77.

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 86.

регионе в первой трети XIX века, бессмысленными, поскольку они были проявлением решимости азербайджанцев по мере своих возможностей сопротивляться чужеземному господству.

Установление российского господства на Южном Кавказе имело весьма трагические последствия для азербайджанцев, т.к. подписанный в 1828 году между Россией и Ираном Туркменчайский мирный договор привел к разделению азербайджанских земель между этими двумя государствами. Так, северо-азербайджанские земли были аннексированы Россией, а южные области Азербайджана вошли в состав Ирана. Это соглашение подвело черту в борьбе Российской империи за обладание Южным Кавказом. Адрианопольский договор, заключенный по итогам русско-османской войны 1828-1829 гг., еще больше укрепил позиции России в регионе, поскольку по его условиям Османская империя отказалась от любых притязаний на южно-кавказские земли.

Таким образом, политическая раздробленность привела к настоящей национальной катастрофе: страна не только попала в колониальную зависимость, но и вдобавок этническая территория азербайджанцев была расчленена между двумя соседними государствами. Это событие имело весьма негативные последствия, поскольку с этого момента этнополитическое развитие двух частей азербайджанского этноса пошло обособленными путями.

Несмотря на явно колониальный характер российской экспансии на Кавказе и определяющую роль силовых методов при завоевании региона Российской империей, многие современные российские исследователи пытаются отрицать этот очевидный факт. По их утверждению, Россия не вела на Кавказе колониальные войны и не подавляла национально-освободительное движение народов региона. Что же касается завоевания Россией Кавказа, то, по мнению таких исследователей, это было, чуть ли не вынужденной мерой, поскольку «дикие» горские племена создавали реальную угрозу для государственной безопасности Российской империи⁵⁸.

При этом они мотивируют свою позицию тем, что действия России в отношении завоеванных территорий, в том числе на Кавказе,

⁵⁸ См.: *Шатохина Л. В.* Кавказская война XIX в. в ресурсах сети Интернет // Вестник Московского Университета. История. 2001, № 1. С. 39-60.

сильно отличались от колониционных методов западноевропейских государств. Но, думается, что в этой ситуации, скорее всего, необходимо говорить не об отсутствии, вообще, каких-либо колониальных устремлений Российской империи в отношении Кавказа, а о наличии определенных специфических особенностей у российского колониализма, который по многим параметрам, действительно, существенно отличается от западноевропейского колониализма.

В первую очередь, кардинально различались стратегические цели колониальной экспансии западноевропейских государств и России. Такие европейские колониальные империи, как Великобритания и Франция, рассматривали свои «заморские» территории, прежде всего, как источник повышения благосостояния собственных граждан, а также один из способов интенсивного развития экономики метрополии. В колониальной политике этих государств военно-стратегический фактор имел подчиненное положение в отношении экономического составляющего. Что же касается проблемы инкорпорации колониальных территорий в цивилизационно-культурное пространство метрополии, то в политике Великобритании и Франции она отодвигалась на второй план, или же вообще не ставилась.

Именно обращая внимание на эти факты, М. Ходарковский отмечает, что «основным и постоянно действующим стимулом экспансии России на Кавказе были геополитические интересы государства, в то время как колониальная политика европейских стран как в Северной и Южной Америке, так и в Азии была продиктована преимущественно экономическими соображениями»⁵⁹.

С уверенностью можно заявить, что для Российской империи не только кавказский, но и польский, крымский, центрально-азиатский, дальневосточный и другие вопросы имели значимость, прежде всего, в контексте обеспечения «безопасности» собственных границ. В колониальной политике Российской империи все остальные, в том числе экономические, соображения имели подчиненное положение в отношении геополитического составляющего.

⁵⁹ Ходарковский М. В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 21.

Возможно, что это было обусловлено исторически сложившимися условиями, в результате которых у России не было заморских территорий, представлявших для метрополии совершенно конкретную экономическую категорию. В результате, колониальная экспансия России олицетворяла как бы тип «континентального империализма».

Не последнюю роль в этом сыграло и географическое положение России. Так получилось, что историческое ядро этнической территории русских находилось в глубине континента и не имело выхода к морям. Отрезанное от прямых контактов с развитыми цивилизациями Запада и Востока, оно имело характер резервации, впадавшей в зависимость от своих соседей. К тому же эта резервация находилась в столь суровых климатических и географических условиях, что неизбежно была обречена на деградацию. Преодоление резервационного характера своей территории было главной целью России на всем протяжении истории.

Поэтому вся российская история последних нескольких столетий — это история постоянно расширяющегося пространства, история устроения все новых и новых границ, пока они не упирались в естественные преграды в виде морей, океанов, гор, или в искусственные — в виде крупных, жизнеспособных государств.

Другой отличительной особенностью российского колониализма являлось распространение и закрепление на завоеванных территориях в качестве доминанты российского типа культуры, сердцевину которого составляло православие. Следовательно, все колониальные народы Российской империи рано или поздно должны были интегрироваться в российскую социокультурную систему.

Отсюда и стратегия сращивания местных политических элит с русским господствующим классом, широко применяемая царской администрацией в своих колониях, в том числе и на Кавказе. Такая модель взаимоотношений с населением завоеванных территорий была не характерна для британского и французского колониализма, хотя и внутри них существовали различные вариации.

Говоря об особенностях колониальной политики России, нельзя не отметить также значительную роль в ней идеологического фактора, что нашло свое отражение даже в центральной мифологеме Российской империи. Согласно этой мифологеме, Россия должна была заме-

нить собой Византийскую империю, стать Третьим и Последним Римом, единственным земным царством православия. Эту миссию Россия самовольно возложила на себя после покорения турками Константинополя в 1453 году. В этом контексте неудивительно, что в течение нескольких столетий захват Стамбула был вожделенной мечтой всех русских царей, поскольку с точки зрения указанной мифологемы завоевание этого города Российской империей должно было стать кульминационным пунктом создания новой Византии.

На основании всего вышесказанного европейский колониализм условно можно характеризовать как экономический, а российский как социокультурный, преследующий цель распространения российского историко-культурного типа на все пространство империи. Другими словами, если для Европы были важны материальные блага, то для России - земля, а точнее говоря, пространство, как способ расширения этнического ареала русских путем этнокультурных ассимилятивных процессов.

Исходя из этого, Российская империя никогда не терпела существования на своей территории инокультурных и иноконфессиональных анклавов, стремясь добиться их по возможности быстрой интеграции в российское цивилизационно-культурное пространство.

Суть этой политики достаточно четко выразил один из архиереев Русской православной церкви, который в своем выступлении на заседании Государственного Совета в начале XX века открыто провозгласил, что историческая задача России состоит в том, чтобы «обрусить все нерусское, оправославить все неправославное». При этом обрусение понималось «как постепенное, хотя бы на протяжении веков, преодоление разноплеменности и этнических партикуляризов в путях общерусской культуры»⁶⁰.

Учитывая существенные различия между кавказскими народами и русскими в религиозном и культурно-языковом плане, политику обрусения в регионе предполагалось реализовать поэтапно. В частности, на начальном этапе колонизации не ставились задачи культурно-языковой ассимиляции местного населения, хотя и предпринимались отдельные

⁶⁰ *Авалов З.* Письма о национальностях и областях. Национальный вопрос на Кавказе // Русская мысль. 1911. № 12. С. 81.

попытки распространения православия среди кавказских народов. Правда, эти попытки, по большому счету, оказались безрезультатными.

На данном этапе колониальные власти ставили перед собой более локальную задачу - добиться не только в формально-юридическом плане, но и де-факто превращения представителей кавказских народов в подданных империи. Для них отечеством должна была стать Россия, а высшим земным авторитетом - русский самодержец⁶¹. Как подчеркивалось в одном из циркуляров Министерства народного просвещения, «просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским духом и с Россией - составляет задачу величайшей политической важности»⁶². Тем самым царская администрация стремилась сделать их более лояльными в своих поведенческих реакциях и мотивациях по отношению к российским властям и более терпимыми к их новому статусу «подданного Российской империи».

Тем не менее, даже на начальной стадии колонизации края российские власти пытались, опираясь на христианские, преимущественно православные народы, максимально приуменьшить роль и значение мусульманского, в том числе и азербайджанского, этнического фактора. Следует отметить, что подобный план по изменению этнического состава населения на азербайджанских землях за счет переселения сюда представителей христианских народов, прежде всего армян, был разработан в российских правящих кругах еще во времена правления Петра I. А первые шаги в направлении его реализации были предприняты еще в 20-х гг. XVIII века, в ходе каспийского похода русских войск. Правда, тогда не удалось осуществить задуманное, поскольку вскоре после смерти Петра I России пришлось под давлением обстоятельств вывести свои войска из оккупированных прикаспийских областей Азербайджана.

Лишь спустя столетие, после завоевания северной части Азербайджана в начале XIX века, российская верхушка вновь получила

⁶¹ *Зубов А.* Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // *Знамя.* 2000. № 4. С. 147.

⁶² Цит. по: *Малахова Г. Н.* Государственная политика в области образования горских народов во второй половине XIX века // *Северный Кавказ: геополитика, история, культура.* Материалы всероссийской научной конференции. Ч. 2. М.-Ставрополь, 2001. С. 265.

возможность реализации своих планов по изменению этнического состава края. Причем для достижения этой цели считалось приемлемым и оправданным применение любых принудительных методов, в том числе военно-силового характера. Этот фактор и определял сущность колониальной политики России в отношении мусульманских народов Кавказа, включая азербайджанских тюрков.

Безусловно, российское правительство специально не преследовало цели «уничтожения кавказских народов»⁶³. Но, с другой стороны, Россия стремилась любыми методами добиться обеспечения полного повиновения населения Кавказа русскому царю. И любой кавказец, отказавшись подчиниться этому требованию, подлежал уничтожению, или же должен был покинуть пределы Российской империи. Например, в разгар Кавказской войны Николай I приказывал главнокомандующему Кавказским корпусом генерал-адъютанту Е. А. Головину «истреблять все, что будет... противиться»⁶⁴.

В этом отношении Россия применяла на Кавказе классические методы колониальной экспансии со всеми вытекающими отсюда последствиями. И завоевание края сопровождалось кардинальным изменением этнической карты Кавказа в результате массовой депортации и «принудительно-добровольной» миграции десятков тысяч представителей мусульманских народов региона в соседние государства. По данным Р. Гожба, общая численность представителей только северокавказских народов, переселившихся в Османскую империю в ходе «умиротворения» Кавказа Российской империей, составляет от 1,8 млн. до 3,1 млн. чел.⁶⁵

Массовое переселение представителей мусульманских народов Кавказа в Османскую империю и исчезновение с этнической карты мира целых племен были прямым результатом колониальной экспансии России в регионе. Подтверждением заинтересованности царских властей в подобном развитии ситуации является реакция графа Н. И. Евдокимова на озабоченность князя Г. Д. Орбелиани в связи с реальной угрозой поголовного исхода кабардинцев за пределы Российской империи. Н. И. Евдокимов не только не разделял обеспокоенность Г. Д. Ор-

⁶³ Шатохина Л. В. Кавказская война XIX в. в ресурсах сети Интернет, С. 44.

⁶⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6482. Л. 46.

⁶⁵ Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина. 2000. № 1-2. С. 138.

белиани, но даже считал весьма выгодным для интересов Российской империи подобное развитие ситуации. Так, в своем ответном письме он подчеркивал, что «уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот... Не жалейте об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, так от этого ущерба для края не будет... Что же касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это и свершилось, так оно бы кроме удовольствия принесло бы нам еще существенную пользу»⁶⁶.

Аналогичные процессы в этот период происходили и в Азербайджане. Сразу же после завоевания страны русскими войсками началась массовая депортация мусульманского, а значит чуждого в мировоззренческом и конфессиональном отношении населения из Азербайджана в соседние государства.

Только в первые годы нахождения северо-азербайджанских земель в составе Российской империи, в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX века, в основном из Эривани, Нахчывана, Карабаха, Шурагеля, Памбака и Лори в соседние страны было выселено и переселилось около 100 тыс. мусульман - преимущественно азербайджанских тюрков⁶⁷.

Массовая миграция азербайджанцев за пределы Российской империи вполне соответствовала целям царской администрации по форсированной интеграции северо-азербайджанских земель в правовое и социокультурное пространство империи. В этом отношении неудивительно, что русское правительство не только не стремилось удерживать азербайджанцев, а наоборот, само провоцировало их к переселению, создавая невыносимые условия для существования. Тем более что царская администрация на Кавказе полагала, что «магометанское население не может считаться преданным правительству и политически неблагонадежно»⁶⁸.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что значительную часть выселенных и вынужденно переселенных азербайджанцев составляли представители знатных родов. Дело в том, что по условиям Туркменчайского договора на территориях Карабахского, Нахчыван-

⁶⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 207.

⁶⁷ Подсчитано по: Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. I-IV. СПб., 1836.

⁶⁸ *Зубов А.* Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа. С. 147.

ского и Эриванского ханств запрещалось селиться или проживать азербайджанцам, «носившим публичные звания или имеющим некоторое достоинство, каковы суть: ханы, беки и духовные начальники или моллы, кои личным примером, внушениями и тайными связями могут иметь вредное влияние на прежних своих сородичей, бывших в их управлении, или им подвластных»⁶⁹.

Как нетрудно догадаться, фактическая депортация русскими властями в соседние страны представителей тогдашней азербайджанской элиты преследовала цель лишить азербайджанцев политических и духовных руководителей, что, значительно снизив их сопротивляемость колониальной экспансии России, облегчала задачу окончательного вытеснения азербайджанцев из их традиционного ареала расселения. Данное обстоятельство оказывало негативное влияние и на этнополитическую консолидацию азербайджанцев.

Характерно, что эмиграционные настроения среди части азербайджанского населения Южного Кавказа сохранялись вплоть до конца XIX века. Как докладывал царю главноначальствующий на Кавказе С. А. Шереметев, «среди суннитов Тифлиской, Бакинской и Елизаветопольской губерний с 1893 года растет движение за переселение в Турцию»⁷⁰.

Массовый отток азербайджанцев в соседние мусульманские государства в немалой степени был обусловлен и тем, что боевые действия во время русско-иранских и русско-турецких войн, в основном, происходили на азербайджанских землях. И это приводило к немалым жертвам среди мирного населения. В этих условиях многие азербайджанцы вынуждены были мигрировать в соседние страны для обеспечения безопасности своих семей.

Но главной причиной массового переселения азербайджанцев за пределы Российской империи, несомненно, являлась политика царской администрации, рассматривавшей азербайджанцев нежелательными элементами, от которых по возможности необходимо было избавиться. Ведь переселение мусульманского, в том числе и азербайджанского, населения Южного Кавказа на территорию Османской империи и Ира-

⁶⁹ Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891. С. 171.

⁷⁰ *Зубов А.* Политическое будущее Кавказа. С. 143.

на рассматривалось царскими властями как способ избавиться от той части населения, которая могла бы существенно затормозить процесс интеграции данного региона в единое правовое и социокультурное пространство империи, или, как сказано в аутентичном источнике, «установлению российской юрисдикции»⁷¹.

С другой стороны, массовый исход коренных жителей облегчал проблему расселения в регионе переселенцев из числа представителей христианских народов, и в первую очередь армян. Ведь пустых, ничейных и тем более обводненных и плодородных земель на Кавказе практически не было, что значительно затрудняло реализацию переселенческой политики России в регионе. Для расселения христианских колонистов в Закавказье необходимо было сначала освободить эти земли от их законных хозяев. В силу этого земли, заселяемые армянскими колонистами, по большей части принадлежали тем азербайджанским родам, которые предпочли перебраться в соседние государства – Османскую империю и Иран.

Следует отметить, что заселение недавно завоеванных земель представителями христианских народов в государственной политике Российской империи традиционно рассматривалось одним из основных способов упрочения и закрепления в них русской власти. Переселенцы на новых землях, как правило, использовались в качестве живого ограждения и защитного слоя на внешних границах империи, а также служили опорой царской администрации в вопросе «умиротворения» местного населения. Кроме того, согласно доминирующему в то время среди правящих кругов России мнению, включение в состав империи тех или иных территорий лишь тогда считалось завершенным, «когда в землю завоеванных стран падало первое зерно завоевателя»⁷².

В силу этих причин вполне объяснимо, что российское государство не только всемерно поощряло отток мусульманского населения из Кавказа, но и организовывало встречный процесс переселения в пределы края представителей христианских народов. Правящие круги империи рассчитывали на то, что «умножение водворенного христианского соплеменного народа может поставить на рубеж России

⁷¹ *Матвеев В.А.* Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // *Научная мысль Кавказа*. 1999. № 4. С. 36.

⁷² *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 11.

надежный оплот к отражению неприязненных действий сопредельных жителей оной, особенно Турок, Персиян и Горцев»⁷³.

Однако процесс колонизации Южного Кавказа Российской империей имел и свои особенности. В отличие от других завоеванных территорий, в колонизации данного региона ведущую роль сыграли не русские, а армянские переселенцы. И реализацию плана колонизации северо-азербайджанских земель российские власти начали с водворения не русских, а армян. Если учесть, что «армяне издавна пользовались особым расположением русских царей», то нет «ничего удивительного в том, что в поступательном движении на мусульманский Восток царизм рассматривал армян, как естественных союзников»⁷⁴.

Возможно, такое особое расположение к армянам со стороны правящих кругов империи было обусловлено тем, что для осуществления колониальных целей России на Кавказе они по многим параметрам подходили лучше других. Во-первых, с экономической точки зрения переселение армян из Ирана и Османской империи на Южный Кавказ требовало намного меньше средств, чем переселение в регион аналогичного количества русских из центральных губерний Российской империи. Во-вторых, в отличие от русских армяне хорошо были знакомы с ситуацией в регионе и знали все слабые и сильные стороны мусульманских народов Кавказа. В этом отношении они могли стать полезным инструментом в реализации колониальных целей России в регионе. И, наконец, в-третьих, армяне лучше других переселенцев из европейской части империи были приспособлены к климатическим условиям региона.

Только по официальным данным в течение трех лет - с 1828 по 1830 гг. – на территорию Южного Кавказа было переселено свыше 40 тыс. иранских⁷⁵ и 84 тыс. турецких армян⁷⁶. С учетом же неофициально переселившихся армян их численность превышала 200 тыс.

⁷³ Глинка С. Н. Описание переселения армян Аддербиджанских в пределы России. М., 1835. С. 93.

⁷⁴ «Азербайджан». 1918. 25 сентября.

⁷⁵ История армянского народа. С древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980. С. 196.

⁷⁶ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 4. Ч. 2. Тифлис, 1908. С. 453.

чел.⁷⁷, подавляющая часть которых разместилась на территории Северного Азербайджана.

Правда, начиная с 30-х гг. XIX века наряду с армянами на азербайджанских землях появляются и первые русские переселенцы. Однако в количественном отношении русские значительно уступали армянским переселенцам. Так, к 1849 году в Азербайджане было расселено всего 2 109 русских семей⁷⁸.

И в дальнейшем, в течение всего XIX века, темпы переселения армян в Азербайджан намного опережали темпы водворения русских в крае. Не удивительно, что в 1886 году численность русских в Закавказье составляла 140 095 чел., а армян – 965 167 чел.⁷⁹, причем, значительная часть их являлась переселенцами из Ирана и Османской империи.

Примечательно, что царская администрация обосновывала право армян на владение азербайджанскими землями тем, что они вместе с русскими «завоевывали для России Кавказ»⁸⁰, проливая кровь в борьбе с врагами России. Царские власти на Кавказе руководствовались принципом, согласно которому «туземцы, в особенности христианского вероисповедания, добровольно предавшиеся скипетру России, должны были пользоваться полным равноправием»⁸¹.

В этом смысле армяне сами могли считаться завоевателями, так как принимали активное участие не только в покорении Российской империей Кавказа, но и в дальнейшем «умиротворении» региона. Ведь в ходе Кавказской войны значительную часть командных постов в русской армии занимали офицеры армянской национальности⁸².

Это означает, что армяне наравне с русскими осуществляли колонизаторские функции на Южном Кавказе. Более того, в некоторых вопросах колонизации края армяне даже обладали правом вето. Так, занимавший пост министра внутренних дел Российской империи армянин по национальности М. Т. Лорис-Меликов в свое время откльо-

⁷⁷ Шавров Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. СПб., 1911. С. 59.

⁷⁸ «Кавказ». 1850. 15 мая.

⁷⁹ Кавказский календарь на 1894 год. Тифлис, 1893, отд. V, с. 229.

⁸⁰ Погожев В. П. Кавказские очерки. СПб., 1910. С. 128.

⁸¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 263.

⁸² Там же. С. 107.

нил предложение наместника Кавказа, Великого князя Михаила Николаевича относительно заселения Карсской области русскими крестьянами. В результате эта область, в основном, была колонизирована армянами.

Естественно, что подобная ситуация вызывала недовольство наиболее последовательных сторонников русской колонизации Кавказа. Типичным представителем этих кругов являлся Н. Шавров, который с легкой руки некоторых отечественных историков приобрел имидж чуть ли не главного защитника азербайджанских интересов от посягательств армян. В реальной же действительности Н. Шаврова абсолютно не интересовали факты ущемления прав азербайджанских тюрок.

Будучи убежденным сторонником русификации Кавказа, Н. Шавров был возмущен лишь тем, что армяне доминировали во многих отраслях экономики и торговли Кавказа, занимая при этом руководящие должности в гражданских и военных структурах, в системе юриспруденции и образования. Для него было неприемлемым то обстоятельство, что фактически регион оказался в руках у инородцев, в данном случае армян. По этой причине Н. Шавров с ужасом восклицал: «Состав кавказской администрации и чиновничества по сравнению со всей Россией совершенно исключительный: ни по одному ведомству здесь нет, не говоря уже о русской, но хотя бы полурусской власти»⁸³.

Такая власть казалась Н. Шаврову и его единомышленникам уже не просто нерусской, а антирусской. Поэтому он предлагал разобраться с тем, что же царская администрация собирается создать на Кавказе - Россию или Армению. Его особенно возмущало то обстоятельство, что иногда местная администрация, находившаяся под значительным влиянием армян, сама становилась «одним из существеннейших тормозов, задерживающих переселение русских в ту или другую окраину»⁸⁴.

Один из главных идеологов русского национализма в начале XX века М. Меньшиков по этому поводу писал: «Чтобы действительно умиротворять Кавказ и привязать его к России неразрывными цепями,

⁸³ Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. Т. 8. СПб., 1911. С. 65.

⁸⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 10.

нужно базироваться не на преобладании татар, не на засилье армян, не на «жгучих» мечтах грузин, а на численном и культурном превосходстве четвертой народности – русских»⁸⁵.

В этой связи М. Меньшиков с возмущением отмечал, что «полустолетняя война на «погибельном Кавказе» отняла у России столько сил, что их хватило бы на завоевание Китая, но, овладев Кавказом, мы предоставили его менее всего русской колонизации и более всего – армянской»⁸⁶. Поэтому он считал русских «самыми нелепыми на свете завоевателями»⁸⁷.

Судя по всему, армянский фактор действительно сыграл не последнюю роль в том, что русские крестьяне-колонисты так и не смогли в массовом порядке осесть на Южном Кавказе, поскольку они инстинктивно ощущали двусмысленность и неопределенность государственной политики в регионе.

Таким образом, армяне, которых петербургское правительство первоначально намеревалось использовать в качестве противовеса «мусульманской опасности» в регионе, превратились в серьезное препятствие на пути русской колонизации края. Более того, армянское население прониклось сознанием своей национальной исключительности, что уже представляло реальную угрозу для позиций русских на Южном Кавказе.

Для русских на Южном Кавказе складывалась ситуация, абсолютно неприемлемая с точки зрения конечных целей колониальной экспансии, поскольку происходила не русификация, а арменизация края. В результате проводимая царской администрацией политика способствовала «не к слиянию, а к обособлению края от России»⁸⁸.

Многие влиятельные лица в центральном правительстве воспринимали политический и экономический вес, набранный армянскими элитами на Южном Кавказе, как угрозу для государственных интересов. Тем не менее, в Петербурге в течение длительного периода предпочитали воздержаться от резких шагов для изменения этой неприем-

⁸⁵ Меньшиков М. Национальная империя. М., 2004. С. 466.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

лемой для центрального правительства ситуации. Перелом в этом вопросе наступил лишь с воцарением Александра III (1881-1894), когда кавказская политика центра стала приобретать новые черты.

При Александре III были кардинально пересмотрены основные принципы колониальной политики Российской империи на Южном Кавказе. Правительство взяло курс на форсирование процесса ликвидации барьеров между регионом и внутренними губерниями империи, изменение системы управления и юрисдикции Южного Кавказа с одновременным усилением интегрирующей роли централизованного правительства. При этом конечной целью российской автократии являлась ускорение темпов русификации региона.

Одним из серьезных препятствий на пути достижения этой цели была главенствующая роль армянской элиты в местных учреждениях, а также в социально-экономической жизни Южного Кавказа. Чтобы подорвать позиции армян в регионе, уже в 1882 году Александр III дал распоряжение своему министру внутренних дел принять решительные меры противодействия армянскому влиянию на Южном Кавказе. В частности, правительство сняло со своих постов практически всех армян в верхних эшелонах государственного управления.

Именно с середины 80-х гг. XIX века начался процесс расселения русских переселенцев на Мугани. В 1887 году по инициативе главноначальствующего на Кавказе кн. А.М. Дондукова-Корсакова на развалинах уездного города Джеват возникло первое русское селение на Мугани - Петропавловка, жителям которого было передано примерно 5 500 десятин земли⁸⁹.

Русская колонизация Мугани приобрела еще более организованный и масштабный характер при кн. Г. С. Голицыне, который с 1896 по 1905 гг. занимал пост главноначальствующего на Кавказе. При его активном содействии за относительно короткий период количество русских поселений только на Мугани было доведено до 26⁹⁰. А в апреле 1899 года Комитет министров принял закон, согласно которому передача свободных государственных земель разрешалось только кре-

⁸⁹ *Шавров Н.* Новая угроза русскому делу в Закавказье. С. 34.

⁹⁰ Там же. С. 38.

стьянам «коренного русского происхождения». Эта мера была направлена на ускорение колонизации края русскими поселенцами⁹¹.

Впоследствии царская администрация вынашивала еще более масштабные планы по увеличению численности русских на азербайджанских землях. В августе 1910 года елизаветпольский губернатор обратился с ходатайством к министру сельского хозяйства направить еще 120 000 поселенцев в его провинцию. Эта мера по своему значению выходила далеко за рамки сельскохозяйственного освоения региона и в случае реализации могла привести к существенному изменению этнического состава населения данной губернии, которое составляло всего 1,2 млн. чел.

Это обстоятельство нисколько не смущало елизаветпольского губернатора. Наоборот, он вполне откровенно писал о целях своего предложения: «В будущем, насколько это позволяет обстоятельства, надо создавать, по возможности, крепкие переселенческие участки, возможно в ближайшем друг от друга расстоянии, причем личный состав переселенцев должен быть однороден, по месту своего происхождения, религии и духу, состоять обязательно из хлеборобов, огородников и скотоводов, но отнюдь не из горожан или лиц, много лет проживших в городах, из людей крепких физически и духовно, способных бороться не только с дикой природой, но и с полудиким окружающим населением. При таких только условиях переселение окажется не только культурным делом для всего окружающего, но и государственным делом, в смысле создания прочных связей с внутренними губерниями»⁹².

Елизаветпольский губернатор в другом своем докладе рекомендовал министру внутренних дел располагать деревни русских колонистов между «татарскими (азербайджанскими – А.Б.)» селениями, чтобы те показывали пример «варварам», ослабляли их религиозный фанатизм и развивали в них патриотические чувства⁹³.

Таким образом, под благовидным предлогом распространения цивилизации среди мусульман, царское правительство стремилось

⁹¹ РГИА. Ф. 396. Оп. 5. Д. 719. Л. 19.

⁹² Там же. Л. 3.

⁹³ *Баберовски Йорг*. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 71.

использовать русских переселенцев для укрепления своих стратегических позиций в регионе. Однако, несмотря на некоторое увеличение численности русских колонистов к началу XX века, в целом, ключевая роль в переселенческой политике центрального правительства на Южном Кавказе в течение практически всего XIX века принадлежала турецким и персидским армянам.

Это обстоятельство имело катастрофические последствия для этнополитического развития азербайджанских тюрков. Дело в том, что массовое переселение армян на северо-азербайджанские земли создало реальную опасность для сохранения единства той части этнической территории азербайджанцев, которая оказалась в составе Российской империи.

Действуя по заранее отработанному сценарию и пользуясь покровительством царской администрации, армяне добились немалых успехов в колонизации исконно азербайджанских земель. Так, уже к концу XIX в. армяне добились кардинальных этнодемографических изменений в свою пользу в западной части ареала расселения азербайджанцев, который, в основном, охватывал территорию бывшего Эриванского ханства. Во многих районах Эриванского ханства азербайджанцы превратились в этническое меньшинство. А определенная часть западного ареала этнической территории азербайджанцев, вообще, подверглась полной арменизации.

Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что армянские переселенцы расселялись преимущественно на территории Эриванского, Нахчыванского и Карабахского ханств. Тем самым царская администрация сознательно способствовала созданию армянского этнического клина между территориями Турции и Азербайджана и воспрепятствованию возможным интеграционным процессам между этими тюркскими народами в будущем.

Расчленение однородной в языково-этническом отношении территории путем расселения армян привело к географическому разрыву между отдельными территориальными группами азербайджанских тюрков. А это, в свою очередь, оказало весьма негативное воздействие на процесс дальнейшей этнополитической и культурной консолидации азербайджанского этноса.

Ситуация еще больше усугублялась административно-территориальными реформами, проводимыми царской администрацией без учета этнических особенностей региона. Административная политика была стержнем колониальной стратегии Российской империи в завоеванных странах, поскольку в правительстве не без основания считали, что в плане интеграции завоеванных земель в правовое пространство империи именно административно-судебные преобразования способны принести быстрый и желаемый результат. Поэтому неудивительно, что в процессе колонизации завоеванных территорий правительство бралось, прежде всего, за организацию управления и административного устройства.

Лишая кавказские народы права на сохранение в какой-либо форме собственной государственности, царизм, как правило, уничтожал все бывшие административные единицы, создавая на их месте новые, «часто с совершенно искусственными границами и всегда, где это было возможно, с пестрым этнографическим составом населения»⁹⁴. Последнее обстоятельство значительно облегчало использование принципа «разделяй и властвуй» в достижении колониальных целей России в том или ином регионе. Одновременно уничтожались все прежние виды местного самоуправления, система судопроизводства реформировалась по общероссийскому образцу, местная общественная иерархия приводилась в соответствие с общеимперскими стандартами.

В этом отношении не составлял исключения и Южный Кавказ, где цель всех административных реформ состояла в упрочении «спаянности» региона с империей. Например, вслед за манифестом Павла I от 18 января 1801 года о добровольном присоединении Грузии к России 12 сентября того же года пришедший к власти Александр I издал «Манифест к грузинскому народу»⁹⁵. Приложения к «Манифесту» предусматривали преобразование внутреннего управления в Грузии и введение в ней системы управления, хотя и не идентичной, но весьма схожей с внутренними губерниями Российской империи. Это стало возможным благодаря давним связям Грузии с Россией, а также культурно-религиозной близостью двух народов.

⁹⁴ Худадов В. И. Закавказье. Историко-экономический очерк. М.-Л., 1926. С. 45.

⁹⁵ История России XIX – начала XX века. М., 1998. С. 187.

Правда, в отношении Азербайджана царскому правительству пришлось несколько отступить от традиционного в таких случаях сценария административных преобразований, что было продиктовано серьезными ментальными и религиозно-культурными различиями между азербайджанскими тюрками и русскими. По этой причине христианская по своей сути российская власть «внутренне была чужда мусульманам»⁹⁶. В этих условиях требовался определенный переходный этап для подготовки азербайджанского населения к восприятию общеимперских начал управления.

Несмотря на то, что первым шагом царской администрации после завершения процесса аннексии северо-азербайджанских земель стало уничтожение всех ранее существовавших на территории страны государственных формирований - ханств, с внедрением общероссийских начал управления в регионе все же пришлось несколько по-временить.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, преобразования в административной и правовой сфере, проводимые царским правительством в регионе, предусматривали постепенное и поэтапное включение северо-азербайджанских земель в административно-правовое пространство Российской империи. Другими словами, полной правовой унификации должен был предшествовать определенный этап адаптации азербайджанских тюрков к новым политическим реалиям.

Это означало, что путем временного сохранения в силе действия местных обычаев, основных принципов шариата и, по возможности, отдельных элементов прежней административной системы царское правительство пыталось подготовить местное население «к замене этих обычаев правильным законодательством»⁹⁷.

Начальное имперское административно-территориальное деление азербайджанских территорий, установленное в процессе завоевания края Российской империей, несло в себе также значительные признаки преемственности в отношении прежних границ. В частности, ханства

⁹⁶ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. М., 1969. С. 211.

⁹⁷ Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1994, С. 270.

«трансформировались» в провинции или округа, вписываясь в уже существующие политические границы. Всего на территории Северного Азербайджана было образовано девять провинций – Бакинская, Губинская, Дербендская, Ширванская, Шекинская, Карабахская, Талышская, Эриванская и Нахчыванская, а также Елизаветпольский (Гянджинский) округ, границы которых совпадали с границами бывших одноименных ханств. Кроме того, были созданы Джаро-Белоканская область и две дистанции: Газахская и Шамшадильская.

Созданные в результате этих административных преобразований на азербайджанских землях провинции управлялись комендантами, которые назначались главнокомандующим на Кавказе из числа офицеров русской армии. По этой причине данное административное устройство получило название военно-комендантского управления. Провинции, как и бывшие ханства, делились на магалы, во главе которых стояли магальные наибы, назначаемые из числа представителей местной знати.

Характеризуя данную систему управления, граф И. И. Воронцов-Дашков отмечал, что она была «основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам»⁹⁸.

Комендантское управление фактически сохранило без изменений ханскую административно-судебную систему, лишь заменив ханов комендантами - офицерами русской армии. Внутренняя же администрация и суды провинций, а также магальные управления назначались из представителей местного населения. Под жестким контролем царской администрации продолжали функционировать и шариатские суды.

Комендантская система управления имела адаптивный характер, поскольку рассматривалась в качестве временного звена на пути полного перехода азербайджанских провинций к общероссийской системе управления.

Одним из главных негативных последствий первого этапа административных преобразований, осуществляемых царскими властями в регионе, стало создание внутри этнической территории азербай-

⁹⁸ *Воронцов-Дашков И. И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. С. 4.

джанцев армянского анклава – т. н. «Армянской области». Она была создана по «Высочайшему указу» от 21 марта 1828 года на территории упраздненных Эриванского и Нахчыванского ханств⁹⁹.

В момент создания этой административной единицы в ней проживало 107224 чел., из них 74260 азербайджанцев (69,3% от общей численности населения), 7489 курдов (7,0%), 324 йезида (0,3%) и 25151 армянин (23,4%)⁴³. Но уже к концу 1832 года удельный вес армян в общей численности населения этого административного образования вырос до 50,1%, а доля азербайджанцев, наоборот, снизилась до 45,2%¹⁰⁰.

Система комендантского управления «носила характер временного и как бы оккупационного правления в чужих землях»¹⁰¹, что, по мнению царских чиновников, могло породить у местного населения «сомнения относительно прочности» позиций России в регионе¹⁰². Это обстоятельство подтолкнуло представителей царской администрации к активному поиску путей форсированной инкорпорации региона в административно-правовое пространство России.

Впервые с инициативой отмены комендантского управления в 1830 году выступил И. Ф. Паскевич, считая его «странной смесью русского образа правления с грузинским и мусульманским». Поэтому он предлагал введение во всех кавказских провинциях общероссийской системы управления¹⁰³.

И. Ф. Паскевич имел немало сторонников по данному вопросу в правящих кругах Российской империи, заинтересованных в форсированной интеграции региона в общеимперскую систему. Но им противостояла не менее мощная группировка, представители которой считали преждевременной отмену комендантского управления в регионе. Они и заблокировали подготовленный в 1831 году сенатором Е. И. Мечниковым специальный проект «О преобразовании системы

⁹⁹ Вердиева Х., Гусейн-заде Р. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003. С. 36.

¹⁰⁰ Данные об армянском населении в России // Известия Кавказского отделения Русского географического общества (ИКОРГО). Т. VII. Тифлис, 1882-1883. С. 92-93.

¹⁰¹ Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. С. 209.

¹⁰² Всеподданнейший рапорт графа Паскевича от 24 апреля 1830 года // Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т. VII. Тифлис, 1878. № 47. Л. 4.

¹⁰³ Там же.

управления в Закавказье и колонизации края»¹⁰⁴, предусматривавший внедрение в регионе унифицированной для центральных губерний империи системы управления.

Ожесточенное противостояние в правящих кругах Российской империи между сторонниками и противниками внедрения на Южном Кавказе общероссийской системы управления продолжалось в течение целого десятилетия. Оно завершилось лишь в начале 1840 года, когда в своем «Высочайшем повелении» генералу Головину Николай I высказался за внедрение на Южном Кавказе «твердого гражданского управления, основанного на общих началах управления внутренних губерний», чтобы население региона почувствовало свою «принадлежность к составу обширного царства русских»¹⁰⁵. А 10 апреля 1840 года окончательно был утвержден российским императором Закон об административных преобразованиях на Южном Кавказе.

Этот закон, вступивший в силу с 1 января 1841 года, предусматривал отмену комендантского управления и введение в регионе характерной для центральных губерний России трехзвенной системы административно-территориального управления: 1. Верховное; 2. Губернское (областное); 3. Уездное и участковое.

На основании нового закона на территории Южного Кавказа были созданы две административные единицы: Грузино-Имеретинская губерния с административным центром в городе Тифлисе и Каспийская область, обладающая «особым военно-окружным управлением» с центром в городе Шемаха¹⁰⁶.

При этом северо-азербайджанские земли оказались в составе, как Каспийской области, так и Грузино-Имеретинской губернии. В частности, бывшие Ширванская, Карабахская, Шекинская, Талышская, Бакинская, Дербентская и Губинская провинции вошли в состав Каспийской области, а Елизаветпольский (Гянджинский) уезд вместе с

¹⁰⁴ Колониальная политика русского царизма в Азербайджане в 20-60-х годах XIX в. Часть I. Феодалные отношения и колониальный режим. 1827-1843 гг. М.-Л., 1936. С. 230-232.

¹⁰⁵ Высочайшее повеление генералу Головину от 21 марта 1840 года // АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. Л. 24.

¹⁰⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее - ПСЗ-II). Т. 15. СПб., 1841. № 13368. П. 1-2.

Газахской, Шамшадильской и Борчалинской дистанциями, а также бывшие Нахчыванская и Эриванская провинции были включены в состав Грузино-Имеретинской губернии¹⁰⁷.

Согласно новому закону губернские и областные учреждения, а также городские и уездные управления Южного Кавказа организовывались «по примеру внутренних губерний России»¹⁰⁸. А верховное управление Южным Кавказом сосредоточивалось в руках главноуправляющего краем, назначение и увольнение которого осуществлялось императором. Главноуправляющий обладал полномочиями генерал-губернаторов внутренних губерний Российской империи. Решения главноуправляющего были обязательными для исполнения всеми гражданскими и военными лицами¹⁰⁹.

Закон от 10 апреля 1840 года кардинально изменил также судебную систему в северо-азербайджанских землях. Судопроизводство перешло в ведение губернского (областного) и уездных судов, которые в своей деятельности руководствовались общеимперскими законами с незначительным учетом «местных особенностей». Тем самым, действие «мусульманских законов» было приостановлено. В ведении шариатских судов остались только бракоразводные процессы и дела о разделе наследства¹¹⁰.

Указанная административно-судебная реформа полностью игнорировала социально-правовые и культурно-этнические особенности местного населения. К тому же ее реализация привела к окончательному изгнанию азербайджанского языка из официальных учреждений, поскольку делопроизводство во всех органах управления и судах стало вестись исключительно на русском языке. Поэтому во властных структурах в срочном порядке начали заменять служащих-азербайджанцев русскими чиновниками, не знавшими ни языка, ни традиций местного населения.

Насаждение общероссийских законов, администрации, финансовой системы, русского чиновничества, несомненно, преследовало цель ускорения процесса колониального освоения края. В силу этого

¹⁰⁷ ПСЗ-II. Т. 15. СПб., 1841. № 13368. П. 3-6.

¹⁰⁸ Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. С. 24.

¹⁰⁹ ПСЗ-II. Т. 15. № 13368. П. 14-17.

¹¹⁰ Там же. П. 249-256.

неудивительно, что реформа 1840 г. привела к дальнейшему усилению национально-колониального гнета в Азербайджане.

Впрочем, очень скоро выяснилась неспособность имперского центра эффективно управлять регионом на основе унифицированной системы административного устройства. В этом смысле учреждение 17 декабря 1844 года наместничества на Кавказе с центром в Тифлисе фактически стало признанием колониального статуса региона и необходимости учета местных особенностей со стороны царской администрации¹¹¹.

Наместник Кавказа непосредственно подчинялся царю и владел всей полнотой гражданской и военной власти на Кавказе. В отличие от прежних главноуправляющих на Кавказе наместник освобождался от вмешательства в свою деятельность со стороны отдельных министров. Наместнику были присвоены полномочия министра по отношению ко всем отраслям управления в крае. Проблемы же, превышавшие министерские полномочия, наместник разрешал самостоятельно, предварительно известив об этом императора, к которому он имел право обращаться непосредственно во всех подобных случаях. В чрезвычайных ситуациях он имел право отменить любое постановление губернских и областных администраторов Кавказского края.

Учреждение института наместничества явилось своеобразным компромиссом централизма и регионализма в имперской политике на Кавказе. Безусловно, централизация всей полноты власти на Кавказе в одних руках позволяла более эффективно реализовать колониальную стратегию Российской империи в регионе.

В этой связи неудивительно, что вплоть до свержения самодержавия в феврале 1917 года, наместничество оставалось главной опорой российской колониальной власти на Кавказе. Лишь в период с апреля 1883 года по февраль 1905 года Кавказское наместничество было упразднено. Это было связано с тем, что с воцарением в 1881 году Александра III были в очередной раз пересмотрены основные принципы кавказской политики центра. В Петербурге вновь возобладала концепция ускоренной инкорпорации окраин империи, что привело к усилению русификаторских тенденций в кавказской политике центра.

¹¹¹ См.: ПСЗ-II. Т. 19. СПб., 1844. № 18679.

После упразднения должности наместника и тем самым отмены особого статуса региона, главноначальствующий на Кавказе получил полномочия генерал-губернатора и был подчинен министру внутренних дел. Однако попытка царской администрации форсировать процесс интеграции края в общеимперскую систему управления не принесла особых дивидендов. Наоборот, новый курс центрального правительства еще больше осложнил и без того непростую ситуацию в регионе. Поэтому 26 февраля 1905 года институт наместничества на Кавказе вновь был восстановлен ¹¹².

На Южном Кавказе самодержавие оказалось перед трудноразрешимой дилеммой. Попытки унификации административно-территориального устройства Южного Кавказа и ужесточения контроля над действиями местной администрации в крае, препятствуя принятию быстрых и оперативных решений, вели к медлительности и запутанности в управлении. Расширение же самостоятельности региональной власти, при отсутствии противовеса в лице органов общественного самоуправления, наоборот, порождало произвол и неразбериху, усиливая, тем самым, недовольство местного населения колониальных окраин и объективно способствуя еще большему ослаблению позиций имперского центра в регионе.

Пытаясь выйти из этого замкнутого круга, царский режим в 40-60-х гг. XIX века осуществлял перманентные административные преобразования на Кавказе. При этом самодержавие последовательно двигалось по пути дальнейшего разрушения административных образований региона, заменяя их дробными, искусственно оформленными административно-территориальными единицами. В результате этой бесконечной перекройки административных границ региона исторически сложившиеся территории расселения этнических и религиозных общностей края становились еще больше раздробленными.

В частности, указ Николая I от 14 декабря 1846 года предусматривал дальнейшее раздробление существующих в регионе административно-территориальных единиц. Согласно данному указу на территории Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области бы-

¹¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (далее – ПСЗ-III). Т. 25. СПб., 1905. № 25891.

ли созданы четыре новых административных образований – Кутаисская, Тифлисская, Шемахинская и Дербентская губернии¹¹³. Несколько позднее, в июне 1849 года, из состава Тифлисской губернии была выделена Эриванская губерния, которая охватывала западную часть этнической территории азербайджанцев¹¹⁴.

В результате административных реформ 40-х гг. XIX века северо-азербайджанские земли оказались включенными в состав всех губерний Южного Кавказа за исключением Кутаисской. Так, на восточной и юго-западной части этнической территории азербайджанцев были образованы, соответственно, Шемахинская и Эриванская губернии. Населенные азербайджанцами Елизаветпольский (Гянджинский) уезд и Борчалы были присоединены к Тифлисской губернии, а Губинский и Дербендский уезды вошли в состав Дербендской губернии. В 1859 году после сильнейшего землетрясения, разрушившего Шемаху, центр одноименной губернии был перенесен в город Баку, а Шемахинская губерния переименована в Бакинскую губернию.

Подавление национально-освободительного движения горских народов во главе с Шамилем спровоцировало новый виток перекройки административных границ в регионе. Так, «Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом»¹¹⁵ от 5 апреля 1860 года Дербентская губерния была упразднена, а на ее территории образована Дагестанская область. При этом Губинский уезд, входивший ранее в состав Дербентской губернии, был передан Бакинской губернии.

Последним же крупным административным преобразованием царской администрации на северо-азербайджанских землях стало создание в 1868 году из смежных уездов Бакинской, Тифлисской и частично Эриванской губерний новой административно-территориальной единицы - Елизаветпольской губернии. Она была образована на основании указа от 9 декабря 1867 года «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края»¹¹⁶. От Бакинской гу-

¹¹³ Институт генерал-губернаторства и наместничества в России. Т. 1. СПб., 2001. С. 205.

¹¹⁴ История армянского народа. С. 202.

¹¹⁵ См.: АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904.

¹¹⁶ ПСЗ-П. Т. 42. СПб., 1871. № 45256. № 45259.

бернии к ней отошли Шушинский и Нухинский (Шекинский) уезды, от Тифлисской губернии - Елизаветпольский уезд, от Эриванской губернии – часть упразднявшегося Ордубадского уезда¹¹⁷.

Данное административно-территориальное деление северо-азербайджанских земель с небольшими изменениями сохранялось вплоть до февраля 1917 года. Последующие административно-территориальные изменения имели локальный характер и не касались общей конструкции региона. Они были связаны лишь с созданием или упразднением тех или иных уездов внутри отдельных губерний.

Несмотря на то, что образование Бакинской и Елизаветпольской губерний несколько снизило степень раздробленности этнической территории азербайджанских тюрок, оно все же не привело, да и не могло привести, к восстановлению в политико-административном плане целостности северо-азербайджанских земель. Ведь разделение относительно цельных и гомогенных этнических ареалов (этнических территорий) по различным административным единицам было сознательной политикой царской администрации.

Установленные царскими властями в регионе границы административных образований, «перекрывая» сложную мозаику местных этнических границ, охватывали территориальные сегменты расселения различных этнических общностей. Тем самым, правящими кругами России сознательно создавалась конфликтная основа для потенциального столкновения между представителями различных этнических общностей региона.

В целом же полное игнорирование царским правительством исторически сложившихся на Южном Кавказе национально-этнических границ при проведении административно-территориальных реформ привели к расчленению единой этнической территории азербайджанских тюрок.

Между тем, хотя территория и не несет такого ярко выраженного этнического содержания, как, например, язык и культура, она является обязательным условием возникновения, а также важнейшим фактором дальнейшего функционирования и развития этноса. В этом отношении попытки расчленения целостности этнической территории, создающей

¹¹⁷ Мильман А. М. Политический строй Азербайджана в XIX – XX вв. Баку, 1966. С. 157.

естественную базу для этнополитической, культурной и экономической консолидации, несомненно, значительно затрудняли процесс создания первичных условий для формирования азербайджанской нации.

§ 3. Особенности колониальной политики России в регионе и правовое положение азербайджанских тюрков

Значимость идеологических мотивов в колониальной политике Российской империи, как мы уже отмечали, была обусловлена особенностями имперского сознания русских, в основе которого лежала мифологема о мессианской роли русского народа восстановить православное царство в пределах бывшей Византийской империи, и тем самым, «спасти мир» от зла и несправедливости. Начиная с середины XVI века, т. е. с эпохи правления Ивана IV Грозного вплоть до развала империи в 1917 году, эта идея неизменно составляла суть внешней политики России. А главный лозунг этой политики в том же XVI веке сформулировал инок Филофей: «Москва - Третий Рим, а четвертому не бывать».

В этом контексте включение в состав Российской империи все новых и новых земель рассматривалось как расширение пределов православного мира и увеличение численности православного народа. Поэтому неудивительно, что именно православие являлось той идеей, которую русское государство стремилось утвердить в своих колониях.

Религиозные и государственные парадигмы сливались: государственная мощь Российской империи связывалась с могуществом православия, а церковь выражалась посредством державного могущества. Тем самым, происходила сакрализация государства, и православная церковь, будучи одним из главных столпов русификаторской политики правительства, принимала непосредственное и активное участие в реализации колониальной политики самодержавия в национальных окраинах империи.

В условиях, когда православие составляло идеологический фундамент империи, русское превращалось из этнической в государственную характеристику: Все, что служило процветанию православной государственности, считалось русским. В этом смысле официальная политика

Российской империи исходила из принципа, что не русские - православный народ, а весь православный народ - русский, по имени православного государства. Другими словами, «быть православным значило быть русским»¹¹⁸.

Православная вера, по существу, становилась стержневым компонентом этнической идентичности русских. В этом плане религиозная идентичность накрепко была связана с этнической идентичностью русских. Не случайно, что в Российской империи религия приобрела значение одного из основных этнических признаков.

Подтверждением тому являются комментарии к «Общему своду» всеобщей переписи населения 1897 года. В них отмечалось, что для каждой народности религия, «как и язык, является достоянием ее культуры, составляет неотъемлемую ее часть и притом в такой степени, что переход из одной религии в другую сопряжен по большей части с утратой прежней национальности и равносильен приобщению... к другой национальности»¹¹⁹.

Значимость православия в государственной жизни Российской империи нашло свое отражение в теории «официальной народности», провозглашенной в 1834 году тогдашним министром народного просвещения графом С. С. Уваровым. Основу этой теории составила триада: православие - самодержавие – народность, которая считалась «залогом силы и величия» Российской империи. Таким образом, именно православие конституировало законность государственного устройства, легитимность политического режима и обеспечивало стабильность устоявшегося порядка.

Статус православия, как идеологической опоры существующего в России государственного строя, был закреплен в законодательном порядке. Статья 62 Свода основных государственных законов Российской империи гласила: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания»¹²⁰.

¹¹⁸ *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. Париж, 1983. С. 34.

¹¹⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Общий свод по империи. Т. 2. СПб., 1905. С. 32.

¹²⁰ Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. 1. Ч. 1. СПб., 1910. Ст. 62.

Еще в середине XIX века французский историк П. Леруа Болье справедливо отмечал, что «колонизация - это экстенсивная сила народа, это его способность воспроизводиться, способность шириться и расходиться по земле, это подчинение мира или его обширной части своему языку, своим нравам, своим идеалам и своим законам»¹²¹.

Поэтому неудивительно, что после установления военного контроля Российской империи над Кавказом одновременно с постепенной инкорпорацией завоеванной территории в единое административно-правовое пространство империи, начался процесс утверждения культуры и идеологии метрополии среди поработанных народов региона. Это было продиктовано стремлением царского правительства придать всем народам края единообразие.

Следует отметить, что русское государство впервые столкнулось с «мусульманским вопросом» в 1552 году, после завоевания Казани. С этого момента не одно поколение русских чиновников пыталось найти ответ на весьма злободневный вопрос: как включить покоренное мусульманское население – это «инородное тело», принадлежащее другой цивилизации, в структуру русского православного государства? И как справедливо отмечает А. Бенигсен, за четыре столетия русским властям так и не удалось сформулировать четкие и однозначные принципы государственной политики в отношении мусульманских подданных православного царя. В различные исторические периоды их линия поведения колебалась между либеральной благосклонностью и крайней строгостью¹²².

Неизменным в течение веков оставалось только одно - детерминированность колониальной политики царизма религиозным фактором. Это способствовала тому, что система национального угнетения, установленная в Российской империи, приобрела конфессиональную окраску. Существовавшие в законодательстве Российской империи правовые ограничения, так или иначе, были связаны с религиозной принадлежностью подданных императора. В силу этого, в исследуемый период в Российской империи решающую роль при

¹²¹ *Леруа-Болье П.* Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С. 517.

¹²² *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. С. 27.

определении социального статуса человека в обществе играла не этническая, а конфессиональная его принадлежность.

Согласно принятой религиозной иерархии привилегированное положение в Российской империи занимали православные. Второе место в этой иерархии после православия принадлежало представителям остальных не православных направлений христианства - католикам, протестантам, лютеранам и т. д. Что же касается последователей нехристианских конфессий – ислама, иудаизма, буддизма и языческих верований, то в сложившейся к началу XIX века религиозной иерархии им была отведена самая низшая - третья ступень. Неравенство конфессий, в свою очередь, оборачивалось ущемлением прав неправославных подданных империи.

В этом смысле приверженность азербайджанских тюрков, как и многих других народов Кавказа, к мусульманской религии являлась фактором, усугубляющим их положение в Российской империи, поскольку согласно религиозной иерархии они считались «третьестепенными» подданными российского императора. В значительной степени именно этим фактом был обусловлен жесточайший колониальный гнет царизма в отношении азербайджанских тюрков, которые были лишены многих политических, гражданских и религиозных прав.

В частности, азербайджанские тюрки, как и представители других мусульманских народностей, были освобождены от несения воинской повинности, когда она вводилась в начале 1880-х гг. на Южном Кавказе. В этой сфере особенно ярко проявилось исламофобие и недоверие к мусульманским массам центрального правительства. Тогдашний главноначальствующий на Кавказе Дондуков-Корсаков, обосновывая правильность подобной политики, отмечал, что мусульманские подданные, получившие в свои руки оружие, могут повернуть его против государства, которое обучило их пользоваться этим оружием. Дондуков-Корсаков считал, что правительство, тем самым, создало бы громадный контингент подготовленных в военном отношении врагов¹²³.

Из-за своей конфессиональной принадлежности азербайджанским тюркам были недоступны высшие должности во всех государ-

¹²³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 444. Л. 3.

ственных учреждениях, поскольку неременным условием продвижения по служебной карьере в органах государственного управления являлось принятие православия.

Целая система ограничений по конфессиональной принадлежности существовала в образовательной сфере. Так, студенты-мусульмане не могли пользоваться казенными стипендиями, их не принимали в ряд средних и высших учебных заведений. Перечень этих ограничений существенно расширился в период царствования Александра III. Согласно царскому указу от 1888 года мусульманам запрещалось председательствовать в уездных и губернских училищных советах, а также избираться в их члены от земств и городов. В случае, если губернский или уездный предводитель дворянства был нехристианин, председательство в училищном совете автоматически переходило к его заместителю. А если и тот не являлся христианином, то председательство возлагалось на старшего из членов, заседающих в совете от гражданских ведомств, исповедующего христианство¹²⁴.

Азербайджанские тюрки, исповедующие ислам, как и другие последователи этой «третьестепенной» для Российской империи религии, находились в ущемленном положении не только по отношению к господствующей православной церкви, но и к другим христианским течениям. Весьма показательны в этом плане так называемые «спорные» ситуации, когда пересекались интересы представителей различных вероисповеданий. При их разрешении государство последовательно придерживалось сложившейся в стране религиозной иерархии. Оно практически всегда было на стороне православного в конфликте с католиком или лютеранином, и на стороне последних - в конфликте с мусульманином или иудеем.

Сам факт существования правового механизма разрешения подобных «спорных» ситуаций достаточно показателен, поскольку свидетельствует о приоритетах российского законодательства XIX в., которые имели ярко выраженный религиозный характер.

Следует отметить, что в Российской империи ущемлялись права не только простых азербайджанцев, но даже гражданское равноправие представителей зажиточных слоев азербайджанского общества. Например,

¹²⁴ ПСЗ-III. Т. 8. СПб., 1888. № 5660.

указ от 22 февраля 1784 года отказывал помещикам-мусульманам в праве «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания, коим никто в империи нашей, не будучи в христианском законе, пользоваться не может»¹²⁵. Эта дискриминационная норма в отношении помещиков мусульманского исповедания была оставлена в силе и в последующих законодательных актах Российской империи¹²⁶.

Очевидно, что подобные дискриминационные меры конфессионального характера весьма негативно сказывались на экономическом положении азербайджанских помещиков. Так, на основании вышеуказанного закона сразу же после насильственного включения Северного Азербайджана в состав Российской империи все крестьяне армянской национальности, находившиеся в частном владении азербайджанских ханов и беков, были переведены в сословие государственных крестьян. В предписании генерала А. П. Ермолова по этому поводу говорилось: «У всех мусульманских беков отобрать имеющиеся в их управлении армянские деревни и жителям объявить, что они навсегда поступают в казенное управление в ознаменование признательности и непоколебимой верности их Императору»¹²⁷. Причем, этот процесс сопровождался конфискацией земель у азербайджанских помещиков.

Конфессиональная принадлежность оказывала негативное влияние и на коммерческую деятельность азербайджанских купцов, т. к. они были лишены многих сословных прав русских купцов. Например, с целью поощрения предпринимательства в 1832 году в России был учрежден институт почетных граждан¹²⁸. Азербайджанские турки обладали правом войти в эту категорию, однако были лишены некоторых преимуществ, предоставленных православным купцам. В частности, они не могли, подобно русским купцам, получать награды, ордена и чины, а также были лишены права после 12 лет нахождения в 1-й гильдии просить об определении своих детей в гражданскую службу¹²⁹.

¹²⁵ ПСЗ-I. Т. 22. СПб., 1830. № 15936.

¹²⁶ ПСЗ-II. Т. 15. СПб., 1841. № 13592.

¹²⁷ *Потто В.* Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902. С. 62.

¹²⁸ ПСЗ-II. Т. 7. СПб., 1833. № 5284.

¹²⁹ ПСЗ-II. Т. 18. СПб., 1844. № 16599.

Опираясь на конфессиональный фактор, царское правительство в течение длительного времени создавало многочисленные искусственные препятствия и для предпринимательской деятельности азербайджанской буржуазии. Логика капиталистического развития Российской империи, а также необходимость противопоставить иностранному (русскому, армянскому, западноевропейскому и т. д.) капиталу организованную и консолидированную силу азербайджанской национальной буржуазии требовали создания новых организационных форм капиталистического производства - акционерных обществ, товариществ, торгово-промышленных компаний, способствующих концентрации капитала.

Между тем, еще в 90-е гг. XIX века законодательство запрещало предпринимателям - мусульманам создание подобного рода структур. Более того, оно препятствовало азербайджанцам становиться акционерами разного рода обществ, компаний и товариществ. Согласно царскому указу от 3 февраля 1895 года акционерами подобных коммерческих структур могли быть только люди христианского исповедания¹³⁰.

Избежать этих многочисленных дискриминационных мер можно было лишь путем изменения вероисповедания. Так, принятие православия способствовало автоматическому повышению государственно-правового статуса любого российского подданного нерусского происхождения. Например, согласно законам Российской империи исповедующий ислам азербайджанец, приняв крещение и став православным, автоматически получал все права, которыми обладал любой русский человек, принадлежащий к соответствующему сословию.

В этом отношении стимулирование в законодательном порядке перехода приверженцев «третьестепенных» конфессий – мусульман, иудеев, язычников и т.д. - в православие, было одним из весьма распространенных способов русификации, поскольку вслед за актом присоединения к официальной церкви, как правило, следовала этническая ассимиляция новокрещенных лиц. Подтверждением тому является пример татарской феодальной аристократии, подвергшейся насильственному крещению на рубеже XVII-XVIII вв. и практически полностью обрусевшей в течение нескольких десятилетий.

¹³⁰ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1899. № 11329.

В этой связи интересно отметить, что Российская империя была единственной европейской державой, систематически стремившейся ассимилировать некоторые мусульманские народности, проживающие на ее территории. В частности, с относительным успехом эта политика применялась к казанским татарам и менее успешно к казахам¹³¹.

Поэтому неудивительно, что для привлечения мусульман к христианству в Российской империи была задействована обширная и хорошо разработанная система поощрений и льгот. В частности, принявшие православную веру мусульмане, на три года освобождались от платежа всех государственных сборов¹³². Крестившимся мусульманам также выдавалось единовременное денежное и одежное жалованье¹³³.

Одним из действенных мер привлечения последователей других конфессий в лоно православной церкви было предоставление юридических послаблений лицам, совершившим уголовные преступления. Согласно Уложению о наказаниях 1845 года, в случае принятия православия арестованный мог надеяться не только на минимальное наказание, полагающееся законом за конкретное преступление, но и отнесение своего деяния к разделу менее тяжких преступлений, где применялась совершенно иная шкала наказаний¹³⁴. Более того, решением Государственного совета от 6 апреля 1849 года Сенату и другим судебным органам вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания уже осужденным преступникам, пожелавшим креститься¹³⁵. Подобная практика просуществовала в законодательстве Российской империи до судебной реформы 60-х гг. XIX столетия и была отменена лишь указом от 24 марта 1866 года¹³⁶.

Впрочем, практика показала полную несостоятельность политики насильственной христианизации в отношении азербайджанских тюрок и других представителей мусульманских народов Кавказа. И это несмотря на то, что с целью христианизации мусульманского населения

¹³¹ Бенигсен А. Мусульмане в СССР. С. 32.

¹³² См.: Указ от 17 июня 1826 года // ПСЗ-И. Т. 6. СПб., 1830. № 3637.

¹³³ ПСЗ-И. Т. 12. СПб., 1838. № 10135.

¹³⁴ ПСЗ-И. Т. 20. СПб., 1846. № 19283; ПСЗ-И. Т. 35. СПб., 1862. № 37709.

¹³⁵ ПСЗ-И. Т. 24. СПб., 1850. № 23155.

¹³⁶ ПСЗ-И. Т. 41. СПб., 1868. № 43138.

Кавказа в апреле 1829 года была создана особая структура - Миссионерское общество на Кавказе¹³⁷.

Однако к середине XIX века даже наиболее последовательные сторонники этого курса начали осознавать бесперспективность и обреченность политики поголовной христианизации и создания на базе православных ценностей единого правового и культурно-идеологического пространства для всех народов, населяющих империю. Дело в том, что приграничное положение Кавказа и его близость к главным исламским центрам являлись факторами, объективно препятствующими сколько-нибудь серьезному успеху политики христианизации.

Тем более что, несмотря на предпринимаемые русские властями жесткие меры, не удалось добиться полного прекращения контактов между кавказскими мусульманами и их зарубежными единоверцами. В этом отношении оказалось бессильным даже самый герметичный «железный занавес» советского периода.

К тому же, опасаясь политических осложнений с соседними мусульманскими странами, российские правящие круги, в отличие от внутренних губерний России, например, Поволжья, являющемся небольшим мусульманским островком в огромном православном океане, вынуждены были проводить на Кавказе более осторожную и взвешенную, но одновременно и более коварную и изощренную конфессиональную политику.

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Кавказа, включая и азербайджанских тюрков, заключался в стремлении к установлению тотального государственного контроля над всеми без исключения сферами их религиозной жизни с одновременным превращением мусульманского духовенства в слепое орудие реализации своей колониальной политики в регионе.

Обращая особое внимание на этот факт, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что попытки полного подчинения мусульманского духовенства своей воле наряду с созданием всевозможных препятствий на пути развития азербайджанского языка и становления светской

¹³⁷ См. более подробно: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 92-96.

системы образования на данном языке, являлись двумя важнейшими направлениями колониальной политики царизма в Азербайджане¹³⁸.

В отличие от колониальной политики англичан и французов в арабских странах, Российская империя в завоеванных азербайджанских землях не предоставила особого статуса мусульманскому духовенству. Наоборот, царские власти, стремясь снизить степень влияния мусульманского духовенства на верующих, нанесли ряд серьезных ударов по его авторитету. С этой целью существенно были ограничены права и материальные возможности мусульманского духовенства. Так, значительная часть земельных угодий и другого имущества, принадлежавшая мусульманскому духовенству, была конфискована, а полномочия шариатских судов ограничены до минимума. Многие мечети и медресе прекратили свое существование. В этих условиях немалая часть мусульманского духовенства предпочла эмигрировать в соседние мусульманские страны. А от оставшихся в стране духовных лиц царская администрация потребовала абсолютной преданности и повиновения¹³⁹.

Первая попытка с целью установления государственного контроля над религиозной жизнью мусульман России была предпринята еще в 1832 году, когда в составе Министерства внутренних дел империи был сформирован Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ)¹⁴⁰. Хотя в реальной действительности ДДДИИ пытался контролировать не только религиозную, но и все без исключения сферы общественно-культурной жизни мусульман России.

Главным же «ноу-хау» правящих кругов Российской империи в религиозной сфере, несомненно, стало создание управлений духовными делами мусульман, которые с небольшими изменениями функционируют и в настоящее время. В наши дни Духовное управление мусульман ошибочно воспринимается многими как исконно «исламская традиция», хотя данная структура впервые в истории ислама появилась во II половине XIX века по инициативе православного руково-

¹³⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990. S. 16.*

¹³⁹ *Muriel Atkin. Russia and Iran (1780-1828). Minneapolis, 1980. P. 150.*

¹⁴⁰ Государственность России (конец XV – февраль 1917). Т. 1. М., 1996. С. 182-183.

дства Российской империи. При этом не следует путать шейхуль-исламов и муфтиев – высших авторитетов в области шариата, ведущих свое происхождение от Арабского халифата, с руководителями созданных российскими властями Духовных управлений мусульман, которые также назывались шейхуль-исламами и муфтиями¹⁴¹.

Суть этой инициативы царского режима довольно четко изложил дореволюционный российский автор С.Г.Рыбаков. Как он подчеркивал, царское правительство «считало необходимым регламентировать духовный быт мусульман. Результатом изложенного взгляда на управление мусульманами было создание так называемого мусульманского духовенства и мусульманских духовных управлений, никогда не существовавших в исламе...»¹⁴².

Неудивительно, что законность учрежденных российскими властями Духовных управлений мусульман в тот момент вызывала большие споры в среде исламских богословов. Дело в том, что в исламе никогда не было единой церковно-иерархической структуры, возглавляемой конкретным лицом – лидером всех мусульман. В исламе не существует церковного авторитета в христианском понимании этого слова. Шейхуль-ислам или муфтий – не патриарх, поэтому, когда бакинский, казанский, или ташкентский сановник заявляет о своей приверженности правительству и расписывает свободную и счастливую жизнь мусульман в конкретной стране, его высказывания никого, кроме него самого, ни к чему не обязывают.

Демократичность конфессиональных институтов - общинный характер уммы, возможность соблюдения на сугубо индивидуальном уровне основных постулатов ислама и т.д. - делали ненужным наличие какой-либо централизованной структуры. По сути, ислам является религией без духовенства и исламской «церкви», как таковой, не существует. Веры без активного участия в религиозной жизни – повсеместное в исламе явление. Кто угодно, знающий арабский язык в достаточном объеме для чтения молитв, может совершать необходимые обряды. В этом смысле ис-

¹⁴¹ Об этом подробнее см.: *V. Bobrovnikov. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1869-1917. Cambridge, 2006.*

¹⁴² *Арапов Д. Ю., Ларина Е. И. С. Г. Рыбаков и его «Обзор» организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.). М., 2006. С. 14.*

лам является единственным среди четырех мировых религий, который не имеет церковно-иерархической организации.

Между тем, эта особенность ислама сильно затрудняла контроль над мусульманским духовенством со стороны царских властей. Именно с целью устранения данного «изъяна» царские власти принялись за институализацию мусульманской религии, которая выражалась в создании управлений духовными делами мусульман в регионах их компактного проживания в пределах Российской империи.

Создавая эти управления, царские власти стремились строго регламентировать положение мусульманского духовенства путем их перевода на казенное содержание. Фактически речь шла о превращении мусульманского духовенства в государственных служащих со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неслучайно, что «каждый определенный в должности по ведомству Мусульманского духовенства шиитского учения, прежде вступления в нее» присягал на верность Его Императорскому Величеству¹⁴³. Это правило распространялось и на духовных лиц суннитского управления¹⁴⁴. Неудивительно, что Духовные управления мусульман на всем протяжении своего существования стояли на страже интересов не столько мусульманской религии, сколько государственных властей, сначала царских, а затем и советских.

Мусульманское духовенство проявляло по отношению к царскому, а затем и советскому режиму безупречную лояльность, граничащую с раболепием. Тот же дух они несли верующим. Они никогда не протестовали против третьестепенного статуса мусульманской религии, никогда не позволяли себе малейшей критики в адрес властей. Наоборот, они утверждали, что русские цари и коммунистические вожди всегда помогали провести в жизнь идеалы ислама.

Наглядным примером тому служит содержание письма от 1983 года нынешнего шейхуль-ислама Аллахшукюра Пашазаде, адресованного Р. Рейгану. В нем он, в частности, пишет: «Мы считаем безнравственным называть нашу великую страну «средоточием зла», «греховной империей»... Богоугодная истина состоит в том, что Советский Союз - это реальный образец общества, дающего счастье и благополучие своим

¹⁴³ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб., 1896. Ст. 1469.

¹⁴⁴ Там же. Ст. 1584.

гражданам». А после ввода «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан он же служил молебн «во здравие СССР»¹⁴⁵.

Первые шаги в направлении создания «Русской исламской церкви» - духовных управлений мусульман были сделаны еще в период царствования Николая I, сразу же после аннексии Южного Кавказа Российской империей. Однако, непростая ситуация в регионе, и в первую очередь, национально-освободительная борьба северокавказских народов во главе с Шамилем внесла существенные коррективы в эти планы властей. Опасаясь роста недовольства и без того враждебно настроенного в отношении русских властей местного населения, правительство решило отложить практическое осуществление идеи создания духовных управлений мусульман в регионе до лучших для империи времен.

Эти времена настали в середине 60-х гг. XIX века, когда с подавлением освободительного движения под руководством Шамиля царская администрация, наконец-то, получила возможность «свободнее преследовать свои цели»¹⁴⁶. В 1869 году кавказский наместник кн. Михаил Николаевич четко обозначил цели предстоящей реформы религиозной сферы мусульман Южного Кавказа: «1. Обеспечить за правительством средства надзора за духовными лицами; 2. Противодействовать укреплению корпоративного духа в среде духовного сословия; 3. Препятствовать вторжению из Турции и Персии чужеземных духовных лиц; 4. Ограничить, по возможности, круг действий духовенства в среде мусульманского населения; 5. Поставить влиятельную часть духовенства в непосредственную зависимость от правительства, путем соединения его материальных интересов со служением правительству; 6. Организовать надзор за духовными учреждениями»¹⁴⁷.

Проект, подготовленный строго в соответствии с рекомендациями кн. Михаила Николаевича, 5 апреля 1872 года получил силу закона, когда особым «Положением об управлении духовными делами мусульман Закавказья» Государственного Совета были организованы

¹⁴⁵ *Аббасов А.* Ислам в современном Азербайджане: образы и реалии // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2004. С. 306.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 610. Л. 5.

¹⁴⁷ Там же. Л. 4-6.

два отдельных духовных управления для мусульман-суннитов и мусульман-шиитов Южного Кавказа¹⁴⁸. Создание двух отдельных управлений для шиитов и суннитов преследовало далекие идущие цели по консервации и углублению раскола азербайджанских тюрок по признаку их приверженности к двум различным течениям ислама.

«Положение» устанавливало трехступенчатую систему мусульманских религиозно-административных структур на Южном Кавказе. Низшую ступень составляли приходы (мечети), возглавляемые муллами. Характерно, что закон ограничивал до минимума численность мусульманских духовных лиц. Так, каждое приходское (мечетское) общество могло иметь только одного муллу. Лишь при больших мечетях (Джума-мечеть) и наличии значительного количества населения в данном приходе разрешалось иметь несколько мулл, из расчета по одному мулле на каждые 150-200 семей. Но в любом случае «Положение» не допускало наличия в одном приходе более пяти мулл¹⁴⁹.

Средней религиозно-административной единицей считались губернские медресы, состоящие из 3-х членов. В состав губернских медресов входили казии, в качестве председателя, и два члена¹⁵⁰. Эти структуры в рамках своих полномочий осуществляли надзор за деятельностью местного приходского (мечетского) духовенства.

На вершине этой религиозно-административной пирамиды стояло шиитское Духовное правление во главе с шейхуль-исламом. В состав Духовного правления кроме шейхуль-ислама, председательствовавшего на его заседаниях, входили также трое представителей духовенства¹⁵¹.

«Положение» определяло также иерархическую структуру мусульманского духовенства. Так, высшим шиитским духовенством считались шейхуль-ислам, члены Духовного правления, казии и члены губернских медресов¹⁵². Муллы же составляли низшую ступень - приходское (мечетское) духовенство¹⁵³.

¹⁴⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 165.

¹⁴⁹ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб., 1896. Ст. 1467.

¹⁵⁰ Там же. Ст. 1511.

¹⁵¹ Там же. Ст. 1530.

¹⁵² Там же. Ст. 1447.

¹⁵³ Там же. Ст. 1448.

При этом все без исключения представители высшего мусульманского духовенства назначались государственными структурами, причем исключительно из числа русских подданных¹⁵⁴. В частности, шейхуль-ислам, «по представлению Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе (или же Кавказского наместника)», назначался непосредственно российским императором¹⁵⁵. Что же касается остальных членов Духовного правления, то они назначались кавказским наместником¹⁵⁶, а казии и члены губернских медресе - местными губернаторами¹⁵⁷.

Правда, приходское (мечетское) духовенство – муллы - избирались «собранием местных обывателей из всех сословий, составляющих приходское (мечетское) общество». Но затем их кандидатуры в обязательном порядке подлежали утверждению со стороны губернатора¹⁵⁸.

Структура мусульманского духовного управления суннитского учения Южного Кавказа была идентична составу и устройству шиитского управления. Единственное отличие между ними заключалось в том, что суннитским управлением мусульман Южного Кавказа руководил не шейхуль-ислам, а муфтий¹⁵⁹.

Особое значение царскими властями придавалось политической благонадежности представителей духовенства. В этом контексте закономерно, что управления Закавказского Мусульманского духовенства шиитского и суннитского учений, а также их руководители - шейхуль-ислам и муфтий - подчинялись непосредственно министру внутренних дел Российской империи, а высший местный надзор по данному управлению осуществлял Главный начальствующий гражданской частью (или же наместник) на Кавказе¹⁶⁰.

Следует отметить, что в то время значительную часть наиболее авторитетных мусульманских улем на Южном Кавказе составляли духовные лица из Ирана или Османской империи, так как добротное религи-

¹⁵⁴ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. Спб., 1896. Ст. 1454.

¹⁵⁵ Там же. Ст. 1461.

¹⁵⁶ Там же. Ст. 1462.

¹⁵⁷ Там же. Ст. 1463.

¹⁵⁸ Там же. Ст. 1466.

¹⁵⁹ Там же. Ст. 1562.

¹⁶⁰ Там же. Ст. 1445.

озное образование можно было получить только за пределами региона, в Дамаске, Каире, Наджафе или Кербале. Это было непремлемо для царских властей, поскольку, по их мнению, духовные лица из сопредельных стран были враждебно настроены ко всему русскому¹⁶¹.

Чтобы пресечь подобные контакты местных мусульман с духовниками из Ирана и Турции в «положен» был включен специальный пункт, согласно которому, священнослужители, получившие высшие духовные звания за пределами Российской империи, не допускались к богослужению. При выборе лиц для назначения на вакантные должности духовных лиц предпочтение отдавалось кандидатам, владеющим русским языком. Жестко карались опасные с точки зрения царской администрации контакты духовных лиц с их коллегами в зарубежных государствах. Им запрещалось без особого разрешения наместника на Кавказе «обращаться к иностранным духовным лицам или иным властям за какими-либо наставлениями и разъяснениями»¹⁶². Нарушение этого запрета каралось высылкой за пределы Южного Кавказа, и даже Российской империи.

Впрочем, эта мера оказалась малоэффективной, поскольку во многих районах Южного Кавказа улемы из Персии по-прежнему оставались религиозными авторитетами, а учеба в знаменитых медреса за пределами Российской империи не имела альтернатив в планах честолюбивых священнослужителей¹⁶³.

Правительство требовало от мусульманского духовенства беспрекословной и полной поддержки политики царизма в регионе. Как отмечалось в «Положении», мусульманское духовенство было «обязано поучениями своими внушать единоверцам непоколебимую верность и преданность Государю Императору и послушание установленным властям»¹⁶⁴. Более того, «в случае обнаружения между мусульманами вредных и нетерпимых правительством толкований и учений» каждое духовное лицо обязано было «немедленно доносить о том местному начальству»¹⁶⁵.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 130. Д. 56. Л. 149-150.

¹⁶² Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. Ст. 1448.

¹⁶³ *Баберовски Йорг*. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С.37.

¹⁶⁴ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. Ст. 1483.

¹⁶⁵ Там же. Ст. 1487.

Духовенство должно было способствовать воспитанию мусульман в духе лояльности к русскому царю. В этом отношении весьма примечательна статья 1484 упомянутого «Положения»: «Все высокочественные дни должны быть чествуемы духовенством в мечетях возношением, по обрядам мусульманской религии, молений Господу Богу о здравии и долгоденствии Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Престола и всего Царствующего Дома, согласно правилам и предписаниям по сему предмету от высшего начальства»¹⁶⁶.

Пожалуй, впервые в истории ислама царским властям удалось создать централизованно-иерархическую организацию мусульманского духовенства. Действия властей в данном направлении можно квалифицировать как попытку создать что-то вроде «Русской исламской церкви», главной функцией которой являлся тотальный надзор как за мусульманским духовенством, так и в целом над всеми сферами религиозной жизни мусульманского населения.

С реализацией «Положения» от 1872 года мусульманское духовенство фактически получало статус правительственных чиновников. Как подчеркивалось в этом документе, духовные чины шиитского и суннитского управлений «пользуются правами и преимуществами служащих в общих гражданских учреждениях» Южного Кавказа¹⁶⁷.

Как справедливо отмечает российский исследователь С. Исхаков, «назначались на такие должности обыкновенно не те, кто пользовался доверием мусульман, а люди, способные служить послушным орудием правительства. Тот дух, который царил на верхах управления делами мусульман, проникал и вниз; подчиненность всех мусульманских религиозных учреждений государственной власти постоянно чувствовалась»¹⁶⁸.

Естественно, что в подобной ситуации доминанта поведения духовенства определялась его узко социальными интересами и меркантильными соображениями. Ради сохранения своего имущественного и социального статуса представители этих кругов готовы были выполнить лю-

¹⁶⁶ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб., 1896. Ст. 1484.

¹⁶⁷ Там же. Ст. 1464.

¹⁶⁸ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 15.

бую прихоть царской администрации, что превращало их в активных проводников имперской политики в азербайджанском обществе.

Царский режим возложил на духовенство задачу пресечения любых проявлений культурной и общественно-политической активности в мусульманской среде. Впрочем, мусульманское духовенство того времени даже при желании не было в состоянии выполнить функцию катализатора национально-культурного прогресса азербайджанских тюрок. Несмотря на наличие в его среде отдельных либерально настроенных и просвещенных лиц, в основной своей массе духовенство было настроено крайне враждебно ко всему передовому.

Понятно, что в подобной ситуации к религиозному обскурантизму (крайне враждебное отношение к просвещению и науке, мракобесие – А. Б.) подавляющего большинства мусульманского духовенства добавлялся и социально-политический обскурантизм. Это вполне соответствовало колониальным целям царизма, заинтересованного в торпедировании культурного и национального прогресса кавказских мусульман, в том числе азербайджанских тюрок.

Более того, некоторые религиозные деятели демонстрировали перед царизмом удивительное даже для мусульманского духовенства раболепие. В этом отношении весьма характерна реакция учителя по религии, некоего ахунда Гусейнкули на убийство Александра II в результате покушения, организованного народовольцами. Очевидцем этого события стал известный азербайджанский мыслитель и общественный деятель Ахмед бек Агаоглу, который в своих воспоминаниях пишет: «Узнав от своих коллег в учительской комнате о покушении на Александра II, ахунд Гусейнкули, потрясенный этим известием, в крайне эмоциональном состоянии зашел в наш класс. Не успев сесть, вынул из пояса ручку, попросив у нас бумагу и сняв свою невероятно длинную папаху, о чем-то задумался. Через некоторое время он начал что-то писать и зачеркивать. Это продолжалось некоторое время, и наконец, перестав писать, он обращаясь к нам приказал:

- «Встаньте, и повернитесь лицом в сторону Каабы!»

Мы тут же встали и повернулись на юг.

«А теперь слушайте», - продолжил он и прочитал нам плач (траурная песня, причитание), только что сочиненный им в связи с гибелью

лью Александра II. К сожалению, по прошествии лет, я забыл содержание плача. Но его припев, состоящий из двух русских выражений, и теперь я прекрасно помню:

- «Сукины сыны, подлецы!»

Проклиная убийц, ахунд одновременно восславлял царя и просил Аллаха отпущения всех его грехов. Внушая нам мысль о том, что царь является посланником Аллаха на земле, и его власть предопределен всевышним, ахунд продолжил свою речь:

«Подняв на него руку, человек все равно, что поднимает руку на самого Аллаха. Убийца царя в сию секунду превращается в гура. Остерегайтесь от подобных поступков. Иначе разгневанный Аллах уничтожить не только вас, но и всех ваших отцов, матерей, близких и знакомых».

Спустя некоторое время услышал, что ахунд отправил сочиненный им плач наместнику Кавказа с целью представления новому императору в Петербурге, и взамен получил определенную сумму денежного вознаграждения!¹⁶⁹

В этой ситуации неслучайно, что российские власти упорно сопротивлялись многочисленным попыткам реформирования духовных управлений, предпринятых в начале XX века со стороны передовых представителей мусульманской интеллигенции. В частности, под руководством А. М. Топчибашева был разработан очень интересный проект коренного преобразования мусульманских духовных учреждений Российской империи, одобренный в 1906 году III Всероссийским мусульманским съездом в Нижнем Новгороде¹⁷⁰.

Суть данного проекта заключалась в «освобождении духовных управлений мусульман от вмешательства правительственных учреждений» и их объединении под единым руководством. Проект, в частности, предусматривал избрание сроком на 5 лет руководителей всех пяти духовных управлений мусульман в России (два на Кавказе, Оренбургский, Таврический и Туркестанский) «по доброй и свободной воле всех мусульман из лиц компетентных в религиозных вопросах, безупречной нравственности и знакомых с требованием совре-

¹⁶⁹ *Ağaoğlu Samet*. Babamdan hatıralar. Ankara, 1940. S. 96-98.

¹⁷⁰ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1985. С. 36-39.

менной жизни»¹⁷¹. Кроме того, предлагалось учреждение над всеми 5 шейхуль-исламами должности высшего в России мусульманского лица – Раисуль-Улама¹⁷².

Предложенная мусульманскими лидерами строго последовательная программа предусматривала религиозное и культурное объединение всего мусульманского населения России на автономных началах под главою высшего духовного лица, совершенно независимого от правительства в управлении делами веры и школы. Именно поэтому она была отвергнута царскими властями. В 1910 году на одном из заседаний «Особого совещания» идея реформы мусульманских духовных управлений была признана опасной с точки зрения интересов государства¹⁷³. Правительство не без основания опасалось, что подобная реформа приведет к выходу из под контроля властей мусульманских духовных управлений.

Таким образом, создав подконтрольную себе централизованную структуру управления духовными делами мусульман Азербайджана, царское правительство превратило эту структуру в удобный инструмент реализации своей колониальной политики в регионе.

С другой стороны, особая роль отводилась мусульманскому духовенству в стагнации и консервации религиозного мышления в самосознании азербайджанских тюрков. Тем самым, духовенство превращалось в одно из главных препятствий на пути развития национальной идентичности у народных масс. А это представляло серьезную угрозу для перспектив азербайджанского этноса. Тем более, что к началу XIX века для них был характерен относительно низкий уровень этнополитической консолидации по причине примата религиозной и региональной идентичности в самосознании азербайджанских тюрков над собственно этнической идентичностью.

Подобное положение было обусловлено особенностями исторического развития Азербайджана – господством ислама и отсутствием политического единства страны. Азербайджан как мусульманская страна в течение столетий являлся составной частью исламской цивилизации. Одновременно Азербайджан соседствовал и с христиан-

¹⁷¹ Baykara Hüseyin. Azerbaycan istiklal mücadelesi tarihi. İstanbul, 1975. S. 149.

¹⁷² A.g.e., S. 150-151.

¹⁷³ Алов А. А., Владимиров Н. Г. Ислам в России. М., 1996. С. 52.

скими государствами, которые являлись частью западной цивилизации. Такое выгодное географическое положение страны на стыке Востока и Запада позволяло воспринять демократические ценности, имеющиеся в обеих культурах. В силу этого, даже в средние века, характеризующиеся на Востоке засильем религиозного догматизма, азербайджанская общественная мысль отличалась относительной демократичностью и стремлением к свободомыслию.

Впрочем, оппозиционные ортодоксальному исламу идейно-философские течения в средние века, хотя и нанесли серьезный урон феодально-религиозному мышлению и миропониманию, но не смогли стать ведущей силой социально-экономических и культурных процессов в исламском мире. В Азербайджане, как и в других странах исламского мира, «контрреформация» и феодальная реакция пресекли ренессансные тенденции.

Как известно, эпоха Возрождения в Европе привела к победе светского над религиозным, став мощным стимулом процесса развития различных форм идентичности, например, этнической и гражданской у представителей европейских народов. На Востоке же аналогичные процессы опоздали на несколько столетий, обусловив господство исламских догм во всех сферах государственной и общественной жизни.

Таким образом, в то время, как на Западе в ходе Реформации и Ренессанса формировались первоначальные структуры гражданского общества и происходило освобождение личности от тотального контроля государства, на Востоке религия продолжала оставаться едва ли не главной питательной средой идентичности, основанной на конфессиональном факторе. Монополия религиозной идентичности на Востоке блокировала развитие других форм, и в первую очередь, этнической идентичности.

Именно засилье ислама являлось главной причиной доминирующего положения конфессиональной характеристики в самосознании азербайджанских тюрков. Тем более что по исламским канонам разделение мусульман по национальному и расовому признаку считалось большим грехом, равносильным язычеству, с которым ислам вел непримиримую борьбу на протяжении всей своей истории. Согласно исламской религии все мусульмане, независимо от своей национальной и расовой принадлежности, составляли единую «умму» - сообщество мусульман всего ми-

ра. Данное обстоятельство препятствовало развитию национальной идентичности у представителей мусульманских народов.

Царская администрация стремилась консервировать подобное положение. С этой целью она всеми средствами пыталась помешать созданию и развитию светской системы образования на родном языке азербайджанских тюрков. При этом царские власти не создавали особых проблем для традиционной системы религиозного образования. Более того, в 30-40-х годах XIX века в действующих на территории Северного Азербайджана государственных уездных школах даже допускалось преподавание основ шариага.

Столь непримиримая позиция царской администрации в отношении светского образования на родном языке азербайджанских тюрков была вполне объяснима. В правящих кругах Российской империи осознавали, что создание нормальных условий для функционирования родных языков нерусских народов неминуемо приведет к их этнокультурному прогрессу и, следовательно, развитию у них национального самосознания. Свидетельством тому является признание одного из чиновников Министерства просвещения, который в свое время писал: «Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы и вы тем самым (страшно выговорить!) утвердите и разовьете соответствующую народность»¹⁷⁴.

А это противоречило основным целям колониальной политики России в регионе, о которых достаточно откровенно размышлял один из чиновников царской администрации на Южном Кавказе Я. М. Неверов. По его признанию, «покорив враждебные нам племена оружием, мы тем усиленнее должны покорить их нравственно и духовно, без которого невозможны успехи гражданственности...»¹⁷⁵.

Кроме того, особое рвение царской администрации по ограничению использования национального языка в области образования было обусловлено тем обстоятельством, что применение в школьном обучении того или иного языка способствует расширению диапазона его функ-

¹⁷⁴ Цит. по: Балаев А. Этнологические процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. С. 15.

¹⁷⁵ Малахова Г. Н. Государственная политика в области образования горских народов. С. 264.

ционирования и престижа в обществе. В этом контексте неслучайно, что царская администрация изо всех сил стремилась не допустить создания системы светского образования на азербайджанском языке.

Вообще, из 130 наций и народностей Российской империи лишь 13 являлись обладателями своего родного литературного языка, отвечающего в той или иной мере требованиям времени¹⁷⁶. Причем, из них широкие общественные функции выполнял только русский язык, безраздельно господствовавший в государственных учреждениях и учебных заведениях, общественно-политической и научной жизни, судебной системе и официальной переписке.

Таким образом, в исследуемый период этноязыковая ситуация в Азербайджане, как в целом на всей территории Российской империи, характеризовалась «далеко неравным и глубоко неравноправным партнерством языков в различных сферах жизнедеятельности»¹⁷⁷, приведшим к максимальному ограничению социальных функций национальных языков по сравнению с государственным – русским языком.

Лишь на начальном этапе колонизации Азербайджана, в период существования до 1840 года т. н. комендантской системы управления, азербайджанский язык в ограниченных масштабах имел хождение в местных административно-судебных органах. Реформа же 1840 года, окончательно вытеснив азербайджанский язык из государственных учреждений, привела к дальнейшему усилению национально-колониального гнета Российской империи в Азербайджане. В этой ситуации государственный статус русского языка являлся выражением привилегий и преимущества доминирующего этноса по сравнению с угнетенными народами империи.

В сложившихся условиях азербайджанские турки могли получать светское образование исключительно на русском языке. Отсутствие альтернативы в этом вопросе исходило из самой сути колониальной политики России, которая рассматривала систему образования важным средством утверждения доминант русского культурного типа среди народов региона.

¹⁷⁶ Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 24.

¹⁷⁷ Губогло М. Н. К изучению двуязычия в истории народов мира // Советская этнография. 1977. № 5. С. 56.

Внедрение основ российского образования в Азербайджане началось сразу же после завоевания региона Российской империей в конце 20-х гг. XIX века. Первым шагом в этом направлении стал принятый 2 августа 1829 года царским правительством «Устав закавказских учебных заведений»¹⁷⁸, который предусматривал создание в различных городах Северного Азербайджана семи уездных (начальных) школ. По замыслу царских чиновников, в перспективе эти государственные школы должны были постепенно заменить традиционную мусульманскую систему образования в Азербайджане.

Перед государственными школами была поставлена задача подготовки чиновников низшего звена из числа лояльных к российским властям местных жителей, которые в дальнейшем должны были стать «проводниками» колониальной политики империи среди своих соплеменников.

Необходимо отметить, что на начальном этапе колонизации Азербайджана, опасаясь возникновения ненужных осложнений, которые могли привести к «потрясению основ» российской власти в регионе, царская администрация вынуждена была пойти в сфере образования на определенные исключения из общеимперских правил. В частности, как в системе управления, так и в учебных планах и программах действовавших в Азербайджане уездных школ, в определенной степени учитывались местные особенности. По крайней мере, они отличались от программ аналогичных школ центральных губерний России. Например, хотя преподавание основных предметов в уездных школах Азербайджана велось на русском языке, одновременно допускалось и изучение азербайджанского языка в качестве отдельного предмета.

Темпы внедрения российского образования в Азербайджане были очень низкими. Достаточно отметить, что в 1843 году в различных государственных школах Южного Кавказа обучалось лишь 76 азербайджанских детей⁷³. Впоследствии их количество несколько увеличилось, достигнув в 60-х гг. XIX в. 300 чел.¹⁷⁹ Однако очевидно, что столь мизерное количество учащихся-азербайджанцев не соответствовало масштабным планам русских чиновников по внедрению основ русского образования среди местного населения.

¹⁷⁸ Əhmədov H. XIX əsr Azərbaycan məktəbi. Bakı, 1985. S. 9.

¹⁷⁹ A.g.e. S. 29.

Поэтому в начале 60-х гг. XIX века царские власти перешли к более решительным действиям. Тогдашний министр народного просвещения Д.А. Толстой разработал концептуальные основы развития школьного дела среди поработанных народов Российской империи. В них открыто подчеркивалось, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть их обрусение и слияние с русским народом». Эти взгляды Д. А. Толстого были положены в основу принятых в 1870 году правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»¹⁸⁰.

Т. н. «инородческие школы» в новых условиях должны были стать главным инструментом реализации задачи культурно-языковой унификации кавказских народов. В местностях со сплошным мусульманским населением, в том числе в Азербайджане, было решено открыть казенные начальные училища, обучение в которых предполагалось вести, в основном, на русском языке.

По замыслу царских чиновников, русификация должна была охватить и традиционные религиозные школы мусульман. Так, согласно «Правилам» 1870 года, властям на местах вменялось в обязанность «располагать» мусульманские общества к открытию классов русского языка в религиозных школах (медресе и мектебы). Без выполнения данного условия запрещалось учреждение новых религиозных школ.

Эти преобразования, наряду с принятием в начале 70-х гг. XIX века новых школьных уставов, положили конец некоторой обособленности учебных заведений Азербайджана. Они способствовали их окончательной интеграции в общеимперскую систему образования. Отныне весь учебный процесс в государственных школах, расположенных на территории Азербайджана, регулировался по школьным уставам внутренних губерний России. Тем самым, новые школьные уставы полностью игнорировали местные особенности и еще больше ограничивали возможность изучения азербайджанского языка в государственных учебных заведениях.

Характеризуя эти нововведения, один из сотрудников Министерства народного просвещения Российской империи отмечал, что их

¹⁸⁰ *Махмутова А.Х.* Становление светского образования у татар. Борьба вокруг школьного вопроса, 1861-1917. Казань, 1972. С. 23.

ведомство «признает возможность существования лишь государственной общеобразовательной школы, которая служит главным залогом успешности проведения русской культуры».

Лишь в ходе революционных событий 1905-1907 гг. удалось добиться некоторого послабления дискриминационных мер в отношении национальных языков. В частности, согласно принятым 1 ноября 1907 года правилам, «преподавание в инородческих школах» в первые два года обучения допускалось на родном языке учащихся¹⁸¹.

С принятием же «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, который «даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹⁸², появилась возможность создания национальных просветительских организаций, резко увеличилось издание книг и другой печатной продукции на национальных языках.

Правда, все эти послабления оказались довольно кратковременными, поскольку по мере усиления реакционных тенденций в стране началось тотальное наступление на завоевания революции 1905-1907 гг. В этих условиях царские власти вновь предприняли шаги, направленные на ограничение использования национальных языков в области школьного образования.

Наглядным свидетельством тому является законопроект «О начальном образовании», внесенный в октябре 1910 Министерством народного просвещения на рассмотрение Государственной думы III созыва. Согласно ст. 16 данного законопроекта, изучение национальных языков относилось к предметам второй категории, т.е. к предметам, вводимым в учебную программу «по возможности», и притом по разрешению училищного совета или согласия министерства¹⁸³.

Выступая в ходе обсуждения данного документа в Государственной думе, азербайджанский депутат Х. Хасмамедов подчеркивал, что всем понятны «затаенные цели проекта, которые заключаются в

¹⁸¹ Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991. С. 86.

¹⁸² Российское законодательство X-XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 41.

¹⁸³ Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. С. 86.

желании денационализировать инородцев. Это труд напрасный и по-рукой тому может служить все прошлое инородческой школы. Чем больше вы будете устранять наши языки, нам дорогие, из сферы государственной жизни, тем больше они будут предметом самой деятельной работы в самых близких и кровных сферах нашего суда и ума: в семейной жизни, храмах, в литературе»¹⁸⁴.

Действительно, несмотря на всю жесткость, и даже жестокость, проводимой правящими кругами Российской империи колониальной политики в регионе, им так и не удалось разрушить элементы системы этнизации азербайджанского народа. Более того, усиление попыток «обрусения» колониальных окраин, в том числе Южного Кавказа, привели к обратному эффекту - пробуждению национального самосознания у коренного населения Кавказа.

Дело в том, что низкий политико-правовой статус, осознание своего неравноправия, как правило, порождает у дискриминируемых общностей интересы, отличные от интересов страны, в состав которой они вошли по тем или иным причинам. И данное обстоятельство не может не привести дискриминируемый этнос к борьбе за свои права, в ходе которой происходит становление национального движения, что, в свою очередь, является проявлением развертывания процесса формирования нации.

Именно политика национальной дискриминации царского самодержавия наряду с объективными процессами конца XIX - начала XX вв., связанными с развитием индустриализации и урбанизации, формированием единого национального рынка и новой социальной структуры общества, создали первоначальные предпосылки для реализации кардинальных качественных и количественных изменений в этнополитическом развитии азербайджанских тюрков. А эти изменения, в конечном итоге, привели к формированию азербайджанской нации.

¹⁸⁴ Государственная дума: Стенографические отчеты. III созыв. Сессия IV. Ч. I. Спб., 1911. Стлб. 1660.

ГЛАВА II

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

*На Востоке ценят правителя, а на Западе - закон.
На Востоке получают наслаждение от преклонения
перед правителем, на Западе перед законом;
Восток получает вдохновение от капризов и
прихоти правителя, а Запад от закона.*

Ахмед бек Агаоглу

§ 1. Складывание социально-экономических и политических предпосылок формирования азербайджанской нации

Конец XIX – начало XX вв. стал этапным периодом в процессе формирования азербайджанской нации, поскольку именно в этот период начался постепенный переход Азербайджана от аграрного к индустриальному обществу. Возникновение в Азербайджане в исследуемый период крупного машинного производства, складывание единого национального рынка, бурный рост урбанизации, революционные изменения в социальной структуре населения, развитие транспортной системы, приведшей к повышению плотности и интенсивности внутринациональных коммуникационных связей и т. д. способствовали созданию социально-экономических предпосылок для формирования азербайджанской нации.

Наблюдаемый в этот период в Азербайджане социально-экономический прогресс, несомненно, был обусловлен общими тенденциями развития Российской империи в пореформенный период. В частности,

необходимость укрепления социально-экономической опоры самодержавия после отмены крепостного права подтолкнула царское правительство на реализацию неотложных мер по развитию капиталистических отношений, в том числе в колониальных окраинах империи.

К тому же после 21 мая 1864 года, когда «наместник великий князь Михаил Николаевич отпраздновал молебен по поводу покорения всего Западного Кавказа и завершения 65-летней войны за Кавказ»¹, в регионе установилась относительная стабильность, что также благоприятствовало активизации экономической экспансии Российской империи в регион.

В этой связи неудивительно, что именно в пореформенный период начинают реализовываться проекты, предусматривающие интенсивное развитие промышленности и путей сообщения на Кавказе. Безусловно, при осуществлении этих проектов царские чиновники руководствовались не заботой об экономическом развитии Кавказа, а преследовали чисто прагматические цели по укреплению экономических позиций империи в данном регионе.

В этом отношении достаточно характерным является «Всеподданнейшая записка», представленная в начале 1891 года главноначальствующим на Кавказе князем Дондуковым-Корсаковым царю Александру III. В ней открыто указывалось, что «конечной целью» правительства является «постепенное объединение и слияние Кавказа с коренным организмом нашего обширного Отечества»². Причем, в качестве одного из главных средств для достижения этой стратегической цели рассматривалось усиление и расширение экономического присутствия России в регионе.

Независимо от меркантильных целей царского правительства, этот курс объективно способствовал развертыванию процессов индустриализации в Азербайджане. Тем более что в реализации этих планов особое место отводилось промышленной разработке богатейших нефтяных месторождений Баку. Дело в том, что промышленный подъем в пореформенной России привел к невиданному увеличению спроса на энергоносители, что, в свою очередь, требовало принятия неотложных мер по устранению препятствий, тормозивших развитие

¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 511. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 517. Л. 3.

нефтяной промышленности. В частности, необходимо было ликвидировать откупную систему в нефтедобыче, которая являлась пережитком феодализма.

Несмотря на то, что первые попытки в этом направлении предпринимались еще в начале 60-х гг. XIX века, окончательное решение об отмене откупной системы удалось принять лишь 17 февраля 1872 года. Именно эта дата считается началом эпохи индустриального развития нефтяной отрасли, приведшей к резкому росту нефтедобычи на Абшероне. Если в 60-х гг. XIX века добыча нефти в Баку не достигала и миллиона пудов (в 1865 г. всего – 557 тыс. пудов), то в 1875 г. она уже составила 5,2 млн. пуд., в 1880 г. – 21,5 млн. пуд., в 1885 г. – 116 млн. пуд., в 1890 г. – 242,9 млн. пуд., в 1895 г. – 384,0 млн. пуд. В результате за относительно короткий срок Азербайджан превратился в один из крупных центров мировой нефтедобычи.

В целом же в течение 30 лет после отмены откупной системы - в 1873-1903 гг. - добыча нефти в Азербайджане увеличилась более чем в 170 раз. По уровню нефтедобычи Азербайджан в 1897 году сравнялся с США, а в 1898 году обогнал их, заняв первое место в мире. В 1901 году, когда производство нефти в Азербайджане достигло своего апогея - 671,3 млн. пудов, Баку обеспечивал 51% мировой и 95% общероссийской добычи нефти³.

Правда, революционные события 1905-1907 гг. и последовавший затем серьезный экономический кризис привели к некоторому снижению уровня добычи нефти в Баку, в результате чего Азербайджан начал отставать от своего главного конкурента в этой сфере - США. Тем не менее, и в последующие годы нефтяная промышленность Азербайджана продолжала сохранять свою мировую значимость.

С точки зрения развертывания модернизационных процессов в азербайджанском обществе немаловажное значение имело то обстоятельство, что бурный рост количественных показателей в нефтяной промышленности Баку сопровождался кардинальными качественными изменениями, техническим перевооружением отрасли. Это означало завершение мануфактурного этапа и начало периода крупного фаб-

³ *Исмаилов М.А.* Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку, 1982. С. 6.

ричного производства, т.е. эпохи индустриализации в развитии азербайджанской нефтяной промышленности. Сразу же после отмены откупной системы началось массовое применение паровых двигателей в нефтяной промышленности. К 1901 году на промыслах Баку в общей сложности действовали уже 2769 паровых машин, которые постепенно заменяли ручной труд в процессе бурения нефтяных скважин. В течение нескольких десятилетий в нефтяной отрасли Азербайджана фактически был осуществлен промышленно-технический переворот.

Именно нефтяная промышленность Баку стала локомотивом индустриализации других отраслей экономики Азербайджана. Интенсивный рост нефтедобычи в Баку стимулировал возникновение - механического производства, состоящего из металлургических и машиностроительных заводов, химических и нефтеперерабатывающих предприятий, судостроения и судоремонтного производства, электроэнергетики и т. д. Эти новые отрасли экономики Азербайджана обслуживали, в основном, потребности нефтяной промышленности.

Параллельно с развитием новых отраслей промышленности шел процесс технического перевооружения и перевода на индустриальные рельсы предприятий традиционных отраслей азербайджанской экономики - пищевой, легкой и строительной промышленности.

Процессы индустриализации постепенно охватывали и регионы Азербайджана. Так, в середине 80-х гг. XIX в. начался переход от мелкотоварного и мануфактурного к фабрично-заводскому производству в шелковой промышленности Азербайджана. Применение крупного машинного производства способствовало превращению города Нухи (Шеки) в центр шелкоткальной промышленности не только Азербайджана, но и всего Кавказа. В несколько меньших размерах данная отрасль развивалась в Шуше, Ордубаде и Закатальском округе.

В конце XIX в. крупной отраслью индустрии Азербайджана стали меднорудное и медеплавильное производство в Кедабекско-Галакендском промышленном районе Елизаветпольской губернии. В развитии этой отрасли заметную роль сыграли немецкие предприниматели – братья Сименс, приступившие в 1864 году к созданию медеплавильного производства в Кедабеке. В 1883 году в Галакенде вступило в строй второе медеплавильное предприятие, построенное братьями Сименс. Хотя

Галакендский завод по производственной мощности уступал Кедабекскому, но превосходил его по своей технической оснащенности. Галакендский завод был оснащен более современным оборудованием, здесь для рафинирования меди использовались электролитические ванны.

В начале XX века Кедабекский и Галакендский заводы занимали видное место в медеплавильной промышленности Российской империи. В 1900 году на долю этих заводов приходилось примерно 30% общероссийского производства меди. По данному показателю Азербайджан уступал лишь Уральскому региону - общепризнанному центру медеплавильной промышленности Российской империи⁴.

На рубеже XIX-XX веков в уездах Азербайджана уже действовали десятки паровых мельниц, кирпичные, кожевенные, лесопильные заводы. В Товузе был сдан в эксплуатацию крупнейший на Кавказе цементный завод. Все эти факты являлись подтверждением постепенного перевода азербайджанской экономики на индустриальные рельсы.

При этом следует учесть, что кавказский регион рассматривался царской администрацией лишь в качестве источника дешевого сырья для обрабатывающей промышленности центральных губерний России, а также рынка сбыта ее готовых изделий. Поэтому неудивительно, что территориальное расположение индустриальных предприятий напрямую зависело от наличия природных ископаемых и сырья: нефтяных – в Баку, медеплавильных – в Кедабеке, шелкомотальных – в Нухе и Шуше и т. д.

В этом отношении колониальная политика царизма, несомненно, являлась сдерживающим фактором для развития в Азербайджане обрабатывающих отраслей индустрии. Путем создания многочисленных искусственных препятствий царское правительство стремилось не допустить развития в Азербайджане отраслей обрабатывающей промышленности. Эта особенность колониальной политики Российской империи наиболее ярко проявилась на примере шелководства. Несмотря на наличие сырьевой базы в Азербайджане так и не сложилась шелкоткацкая промышленность. Азербайджанские предприятия данной отрасли занимались лишь производством полуфабрикатов для шелкоткацких фабрик внутренних губерний Российской империи.

⁴ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в 1910 году. С. XII-XIII.

Подобная протекционистская политика царского правительства, направленная на защиту интересов русского капитала, привела к полному упадку производства хлопчатобумажных тканей в Елизаветполе, Нахчыване и Ордубаде, а также шелкоткацкого дела в Шамахе.

Известному азербайджанскому предпринимателю Гаджи Зейналабдину Тагиеву, несмотря на все его многочисленные связи в высших эшелонах власти Российской империи, с огромным трудом удалось получить разрешение на постройку в окрестностях Баку предприятия по производству хлопчатобумажных тканей.

В течение нескольких лет русские фабриканты во главе с «королем русского текстиля» Саввой Морозовым упорно сопротивлялись реализации этого плана Г.З.Тагиева. Они прекрасно осознавали, что с учетом близости Баку к хлопковым плантациям себестоимость продукции тагиевской фабрики будет значительно дешевле аналогичной продукции предприятий центральной России. Следовательно, продукция тагиевской фабрики будет более конкурентоспособной на рынке. Русские предприниматели опасались, что это приведет к вытеснению их продукции с рынков сбыта не только на Кавказе, но и в Иране, Турции и Туркестане. Поэтому они использовали все средства, чтобы не допустить строительства подобного предприятия в Баку⁵.

Г. З. Тагиеву пришлось задействовать все свои многочисленные связи в Москве и Петербурге, потратить немалые средства на подарки и взятки царским чиновникам, чтобы получить соответствующее разрешение. Причем, тагиевской фабрике разрешили выпускать только бязь, т. к. фабриканты центра России воспрепятствовали выпуску в Азербайджане ситца и других тканей. Очевидно, что подобное условие со стороны царских властей было выдвинуто с целью помешать тагиевской фабрике на равных конкурировать с продукцией аналогичных предприятий центральных губерний России.

Тем не менее, Бакинская текстильная фабрика положила основу новой отрасли экономики в Азербайджане. Она была первым и единственным предприятием подобного рода на всем Кавказе. К тому же фабрика была оснащена самой современной для того времени техни-

⁵ *Süleymanov M. Eşitdıklarım, oxuduqlarım, gördüklərım. Bakı, 1989. S. 19.*

кой, приобретенной в Англии. Английские же мастера обучали азербайджанских тюрок прядильному и ткацкому ремеслу⁶.

Интересно отметить, что Г. З. Тагиев построил не только фабрику, но и школу для детей рабочих, подавляющее большинство которых были азербайджанцами, а также открыл вечерние курсы самообразования для неграмотных рабочих.

По мнению многих специалистов по социологии и антропологии⁷, создание национального государства определяется нуждами индустриализации. Если исходить из этого постулата, то подобные запреты и препятствия на пути предпринимательской деятельности азербайджанских капиталистов могут быть интерпретированы как барьер, поставленный имперскими властями на пути развития азербайджанского индустриального общества и последующего создания национального государства азербайджанских тюрок⁸. Как видно, причины подобных действий царских чиновников вовсе не были сугубо коммерческими.

Царский режим лишь в ограниченных масштабах, в меру своих потребностей способствовал индустриализации Азербайджана. Тем не менее, во многом благодаря стремительному росту производства промышленной продукции азербайджанская экономика по темпам индустриализации значительно опережала соответствующие общеимперские показатели. Так, к исходу первого десятилетия XX в., составляя всего 0,4% территории и 1,4% населения Российской империи, Азербайджан производил до 5% промышленной продукции империи. В азербайджанской экономике были заняты 8% фабрично-заводских рабочих империи.

Подтверждением относительно высокого по тем временам уровня развития индустриализации является тот факт, что еще в 1897 году 13,7% самодельного населения Азербайджана было занято в промышленности, тогда как в целом по Российской империи даже в 1913 году этот показатель не превышал 9%⁹.

⁶ *Осбринк Брита*. Империя Нобелей. История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. М., 2003. С. 248.

⁷ *Seton Watson H.* Nations and States. L., 1977. P. 302.

⁸ *Bennigsen A.*, *Quelque Jay Ch.* Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie. P., 1960. P. 22.

⁹ *Сумбатзаде А.С.* Промышленный капитализм в Азербайджане // Генезис капитализма в Закавказье. Баку, 1969. С. 20.

Что же касается соседних регионов тогдашней Российской империи, то достаточно отметить, что по общему объему промышленной продукции на душу населения Бакинская губерния почти в 30 раз превосходила Тифлисскую и в 217 раз - Эриванскую губернию. Кроме того, в Бакинской губернии из каждых ста жителей в крупных промышленных предприятиях было занято 5,3 чел., в то время как в Тифлисской губернии этот показатель составлял 0,6 чел., а в Эриванской и того меньше - всего 0,05 чел.¹⁰

Нефтяная промышленность Азербайджана как по уровню организации производства, так и по техническому оснащению находилась на самой высшей ступени капиталистического развития того времени. Для нее была характерна высокая степень монополизации, ставшей следствием интенсивного процесса концентрации нефтедобычи в руках нескольких крупнейших монополистических объединений - Ройал Датч Шелл, бр. Нобель, «Ойл» и др., которые по своей структуре принципиально мало отличались от современных капиталистических концернов США, ФРГ и других стран Запада¹¹.

Безусловно, в территориальном отношении промышленность Азербайджана развивалась неравномерно. В частности, на фоне бурного развития нефтяной промышленности Баку темпы индустриализации регионов Азербайджана были относительно невысокими. Однако это вряд ли дает основание для далеко идущих утверждений о, якобы, полном доминировании патриархально-феодальных отношений в экономике Азербайджана на рубеже XIX-XX вв.

Авторы подобных утверждений мотивируют свою позицию тем, что индустриализация якобы затронула исключительно Баку и его окрестности, в то время как другие регионы Азербайджана практически остались в стороне от этого процесса. Опираясь на этот ошибочный тезис, они утверждают, что в исследуемый период в целом Азербайджан по темпам индустриализации значительно уступал не только центральным губерниям империи, но и соседней Грузии и Армении.

¹⁰ *Исмаилов М.А.* Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. С. 129.

¹¹ *Алиyarов С.С.* Монополии в нефтяной промышленности Азербайджана в период первой мировой войны (1914-март 1917 г.). Автореф. дисс... д-ра. ист. наук. Баку, 1975. С. 43.

Считая подобные утверждения в корне ошибочными, азербайджанский исследователь А. С. Сумбатзаде обоснованно отмечает, что «при сопоставлении с уровнем развития нефтяного Баку чрезвычайно отсталым мог бы выглядеть уровень развития промышленности не только регионов Азербайджана, но даже десятков других губерний России»¹².

Действительно, Баку еще в конце XIX века был индустриальным центром не только общероссийского, но и мирового масштаба. Поэтому, чтобы судить об уровне индустриального развития регионов Азербайджана, резонно сравнить их не с уровнем развития Бакинской промышленности, а сопоставить с соседними губерниями и областями Российской империи. Пользуясь этим методом, А. С. Сумбатзаде конкретными фактами доказал, что даже без учета промышленного потенциала Баку, регионы Азербайджана по уровню индустриального развития превосходили Грузию и Армению.

А. С. Сумбатзаде определил, что без учета промышленности Баку Азербайджан «обладал 3 183 фабрично-заводскими предприятиями против 2 866 в Грузии и 2 067 в Армении, а численность рабочих в них составляла соответственно 13 450 в Азербайджане, 12 319 - в Грузии и лишь 4 738 - в Армении. Лишь по суммарному объему производства фабрично-заводские предприятия Азербайджана несколько уступали аналогичным предприятиям Грузии – 13 213 тыс. руб. против 14 988 тыс. руб.»¹³

Разумеется, такой отрыв Баку от окружающей его социально-экономической среды регионов Азербайджана является лишь условным приемом, поскольку совершенно очевидно, что промышленность Баку была органической частью азербайджанской экономики. Бакинская промышленность, будучи тесно связанной многочисленными хозяйственными нитями с регионами Азербайджана, формировала вместе с ними единый национальный рынок.

Безусловно, процесс индустриализации в Азербайджане находился лишь на начальной стадии своего развития. Отсюда и неравномерность

¹² Сумбатзаде А.С. Промышленный капитализм в Азербайджане. С. 20.

¹³ Сумбатзаде А.С. Экономические предпосылки победы Великой Октябрьской социалистической революции в Азербайджане // Расцвет экономики Азербайджанской ССР. Баку, 1967. С. 17.

экономического развития отдельных регионов, наличие многих пережитков патриархальной системы и т. д., которые мешали полномасштабному развертыванию процессов формирования нации. Тем не менее, к началу XIX века направление развития экономики в сторону индустриализации уже было четко обозначено. Это позволяет утверждать о наличии в исследуемый период в Азербайджане необходимой экономической основы для формирования азербайджанской нации.

Составной частью процесса индустриализации и дополнительным катализатором формирования в Азербайджане внутреннего национального рынка являлось развитие транспортной системы, и в первую очередь, железнодорожной сети. Большое значение для национальной экономики имело завершение в 1883 году строительства железной дороги Баку-Тифлис, пересекающей с востока на запад всю территорию Азербайджана. Не случайно, великий азербайджанский просветитель Г. Б. Зардаби считал Баку-Тифлисскую железную дорогу вторым по своей значимости фактором для развития экономики Азербайджана после нефтяной промышленности Баку¹⁴.

Не менее заметную роль в развитии экономики Азербайджана сыграло и открытие в 1900 году движения на железнодорожной линии Баладжары-Дербент, соединившей азербайджанские железные дороги с общероссийской железнодорожной сетью. А в 1908 году в связи с окончанием прокладки линии Джульфа-Норашен-Масис еще один азербайджанский регион – Нахчыван получил прямое железнодорожное сообщение с Баку.

Строительство железных дорог способствовало возникновению в регионах Азербайджана соответствующей инфраструктуры, различных предприятий, обслуживавших потребности отрасли - железнодорожных станций, депо, механических мастерских и т. д.

В конце XIX века наряду с развитием железных дорог большой размах приобрело и строительство взамен грунтовых дорог шоссейных, связывающих уездные центры Азербайджана с близлежащими железнодорожными станциями. В 1882 году царским правительством было выделено 500 тыс. рублей на сооружение 330-верстной шоссейной дороги Нахчыван-Шуша-Евлах, призванной заменить тран-

¹⁴ *Зардаби Г.* Избранные статьи и письма. Баку, 1962. С. 351.

зитную дорогу Джульфа – Эривань – Дилижан - Акстафа¹⁵. С введением в эксплуатацию этой дороги значительно сократилась длина пути от Нахчывана до Баку.

В течение 80-90-х гг. XIX века были построены также шоссейные дороги из Евлаха в направлении Нухи и Закатальского округа (97,2 версты), из Гаджикабула до Сальян (50 верст) и далее до Ленкорани (118 верст), из Уджар в Геокчай (16,5 версты)¹⁶. А в первые годы XX столетия к имеющимся дорогам прибавился почтовый тракт от Губы до железнодорожной станции Хачмас, а также шоссейная дорога Кюрдамир-Ахсу, протяженностью 32 версты.

Развитие сети железных и шоссейных дорог на рубеже XIX - XX вв., способствуя постепенному вовлечению далеких уездов страны в рыночные отношения, стало дополнительным катализатором усиления процесса индустриализации в регионах Азербайджана.

Построенные в эти годы железнодорожные и шоссейные дороги, укрепляя коммуникационные связи между различными регионами Азербайджана, сыграли серьезную роль в преодолении их хозяйственной и географической замкнутости. В этот период произошли большие перемены и в развитии телеграфной и почтовой связи, что стало составной частью работ по созданию инфраструктуры, необходимой для индустриализации, все более прочно связывавшей в единое экономическое целое различные регионы Азербайджана.

Современные транспортные средства, увеличивая мобильность людей, создают огромные возможности для их интеграции в крупные социальные системы. В этом смысле они являются одним из обязательных экономических условий объединения людей в нацигосударства и формирования у них чувства принадлежности к единой нации. Аналогичную функцию они выполняли и в процессе формирования азербайджанской нации на рубеже XIX - XX вв.

Развитие транспортной системы благотворно повлияло на усиление внутренних миграционных потоков, которые, в свою очередь,

¹⁵ *Смоленский В.А.* Города Азербайджана в планах и практике самодержавия по экономическому «завоеванию» Кавказа // Города Азербайджана в период капитализма. Баку, 1987. С. 63.

¹⁶ Генезис капитализма и вопросы формирования пролетариата в Азербайджане. Баку, 1985. С. 15.

стали одним из главных источников процесса урбанизации в Азербайджане, где на рубеже XIX-XX вв. рост городского населения значительно опережал общий рост населения страны. Так, с 1873 по 1897 гг. городское население Азербайджана увеличилось на 133 782 человека, или на 94,3%, в то время как общая численность населения выросла всего на 48,53%. Другими словами, за этот период рост городского населения почти 2 раза превышал общие темпы роста населения Азербайджана. В результате в 1897 году доля городского населения в общей численности населения Азербайджана выросла до 14,6%, тогда как даже в европейской части Российской империи этот показатель составлял всего 12,9%¹⁷.

Безусловно, процесс урбанизации в Азербайджане напрямую был связан с «нефтяным бумом», превратившим Баку и его окрестности в один из самых урбанизированных районов Российской империи. Достаточно отметить, что с 1873 по 1897 гг. численность населения Баку увеличилась с 15,1 тыс. чел. до 111,9 тыс. чел., т. е. в 6,4 раза.

Однако процессы урбанизации не ограничивались только пределами Абшеронского полуострова и постепенно охватывали провинции Азербайджана. Хотя темпы урбанизации в регионах по сравнению с Баку были более низкими, тем не менее, в исследуемый период четко просматривается тенденция возрастания экономической и общественно-культурной значимости таких городов Азербайджана, как Елизаветполь, Нуха, Шуша, Ленкорань и др.

Высокие темпы урбанизации в Азербайджане сохранялись и в начале XX века. Так, в 1897-1913 гг. городское население Азербайджана увеличилось более чем в 2 раза, в то время как общая численность населения возросла лишь в 1,23 раза, а сельское население всего в 1,1 раза (табл.1). Это привело к тому, что в 1913 году городское население Азербайджана составляло примерно 24% от всего населения, в то время как соответствующий общеимперский показатель был равен - 18%¹⁸.

¹⁷ Мурадалиева Э. Города Северного Азербайджана во второй половине XIX века. Баку, 1991. С. 68.

¹⁸ Azerbaijan human development report, Baku, 1996. P. 33.

Таблица 1

**Динамика роста городского населения
в Азербайджане в 1873-1913 гг.**

	Общая численность	Городское население	Сельское население	Доля городского населения (в%)
1873	1 272 520	141 882	1 130 638	11,1
1897	1 890 126	275 664	1 614 462	14,6
1913	2 339 200	555 900	1783 300	23,8

Правда, некоторые исследователи объясняют высокие темпы урбанизации в Азербайджане в данный период исключительно фактором миграции иноэтнических элементов из центральных губерний России в Бакинский промышленный район. Не отрицая значимость данного фактора, все же не следует игнорировать и активную роль в процессе урбанизации сельского азербайджанского населения. Ведь значительную часть пришлої рабочей силы в Баку составляли выходцы из сельских районов Северного и Южного Азербайджана. По далеко неполным официальным данным, с начала 80-х гг. XIX в. число отходников из Южного Азербайджана в Баку составляло 30-35 тыс. человек в год. В действительности же их было значительно больше, т. к. многие отходники, не имея консульских проходных свидетельств и паспортов, переходили границу нелегально. И немалая их часть окончательно оседала в Баку и его окрестностях.

В целом же в 1897 году степень урбанизации азербайджанских тюрков составляла 11,29%, и по данному показателю они опережали украинцев (5,6%), белорусов (2,91%), литовцев (3,16%), несколько уступая общеимперскому показателю, который составлял - 12%. Однако уже к 1913 году это отставание было преодолено. Более того, в 1913 году доля городского населения среди азербайджанцев достигла 18,5%, в то время как общеимперский показатель урбанизации населения составлял 18%¹⁹. Эти факты свидетельствуют об активной вовлеченности азербайджанских тюрков в процессы урбанизации.

¹⁹ Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк. Баку, 1998. С. 48.

Таблица 2

**Доля городского населения по отдельным регионам
европейской части Российской империи в 1913 году (в %)**

Россия	17
Украина	20
Белоруссия	14
Литва	13
Латвия	38
Эстония	19
Молдова	13
Грузия	26
Армения	10
Азербайджан	24
Всего по Российской империи	18

В 1913 году по уровню урбанизации Азербайджан в европейской части Российской империи уступал лишь Латвии и Грузии (табл. 2). Причем, даже в многонациональном Баку азербайджанские турки составляли значительную часть населения города. В частности, по данным переписи 1897 года азербайджанские турки составляли 36,05%, русские – 34,82% и армяне – 17,07% населения Баку.

Правда, в начале XX века в связи с усилением массового притока иноэтнических элементов, и в первую очередь русских и армян, в Бакинский промышленный район, удельный вес азербайджанских турков в общей численности населения города несколько сократился (табл. 3).

Приток иноэтнических элементов был обусловлен не только потребностями нефтяной промышленности, но и активизацией русификаторской политики царской администрации. Возглавивший в 1906 году российское правительство П. Столыпин был убежденным сторонником форсирования процесса русификации колониальных окраин. С этой целью правительство искусственно стимулировало переселение православного, и в первую очередь русского населения в Баку и его окрестности.

Таблица 3

**Динамика численности населения города
Баку по основным национальностям**

	1897		1903		1913	
	Общая численность	Уд. вес в %	Общая численность	Уд. вес в %	Общая численность	Уд. вес в %
Азербайджанцы	40.148	35,8	52.046	36,2	71.069	33,1
Русские	37.399	33,4	50.972	35,5	76.288	35,5
Армяне	19.060	17,0	24.837	17,3	41.680	19,4
Всего	111.904	-	143.786	-	214.672	-

В этом отношении неудивительно, что, несмотря на более высокий естественный прирост коренного населения, в 1903-1913 гг. численность русских в Баку в абсолютных цифрах увеличилась на 25257, армян на 16848, а азербайджанских тюрков всего на 19023 человек. Не вызывает сомнения, что рост численности русских был достигнут благодаря их усиленной миграции из центральных губерний России в Азербайджан. В результате, по данным на 1 января 1913 года, доля азербайджанских тюрков в общей численности населения Баку сократилась до 33,1%, в то время как доля русских и армян выросла до 35,5 и 19,4% соответственно ²⁰.

Процесс урбанизации не следует воспринимать лишь как количественный рост населения городов. Урбанизация, в широком смысле этого слова, означает усиление культурных и политических функций городов, повышение их роли в развитии общества, распространение городского образа жизни на сельское население. В этом контексте урбанизация превращает город в центр изменений, «полюс роста», из которого процесс модернизации распространяется на сельскую периферию. И, в ко-

²⁰ Документы по истории Баку. 1810-1917. Баку, 1979. С. 30.

нечном итоге, это способствует тому, что «в общественном организме традиционное постепенно вытесняется современным»²¹.

Роль городов, учитывая интернациональный состав их населения, всегда была противоречивой. В этом отношении большинство городов Азербайджана, и в первую очередь Баку, не составляли исключения. С одной стороны, они являлись своего рода опорами колониальной власти Российской империи в регионе и, как следствие, очагами русификации.

Вместе с тем именно в многонациональных городах, как правило, возникали и новые национальные идеи, ставшие в последующем идеологической основой для формирования нации. Исследуя процессы формирования наций в Австро-Венгрии во II половине XIX века, Я. Шимов замечает, что «именно в городах смешивались и взаимодействовали друг с другом культуры центрально-европейских народов, но парадоксальным образом здесь же, в космополитических городах дунайской монархии, кипели национальные страсти, расшатывавшие габсбургское государство»²².

Скорее всего, отмеченное Я. Шимовым явление имеет универсальный характер, поскольку крупные азербайджанские города, в частности Баку, в исследуемый период являлись не только очагами русификации, но и центрами сосредоточения возникающих в ходе модернизации новых социальных сил азербайджанского общества, впоследствии сыгравших определяющую роль в процессе нациестроительства в Азербайджане.

Важнейшим результатом модернизационных процессов в Азербайджане стали кардинальные изменения в социальной структуре азербайджанского общества, а также появление на исторической арене новых социальных слоев и классов. Так, развитие процесса индустриализации способствовало появлению в Азербайджане национального рабочего класса, основная часть которого, несомненно, была занята в ведущих отраслях индустрии – нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

²¹ Журавская Е.Г., Панарин С.А. Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен, М., 1990. С. 50.

²² Шимов Я. Австро-Венгерская империя, М., 2003. С. 608.

Причем, главным источником пополнения рабочими кадрами нефтяной промышленности Баку являлась азербайджанская деревня. Этот факт вынуждены признавать даже авторы, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к азербайджанским тюркам. Например, М. Волхонский и В. Муханов в своей недавно опубликованной работе «По следам Азербайджанской Демократической Республики», которая изобилует фактами искажения истории национального движения азербайджанских тюрков в начале XX века, отмечают, что основная часть наемных рабочих в нефтяную промышленность Баку рекрутировались из представителей местного сельского населения и отходников из Южного Азербайджана²³. В 1904 году азербайджанские тюрки составляли 41,5% рабочих Бакинских нефтепромыслов, русские – 26,5%, армяне – 18%, рабочие других национальностей – 14%²⁴.

В исследуемый период процесс формирования устойчивых кадров потомственных рабочих в Азербайджане, несомненно, находился лишь на начальной стадии. Азербайджанские тюрки составляли основную часть низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих, а их доля среди высококвалифицированных рабочих была относительно низкой. Немалая часть азербайджанских рабочих была еще связана с деревней, хотя главным источником существования для них уже стал наемный труд в промышленности.

Тем самым, в азербайджанском обществе появился класс, отличающийся новым образом жизни, новым уровнем материальных и духовных потребностей. Правда, как свидетельствуют исторические факты, рабочий класс Азербайджана не сыграл какой-либо самостоятельной роли в национальных процессах, хотя и являлся их активным участником.

В этом контексте роль формирующейся национальной буржуазии в процессах становления азербайджанской нации была несравнимо более высокой. Учитывая, что экономика Азербайджана находилась в тисках колониального гнета, азербайджанская национальная буржуазия оттеснялась в ней на задний план представителями русского, армянского и западноевропейского капитала.

²³ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 14.

²⁴ Большая Советская Энциклопедия. Т. 4. М., 1950. С. 90.

Наглядным подтверждением тому являлась ситуация в нефтяной промышленности. Царская администрация всеми средствами стремилась ограничить участие азербайджанского капитала в этой ведущей отрасли экономики Азербайджана. По этой причине, начиная с отмены откупной системы в 1872 году, вплоть до октябрьского переворота 1917 года в нефтяной промышленности Баку доминировали сначала русские и армянские предприниматели, а позднее представители западного капитала.

Правда, по количеству контролируемых предприятий азербайджанский капитал занимал видное место в нефтяной промышленности. Так, к началу XX века из 167 нефтепромышленных предприятий представителям азербайджанского капитала принадлежало 49, или 29,3%. Для сравнения отметим, что армянские капиталисты владели 55 нефтепромышленными предприятиями (32,9%), русские - 21 (12,8%), еврейские - 17 (10,2%), грузинские - 6 (3,6%), и, наконец, западные - 19 (11,3%).

Но при этом азербайджанские капиталы доминировали преимущественно в мелких и, частично, в средних нефтяных предприятиях. А в крупных предприятиях с ежегодной производственной мощностью более 10 млн. пудов нефти азербайджанские предприниматели вообще не были представлены²⁵.

Экономическая политика царского правительства, направленная на превращение Азербайджана в аграрно-сырьевой придаток метрополии, ограничивала предпринимательскую деятельность азербайджанской буржуазии не только в нефтяной, но и во многих других отраслях обрабатывающей промышленности.

Впрочем, несмотря на эти усилия царской администрации, национальной буржуазии Азербайджана все же удалось овладеть определенными позициями в экономике страны, в том числе в нефтедобыче и нефтепереработке. Более прочными были позиции представителей азербайджанского капитала в металлообрабатывающей, шелкоткальной, легкой, пищевой и некоторых других отраслях промышленности. Значительной была прослойка азербайджанской бур-

²⁵ Цит. по: *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998. С. 28.

жуазии также в торговле и морском транспорте, где ей принадлежала большая часть морских судов, плавающих на Каспийском море.

Безусловно, среди представителей национальной буржуазии было немало таких, которые проматывали свои состояния на женщин, лошадей, азартные игры, роскошества и излишества, возводили для себя и родных изумительные дворцы. Один азербайджанский нувориш даже хотел построить дом из чистого золота, но в последний момент его отговорили. Их социальная ответственность, в лучшем случае, не шла дальше благотворительности²⁶.

Впрочем, были и приятные исключения. Например, во главе азербайджанской буржуазии стояли такие незаурядные личности, как Г. З. Тагиев, Ш. Асадуллаев, М. Мухтаров, М. Нагиев и др. Среди них наиболее яркой фигурой, несомненно, являлся Гаджи Зейналабдин Тагиев (1838-1924). Будучи достаточно популярной фигурой среди народных масс, Г.З.Тагиев немало сделал как для консолидации азербайджанской национальной буржуазии, так и для национального развития азербайджанских тюрков. Он построил первый в Баку театр, финансировал издание азербайджанских газет, заботился об образовании детей и подростков. Благодаря материальной поддержке Г.З. Тагиева многие азербайджанские тюрки смогли получить высшее образование в различных университетах России.

В этой связи известный татарский общественный деятель Ю. Акчура справедливо отмечает, что «тюркское национальное движение в Баку приобрело мощь и основательность лишь после появления таких нефтепромышленников, как Гаджи Зейналабдин Тагиев и Муртуза Мухтаров...Систематическое и непрерывное национальное движение на Кавказе стало возможным после формирования Бакинской тюрко-мусульманской буржуазии»²⁷.

По сравнению с иностранным капиталом азербайджанская национальная буржуазия была еще слабой как в организационном, так и в политическом плане. Однако необходимость борьбы за место под солнцем, против засилья иностранного капитала объективно подталкивала азербайджанскую буржуазию к активному участию в нацио-

²⁶ *Обзорник Брита*. Империя Нобелей. С. 248.

²⁷ *Акчура Ю.* Türklük // *Salname-i Servet-i Fünun*. 1912. S. 191.

нальном движении. Трудно также переоценить роль национальной буржуазии в борьбе против феодальных пережитков, в зарождении новой азербайджанской культуры и в национальном развитии в целом. Особенно неоченим вклад буржуазии в формирование интеллектуальной элиты Азербайджана, которая впоследствии стала главным организатором и двигателем национально-освободительного движения.

К сожалению, представители советской историографии не придавали должного значения роли интеллигенции в национальном развитии. Хотя общеизвестно, что любое национальное движение, целью которого всегда является формирование нации-государства, зарождается как движение интеллектуальной элиты. Идеи и лозунги, сформулированные представителями интеллигенции - писателями, журналистами, политиками и т. д., позволяют объединить и направить энергию народных масс в нужное русло. В этом отношении не составляла исключения и азербайджанская интеллигенция, выступившая в роли конструктора идеологем, которые затем с помощью средств массовой информации, культуры и искусства активно тиражировались и внедрялись в массовое сознание, тем самым стимулируя процесс национально-освободительного движения в Азербайджане.

Исторический опыт свидетельствует, что роль интеллигенции в процессе национально-освободительного движения значительно возрастает в таких колониальных и зависимых странах, как Азербайджан. Ведь в условиях отсутствия собственной государственности и соответствующих структур, призванных возглавить процесс национально-освободительного движения, только культурно-просветительская и политическая активность национальной интеллигенции позволяла развивать процесс формирования азербайджанской нации.

Поэтому, несмотря на свою относительную малочисленность национальная интеллигенция на рубеже XIX-XX вв. сыграла выдающуюся роль в осознании азербайджанским народом своих социальных, политических и национальных прав. Сравнивая положение своего народа с состоянием более развитых наций, перенимая и в соответствии с местными реалиями творчески переосмысливая европейские ценности демократии и национальной свободы, интеллигенция своей деятельностью ускоряла идейно-политический прогресс общества и стимулировала процесс формирования азербайджанской нации.

Именно осознание неравноправного положения собственного народа и поиск путей выхода из этой ситуации подтолкнули национальную интеллигенцию к формулированию идей, ставших впоследствии основой нациестроительства в Азербайджане. Как справедливо отмечает в этой связи В. А. Тишков, нация – это лишь политический лозунг, который выдвигают элитные элементы в целях мобилизации этнического самосознания для достижения определенных целей²⁸.

Наряду с социально-экономическими изменениями в начале XX века серьезное влияние на процесс нациестроительства в Азербайджане оказали политические факторы, в частности, усиление чисто национального компонента в колониальной политике Российской империи. Это было обусловлено общеевропейскими тенденциями превращения национального фактора в доминанту политических процессов.

Толчком для развития этих тенденций послужило широкое распространение к тому времени идей национализма в Европе. Эти идеи стали движущей силой европейской истории XIX в. и привели к созданию в Европе первых национальных государств. Как отмечает Дж. Хоскинг, именно в этот период национальное государство доказало, что не только в европейском, но и в мировом масштабе является самой эффективной политической единицей²⁹.

Если в XVI - начале XVII вв. основные противоречия в международных отношениях были обусловлены, главным образом, религиозными факторами, то уже на следующем этапе исторического развития - в конце XVII - XVIII вв. на передний план вышли противоречия между различными династиями. А в XIX столетии – основные мировые противоречия переместились уже в сферу национальных интересов государств.

Характеризуя процессы бурного развития национальных идей в XIX веке, У. Черчилль отмечал, что «почти полное исключение вопросов религии во всех ее формах из области политики сделало национализм самым могущественным фактором современной политики»³⁰. По его мнению, «в течение XIX века рост национализма определенно доказал, что

²⁸ Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30-38.

²⁹ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000. С. 7.

³⁰ Черчилль У. Рождение Британии. М., 2002. С. 260.

все великие державы должны считаться с этим принципом, и все больше и больше приспосабливаться к нему, если они хотят сохранить свое могущество и целостность в современных политических условиях»³¹.

Эти глобальные процессы не обошли стороной и Россию, хотя царские власти до конца сопротивлялись распространению национальных идей в стране, вполне обоснованно считая их угрозой для существования империи. В российских правящих кругах не без основания полагали, что национальные идеи неминуемо спровоцируют развитие национального самосознания у порабожденных народов и, в конечном итоге, приведут к усилению дезинтеграционных процессов внутри империи.

Характерно, что царские власти по мере своих возможностей воспротивились распространению национализма даже среди русских подданных империи, поскольку основу главной мифологемы Российской империи и самовосприятия русских составляли идеи православия. В этой ситуации подавление религиозной составляющей имперского комплекса национальными идеями могло спровоцировать системный кризис имперского сознания и привести к краху всей империи.

Таким образом, развитие и распространение национальных идей не только создавали реальную угрозу дестабилизации ситуации в колониальных окраинах Российской империи, но и требовали коренной реконструкции самосознания самих русских. По этой причине царское правительство и аристократия абсолютно сознательно торпедировали развитие национального компонента в самосознании русских, стремясь сохранить существующий примат религиозного над собственно национальным.

Однако они были бессильны перед объективным ходом исторических процессов. Тем более что, начиная с конца XIX века, лозунг права наций на самоопределение стал приобретать популярность среди порабожденных народов Российской империи. С подобной проблемой столкнулась не только Российская империя. Так, в течение XIX века решением похожей проблемы были заняты практически все колониальные империи Европы, и в первую очередь, Великобритания и Франция.

³¹ Черчилль У. Рождение Британии. С. 259.

В отличие от Великобритании и Франции, Россия являлась континентальной империей, и здесь не было морей и океанов, помогающих отчленить от колониальной периферии метрополию, чтобы затем на ее территории сформировать единую нацию. Российская империя также не могла подобно США стать «плавильным котлом» культуры и языков, сплавлявших переселенцев в единую нацию. Для этого нациям и народам колониальных окраин Российской империи, которые в отличие от американских переселенцев проживали на собственной этнической территории, необходимо было отказаться от своей истории, культуры и языка.

Между тем, в реалиях конца XIX в. обеспечение стабильности и процветания России требовало превращения всего пространства империи в русскую национальную территорию, а завоеванных народов - в единую нацию. В тогдашних условиях эта задача была практически невыполнимой, поскольку Российская империя, являясь многонациональным и поликонфессиональным государством, объединяла в себе представителей различных цивилизаций Запада и Востока. К тому же все эти народы находились на различных ступенях исторического развития. В силу этого практически было исключено появление в России общей национальной идеи, способной консолидировать различные народы империи в единое целое. К тому же нации и народы, составлявшие Российскую империю, вовсе не собирались отказываться от своей этнической идентичности, что делало практически невозможным конструирование единой российской нации.

Но, вопреки объективным реалиям, правящие круги России все же попытались реализовать заранее обреченную на неудачу идею трансформации империи в национальное государство на базе русских этнических ценностей. Проявлением этой политики стало усиление с середины 80-х гг. XIX века русификаторских тенденций во внутренней политике царизма. Она достигла своего апогея в начале XX века, когда в 1906 году правительство Российской империи возглавил П. Столыпин, убежденный сторонник «приобщения инородцев к русской государственности и русской цивилизации».

Говоря о причинах, подтолкнувших российские власти к подобному рискованному шагу, следует учесть, что революция 1905-1907 гг. и поражение в русско-японской войне серьезно подорвали авторитет

самодержавия и привели к серьезному идейному кризису политического режима. Как констатировал Н.А. Бердяев, «из официальной фразеологии «православие, самодержавие и народность» исчезло реальное содержание, фразеология эта стала неискренней и лживой»³².

В этих условиях царские власти, после некоторого замешательства, продиктованного революционными событиями в стране, все же решились сделать ставку на национализм господствующей нации, рассматривая его средством разрешения усугубляющегося с каждым днем идейно-политического кризиса. Следствием этого стало усиление гонений на поработанные народы империи. Именно подобным образом царский режим отреагировал на развитие националистических настроений среди представителей угнетенных национальных меньшинств империи.

П. Столыпин, возглавивший российское правительство в этот критический для империи период, решил опереться на идеологию национализма, которая обеспечивала устойчивость западных государств. Столыпинский план преобразований предусматривал решение национального вопроса в рамках «единой и неделимой Великой России». Тем самым правительство П. Столыпина всерьез считало возможным формирование и внедрение в сознание всех разноязычных и разноплеменных подданных российского императора общей консолидирующей национальной идеи на базе русской идентичности.

Правда, ради справедливости следует признать, что даже в правящих кругах России многие влиятельные фигуры с большим скепсисом относились к планам П. Столыпина. Так, бывший премьер-министр России С. Ю. Витте по этому поводу отмечал, что «всякий же, знающий историю, знает, как трудно спаивать разнородные населения в одно целое, в особенности при сильном развитии в XX столетии национальных начал и чувств»³³. С. Ю. Витте не без основания полагал, что в российских условиях, «когда около 35% населения составляют инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игно-

³² *Бердяев Н.* Самопознание (Опыт философемной автобиографии). М., 1991. С. 242-243.

³³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 716.

рируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, - их религию, их язык и пр. Девиз такой империи не может быть «обращу всех в истинно русских»³⁴.

Характеризуя политику П. Столыпина, как «чистокровный, примитивный расизм», американский историк Лакер Уолтер подчеркивает, что для реализации подобных идей «в стране, где половина населения была нерусского происхождения..., необходимо было взять курс на изгнание или уничтожение всех нерусских». Л. Уолтер признает, что «такое решение было бы чересчур радикальным для партии, которая хотя и шла к фашизму, но была еще далека от этих неясных целей»³⁵.

Вся эта русификаторская политика правительства П. Столыпина прикрывалась спекуляциями относительно цивилизаторской миссии русских в отношении инородцев и необходимостью их приобщения к европейской культуре. Думается, что наиболее аргументированным ответом на подобные демагогические заявления о великой миссии русской культуры в отношении поработанных народов империи является высказывание татарского общественного деятеля начала XX в. Садри Максуди, который с горечью вопрошал: «Скажите же нам откровенно, когда нам предлагалась русская культура, освобожденная от всяких русификаторских тенденций? Когда предлагался правительством русский язык без задней мысли обратить мусульман в православие?.. Русское правительство до сих пор, уверяю вас, ничего не делает для того, чтобы ввести среди нас, мусульман, культуру в смысле цивилизации. Были тенденции, как я вам описал, обратить в православие, было желание насадить русификацию, но никогда не открывалось ни одной школы с единственной целью - обучать арифметике, географии и русской литературе»³⁶.

В конечном итоге, подобная политика не только потерпела полное фиаско, но и дала мощный импульс развитию процессов национального пробуждения среди угнетенных народов Российской импе-

³⁴ *Bumte C.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 350-351.

³⁵ *Лакер Уолтер.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 64-65, 69.

³⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия I. СПб., 1908. Стлб. 2646-2648.

рии. Именно чувство национального самоутверждения, обостренное политикой дискриминации, проводившейся царской администрацией, создало благоприятную почву для проявления антитезы «мы-они», которая сыграла огромную роль в нацистроительстве в колониальных окраинах Российской империи, сведя на нет все русификаторские усилия правительства П. Столыпина.

Ведь осознание своего неравноправия порождает у дискриминируемых общностей интересы, отличные от интересов страны, в состав которой они вошли по тем или иным причинам. Кроме того, национальная дискриминация, создающая реальную угрозу для существования той или иной этнической общности, способствует резкой активизации этнической идентичности. И это не может не привести дискриминируемый этнос к борьбе за свои права, в ходе которой происходит формирование нации.

Но ради справедливости в заключение хочется отметить, что, несмотря на всю тяжесть национально-колониального гнета и на субъективные устремления царской администрации, именно нахождение Азербайджана в составе Российской империи объективно способствовало развитию модернизационных процессов в азербайджанском обществе, которые, в свою очередь, создали социально-экономические и политические предпосылки для развертывания процессов нацистроительства среди азербайджанских тюрков.

Подчеркивая роль этого фактора, М. Э. Расулзаде писал: «У русских есть известная поговорка: «нет худа без добра». Русская оккупация имела и положительные моменты для Азербайджана, одним из которых явилось то, что азербайджанские тюрки осознали себя как социальное явление, общество, имеющее свои культурные традиции, иными словами, они поняли, что представляют собой нацию...»³⁷.

³⁷ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего века // Хазар. 1990. № 1. С. 49.

§ 2. Зарождение национальных идей в культурно-языковой сфере и первые попытки постановки проблемы идентичности азербайджанских тюрков

Процесс формирования нации может приобретать различные формы в зависимости от конкретных исторических и социально-экономических условий, хотя его содержание всегда остается неизменным. Эрнест Геллнер выделяет три основных типа формирования нации: централизация, унификация и «национальное строительство». Формирование наций путем централизации была характерна для таких европейских государств, как Великобритания, Франция, Испания и Португалия. В процессе национализма в этих странах местные диалекты, незначительно отличающиеся от языка чиновников, были заменены стандартизованным языком государственного аппарата. Носителем этого процесса национализации выступал уже существующий государственный аппарат.

Унификация, как способ создания единой нации, была характерна для стран, где уже сложилась достаточно стандартизованная культура. И задача состояла в том, чтобы этой культуре придать единый политический статус. Это предполагало объединение мелких или средних государств посредством войн или дипломатической борьбы. Лидирующими фигурами в этом процессе выступали военные и дипломаты, а не мыслители и поэты. Типичным примером унификации является процесс создания германской и итальянской нации.

Что же касается третьего типа формирования нации - «национального строительства», то оно свойственно странам, где требование новой государственности обосновывалось только культурным своеобразием данной территории. Здесь еще нет культуры с четко выраженной формальной основой, как и нет государства, защищающего эту культуру. Этот тип преобладал, в основном, среди народов Центральной и Восточной Европы. Подобный тип национализма, который условно можно назвать «восточным», действовал во имя еще не окончательно сложившейся высокой культуры, которая только-только зарождалась и находилась в процессе формирования.

Представители народов Центральной и Восточной Европы все еще были связаны множеством сложных родственных, территориальных и

религиозных уз. Поэтому, чтобы заставить их подчиниться националистическому требованию, было недостаточно нескольких удачных военных сражений и дипломатических побед. Требовалось мощное и целенаправленное культурное строительство, которое во многих случаях сопровождалось перемещением народов, их изгнанием, насильственной ассимиляцией, а иногда и истреблением с целью достижения той тесной связи между государством и культурой, которая и составляет суть национализма. И все это не было следствием какой-то невиданной жестокости националистов, которые были не хуже и не лучше всех остальных, а вытекало из неизбежной логики развития ситуации.

В подобном типе нациестроительства на первый план выдвигался не воин или государственный деятель, а фигура активиста-пропагандиста, интеллектуала, энергия которого была направлена, прежде всего, на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и исторических черт не доминирующей группы, с последующим закреплением этих фактов в сознании соотечественников³⁸.

Подобным образом, в основном, происходило формирование наций внутри таких полиэтнических империй, как Австро-Венгерская, Османская и Российская, в которых многочисленные этнические группы, находясь в подчиненном положении в отношении доминирующей нации, подвергались дискриминации по этническому и религиозному признаку.

Именно третий тип нациестроительства был характерен и для Азербайджана на рубеже XIX-XX вв. Поэтому неудивительно, что наиболее активными участниками процесса формирования азербайджанской нации являлись представители интеллектуальной элиты - писатели, поэты, журналисты и т. д.

По определению М. Хроха, национальное движение есть стремление некоей этнической общности конституироваться в полноценную нацию путем развития национальной культуры, основанной на местном языке, а также обретения гражданских прав и политического самоуправления - сначала в форме автономии, а в конечном счете, и независимости. По мнению М. Хроха, любое национальное движение, хотя и по-разному, проходит от своего начала до завершения три

³⁸ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 125.

этапа: 1) создание фонда языковых, культурных, социальных, исторических ценностей, которые должны быть освоены членами этнической общности; 2) патриотическая агитация на базе этих ценностей, призванная разбудить в членах этой общности национальное самосознание; 3) формирование массового движения всех сочувствующих национальной идее и пропаганде, придающих первостепенное значение своей национальной идентичности.

Таким образом, суть начального этапа нациестроительства предусматривает утверждение единого языка, высокой культуры, администрации и образования, а также общенациональной идентичности, способной подавлять региональные отличия или, в крайнем случае, терпеть их в подчиненном статусе.

Исходя из этого, начальный этап нациестроительства называют культурно-языковым. На данном этапе идет процесс сбора информации об истории, языке и культуре не доминантной этнической группы. Другими словами, происходит процесс «открытия» интеллектуалами этнической группы и закладывание основ для последующего формирования «национальной идентичности». Этот период охватывает в Азербайджане примерно вторую половину XIX - первые годы XX вв.

Решающая роль культурно-языковых аргументов в программах многих национальных движений в Центральной и Восточной Европе на начальной стадии их развития была обусловлена объективными факторами. Ведь в XIX веке, когда активисты национальных движений в этих регионах впервые начали свою агитацию, члены не доминантных этнических групп были в политическом отношении не образованы и не обладали опытом общественной деятельности. В этих условиях идеи общего языка и культуры были гораздо более доступны для понимания народных масс, чем заумные концепции о политических свободах. В этом смысле языковые и культурные апелляции выступали в качестве замены четко выраженным политическим требованиям³⁹.

В конце XIX века аналогичная ситуация сложилась и на Кавказе. Характеризуя состояние национальных движений на Южном Кавказе в этот период, З. Авалов отмечает, что они еще «не вылились в политическую формулу и тяготеют лишь к созданию культурной среды в терми-

³⁹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации. С. 137.

нах данной национальности и жаждут юридических условий, благоприятных для такого создания»⁴⁰.

Кроме того, для возникновения настоящей политической программы требовалось наличие двух факторов, которые в тот момент на Южном Кавказе отсутствовали. Во-первых, не было достаточной насыщенности национальной среды культурным содержанием и, следовательно, достаточной напряженности национальных чувств. И, во-вторых, полностью отсутствовал известный минимум внешних условий и, прежде всего, определенный политический «климат», без которого национальный вопрос физически не может развернуться и приобрести политическую окраску⁴¹.

В силу этих обстоятельств формирующаяся национальная интеллигенция в течение всей второй половины XIX века была занята подобным «заполнением» культурной среды в азербайджанском обществе, т.е. созданием качественно новой системы национальной культуры, функционирующей на новом литературном языке. Основное содержание этого процесса составляло усвоение и синтез достижений европейской цивилизации с многовековыми традициями этнической культуры азербайджанских тюрков.

Именно созданная в этот период новая азербайджанская культура и стала впоследствии основой национальной идентичности. В этом контексте создание во второй половине XIX столетия основ национальной культуры явилось начальным этапом процесса формирования азербайджанской нации, как бы ее «прелюдией».

Организатором и движущей силой этого процесса являлась европейски образованная азербайджанская интеллигенция, созданная самой русской властью для нужд колониального управления регионом. Однако, как это нередко бывает в истории, азербайджанская интеллигенция, усвоившая посредством русской культуры либеральные ценности и идеи европейского общества, в конечном итоге, вышла далеко за рамки, предначертанные ей русскими колонизаторами⁴².

⁴⁰ *Авалов З.* Национальный вопрос на Кавказе // Русская мысль. 1911. № 12. С. 87.

⁴¹ Там же. С. 83.

⁴² *Фурман Д.* Азербайджан и Россия. Введение // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001. С. 6.

Следует учесть, что даже в наиболее развитых государствах Европы – Великобритании, Франции, Испании, Германии, Италии и др. процесс формирования наций сопровождался многими сложностями и продолжался в течение всего XIX века. В Азербайджане же местной интеллектуальной элите приходилось действовать в более стесненных условиях, чем в Европе.

Впрочем, отставание Азербайджана и регионов Восточной Европы от Западной Европы в идеологическом плане было значительно меньшим, чем в сфере социально-экономического развития. По выражению Б. Андерсона, это было обусловлено вторичным, имитационным характером национальных идеологий в Центральной и Восточной Европе, которые заимствовали готовые конструкции и адаптировали их применительно к своим условиям. Тем самым в Восточной Европе «нация» была идеей, целью, образом, к которому можно было стремиться с самого зарождения движения, а не постепенно формирующейся концепцией, как это было в Западной Европе⁴³.

Другое дело, что в колониальных окраинах Российской империи и в Восточной Европе национальные идеи и образы возникали и функционировали в существенно иной социальной среде по сравнению с теми условиями, где эти идеи первоначально сформировались. По сравнению с Западной Европой, в этих регионах возможности массовой коммуникации и механизмы, которыми располагала местная интеллигенция для решения задач нациестроительства, были более ограниченными. И самое главное, подавляющее большинство этих народов находилось в колониальной зависимости и, как следствие, не обладало собственной государственностью.

Эти особенности в полной мере были характерны и для Азербайджана. Причем, условия для развертывания процессов нациестроительства в Азербайджане были более сложными, чем даже в Восточной Европе. Ведь Азербайджан был частью исламского мира, что серьезно затрудняло задачу местной интеллигенции, которой предстояло применить созданные в Европе идеи в довольно самобытной обстановке, характеризующейся полным доминированием клерикально-религиозного мышления.

⁴³ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983. P. 67.

Буквально все сферы жизнедеятельности азербайджанского общества были пронизаны религиозной догматикой, которая, отрицая свободу воли, не приемля индивидуализм, ставя веру выше логики и научных знаний, тем самым, сковывала инициативу человека, тормозила развитие производительных сил и общественной мысли. В конечном итоге, это негативно влияло на этническое развитие азербайджанских тюрок.

В условиях, когда все законы определены Кораном, сама эта догматика превращается в тормоз для инноваций и развития социума. Чтобы подул свежий ветер модернизаций, или хотя бы для частичного реформирования надо было пробить стену устоявшейся системы ценностей, которая прочно была вплетена в ткань традиционной культуры, особенно в ткань духовного ядра этой культуры⁴⁴.

В этой ситуации путь к реформам и модернизации азербайджанского общества открывали только преодоление доминирования в общественной жизни религиозных норм и посягательство на незыблемость конфессиональной идентичности. Не случайно, что новая национальная культура, процесс формирования которой составлял содержание ранней стадии нациестроительства в Азербайджане, характеризовалась ярко выраженной антиклерикальной направленностью.

Первые азербайджанские модернизаторы отдавали себе отчет в том, что дальнейшее пребывание народных масс в положении культурной и социальной стагнации, обусловленной засильем религиозного мышления, угрожает поглощением азербайджанского этноса другими, более развитыми народами и культурами.

Процесс формирования национальной идентичности у азербайджанских тюрок осложнялся также значительным влиянием персидской культуры и языка в азербайджанском обществе. Так, персидский язык в средние века фактически превратился «в официальный язык тюрок»⁴⁵, и вплоть до середины XIX века значительная часть произведений азербайджанской литературы создавалась именно на этом языке.

⁴⁴ Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 284.

⁴⁵ Расулзаде М. Э. Сиявуш нашего века // Хазар. 1990. № 1. С. 48.

Поэтому важнейшей чертой новой азербайджанской культуры наряду с антиклерикальной направленностью была ее нацеленность на борьбу за чистоту национального языка и расширение областей его функционирования.

Основу зарождающейся новой системы национальной культуры составляли просветительские идеи. Безусловно, эти идеи были заимствованы азербайджанскими модернизаторами из произведений русских и западноевропейских просветителей. Но каким бы значительным ни было российское и западное влияние, азербайджанское просвещение возникло как специфически национальное явление, отражающее насущные потребности общественного развития самого Азербайджана. Идеи русского и западноевропейского просвещения, преломляясь через призму азербайджанской действительности, обретали здесь свою специфику, переплавлялись в соответствии с материальными и духовными запросами местного общества, органически вплетались в идейную жизнь азербайджанского народа. Основы этой системы были заложены Мирзой Фатали Ахундовым и Гасан бекком Зардаби, а впоследствии дополнены и расширены целой плеядой выдающихся азербайджанских просветителей конца XIX и начала XX вв.

Цели и устремления ранних азербайджанских модернизаторов в концентрированном виде нашли свое отражение в творчестве М. Ф. Ахундова, которого по праву называют Вольтером, а иногда Мольером Востока⁴⁶. Красной нитью через все его философские и художественные произведения проходили идеи секуляризма. Именно благодаря М.Ф. Ахундову и его последователям азербайджанские тюрки стали пионерами секуляристского движения в исламском мире⁴⁷.

М.Ф. Ахундов был последовательным поборником снижения роли ислама в общественно-политической и повседневной жизни мусульманских народов и стран. Подвергая жесткой критике не только отдельных мусульманских проповедников, но и основные постулаты ислама, он считал эту религию одной из главных причин социально-экономической и культурной отсталости мусульманских народов.

⁴⁶ *Shissler A. Holly.* İki imparatorluk arasında. S. 161.

⁴⁷ *Shaffer B.* Sınırlar ve kardeşler. S. 26.

Как он подчеркивал, «1280 лет мы жили с верою, и день ото дня положение наше становилось хуже и хуже»⁴⁸.

М.Ф. Ахундов утверждал, что ислам, возникнув среди арабской феодальной знати, явился духовным оружием в руках арабских завоевателей в борьбе за покорение восточных народов. По его глубокому убеждению, будучи по своей сущности реакционной идеологией, ислам, «навязанный арабами силою оружия»⁴⁹, не принес ничего положительного покоренным народам, кроме невежества и фанатизма, социального и национального угнетения, он стал преследовать свободу мысли и личности, отчуждать народы от их самобытной культуры.

Религия, по мнению М.Ф. Ахундова, не могла служить основой нравственности, поскольку она, оказывая пагубное влияние на благородные и возвышенные черты характера человека, воспитывает в нем лишь раболепие, низкопоклонство и мстительность. Поэтому он был убежден в том, что лишь покончив с доминированием ислама в жизни мусульманских народов можно добиться эмансипации личности и обновления общественных отношений в соответствии с требованиями эпохи модернизации.

Обладая обширными знаниями по истории мусульманской религии, М.Ф. Ахундов в своих работах подверг глубокому анализу происхождение и сущность ислама, его догматику, культ и право. При этом он нелицеприятно высказывался не только о представителях мусульманского духовенства, называя их «фанатиками и шарлатанами»⁵⁰, но и об основателе ислама пророке Мухаммеде и его женах, которых обвинял в прелюбодеянии⁵¹. Даже в наши дни за малую толику таких высказываний можно лишиться жизни, о чем свидетельствуют события вокруг небезызвестного Салмана Рушди. А в условиях середины XIX века выпады против личности пророка Мухаммеда и членов его семьи требовали особого мужества. Тем более, что в отличие от С. Рушди, М.Ф. Ахундов жил не в цивилизованной Европе, а в мусульманском обществе, в котором безраздельно господствовал ислам с его косностью и фанатизмом.

⁴⁸ Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. Баку, 1982. С. 149.

⁴⁹ Там же. С. 40.

⁵⁰ Там же. С. 58.

⁵¹ Там же. С. 100-109.

Более того, ставя под сомнение божественное происхождение Корана, М.Ф. Ахундов указывал, что он «с начала до конца есть произведение собственного воображения пророка Мухаммеда»⁵². Он также ставил под сомнение возможность создания мусульманского права пророком Мухаммедом по божественному внушению. Открыто обвиняя пророка Мухаммеда в плагиате, М.Ф. Ахундов отмечал, что «свою новую и сухую религию он преобразовал частично из сказаний Библии и Евангелии, частично из вероучения огнепоклонников». Что же касается мусульманского права, то, по мнению М.Ф. Ахундова, оно было заимствовано и переработано пророком Мухаммедом из доисламского права арабов⁵³.

Иногда борьба М.Ф. Ахундова против религиозной ортодоксии доходила до атеистических выпадов. Впрочем, вряд ли это дает основание считать М.Ф. Ахундова воинствующим атеистом, как это пытались представить многие советские исследователи. Более того, он сам не уставал повторять, что «вовсе не желает, чтобы народ наш стал атеистом и впал в совершенное безверие и безбожие». Он лишь пытался объяснить, что «исходя из требований современной эпохи и культуры, ислам нуждается в реформации, реформации радикальной, сообразно с духом прогресса и цивилизации»⁵⁴.

Указывая на тесную внутреннюю связь ислама с восточным деспотизмом, М.Ф. Ахундов отмечал, что мусульманские народы «находятся как бы сжатыми в тисках: с одной стороны, давит необузданный деспотизм государей, а с другой – грубый, невежественный фанатизм духовенства»⁵⁵. Чтобы вывести мусульманские народы на путь социально-культурного прогресса, необходимо упразднить эти преграды - таков лейтмотив всех произведений М. Ф. Ахундова.

М.Ф. Ахундов несколько не сомневался в том, что мусульманская религия «ведет к совершенному деспотизму, хотя и не прямо, но косвенно, по духу своего учения проповедуя жестокость и беспощадность»⁵⁶. Поэтому он не без основания считал ислам духовным облечением восточного деспотизма.

⁵² Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. С. 116.

⁵³ Там же. С. 120-121.

⁵⁴ Там же. С. 155.

⁵⁵ Там же. С. 35.

⁵⁶ Там же. С. 43.

Не ограничиваясь критикой религиозного фанатизма, М.Ф. Ахундов указывал и пути реформ мусульманских стран. Предупреждая, что «прочность династии обуславливается образованностью нации и освобождением ее от суеверия», он предлагал мусульманским правителям «искать всевозможные средства для просвещения народа»⁵⁷.

М.Ф. Ахундов подчеркивал, что каждый правитель «должен соединиться с народом в чувствах и мыслях, и не считать государство своей исключительной собственностью, а признать себя только поверенным нации для управления ею и ее отечеством»⁵⁸. Не ограничиваясь этим, он советовал мусульманским правителям с участием народа «устанавливать законы, основать парламенты, во всех своих действиях руководствоваться законами и не иметь права ни на какой произвольный поступок, то есть вступить на путь прогресса и шагнуть в круг цивилизации»⁵⁹.

М.Ф. Ахундов отмечал, что хотя в настоящее время мусульманские народы оказывают беспрекословное повиновение своим правителям, «но оно оказывается под влиянием страха, а не любви; повиновение же, оказываемое под влиянием страха, не может быть продолжительным». Напоминая о трагической участи Надир шаха, убитого в ходе дворцового переворота, он писал: «Никто не может превосходить своим деспотизмом Надир шаха, и нельзя вообразить повиновения больше того, которое ему оказывалось народом, но под конец какой же был результат?»⁶⁰.

М.Ф. Ахундов признавал вполне естественным право народов свергнуть деспотическое государство. Обращаясь по этому поводу к народу, он писал: «Ты числом и средством в сто раз превосходишь деспота и тиранов, тебе недостает только единодушия и единомыслия»⁶¹.

М.Ф. Ахундов особо акцентировал внимание на различия в поведении европейских и восточных монархов среди своих подданных. «В европейских государствах, - отмечал он, - народ при каждом появлении

⁵⁷ Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. С. 61.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 60.

своего монарха наполняет воздух радостными возгласами». Между тем, в мусульманских странах, например в Иране, «во время выхода падишаха из дворца и его шествия по городу ферраши (шахские стражи - А.Б.) дубинами отгоняют народ с дороги перед его появлением»⁶².

Эти высказывания М.Ф. Ахундова о характере восточных деспотий и высокомерном отношении мусульманских правителей к собственному народу не потеряли свою актуальность и в наши дни, поскольку за полтора столетие в исламском мире мало что изменилась. Безусловно, сегодня большинство мусульманских руководителей, следуя политической моде, именуют себя президентами, но «падишахская» сущность их политических режимов остается неизменной.

По мнению М.Ф. Ахундова, мусульманские народы могут преодолеть значительное отставание от Европы и «достигнуть полного счастья» лишь в том случае, если «высвободятся от векового своего заточения»⁶³. Он считал, что для пробуждения исламского мира от «сна неведения» необходимо приобщение мусульманских народов к достижениям европейской науки и техники.

Причем, в отличие от реформаторов периода Танзимата в Османской империи, М.Ф. Ахундов полагал, что без восприятия европейских взглядов и ценностей, а также проведения коренных социальных реформ, одно лишь применение научно-технических достижений Запада не даст должного эффекта с точки зрения модернизации мусульманского общества⁶⁴.

На наш взгляд, данная разница в подходах к проблеме модернизации базируется на том, что турецкие реформаторы периода Танзимата считали развитие Европы результатом только превосходства их техники, и, прежде всего, оружия. Для М.Ф. Ахундова же причиной европейского доминирования являлось культурное превосходство, страсть европейцев к усовершенствованию собственной личности и окружающего мира.

Противопоставляя науку и религию, он показывал их несовместимость. По его словам, наука отличается от религии так же, как ис-

⁶² Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. С. 62.

⁶³ Там же. С. 151.

⁶⁴ Shissler A. Holly. İki İmparatorluk arasında. S. 163.

тина от лжи, правда от кривды. Научное познание доказуемо, оно основано на фактах, религиозное же предание недоказуемо, поскольку опирается лишь на слепую веру.

В этом отношении бурное развитие и прогресс Европы и Северной Америки М.Ф. Ахундов объяснял широким распространением в этих частях света науки и образования. В Азии же «дорога к наукам и образованию совершенно заграждена» религией, что является главной причиной нынешнего жалкого состояния мусульманских народов⁶⁵. Поэтому М.Ф. Ахундов настоятельно советовал мусульманам, всеми способами стремиться к науке и просвещению, а «не гоняться за баснями и сказками и сделаться рабами баснописцев и сказочников»⁶⁶, как он называл мусульманских улемов.

В своем неудержимом стремлении к просвещению и прогрессу М.Ф. Ахундов замахнулся даже на священную для мусульман арабскую графику. Достаточно отметить, что он одним из первых в исламском мире выступил с идеей реформы арабского алфавита, видя в нем главную причину отсталости мусульманских народов⁶⁷. Как он отмечал, «если не заменить этот алфавит, коль существует мир, исламская нация останется в темноте невежества»⁶⁸. Безусловно, М. Ф. Ахундов абсолютизировал значение алфавита в просвещении масс. Однако, сама идея реформирования арабского алфавита, который в исламском мире считался священным и неприкосновенным, являлась проявлением модернистских устремлений ее автора.

Наряду с развитием науки и образования М. Ф. Ахундов ратовал за критическое переосмысление всей старой «мусульманской» культуры. Он был убежден в том, что культура мусульманских народов, в том числе азербайджанских тюрков, не может успешно развиваться без освоения опыта и достижений европейской культуры. Тем самым М.Ф. Ахундов и его последователи стремились ликвидировать известную изоляцию и отставание азербайджанской литературы от развития мировой художественной и эстетической мысли.

⁶⁵ *Shissler A. Holly. İki İmparatorluk arasında. S. 153.*

⁶⁶ *A. g. e., S. 149.*

⁶⁷ *Yüksel İ. Azerbaycanda fikir hayatı ve basın. S. 45.*

⁶⁸ *Ахундов М.Ф. Сочинения. Т. 3. Баку, 1955. С. 166.*

Рассматривая литературу в качестве влиятельной общественной силы в борьбе за обновление и развитие общества, М.Ф. Ахундов выступал против устаревших форм восточной поэзии, уводящей читателя от реальной жизни. Он подчеркивал, что у мусульманских народов своеобразное понятие о поэзии, и они, не заботясь о содержании своих поэтических произведений, «всякую рифмованную ерунду принимают за поэзию»⁶⁹.

В этом контексте М.Ф. Ахундов сыграл ключевую роль в формировании реалистического характера новой азербайджанской литературы и ее переориентации на светскую проблематику. Именно он впервые теоретически обосновал и утвердил на практике принципы реализма в азербайджанской литературе. Благодаря творчеству М. Ф. Ахундова реализм стал основой зарождающейся системы новой национальной культуры.

Отвергая принцип «искусство для искусства», М. Ф. Ахундов основное назначение литературы видел в служении делу просвещения, воспитания и прогресса народа. Он рассматривал литературу и искусство в качестве эффективного средства активного воздействия на сознание людей, улучшения их нравов. «Наша цель, - писал М. Ф. Ахундов, - заключается в искоренении невежества и косности наших единоверцев, в достижении процветания родины путем распространения наук и знаний в массах. Наша цель заключается в том, чтобы высоко поднять знамя свободы, справедливости и дать народу возможность спокойно строить свою жизнь, идти к благоденствию и достичь зажиточного существования»⁷⁰.

В своих сочинениях М.Ф. Ахундов часто употреблял слова «гуманизм», «патриотизм», «нация», вкладывая в них социально-политическое содержание. Например, как он пояснял, патриот - это «человек, который ради любви к родине и народу не пощадит своей жизни, трудится во имя свободы, благосостояния своего отечества и народа и готов на этом пути переносить всякие мучения и страдания»⁷¹. С этих же идейных позиций М.Ф.Ахундов призывал передовых людей Азербайджана брать пример с русских и европейских патриотов и так же, как они, неустанно бороться за интересы народа и отечества.

⁶⁹ Ахундов М.Ф. Сочинения. Т. 3. С. 44.

⁷⁰ Ахундов М. Ф. Избранные философские произведения. М., 1962. С. 281.

⁷¹ Там же. С. 167.

Безусловно, М. Ф. Ахундов рассматривал проблемы отсталости родного народа в общемусульманском контексте, и для него не существовало проблемы национальной идентичности азербайджанских тюрков. Но, разрушая прежние идеологические стереотипы, выступая против исламских догматов, создавая свои произведения на азербайджанском языке и, тем самым, способствуя устранению засилья персидского языка в азербайджанской литературе, М. Ф. Ахундов расчищал идеологические завалы на пути становления самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков.

М. Ф. Ахундов пытался в доступной и наглядной форме популяризировать прогрессивные идеи среди народных масс. Стремление найти для себя общественную трибуну, с которой он мог бы донести свой голос не только до узкого круга образованной части общества, но и до более широких слоев народа, заставило М. Ф. Ахундова обратиться к драматургии. С этой целью им с 1850 по 1856 годы были написаны шесть оригинальных комедий на азербайджанском языке, которые стали базой для возникновения современного национального театра в Азербайджане. Эти комедии, в которых высмеивались пороки тогдашнего азербайджанского общества, обусловленные, по мнению автора, религиозным суеверием и невежеством, являлись реалистическим «портретом традиций и обычаев азербайджанских тюрков»⁷².

Своими пьесами М.Ф. Ахундов заложил основу драматургического жанра не только в Азербайджане, но и в тюркском мире. Достаточно отметить, что он примерно на 20 лет опередил Намика Кемаля, автора первой оригинальной пьесы на турко-османском языке - «Родина, или Силистра»⁷³.

Обращение М.Ф. Ахундова к драматургии не было случайным, поскольку по его замыслу, в парализованном материальной и духовной стагнацией азербайджанском обществе театр должен был стать действенным средством борьбы с невежеством, отсталостью и косностью феодально-религиозного мышления. Он учитывал также и то обстоятельство, что в условиях практически поголовной неграмотности населения только с помощью театральных постановок можно

⁷² Shaffer B. Sınırlar ve kardeşler. S. 30.

⁷³ Shissler A. Holly. İki imparatorluk arasında. S. 162.

было донести до широких масс слово правды и прогрессивные идеи, и способствовать «улучшению людской морали».

М.Ф. Ахундов своим творчеством на десятилетия вперед определил стратегические направления развития азербайджанской литературы, ее идейных и художественных исканий. Он заложил основу процесса секуляризации азербайджанской культуры. Благодаря его яркому и многогранному таланту научная и философская мысль Азербайджана, освободившись от оков клерикально-мистических догм средневековья, сделала резкий скачок вперед в своем развитии.

И самое главное, М. Ф. Ахундов положил начало процесса полного перехода национальной литературы на азербайджанский язык. В этом отношении он является родоначальником современного литературного языка азербайджанских тюрков. Ради справедливости необходимо отметить, что царизм, заинтересованный в ослаблении иранского влияния на азербайджанских тюрков вначале немало способствовал этим устремлениям М. Ф. Ахундова.

В этой связи следует напомнить, что в свое время русская власть в целях борьбы со шведским влиянием, которое было абсолютным в Финляндии, поощряла возрождение финского языка и, тем самым, сама того не желая, ускорила процесс национального пробуждения финнов.

Примерно аналогичным образом центральное правительство действовало и в Азербайджане. В российском руководстве полагали, что вытеснение местным диалектом персидского языка, который в тот момент доминировал в литературной и культурной жизни Азербайджана, будет способствовать уменьшению идеологического влияния Ирана на азербайджанских тюрков⁷⁴.

Именно этим объясняется благожелательное отношение первого кавказского наместника М.С. Воронцова к начинаниям М. Ф. Ахундова. В целях борьбы с персидским влиянием во владениях, только что отобранных от Персии, русский наместник на Кавказе, видимо, решил поддержать стремление М.Ф. Ахундова в деле развития новой национальной литературы на азербайджанском языке. Его пьесы впервые были напечатаны в 1850 году в типографии наместника в

⁷⁴ *Yüksel İ. Azerbaycanda fikir hayati ve basın. S. 45.*

Тифлисе, и первый раз его пьеса была представлена в Тифлисском дворце⁷⁵.

Отличительной чертой азербайджанской культуры данного периода являлось не только возникновение новых стилей и жанров, но и создание принципиально новой системы коммуникаций распространения прогрессивных идей. В полномасштабном развертывании процессов модернизации в скованном феодально-религиозными традициями азербайджанском обществе большое значение имело появление таких качественно новых средств коммуникации, как современный театр, периодическая печать и светское образование на национальном языке.

Одним из самых больших культурных достижений исследуемого периода стало создание национального театра. Имеются достоверные сведения, что еще в 40-50-х гг. XIX века ставились театральные постановки на азербайджанском языке в различных городах Азербайджана, в частности, в Шуше и Шамахе.

К этому же времени относится и появление в Азербайджане первого театрального здания в тогдашнем губернском центре Шамахе. Открытие театра в Шамахе состоялось 17 апреля 1858 года и происходило в торжественной обстановке. Как отмечал очевидец тех событий, «афиши переходили из рук в руки, люди торопились из разных концов города, чтобы достать билеты, по вечерам гремели экипажи богачей, спешивших на спектакль, у театрального подъезда сталкивались и ржали кони местных и приезжих беков»⁷⁶. К сожалению, сильное землетрясение в мае 1859 года положило конец существованию Шамахинского театра⁷⁷.

Впрочем, датой рождения профессионального театра в Азербайджане считается 10 марта 1873 года, когда в Баку на азербайджанском языке был показан театральный спектакль, поставленный Гасан беком Зардаби и Наджаф беком Везириным по пьесе М. Ф. Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства».

⁷⁵ *Расулзаде М.Э.* Современная литература Азербайджана // *Расулзаде М.Э.* Сборник произведений и писем. М., 2010. С. 173.

⁷⁶ «Кавказ». 1858. № 52.

⁷⁷ *Фатуллаев Ш. С.* Градостроительство и архитектура Азербайджана XIX – начала XX века. Л., 1986. С. 209.

Вскоре театральные труппы появились и в других городах - в Губе (1875), Нухе (1879), Шуше (1882), Эриване (1882), Нахчыване (1883) и Гяндже (1899), которые осуществляли постановки на азербайджанском языке. В этот же период ахундовский репертуар театральных коллективов Азербайджана начал пополняться пьесами молодых азербайджанских авторов – Н. Везирова, Н. Нариманова, А. Ахвердова, С. М. Габибзаде, а также переведенными на азербайджанский язык произведениями мировой и русской драматургии – У. Шекспира, И. Ф. Шиллера, А. Пушкина, Л.Н. Толстого и др.

К середине 80-х гг. XIX в. относится и создание в Баку первой азербайджанской профессиональной труппы под руководством С. М. Ганизаде, Г. Махмудбекова и Н. Велиева. Процесс перехода азербайджанского театра с любительского на профессиональный уровень получил особенно интенсивное развитие в 90-х гг. XIX столетия.

Трудно переоценить значимость создания современного театрального искусства в Азербайджане, поскольку цели его основателей не ограничивались рамками узко театральных проблем, а имели общекультурное и общенациональное значение. Возможности театра позволяли распространить идеи просвещения среди как можно большего числа относительно малообразованных, а зачастую и неграмотных представителей народных масс. К тому же в условиях колониальной зависимости азербайджанский театр был одним из немногих легальных средств воздействия на широкие массы.

В этом отношении азербайджанский театр сыграл уникальную роль в процессе национального пробуждения народных масс. Выступая в 1919 году на похоронах известного азербайджанского актера и режиссера Г. Араблинского, М. Э. Расулзаде подчеркивал, что идея независимости Азербайджана реализовалась, в первую очередь, благодаря деятелям искусства и театра. В этой связи он отметил «особые заслуги Г. Араблинского в воспитании народа в духе идей Свободы и Независимости»⁷⁸.

Олицетворением модернизационных процессов в азербайджанском обществе стало появление в середине 70-х гг. XIX века национальной периодической печати. Потребность в газете на родном языке ощуща-

⁷⁸ «Азербайджан». 1919. 8 марта.

лась азербайджанской интеллигенцией уже в конце 60-х гг. XIX века, но реализовать эту идею удалось только в середине 70-х гг.

Инициатива учреждения газеты на родном языке азербайджанских тюрков принадлежала Гасан беку Зардаби (1842-1907), выпускника естественно-математического факультета Московского университета. На первый взгляд может показаться странным, что он решил заняться делом, далеким от его специальности. Но таков был удел немногочисленных представителей азербайджанской интеллигенции того периода, поскольку «окружавшая их жизнь нуждалась во всех лучах света, во всех цветах солнечного спектра»⁷⁹. В этих условиях они не могли заикнуться в одной конкретной сфере, став специалистом одной профессии, как бы эта профессия не была благородна и полезна.

Как справедливо отмечает А.М. Топчибашев, реалии жизни азербайджанских тюрков не давали возможности и права для специализации, поскольку от каждого образованного человека, желавшего посвятить себя служению народу, эти реалии повелительно требовали быть и тем, и другим, и третьим.

По словам А.М. Топчибашева, народ как бы говорил представителям родной интеллигенции: «Если хочешь посвятить себя всецело служению мне, то оставь всякие надежды сделаться каким-либо узким специалистом и профессионалом; ты весь должен принадлежать мне и быть во всякое время тем, кем нужно для меня: иначе я не приму тебя на свою службу: пусть в качестве специалиста или профессионала тебе суждено хватать звезды с неба, но мне ты нужен весь»⁸⁰.

В этих условиях неудивительно, что практически все без исключения представители азербайджанской интеллигенции того периода были универсальными личностями. Ради пробуждения народных масс они вынуждены были пробовать свои силы в самых различных областях. И одним из самых ярких представителей азербайджанской интеллигенции того поколения, несомненно, являлся Г. Зардаби, которому в течение своей не очень длинной жизни пришлось стать адвокатом и журналистом, театральным режиссером и агрономом, преподавателем и гласным Бакинской Думы.

⁷⁹ Топчибашев А.М. Маяк Азербайджана. Баку, 2010. С. 90.

⁸⁰ Там же. С. 92.

Что же касается интереса Г. Зардаби к журналистике, то это было связано с тем, что он рассматривал газету важнейшим средством в деле национального пробуждения азербайджанских тюрок. Хотя претворение в жизнь этой идеи было сопряжено множеством препятствий и затруднений как политического, так и материально-технического характера.

В первую очередь, нужно было получить отзывы официальных властей о политической благонадежности Гасан бека. А это было отнюдь не простой задачей, поскольку в глазах царской власти азербайджанские тюрки были «неблагонадежным и чужеродным элементом». С еще большим недоверием царские власти относились к представителям азербайджанской интеллигенции, поскольку считали желательным и полезным в интересах государства искусственное отчуждение азербайджанских тюрок от прогресса и развития. Между тем национальная интеллигенция своей деятельностью по распространению среди народных масс просвещения и культуры ставило под угрозу достижение этой цели.

Поэтому Г. Зардаби не сразу удалось добиться от властей положительного ответа на свою просьбу относительно разрешения ему издавать газету на тюркском (азербайджанском) языке. Несмотря на то, что он еще в 1873 году обратился с подобной просьбой к царским властям, на переписку и согласование различных вопросов ушло примерно два года. И только 22 июля 1875 года увидел свет первый номер газеты «Экинчи», заложившей основу национальной прессы в Азербайджане.

За период с 1875 по 1877 гг. вышло всего 56 номеров газеты «Экинчи», ставшей трибуной просветительских идей. И, несмотря на свое недолгое существование, газета стала исключительно популярной среди мусульманской интеллигенции всего Кавказа. Основной целью газеты было «пробуждение народного самосознания, этого единственного могучего рычага в установлении и упрочении жизни на разумных началах»⁸¹.

Обращаясь к своим соотечественникам со страниц газеты, Г.Б. Зардаби писал: «Мусульмане! Неужели вы не сожалеете о том, что весь мир, даже наши соседи, стремится к просвещению, а мы стоим

⁸¹ *Топчибашев А.М.* Маяк Азербайджана. С. 26.

на месте, требуя «положить его нам в рот и прожевать? Мусульмане, думающие о судьбе нации, откройте глаза!»⁸².

На страницах «Экинчи» освещался широкий круг вопросов – от состояния школьного дела до крестьянского землепользования и земледелия. При этом «главной базой, опираясь на которую Гасан бек обращался к своей аудитории, были отрицательные условия тогдашней общей, и в частности, мусульманской жизни на Кавказе». Неслучайно, что газета выступала с резкой критикой фанатизма и суеверия, призывала народные массы приобщаться к науке и просвещению, активно ратовала за создание светской системы образования на родном языке, защищала идеи социального прогресса.

В публикациях газеты анализировались не только причины отставания исламского мира от Запада и застоя в общественной жизни кавказских мусульман, но и предлагались различные варианты выхода из этой ситуации. В одной из таких публикаций, в частности, отмечалось: «Мы не раз говорили о растущем, по сравнению с мусульманскими народами, прогрессе европейских народов и его причинах. Главная из них, безусловно, в преобладании там научного образования. Другая причина заключается в духовной свободе, существующей в Европе. Насколько европейские народы, как и мы, прежде были далеки от нее и отстали, настолько теперь они в этом смысле ушли далеко вперед. И, если по нашему шариату освобождение раба считается величайшим благом, в отношении себя мы поняли эту заповедь очень поздно. Считая раскрепощение проданного раба благодеянием, мы, тем не менее, ежедневно закабаляем сами себя: подданный зависит от государя, жена от своего мужа, дитя от отца, слуга от хозяина, ученик от учителя. Да, все мы рабы, и причиной тому служат наши унаследованные от дедов и прадедов традиции, привычки; словом, из-за отсутствия на Востоке свободы духа мы отстали от европейских народов, и пока это будет продолжаться, мы не сможем двигаться вперед по пути прогресса»⁸³.

В этой связи на страницах газеты жесткой критике подвергались все темные силы, препятствующие прогрессу мусульман - невежест-

⁸² «Экинчи». 1875. 4 noyabr.

⁸³ «Экинчи». 1877. 9 iyun.

венные муллы, алчные помещики, беки-самодуры, продажные власти на местах и т.д. На страницах «Экинчи» особо доставалось полуграмотным представителям шиитского духовенства, чье слишком большое влияние на массы Г. Зардаби считал одним из главных причин незavidного положения мусульманского мира, «в течение последних 500 лет погрузившегося во тьму»⁸⁴.

Обвиняя мусульманское духовенство в сознательном разжигании противоречий между суннитами и шиитами, он считал это обстоятельство одним из главных препятствий в достижении единства среди азербайджанских тюрок, важнейшим условием национального прогресса. Имея в виду азербайджанских тюрок, он с болью в душе писал: «Половина кавказских мусульман шииты, а другая половина сунниты. Шииты ненавидят суннитов, а сунниты шиитов. Они не в состоянии услышать друг друга. Откуда в таком случае взяться согласию»⁸⁵.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что объектом критики Г. Зардаби становились не только невежественность и фанатизм духовных лиц, но даже священные обряды и ритуалы шиизма. Например, большой переполох в обществе вызвала одна из публикаций «Экинчи», в которой автор в саркастическом тоне рассказывал о наиболее почитаемом шиитами обряде Ашура, ежегодно отмечаемым как траур по поводу мученической смерти имама Хусейна на поле Кербелы в 680 году. При этом автор заметки расценивал противоречащим основным догмам ислама и недопустимым тот факт, что в этот день правочерные мусульмане, собираясь в мечетях и других общественных местах, бичевали себя цепями и хлыстами, а также наносили себе удары режущими предметами с острым лезвием⁸⁶. Неудивительно, что данная публикация была воспринята со стороны шиитского духовенства как святотатство, и привела к еще большему усилению нападков на Г. Зардаби.

За подобные публикации противники обвиняли Г. Зардаби во всех смертных грехах, в том числе в безверии, и даже объявляли безбожником. В ответ он лишь спокойно разъяснял, что вера – дело

⁸⁴ «Экинчи». 1876. 13 may.

⁸⁵ «Экинчи». 1877. 18 yanvar.

⁸⁶ «Экинчи». 1877. 4 yanvar.

внутренней совести каждого и внешними мерами можно привить только одно лицемерие, чем в своем подавляющем большинстве и занимаются представители духовенства.

Г. Зардаби нисколько не сомневался в правоте своих убеждений и, несмотря на усиливающиеся с каждым днем угрозы и давления, не собирался свернуть с избранного пути. Он неоднократно подчеркивал, что на одной вере, какой бы она не была искренней, нельзя строить жизнь. Для этого, советовал издатель и редактор «Экинчи», необходимо «учиться, работать, приобретать познания, заимствовать у других народов все хорошее, все удобное, чтобы усовершенствовать условия жизни во всех направлениях и во всех областях»⁸⁷.

Г. Зардаби никогда не отступал перед своими оппонентами. Наоборот, демонстрируя открытость к любой критике и уважение принципу плюрализма мнений, он помещал на страницах газеты письма своих оппонентов, в которых содержалась злостная и необоснованная критика, крайне негативное отношение к «Экинчи» и собственным призывам о необходимости пробуждения от многовековой спячки. Более того, на страницах газеты периодически появлялись сатирические заметки, иногда даже недостойного характера, направленные против личности Гасан бека⁸⁸.

Впоследствии Ахмед бек Агаев в своей яркой речи на похоронах Г. Зардаби очень убедительно описал его жизненный путь и заслуги перед нацией: «Что снискал Гасан бек бескорыстным служением? Прежде всего - порицание и хулу, которые мы учиняли ему; бедность и обнищание! Стоило ему открыть рот, как мы укоряли его: держи язык за зубами! Помалкивай! Ты беден! Ты сир! То есть мы корили его за то, что он тратил время на безвозмездное служение нам, нации, вместо того чтобы заняться зарабатыванием денег. Но этот мученик, этот подвижник нации, не отступившись ни перед какими нашими укорами, уколами, продолжая следовать по избранному пути с удивительным постоянством, посвящал все усилия делу пробуждения нации, служения народу своему»⁸⁹.

⁸⁷ *Топчибашев А.М.* Маяк Азербайджана. С. 28.

⁸⁸ Там же. С. 42.

⁸⁹ «İrşad». 1907. 2 dekabr.

Г. Зардаби был глубоко озабочен тогдашним положением родного языка, поскольку образованные люди среди азербайджанских тюрок, в первую очередь из числа привилегированных слоев, пользовались тремя восточными - арабским, персидским и азербайджанским языками. Причем интенсивность использования этих языков была не в пользу азербайджанского языка. Так, многие образованные люди молились на арабском, читали и писали по-персидски и лишь говорили на своем родном тюрко-азербайджанском языке, и то с большой примесью двух остальных языков. Г. Зардаби с сожалением отмечал, что «из-за широкого распространения в наших краях персидского языка» мы не желаем читать даже турецкие газеты, издающиеся в Стамбуле⁹⁰.

Поэтому Г. Зардаби придавал большое значение возрождению национального языка и его очищению от иностранных заимствований, и в первую очередь, от парсизмов, чтобы покончить с засильем персидского языка в Азербайджане. Он с большой энергией и смелостью выступал в защиту родного языка, стараясь, насколько это позволяла терминология языка, избегать в «Экинчи» парсизмов и арабизмов. Он стремился издавать «Экинчи» на чистом тюрко-азербайджанском языке, используя при этом самые простые и доступные общему пониманию народные слова и выражения. На страницах «Экинчи» жесткой критике подвергались писатели и поэты, которые отказывались писать на национальном языке, считая его неразвитым и неприспособленным для литературной деятельности.

Все это вызывало недовольство определенной части образованных лиц, привыкших писать и читать на персидском языке, которые высокомерно называли язык газеты «Экинчи» «теракияминским (крестьянским) жаргоном», заодно обвиняя Г. Зардаби в незнании арабского и персидского языков. В этой связи газета напоминала своим недоброжелателям, что «с похожей проблемой сталкивались многие нации. Например, 150 лет тому назад представители прусской нации читали и писали на латинском языке. Но с развитием науки и просвещения добились такого упрощения своего языка, что сегодня и другие нации стремятся получить образование на их языке»⁹¹.

⁹⁰ «Экинчи». 1876. 15 mart.

⁹¹ «Экинчи». 1877. 2 fevral.

Г. Зардаби неоднократно выступал на страницах «Экинчи» с инициативой издания на азербайджанском языке научных книг, чтобы дети имели возможность приобщаться к различным наукам на родном языке. С этой целью он предлагал учредить специальное общество, которое занялось бы изданием на азербайджанском языке турецких научных книг. По убеждению Г. Зардаби, реализация этой идеи не составляла бы большого труда, поскольку, несмотря на некоторые несоответствия, в целом, между азербайджанским и турко-османскими языками не была существенной разницы. Поэтому он считал, что в данном случае речь шла не о переводе, а лишь об адаптации к азербайджанскому языку изданных в Стамбуле научных книг. Как полагал Г. Зардаби, затем эти книги можно было «распространить бесплатно или с небольшой платой среди народных масс, чтобы в наших школах дети имели возможность вместо поэтических книг читать научные сочинения»⁹².

С целью популяризации родного языка Г. Б. Зардаби также просил современных ему поэтов написать общественно значимые песни на азербайджанском языке, чтобы затем издать и распространить их бесплатно среди бакинских школьников. Однако царская цензура изъяла весь тираж отпечатанного Г. Зардаби «Сборника тюркских песен», усмотрев в нем крамолу⁹³.

Не вызывает сомнений, что усилия Г. Зардаби по возрождению национального языка были составной частью его деятельности, направленной на снижение иранского влияния на азербайджанские массы. С этой целью он постоянно выступал на страницах газеты с заметками, в которых жесткой критике подвергалась отсталость Ирана, бесчеловечность царящих в нем нравов и порядков. Все это приводило в ярость тесно связанное с иранскими кругами шиитское духовенство.

По-существу, газета «Экинчи» впервые в Азербайджане приняла попытку превратить национальный язык в средство общественной коммуникации. Как и следовало ожидать, литераторы, писавшие на персидском, приняли в штыки попытки Г. Б. Зардаби использовать «непечатный язык простолюдинов». Однако сама история по достоинству оценила заслуги Г. Зардаби «в деле возрождения

⁹² «Экинчи». 1876. 29 mart.

⁹³ *Ахмедов Э.М.* Философия азербайджанского Просвещения. Баку, 1983. С. 166.

родного национального языка, как предтечи к пробуждению национального самосознания народа»⁹⁴.

В этом контексте можно с уверенностью утверждать, что начало артикуляции тюркской идентичности в Азербайджане связано с именем Г. Б. Зардаби и его газеты «Экинчи». Правда, при этом азербайджанских тюрков он идентифицировал с османскими турками, не видя между ними существенной разницы.

Естественно, что народнические взгляды и откровенно проосманские симпатии Г. Б. Зардаби вызвали тревогу царских властей. К тому времени власти уже кардинально изменили свое отношение к попыткам утверждения национального языка за счет ослабления позиций персидского языка в азербайджанском обществе. Если сначала они оказывали всяческое содействие подобным усилиям М. Ф. Ахундова, то очень скоро осознали, что дальнейшее развитие процесса деиранизации может привести к еще менее желательному, с точки зрения российских колониальных интересов в регионе, результату - пробуждению протурецких настроений в Азербайджане.

Начавшаяся же в апреле 1877 года новая русско-турецкая война лишь ускорила закрытие газеты «Экинчи». После начала войны еще больше усилилась подозрительность царских властей в отношении азербайджанских тюрков, которых они не без основания обвиняли в симпатиях к Османской империи. Чтобы нагнать страх на азербайджанское население, власти начали репрессии, аресты и административные высылки вплоть до военных экзекуций.

В этих условиях дальнейшее функционирование газеты «Экинчи», с которой, по выражению Исмаил бека Гаспринского, началась история тюркской печати в России, стало просто невозможным. В сентябре 1877 года она прекратила свое существование, хотя формально газету никто не закрывал. Но и. о. Бакинского губернатора А. Ю. фон дер Брюгень в связи с начавшейся русско-османской войной не захотел создавать себе лишних проблем и отказал Г. Б. Зардаби в печатании газеты в губернской типографии. Данное решение губернатора было равносильно смертному приговору первой азербайджанской газете, поскольку в городе не было других типографий.

⁹⁴ *Топчибашев А.М.* Маяк Азербайджана. С. 38.

Газета «Экинчи», несмотря на кратковременность ее существования, оказала значительное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской журналистики. Прежде всего, она создала прочный фундамент, на базе которого началось бурное развитие азербайджанской журналистики. Традиции, заложенные газетой «Экинчи» в конце XIX - начале XX вв., были продолжены другими азербайджанскими печатными изданиями - «Зия» (1879-1880), «Зияйи Гафгасийе» (1880-1884), «Кешкюль» (1883-1891), «Шарги-Рус» (1903-1905) и «Гуммет» (1904-1905). И уже в начале XX века азербайджанская журналистика вышла на лидирующие позиции в исламском и тюркском мире.

Среди азербайджанских периодических изданий этого периода особенно следует отметить «Кешкюль», выходявший сначала как журнал, а затем как еженедельная газета. Это издание было основано в январе 1883 года в Тифлисе Джалалом Абдурахманом Унсизаде, который придерживался либерально-демократических убеждений.

Продолжая традиции «Экинчи», «Кешкюль» активно пропагандировал идеи просветительства, затрагивая на своих страницах вопросы политики, экономики, культуры, литературы, языка и образования. «Кешкюль» взял на себя важную функцию в национальном пробуждении путем популяризации среди читателей наиболее известных работ азербайджанской литературы. Причем, на его страницах публиковались произведения как классиков азербайджанской литературы (А. Бакиханова, М.Ф. Ахундова, С.А. Ширвани и др.), так и современных молодых авторов.

Велика была роль издания и в ознакомлении азербайджанского читателя на родном языке с произведениями русской и западноевропейской литературы. На страницах «Кешкюль» печатались переводы на азербайджанском языке произведений западноевропейских и русских (А.С. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Крылова, И. Тургенева, В. Гюго, И.Ф. Шиллера и др.), а также армянских и грузинских (И. Чавчавадзе, Д.Т. Эристави, Г. Агаяна) авторов.

В определенном смысле «Кешкюль» можно считать пионером поисков национальной идентичности. Именно на страницах этого издания впервые была поставлена проблема азербайджанской идентичности. Так, в 1891 году в «Кешкюль» было опубликовано интервью с неким М. Султановым, которое ярко характеризует ситуацию с

личной и коллективной идентичностью у азербайджанских тюрков в конце XIX века:

«Вопрос: Какой ты национальности (millet)?

Ответ: Я мусульманин, и одновременно тюрок (türk).

Вопрос: Тюрк-осман?

Ответ: Нет, я биджанлы (игра слов, т.к. на азербайджанском языке «bicanlı» означает – бездыханный, безжизненный).

Вопрос: Где находится страна, в которой живут биджанлы?

Ответ: Насколько я знаю, по одну ту сторону Аракса живут азербайджанцами (azerbaucanlı), а в отдельности мы - биджанлы.

Вопрос: Но ты говоришь по-тюркски, значит, ты тюрк (türk).

Ответ: Нет слова, точно передающего мое состояние. Я - тюрк (türk) и одновременно - биджанлы.

Вопрос: Если вы считаете себя тюрками-биджанлы, то почему вам не решить эту дилемму и называть себя просто азербайджанскими тюрками?»⁹⁵.

Как видно, налицо попытка не только постановки проблемы национальной идентичности, но и определения контуров этнической территории азербайджанских тюрков. Причем, публикация в «Кешкюле» была отнюдь не единственной, затрагивающей проблему национальной идентичности. В том же 1891 году эта проблема была поднята видным азербайджанским общественным деятелем Магомед ага Шахтагинским. В статье «Как называть закавказских мусульман», опубликованной на страницах русскоязычной газеты «Каспий», М. Шахтагинский, в частности, писал: «Желая дать закавказским магометанам имя, в последнее время на Кавказе на русском языке начали называть их «татарами». Нововведение это никак нельзя назвать удачным, ибо существует большая разница между закавказским тюрком и татаринном внутренних губерний по языку, виду, обычаю, нравам. Язык, на котором говорят закавказские магометане, относится к тюркской группе, которая делится на главные диалекты: османский, сельджукский, азербайджанский. Удобнее всего было назвать закавказских му-

⁹⁵ «Kəşkül». 1891. № 22.

сульман – азербайджанскими тюрками, а их язык тюркско-азербайджанским»⁹⁶.

Сама постановка вопроса в плане выбора соответствующего этнонима между «азербайджанским тюрком» и «татаринном» свидетельствует о подрыве первичного исламского восприятия идентичности. Это свидетельствовало о том, что молодое поколение азербайджанской элиты пытается принципиально по-новому сформулировать азербайджанскую идентичность, чтобы затем транслировать ее в массы. В этом смысле именно 90-е гг. XIX века можно считать началом поисков национальной идентичности среди представителей молодого поколения азербайджанской интеллигенции.

К сожалению, проследить ход дальнейшего обсуждения этой проблемы на страницах национальной прессы не представляется возможным, поскольку после закрытия «Кешкюль» в октябре 1891 года по решению Комитета цензуры Кавказа царские власти установили негласный запрет на учреждение азербайджаноязычных периодических изданий. Этот запрет, связанный с общим ужесточением колониальной политики царского правительства и его попытками форсировать процесс русификации колониальных окраин, действовал вплоть до 1903 года.

Поэтому, несмотря на неоднократные попытки представителей азербайджанской интеллигенции в конце XIX века, им так и не удалось добиться разрешения царской администрации на издание газет и журналов на национальном языке. Достаточно отметить, что в 90-х гг. XIX в. царские власти отказались санкционировать издание М. Шахтагинским газеты «Тифлис», Н. Наримановым - газеты «Таза хабарлар» и журнала «Мектеб». Не увенчались успехом и аналогичные попытки М. Т. Сидги, С. Мехмандарова и С. М. Ганизаде.

Между тем, в конце XIX века в России издавались 19 армянских и грузинских газет, а примерно 2 млн. азербайджанских тюрков вынуждены были обходиться без информации на родном языке⁹⁷. Это объяснялось «особым отношением» царских властей к азербайджанским тюркам, наглядным свидетельством которого является реакция

⁹⁶ Цит. по: Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. Баку, 2005. С. 41.

⁹⁷ Баберовски Йорг. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010, С. 51.

начальника Главного управления по печати Российской империи Соловьева на просьбу известного азербайджанского публициста, востоковеда, педагога и общественного деятеля Магомед аги Шахтагинского (1846-1931), который в конце XIX в. пытался получить разрешение царских властей на издание азербайджанской газеты. Отвергнув просьбу М. Шахтагинского, Соловьев при личной встрече с ним заявил: «Я категорически не могу разрешить издание азербайджанской газеты. Зачем вашему народу газета? Ваша интеллигенция должна читать на русском языке, а простые азербайджанцы пусть пасут своих овец»⁹⁸.

В официальном же ответе Главного управления по печати было написано: «Сближение носителей других языков с русскими должно происходить исключительно на базе распространения просвещения на русском языке. Появление общемусульманского периодического издания не сблизит, а наоборот, разъединит мусульман с русскими. Желание М.Шахтагинского издать газету на тюркско-азербайджанском языке может дать толчок к созданию собственной журналистики народа, до сих пор не имевшего печати на родном языке, и в конечном итоге, к скорому отдалению азербайджанцев от России»⁹⁹.

Царские власти не без основания опасались развития национальной печати в Азербайджане. Напоминая о роли СМИ в процессе становления национальной идеологии, Б. Андерсон подчеркивает, что распространение информации через доступные издания впервые в истории делает возможным доступ к ней без прямых контактов с тем, кто ее производит, причем на родном языке. И с определенного времени пресса начинает играть важную роль как в воспроизводстве, так и в усилении национальных чувств.

Подтверждением тому является и вся история азербайджанской прессы, которая, будучи мощным орудием защиты национальных интересов, активно стимулировала поиски национальной идентичности в конце XIX – начале XX веков. Между тем царские власти были явно не заинтересованы в национальном пробуждении азербайджанцев. Отсюда и такое упорное сопротивление русских колониальных властей развитию периодической печати на азербайджанском языке.

⁹⁸ «Тифлисский листок». 1905. № 211.

⁹⁹ Государственный архив Грузинской Республики. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1358. Л. 2.

Лишь в 1903 году М. Шахтагинскому с большим трудом удалось получить разрешение на издание газеты «Шарги-Рус». Наряду со злободневной политической информацией в этой газете значительное внимание уделялось вопросам языка и реформирования арабского алфавита, а также проблеме национальной идентичности. В этих вопросах «Шарги-Рус» стояла в оппозиции к издававшейся в Бахчисарае газете «Терджуман», редактор которой И. Гаспринский был активным сторонником ориентации на Османскую империю и использования всеми тюркскими народами в качестве литературного турко-османского языка. В отличие от И. Гаспринского М. Шахтагинский призывал к расширению социальных функций родного языка азербайджанских тюрков и развитию у них собственной национальной идентичности.

Более или менее сносные условия для развития азербайджанской прессы появились лишь со смягчением политического режима в Российской империи в результате революционных событий 1905-1907 гг. Воспользовавшись этим, представители азербайджанской интеллигенции за относительно короткий период превратили Азербайджан в главный центр мусульманской журналистики в Российской империи. Так, между 1905 и 1917 гг. на азербайджанском языке издавалось около 60 газет и журналов - «Хаят», «Иршад», «Фиюзат», популярный во всем исламском мире сатирический журнал «Молла Насреддин» и др.

Возникшая в последней четверти XIX века национальная пресса оказала серьезное влияние на формирование нового литературного языка и, в первую очередь, на стандартизацию языка. Ведь национальная пресса действовала как наиболее активный и оперативный орган по отбору, обработке, нормализации, непосредственному внедрению и дальнейшему закреплению новой языковой формы, новых слов и терминов, различных строевых элементов и лексических заимствований, новых явлений в языке.

Дискуссии относительно выбора литературного языка между различными печатными изданиями зачастую приобретали весьма ожесточенный характер, поскольку их участники выступали с диаметрально противоположных позиций. Но, несмотря на это обстоятельство, зарождающаяся национальная пресса в целом являлась не только

средством становления норм азербайджанского литературного языка, но и важным инструментом его демократизации. Газеты и журналы были адресованы массовому, а отнюдь не элитарному читателю, что предполагало упрощение языка периодической печати, приближение его к разговорной речи. Вместе с тем, это выдвигало в качестве непреложного требования принцип надрегionalной значимости языка периодической печати, его общепонятности. Следует отметить, что для представителей азербайджанской прессы конца XIX – начала XX вв. было характерно активное, временами даже несколько прямолинейное, вмешательство в языковую жизнь.

Тем не менее, азербайджанская пресса в значительной степени способствовала устранению недостатков, характерных для азербайджанского литературного языка донационального периода. По мнению Ф. П. Филина, наиболее важными отличительными признаками литературных языков донациональной эпохи, дифференцирующими их от национальных литературных языков, являлись следующие: 1) донациональные литературные языки не составляли (в пределах общей основы языка) единой системы с обыденной (или фольклорной) речью; 2) они не обладали всеобъемлющей поливалентностью, т. е. не обслуживали все нужды общества; 3) эти языки более свободно допускали сосуществование на равных правах разного рода регионализмов¹⁰⁰. Все эти признаки были характерны и для азербайджанского литературного языка донационального периода.

В донациональный период развития азербайджанский язык в структурном отношении представлял собой открытую систему. Нормализаторские усилия в нем были выражены очень слабо, отсутствовала кодификация языка, практически не было терминологии и стилистической дифференциации. В социальном отношении азербайджанский литературный язык донационального периода являлся привилегией представителей образованных классов высшего общества и носил при этом преимущественно письменный характер. Поскольку письменность являлась принадлежностью лишь высших слоев общества, литературный язык имел ярко выраженный элитарный характер.

¹⁰⁰ *Филин Ф.П.* Что такое литературный язык // Вопросы языкознания. 1979. № 3. С. 19.

К тому же отсутствие политической независимости способствовало широкому использованию персидского и арабского языков в письменном общении на различных этапах исторического развития азербайджанского этноса, что существенно ограничивало функционирование азербайджанского языка в области науки, культуры, образования, делопроизводства и т. д. Устоявшиеся традиции, а также социальная престижность арабского и персидского языков, делали эти языки более привлекательными и удобными для функционирования в различных сферах жизнедеятельности общества. Естественно, что это обстоятельство не способствовало развитию функциональных стилей азербайджанского литературного языка.

В конечном итоге узость социальной базы, элитарность и ограниченность функциональных стилей предопределяли подчиненное положение литературного азербайджанского языка в архисистеме общенародного языка донационального периода. Социолингвистической архисистемой общенационального языка принято считать совокупность форм его существования - территориальные диалекты, обобщенные типы устной речи (просторечие, койне), литературный язык, социальные диалекты, профессиональные жаргоны и аргю.

В донациональный период литературный язык в сфере устного общения фактически не функционировал, и в этой сфере преобладали территориальные диалекты или обиходно-разговорный язык, что и предопределило их господствующее положение в архисистеме. Именно приоритет обиходно-разговорного языка и диалектов над литературным языком является важнейшей отличительной чертой азербайджанского языка донационального периода.

В этом смысле под национальным языком понимается определенный этап в эволюции азербайджанского языка, когда в результате активного и сознательного вмешательства в языковые процессы общества, заинтересованного в создании кодифицированного, нормированного литературного языка, в архисистеме языка происходят кардинальные внутрисистемные изменения. Эти изменения были продиктованы процессом строительства основ индустриального общества в Азербайджане, который сопровождался урбанизацией, уси-

лением торгово-экономических связей, а также общими процессами социально-экономической и культурной интеграции населения.

Архисистема азербайджанского языка национального периода кардинально отличается от архисистемы донационального этапа. В частности, для языка нации характерно, прежде всего, доминирующее положение литературного языка относительно других элементов (диалектов, койне и др.) архисистемы. Тем самым, национальный язык является одним из основных признаков периода нациестроительства и имеет существенные отличия от языка донационального периода.

Наступление национальной эпохи в развитии азербайджанского этноса характеризуется также значительным расширением функционального диапазона литературного языка в сфере как письменной, так и устной речи. Устная форма литературного языка является вообще новой формой его выражения, поскольку, как уже было отмечено, на предыдущем этапе ее почти не было. Одновременно с этим отчетливо проявляется тенденция демократизации азербайджанского литературного языка, его сближения с современной разговорной речью. В итоге увеличивается количество активных носителей литературного языка. Азербайджанский литературный язык, утрачивая социальную маркированность, перестает быть привилегией узкого круга лиц. Следовательно, из языка элитарного, социально ограниченного азербайджанский литературный язык постепенно превращается в общенациональный язык.

В этот период усиливается процесс нормализации и стандартизации азербайджанского языка. Одним из первых шагов в этом направлении стала изданная в 1899 году в Баку книга Наримана Нариманова «Краткая грамматика и синтаксис тюркско-азербайджанского языка», посвященная исследованию внутренней структуры национального языка. Объясняя причину появления данной работы, Н. Нариманов во введении книги пишет: «В последнее время наши братья по перу заняты написанием разнообразных книг, но до сих пор из-за отсутствия установленных норм в тюркско-азербайджанском языке каждый из них пишет, как ему хочется. Написанные без правил, такие работы не принесут пользу ни для языка, ни для нации»¹⁰¹.

¹⁰¹ Цит. по: Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане. С. 44.

Во внутрискруктурном отношении расширение сфер функционирования азербайджанского литературного языка ускорило процессы его стилистической дифференциации. В связи с его постепенным превращением в язык книгопечатания и периодической прессы, науки и образования, повседневного общения и художественной прозы в азербайджанском литературном языке закладываются основы таких новых функциональных стилей, как научный, публицистический, обиходно-деловой, газетный и пр.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что становление системы качественно новой азербайджанской культуры включало в себя и формирование таких новых форм трансляции культуры, как периодическая печать, театр, читальни, кодифицированный и нормированный национальный язык. Все эти институты массовой информации и коммуникации не существовали в прежние эпохи, а возникли лишь в процессе индустриализации азербайджанского общества.

Одновременно процессы модернизации поставили задачу глубокой трансформации такого важнейшего элемента предшествующих культурных систем азербайджанских тюрков, как школа. Процессы обновления требовали резкого увеличения количества грамотных в обществе, а этого можно было добиться лишь путем приобщения народных масс к образованию и просвещению на их родном языке.

В эпоху перехода от аграрного к индустриальному обществу функции школы не ограничивались только трансляцией культуры, она также становилась институтом формирования личности в соответствии с новыми требованиями. Это превращало школу в важнейшее звено в системе культуры, необходимое для нормального функционирования национального и общественного организма.

В этом смысле школа являлась мощным фактором общественных процессов переходного периода. Ее место в обеспечении необходимой культурной «вооруженности» формирующихся классов и социальных слоев буржуазного общества, в создании нового слоя – светской национальной интеллигенции, наконец, в складывании духовного облика нации и ее культурного потенциала весьма существенно и, как свидетельствует опыт истории, не может быть полноценно замещено деятельностью каких-либо других социокультурных

институций¹⁰². Хотя многие историки явно недооценивают роль школы в социальных и национальных процессах, относя ее к периферии исторического действия.

Между тем, старая религиозная система образования на родном языке в изменившихся условиях уже не отвечала потребностям социального и национального развития азербайджанских тюрок, поскольку она была направлена на воспитание индивида в духе догматов ислама. К тому же, она не была в состоянии в соответствии с потребностями эпохи дать подрастающему поколению даже минимума необходимых знаний в различных областях науки.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что первые попытки создания системы светского образования на национальном языке в Азербайджане по времени совпали с разворачиванием модернизационных процессов в стране. Как и у многих народов Европы, лишенных собственной государственности, у азербайджанских тюрок процесс формирования новой системы школы также шел «снизу» благодаря инициативе зарождающихся классов и слоев - азербайджанской национальной буржуазии и светской интеллигенции.

В увеличении числа грамотных и образованных людей среди азербайджанских тюрок, в первую очередь, была заинтересована национальная буржуазия, которая сталкивалась с жесткой конкуренцией иностранного капитала. И наиболее дальновидные представители национальной буржуазии очень быстро осознали, что без серьезного качественного роста общего культурного и интеллектуального уровня азербайджанского общества выстоять в этой борьбе будет практически невозможно. В этом противостоянии с иностранным капиталом азербайджанская буржуазия нуждалась в интеллектуалах, способных содействовать нарастанию ее экономической мощи и возможностей. А основной базой для подготовки таких кадров могли быть только азербайджанские массы. В связи с этим представителями национального капитала выделялись значительные средства для развития национального искусства, театра, печати и школы.

Обращая внимание на роль буржуазии в процессах национального пробуждения среди тюркских народов Российской империи, Ю.

¹⁰² Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989. С. 113.

Акчура в статье «В тюркском мире» писал: «В современном тюркском мире возникает новая социальная сила – буржуазия (средний класс). Богатый средний класс крупных торговцев, промышленников и владельцев шахт в Баку, Оренбурге и Казани – основных центрах тюрков Севера и Азербайджана – служит здесь примером. Средний класс является националистическим. Его экономические интересы требуют прогресса и развития национальной идеи и чувств. Очень быстро теоретики (идеологи) национализма группируются вокруг буржуазии Казани, Баку и Оренбурга»¹⁰³.

Заметную роль в просвещении азербайджанского населения сыграли т.н. «русско-татарские» (азербайджанские – А.Б.) школы, возникшие в середине 80-х гг. XIX века по инициативе молодых педагогов Г. Махмудбекова и С.М. Ганизаде. В отличие от других русских школ, в этих учебных заведениях в течение первого года обучения допускалось преподавание азербайджанского языка, который считался обязательным предметом. Это обстоятельство предопределило большую популярность «русско-татарских» школ среди населения, и за относительно короткий период их количество возросло с 3-х до 16-ти¹⁰⁴.

О новых веяниях в азербайджанском обществе свидетельствует и открытие 7 октября 1901 года в Баку первой светской школы для азербайджанских девушек. Инициатором и основателем этой школы был известный азербайджанский миллионер и меценат Г. З. Тагиев.

К концу XIX века наблюдалось и заметное увеличение численности азербайджанских детей, обучающихся в русских школах. Безусловно, главной целью этих школ была интеграция азербайджанских детей в систему инациональной, в данном случае русской, культуры, и тем самым, препятствование развитию национального самосознания, обязательного компонента для формирования нации.

Но, независимо от субъективных устремлений царских властей, объективно русские школы сыграли заметную роль в культурном и образовательном развитии азербайджанских тюрков. Наглядным примером тому служит история, созданного в 1879 году в составе Учительской семинарии в грузинском городе Гори азербайджанского

¹⁰³ Akçuraoğlu Yusuf. Türk Aleminde // Türk yurdu. 1912. C. 2. S. 598-600.

¹⁰⁴ Топчибашев А.М. Маяк Азербайджана. С. 84.

отделения, выпускники которого сыграли поистине выдающуюся роль в развитии светского образования в Азербайджане. Это отделение было призвано подготовить преподавательские кадры для начальных школ Азербайджана из представителей местного населения.

Причем царские власти предполагали, что выпускники учительской семинарии станут проводниками имперской политики среди местного населения, и поспособствуют воспитанию азербайджанских детей в качестве послушных подданных государя-императора. Однако, как это нередко бывает в истории, эффект от создания этого отделения получился прямо противоположным.

Эта семинария подготовила целую когорту азербайджанской интеллигенции, среди которых были такие выдающиеся личности, как Джалил Мамедкулизаде, Сулейман Сани Ахундов, Узеир бек Гаджибеков, Габиб бек Махмудбеков, Рашид бек Эфендиев, Фирудин бек Кочарли и др. Они внесли заметный вклад в развитие культуры и просвещения, в пробуждение национального самосознания азербайджанских тюрков, став движущей силой процессов общественного обновления в Азербайджане.

Модернизационные процессы оказали серьезное воздействие на обновление форм и методов обучения даже в казавшейся окостеневшей системе традиционного мусульманского образования. Это нашло свое отражение в зарождении в 80-х гг. XIX века движения джадидизма (от араб. джадид - новый), провозглашавшего своей целью обновление жизни мусульманских народов.

Джадиды считали, что мудрость, заключенная в Коране, позволяет мусульманам идти в ногу со временем, и более того, способствует культурному развитию мусульман. Реформаторы призывали к раскрепощению ислама, а с ним и всей жизни мусульман, что на взгляд джадидов, создавало благоприятную обстановку для их возрождения. По замыслу джадидов, освобождение от догматики и схоластики должно было помочь мусульманам совершить рывок от отсталости к современным достижениям, сохраняя свою самобытность и веру¹⁰⁵.

¹⁰⁵ *Исхаков С.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 15.

В этом отношении смысл джадидского движения состоял не в новых толкованиях Корана, а в продвижении просвещения и культуры в мусульманские массы. Поэтому джадиды первостепенное значение придавали глубокому реформированию существующей традиционной конфессиональной системы образования. Поэтому в основу джадидизма, получившего распространение сначала в Крыму, Поволжье и Азербайджане, а впоследствии и в Центральной Азии, была заложена идея замены схоластического «старого метода» обучения (кадами), ограничивавшегося, главным образом, механическим заучиванием Корана и других религиозных текстов на арабском языке, на «новый метод» (джадиди). Этот метод предусматривал «фонетизацию» чтения в процессе обучения, введение в учебный план общеобразовательных предметов: арифметики, географии, истории, родного и русского языков».

Следует отметить, что джадидизм был сугубо российским явлением, поскольку требования движения ограничивались лишь проблемами мусульманских народов Российской империи. При этом сторонники джадидизма не только не стремились к установлению более тесных отношений с исламским миром, а наоборот, пытались, в определенной степени, дистанцироваться от него. Например, в Азербайджане движение джадидизма было направлено на ослабление позиций персидской культуры¹⁰⁶.

Так, в отличие от традиционных религиозных образовательных учреждений - мектебов и медресе, персидский язык был исключен из учебной программы «новометодных» («усули-джадид») школ, появившихся в Азербайджане в конце XIX века. В них наряду с изучением Корана преподавались современные науки, а также азербайджанский и русский языки. Подобные «новометодные» школы действовали, в частности, в Шамахе, Шуше, Ленкоране и Эриване¹⁰⁷.

Безусловно, по своей массовости «новометодные» школы («усули-джадид») не смогли в тот период сыграть заметную роль в просвещении широких народных масс Азербайджана. Тем не менее, само их появление было символичным, поскольку свидетельствовало о

¹⁰⁶ *Özcan U.* Ahmet Ağaoğlu ve rol değişikliği. İstanbul, 2010. S. 47.

¹⁰⁷ *Ахмедов Э. М.* Философия азербайджанского Просвещения. С. 67-68.

проникновении реформаторских тенденций в сферу традиционного религиозного обучения.

Впрочем, ведущим направлением деятельности азербайджанской интеллигенции в этой сфере были усилия по созданию светского образования на родном языке, а не реформирования традиционных религиозных школ. Неудивительно, что характеризуя систему просвещения и политический уровень азербайджанских тюрок, Ю. Акчура в статье «Путь кавказцев» пишет: «Они считали, что не следует заниматься реформированием старометодных медресе, а нужно, как это делается в Стамбуле, создавать новые школы европейского образца»¹⁰⁸.

Правда, так и не удалось окончательно решить проблему создания полноценной системы школьного образования, функционирующей на азербайджанском языке. Как подчеркивалось в «Петиции кавказских мусульман», поданной представителями азербайджанских тюрок в 1905 году в Комитет Министров Российской империи, «по части народного образования для кавказских мусульман до сих пор ничего не сделано. Родной язык совершенно изгнан из всех учебных заведений и до того, что чтение книг на родном языке считается проступком. О преподавании родной литературы и истории нет и помину»¹⁰⁹.

В ходе революционных событий 1905-1907 гг. удалось добиться от царских властей некоторых уступок в вопросе функционирования азербайджанского языка в школьной системе. Но вплоть до свержения династии Романовых в феврале 1917 года в Азербайджане так и не появились светские школы с преподаванием всех гуманитарных, естественных и технических наук исключительно на национальном языке. Это являлось серьезным препятствием на пути распространения грамотности среди азербайджанских тюрок.

Тем не менее, доля грамотных среди азербайджанских тюрок постепенно росла, хотя к концу XIX века она еще не достигла необходимого для индустриального общества уровня. Но при этом следует учесть, что степень грамотности азербайджанских тюрок к тому времени была уже ближе к показателям индустриального, нежели аграрно-

¹⁰⁸ «Терджуман». 1908. № 25.

¹⁰⁹ Топчибашев А.М. Маяк Азербайджана. С. 18.

го общества. К тому же по данному показателю азербайджанцы лишь немного уступали своим соседям - грузинам и армянам. Так, в 1897 году доля грамотных среди азербайджанцев составляла 16,5%, среди армян – 18,3%, а среди грузин – 19,5%¹¹⁰.

Рост грамотности среди азербайджанских тюрков способствовал постепенному увеличению числа лиц с высшим образованием. Представители интеллигенции, вернувшись на родину после получения высшего образования за рубежом, объединяли вокруг себя силы, заинтересованные в дальнейшем развитии модернизационных процессов в Азербайджане. Неслучайно, именно представители азербайджанской интеллигенции, получившие образование за пределами страны, заложили во второй половине XIX века основы национальной печати и национального театра.

К началу 90-х гг. XIX века прогрессивно настроенная азербайджанская интеллигенция была еще малочисленна и не представляла собой серьезную общественную силу. Но уже к концу века ряды борцов против отсталости и невежества, за прогрессивные преобразования в азербайджанском обществе пополнились представителями нового поколения национальной интеллигенции, получивших высшее образование в России и Европе. В этом отношении именно последнее десятилетие XIX века можно считать переломным моментом в становлении широкого общественного движения за обновление и модернизацию азербайджанского общества.

Благодаря активности представителей национальной интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. Азербайджан выдвинулся в лидирующие позиции во многих сферах культурного прогресса в тюрко-исламском мире. Как подчеркивал М. Э. Расулзаде, «...первым тюркским драматургом был азербайджанец, азербайджанцем являлся также первый тюркский композитор, среди тюрков России впервые азербайджанец выпустил газету, именно азербайджанцу удалось устранить несоответствие в религиозных направлениях ислама, азербайджанцу принадлежит идея реформы алфавита. Прирожденный талант азербайджанцев был обусловлен высоким уровнем материально-экономической жизни»¹¹¹.

¹¹⁰ Шербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия) // Логос. 2004. № 5. С. 209.

¹¹¹ Расулзаде М. Э. Сиявуш нашего века // Хазар. 1990. № 1. С. 53.

Исследуя национально-культурные процессы среди азербайджанцев в конце XIX - начале XX вв., американский исследователь С. Э. Уимбуш справедливо отмечает, что «это пробуждение и сопровождавшее его брожение интеллигенции были местным, азербайджанским явлением, а не простым подражанием культурным российским моделям, как это отмечалось у поволжских татар»¹¹².

Новая азербайджанская культура, характерными особенностями которой являлись секуляризм и опора на национальный язык, развивалась в противоречивой атмосфере соперничества и взаимовлияния различных тенденций. Тем не менее, благодаря усилиям азербайджанской интеллигенции основные направления ее развития уже были четко обозначены.

Национальная интеллигенция прекрасно осознавала, что азербайджанский народ управляется чиновниками чужой высокой культуры, гнету которой нужно противопоставить возрождение собственной культуры. При этом национальная интеллигенция пыталась заменить чужую высокую культуру вовсе не старой и традиционной культурой азербайджанских тюрков. Она создавала собственную высокую культуру, опирающуюся на родной язык и распространяемую новыми коммуникационными средствами – печатью, театром и т. д.

Общая характеристика всех инноваций в культурно-литературной сфере данного периода выражалась одним идейным содержанием – «проснуться от вековой спячки, приобщиться к современной науке и общемировой культуре и идти вперед». Единственное стремление и театра, и поэзии, и прозы, и журналистики заключалось в том, чтобы внушить народу необходимость приспособливаться к прогрессивному шествию общечеловеческой цивилизации¹¹³.

В этом смысле, представители азербайджанской интеллигенции стремились заложить мышление и образ жизни народа на новые культурные рельсы на базе европейских ценностей. Они были убеждены в том, что дальнейшее культурное развитие азербайджанской нации лежит не в стороне, а в русле столбовой дороги мировой ци-

¹¹² *Wimbush S.E.* Divided Azerbaijan: Nation building, assimilation and mobilization between three states // *Soviet Asian ethnic frontiers*. Pergamon press, New York, 1979. P. 65.

¹¹³ *Расулзаде М.Э.* Современная литература Азербайджана. С. 176.

визации. Только путем обогащения азербайджанской культуры достижениями европейской цивилизации можно было эффективно противостоять политике русификации, обеспечить этническое и культурное развитие азербайджанских тюрков.

При этом современная национальная культура, несомненно, имела глубокие корни в азербайджанской классической культуре, и в особенности фольклоре, в котором за долгие годы иноземного гнета было аккумулировано художественное сознание азербайджанских тюрков. Поэтому неудивительно, что на этапе национального возрождения художественное мышление искало опору в азербайджанском фольклоре.

Таким образом, важнейшей чертой азербайджанской культуры периода нацистроительства было: с одной стороны, постоянное сближение между культурой образованных верхов и народной культурой, всемерное расширение взаимодействия между профессиональным и народным художественным творчеством, а с другой стороны, творческое освоение опыта развития мировой культуры. По сути, шел сложный процесс усвоения европейской культуры и ее синтеза с азербайджанской культурой.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что во второй половине XIX века сформировалась азербайджанская интеллигенция, основная общественная функция которой заключалась в создании, развитии и распространении культуры в широком понимании этого слова. Усилиями интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. произошло становление азербайджанской национальной культуры как системы, которая теснейшим образом была связана с задачами, стоявшими перед народом.

Как всякая начинающая литература, новая азербайджанская литература, возможно, не в достаточной степени ясно указывала пути достижения цели. Но она, несомненно, была довольно ярка и сильна в смысле критики существующего положения вещей. Никто с такой целеустремленностью и беспощадностью не бичевал отжившие свой век традиции и нравы средневековья, как это делали литераторы первого поколения новой азербайджанской литературы. Подобная их деятельность служила, в первую очередь, национальному пробуждению и формированию культурной идентичности азербайджанских тюрков.

В этом отношении создание во второй половине XIX века национального театра, прессы и качественно новой литературы можно считать прелюдией к созданию азербайджанской нации, поскольку они подготовили почву для дальнейшего развертывания процессов нациестроительства, и в первую очередь, интенсифицировали поиски национальной идентичности.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРКОВ

*Просвещение и патриотизм создают нации;
невежество и эгоизм создают чернь.*

П. Буаст

§ 1. Конфессиональная сущность идентичности азербайджанских тюрок на рубеже XIX-XX вв.

Формирование наций на Кавказе, как и во всей Европе, было закономерным, но отнюдь не predetermined и необратимым процессом. Принцип детерминизма тут неуместен, поскольку нации не являются заранее predetermined кульминацией развития этнических или культурных общностей. Более того, в отдельных странах этот процесс не редко сопровождался бескомпромиссной борьбой различных проектов нациестроительства.

Например, в Османской империи в начале XX века выявились и проводились три основных направления в процессе нациестроительства, о которых Ю. Акчура в своей работе «Три вида политики» пишет: «первое направление – ассимилируя и объединяя нации, подчиненные османскому правительству, создать османскую нацию (османизм – А.Б.); второе – используя то, что правители Османского государства обладают правами халифа, политически объединить всех мусульман под правлением османского правительства (то, что европейцы называют «панисламизмом»), и третье направление – формирова-

ние политической тюркской нации, опирающейся на этнический фактор»¹.

Аналогичная ситуация была характерна для многих народов Российской империи. Накануне первой мировой войны на Украине шла ожесточенная борьба между сторонниками интеграции украинцев в состав «большой русской нации» и формирования самобытной украинской идентичности. В этот период украинцы были народом, еще не выработавшим «кристаллизованного национального самосознания»².

Вовсе не безальтернативным был и процесс формирования азербайджанской нации в начале XX века, т.к. в этот период существовали три взаимоисключающих проекта нациестроительства в Азербайджане. Отличие этих проектов состояло в том, что их последователи пытались наполнить этническую идентичность различным содержанием, соответственно, идеями ислама, туранизма и азербайджанизма. И процесс зарождения национальной идентичности азербайджанских тюрков происходил в противоречивой атмосфере соперничества и взаимовлияния трех этих проектов.

Причем следует особо отметить, что утверждение принципов секуляризма в системе новой азербайджанской культуры вовсе не означало автоматическое снижение роли религиозного компонента в сознании азербайджанских народных масс. Тем более что к началу XX века все еще сохранялась огромная пропасть между интеллигенцией с ее секуляристскими взглядами и народными массами, продолжающими оставаться под влиянием религиозного мышления.

Затрагивая проблему идентичности азербайджанских тюрков во второй половине XIX века, Ахмед бек Агаоглу, вспоминая своего отца, пишет: «Мой отец спокойно прожил свою жизнь, и спокойно умер. Был глубоко верующим человеком. На вопрос «Кто ты такой?» отвечал: «Слава Аллаху, что мусульманин; преклоняюсь имаму Али; моим отцом является Мирза Ибрагим, а его отцом Гасан ага из рода Гурд ели. Ему даже в голову не приходило, что он тюрок»³.

¹ Akçura Y. Üç tarz-i siyaset. Ankara, 2011. S. 8.

² Krauchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. New York, 1985. P.3.

³ Samet Ağaoğlu. Babamdan hatıralar. Ankara, 1940. S. 64.

Подобная ситуация, когда идентичность опиралась не на национально-этническую, а на религиозную и региональную принадлежность, в тот период была типична практически для всех без исключения азербайджанских тюрков. Таким образом, ислам по-прежнему оставался фундаментом для самоидентификации населения Азербайджана.

В этой связи неудивительно, что на начальном этапе нациестроительства в Азербайджане поиски национальной идентичности не выходили за рамки общемусульманского контекста, поскольку основой самоутверждения подавляющего большинства азербайджанских тюрков являлось исламское мировоззрение, и растущий интерес отдельных представителей интеллигенции к собственной истории и языку оставался в целом подчинен этой универсальной схеме.

Безусловно, взгляды Г. Зардаби, а также первые попытки постановки проблемы национальной идентичности на страницах «Кешкюль» и «Каспий» в 90-х гг. XIX века знаменовали начало поиска тюркской идентичности в Азербайджане. Однако это были единичные случаи, которые не получили дальнейшего развития и не превратились в общую тенденцию. По крайней мере, к началу XX века позицию Г. Зардаби и газеты «Кешкюль» разделяло лишь незначительное меньшинство даже среди интеллигенции, не говоря уже о народных массах.

Впрочем, в исследуемый период подобная ситуация наблюдалась почти у всех мусульманских народов, вовлеченных, в той или иной степени, в глобальные модернизационные процессы. Обращая внимание на данное обстоятельство, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «национальная идея, родившаяся при обстановке средневековья, не могла не заразиться клерикальной идеологией. Этим и объясняется религиозный характер раннего национализма на Востоке, родившего в мусульманском мире идеологию панисламизма»⁴.

Идеология панисламизма была реакцией мусульманского общества на призывы модернизации времени, хотя в советской историографии ей придавалось явно негативное значение. Советскими историками панисламизм преподносился как идеология феодально-клерикальных кругов. Между тем о феодальном происхождении

⁴ *Расулзаде М.Э.* О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 55.

панисламизма не может быть и речи, поскольку основателем данной идеологии была не феодальная аристократия, а зарождающаяся во второй половине XIX века новая мусульманская интеллигенция.

В этом смысле у панисламизма имеется конкретный исторический контекст, фундамент, определяемый общественными процессами нового времени и той критической ситуацией, в которой оказались мусульманские народы к концу XIX века. В тот период причины культурно-экономического отставания исламского мира от Запада активно обсуждались во всех концах огромного исламского мира. Представители мусульманской интеллигенции осознавали, что исламские государства и народы в этих условиях не смогут отстоять свою индивидуальность, сохранить в борьбе за существование свое культурное наследие, свой национальный характер, все, что у них есть самобытного и ценного. Поэтому зарождение панисламизма следует изучать в контексте обновления мусульманского мира.

Будучи в момент возникновения культурно-либеральным движением зарождающейся мусульманской интеллигенции, панисламизм пытался решить целый ряд конкретных проблем, стоявших в тот период перед мусульманскими народами: достижение культурного развития, проведение давно уже назревших реформ в области образования, модернизация традиционного образа жизни, избавление от колониального ига европейских государств и т.д. Если учесть, что добиться этих целей можно было лишь путем консолидации всех здоровых сил исламского мира, то неудивительно, что идеологов панисламизма в первую очередь волновала проблема единства и сплоченности в борьбе за достижение конечной цели - прогресса мусульманских народов.

В этом смысле панисламизм был проявлением раннего пробуждения национального самосознания в мусульманском мире и стремления зарождающейся новой интеллигенции обновить и модернизировать мусульманское общество в соответствии с требованиями времени. В условиях неразвитости общественно-политических отношений в мусульманском обществе только ислам, доминировавший над всеми другими формами идентичности, мог превратиться в своего рода интегрирующую идеологию.

Тем более что, как уже выше было отмечено, ислам не только отвергал, но и считал большим грехом разделение мусульман по национальному признаку. В мусульманском учении существует лишь единый мировой исламиат, братство и единство мусульман всего мира без различия их национальной принадлежности. В этом отношении в учении ислама понятия религия и нация практически тождественны⁵.

Правда, при этом следует учесть, что строго обоснованной программы панисламизма так и не было выработано. В результате, каждый теоретик, или претендующий на роль идеолога вкладывал в понятие панисламизма свое толкование⁶.

Основоположителем реформаторского крыла панисламизма считается Джемаледдин Афгани (1839–1897). Именно ему принадлежит идея создания «религиозно-политического союза мусульманских народов»⁷. Этот союз должен был носить чисто духовный характер. Мыслитель в исламском богословии отдавал предпочтение свободному толкованию Корана, что допускало включение достижений европейской науки и общественной мысли в мусульманскую систему ценностей. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, стремясь противостоять колониальному нашествию европейских государств, Дж. Афгани «старался в области идеологии примирить либерализм времени с требованиями шариата»⁸.

Резко критикуя суеверие и фанатизм, Дж. Афгани одновременно выступал за восстановление «первоначальной чистоты» ислама, его очищение от позднейших напластований, что, по его мнению, должно было способствовать прогрессу мусульманского мира⁹.

В интервью английской газете «Манчестер гардиан», отвечая на вопрос «как можно создать новый и свобододлюбивый дух в исламе?», Дж. Афгани говорил: «Дух Корана полностью соответствует современным идеям свободы. Ныне наблюдаемый в исламском мире хаос и консерватизм не имеет ничего общего с истинно исламскими

⁵ Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 12.

⁸ Расулзаде М.Э. О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 56.

⁹ Qurbanov Ş. Cəmaləddin Əfqanı və türk dünyası. Bakı, 1996. S. 23.

законами. Они привнесены в ислам позднее невежественными толкователями шариата. Поэтому каждый знакомый с демократическими идеями Европы мусульманский интеллигент и ученый, опираясь на Коран, может без особых проблем донести эти прогрессивные идеи народным массам. Причем проделать эту работу без тех трудностей, с которыми в свое время сталкивался Лютер»¹⁰.

Дж. Афгани предлагал «защитить мусульманский мир от окончательного падения путем возврата к основным догмам религии с одной, и политическим объединением всех мусульман, с другой стороны»¹¹.

Сравнивая мусульманские страны с попавшим в бурю кораблем, Дж. Афгани был убежден в том, что только совместными усилиями «пассажиров» – всех мусульманских народов «можно спасти корабль от гибели»¹². Исходя из этого тезиса, Дж. Афгани выдвинул идею «иттихади-ислама», т.е. союза и единства мусульман.

Впрочем, как справедливо указывают исследователи творчества Дж. Афгани, его нельзя считать чисто религиозным реформатором, сосредоточенным исключительно на решении проблем религиозной практики и теологии. Он стремился, прежде всего, к решению политических проблем, с которыми столкнулся исламский мир во второй половине XIX века. Неслучайно, что смыслом всей его жизни и деятельности было выявление причин упадка и падения исламского мира. Более того, Дж. Афгани был в постоянном поиске способов и средств, которые бы дали возможность не только предотвратить дальнейшую деградацию мусульманского мира, но и дать импульс для его возрождения и развития.

В этом отношении предлагаемые Дж. Афгани реформы в религиозной сфере были не самоцелью, а средством пробуждения мусульманского мира и его вступления на путь социально-экономического и культурного развития. С этой целью он ратовал за творческое использование научно-технических и культурных достижений западной цивилизации, путем их адаптации к исламским ценностям.

¹⁰ «The Manchester guardian». 1891. 18-th of December.

¹¹ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 55-56.

¹² *Жданов Н.В., Игнатов А.А.* Ислам на пороге XXI века. М., 1989. С. 183.

Главная же заслуга Дж. Афгани заключается в том, что именно он впервые в исламском мире указал на необходимость формирования национального самосознания у мусульманских народов. Он был убежден в том, что без воспитания у мусульман чувства патриотизма, лишь механическое копирование передовых европейских технологий не приведет к возрождению исламского мира. Чувство патриотизма, по его мнению, а также привитие мусульманам гордости за себя и за свой народ, одновременно позволит им избежать комплекса неполноценности перед европейцами.

По мнению Дж. Афгани, в течение столетий мусульманские народы не придавали особого значения национальному фактору, что и стало одной из главных причин упадка всего исламского мира. Исходя из этого, он считал пробуждение национальной жизни у мусульманских народов обязательным условием дальнейшего существования и развития исламского мира. «Чтобы жить свободной, независимой и культурной жизнью, - отмечал он, - все мусульманские народы должны иметь национально-осознанную жизнь»¹³.

В своем фундаментальном труде «Философия национального единства и истинная сущность языкового объединения», опубликованном в переводе М.Э. Расулзаде на турецком языке в журнале «Türk yurdu» («Тюркский мир»), Дж. Афгани в категоричной форме утверждал, что «нет счастья вне национальности»¹⁴. Далее он отмечал, что среди людей существует два вида связей с широким охватом, способных объединить многочисленных индивидуумов в единое целое. Первое из них – это единство языка, другими словами национальное единство, а второе – религия¹⁵.

Причем Дж. Афгани отдавал явное предпочтение языковому единству, считая, что значение языка, как консолидирующего фактора, гораздо важнее религии. Как разъяснял Дж. Афгани, по сравнению с религией, язык имеет более устойчивый и стабильный характер. По этой причине язык сохраняется в неизменном виде сравнительно дольше, чем религия. «Мы видим расу (народ – А.Б.), в течение тысячелетий говорящей на од-

¹³ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. İstanbul, 2008. S. 60.

¹⁴ Afgâni Ş.C. Vahdet-i Cinsiye Felsefesi // Türk yurdu. 1912/13. C. 3. S. 45.

¹⁵ A.g.e. S. 45.

ном и том же языке, но при этом два-три раза поменявшей свою веру», - подчеркивал Дж. Афгани¹⁶.

Он твердо был убежден в том, что успеха в современном мире можно добиться лишь путем национального развития и совершенствования. Первоочередной задачей в данном направлении Дж. Афгани считал расширение сфер функционирования родного языка. Как он подчеркивал, язык, не способный обеспечить коммуникационные потребности всех без исключения слоев, составляющих конкретную национальность, не будет в состоянии гарантировать единство данной национальности. Чтобы избежать этого, он советовал постоянно заботиться о совершенстве и чистоте языка путем обогащения его лексического состава новыми понятиями за счет, прежде всего, собственных ресурсов и заимствований из родственных языков¹⁷.

В научной литературе можно встретить различные мнения об этническом происхождении Дж. Афгани. Это объясняется тем, что на сегодняшний день не представляется возможным достоверно определить национальную принадлежность Дж. Афгани. Тем не менее, некоторые авторы утверждают, что в его трудах чувствуется определенный пиетет перед персидской культурой и ностальгия по утраченному величию древнего Ирана, что, по их мнению, дает основание считать Дж. Афгани носителем иранской идентичности. По их убеждению, он придавал первостепенное значение персидской культуре и языку в деле предстоящего возрождения исламской цивилизации.

Действительно, отдельные высказывания Дж. Афгани свидетельствуют о наличии у него определенных симпатий к иранской культуре. Но их вряд ли можно считать достаточным основанием для столь однозначных выводов о его национальной принадлежности.

Тем более что, находясь в Стамбуле, Дж. Афгани в общении со своими единомышленниками неоднократно признавался в том, что имеет тюркские корни. А в предисловии одной из его работ на арабском языке, наоборот, утверждалось, что Дж. Афгани является арабом, и происходит из рода Хусейна ибн Али ибн Абу Талиба. Спорным до сих пор остается и место рождения Дж. Афгани.

¹⁶ Akçura Y.. Türkçülüğün tarihi. S. 61.

¹⁷ A.g.e.

Учитывая, что он в совершенстве владел персидским, арабским и тюркским языками, в принципе, нельзя исключить его принадлежность ни к одному из этих народов. В этой ситуации нам остается только согласиться с Ю. Акчурой, который несколько перефразируя крылатое выражение «Un grande Européen», предлагал называть Дж. Афгани «великим мусульманином», или «великим представителем Востока»¹⁸. Тем более что его идеи были направлены на культурно-духовное раскрепощение и национальное пробуждение всего исламского мира, а не отдельных мусульманских народов. Идеи Дж. Афгани оказали значительное влияние и на развитие общественно-политической мысли в Азербайджане на рубеже XIX-XX вв.

В начальный период своей деятельности под влиянием его идей находились выдающиеся азербайджанские мыслители Ахмед бек Агаев (Агаоглу) (1869-1939) и Али бек Гусейн-заде (1864-1940), впоследствии сыгравшие ключевую роль в становлении политического тюркизма не только в Азербайджане, но и во всем тюркском мире.

Ахмед бек Агаоглу родился в 1869 году в одном из красивейших уголков Азербайджана, в центре древней карабахской земли – городе Шуше. Как впоследствии подчеркивал сам Ахмед бек в своей биографии, «Карабах наряду с Ширваном является колыбелью культуры азербайджанских тюрков, тюркской музыки, тюркской литературы и тюркского национализма»¹⁹.

Ахмед бек появился на свет в достаточно знатной и зажиточной семье. Отец Ахмед бека – Мирза Гасан принадлежал роду Гурд ели (племя волков – А.Б.)²⁰. Они были выходцами из Эрзурума на территории современной Турции, где традиционно компактно проживало значительное количество азербайджанских тюрков. В XVIII веке род Гурд ели в полном составе переселился на территорию современного Азербайджана. Первоначально они поселились в Гяндже, но затем решили переселиться в Карабах, где окончательно и обосновались.

Мать Ахмед бека Агаоглу – Тазе ханум была из не менее знатного карабахского рода Сарыджаллы. В прошлом представители этого

¹⁸ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 60.

¹⁹ A.g.e. S. 147.

²⁰ Ağaoglu Samet. Sovyet Rusya imparatorluğu. İstanbul, 1967. S. 30.

рода, занимаясь, в основном скотоводством, вели полукочевой образ жизни. После завоевания Азербайджана Россией в начале XIX века некоторые представители этого рода, в частности, дядя Ахмеда по материнской линии служили в местной царской администрации.

Во второй половине XIX века основой самоутверждения подавляющего большинства азербайджанских тюрков продолжало оставаться исламское мировоззрение. В этом отношении не составлял исключение и Ахмед бек Агаоглу, который вырос и воспитывался в глубоко религиозной семье, крепко связанной с традиционными шиитскими ценностями. В этой семье, абсолютно не восприимчивой к зарождающимся в обществе новым идеям и тенденциям, свято чтили и строго соблюдали все требования шиитской веры. Как вспоминал А. Агаоглу, «в то время внутри азербайджанской семьи господствовали патриархальные обычаи и традиции. Старший дядя Мирза Мухаммед, обладавший крайне жестким и тяжелым характером, имел абсолютную власть над всей семьей. Каждое его слово было законом для всех без исключения совместно проживавших членов семьи, насчитывавших не менее 40 человек. Мирза Мухаммед был очень религиозным человеком»²¹.

По приглашению Мирзы Мухаммеда практически каждый день в просторной гостевой комнате дома собирались известные представители мусульманского духовенства и знатоки ислама города Шуши и его окрестностей, которые «между пловом и курением кальяна вели бесконечные и нудные метафизические споры на различные проблемы исламской теологии»²². Эти дискуссии на одну и ту же тему могли продолжаться днями, неделями и даже месяцами.

Все детство и отрочество Ахмед бека прошло в атмосфере этих религиозных споров. Спустя десятилетия, с нескрываемым сарказмом вспоминая эти религиозные меджлисы в родном доме, Ахмед бек открыто признавал, что зачастую предмет этих споров не стоил даже выеденного яйца. Тем не менее, нельзя отрицать сильнейшее влияние подобной атмосферы в семье на формирующееся сознание и взгляды маленького Ахмед бека.

²¹ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 148.

²² A.g.e.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что по достижении 6-ти летнего возраста маленького Ахмед бека, как и многих его сверстников, для получения начального образования определили в моллахану. Впоследствии Ахмед бек без особого восторга вспоминал о годах учебы в моллахане, где детей учили в буквальном смысле из-под палки, под страхом физического наказания. К тому же крайне низкий уровень подготовленности подавляющего большинства учителей, полное отсутствие специальных учебников и книг, адаптированных к уровню восприятия и интеллектуального развития детей, а также отсталые методы обучения, ограничивающиеся только зубрежкой текстов тех или иных книг, превращали уроки в этих школах в малоприятное занятие.

Лишь страх перед дядей Мирзой Мухаммедом, который при каждом удобном случае, имея в виду маленького Ахмеда, любил повторять, что «этот мой сын станет муджтехидом (ученый богослов – А.Б.)»²³, заставлял его все это терпеть и усердно заниматься. Впрочем, как признавался А. Агаоглу, несмотря на все его старания, по происшествию четырех лет учебы он с трудом читал и понимал не только «Бустан» и Гюлистан» Саади на персидском языке, но даже «Лейли и Междун» Физули, написанный на тюркском языке. «Что же касается изучения арабского языка, то в нем, вообще, ничего не смыслил», - подчеркивал А. Агаоглу. Между тем, вспоминал А. Агаоглу, «в течение всего трех месяцев мне удалось овладеть русской грамотой, и я мог свободно читать любую попавшую в руку книгу. К тому же, какими привлекательными были русские книги: прекрасный вид, картинки, чудные сказки, легенды...»²⁴. Естественно, что на их фоне совершенно сухие и однообразные книги на персидском и арабском языках не привлекали маленького Ахмеда.

Ахмед беку удалось избежать уготованной ему дядей судьбы лишь благодаря усилиям матери Тазе ханум, взгляды которой на будущее сына кардинально отличались от намерений Мирзы Мухаммеда. Тазе ханум, мягко говоря, недолюбливала служителей религии. А если верить словам самого Ахмед бека, то мать просто ненавидела

²³ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 148.

²⁴ Ağaoğlu Samet. Babamdan hatıralar. Ankara, 1940. S. 69.

образ жизни представителей мусульманского духовенства «с их бессмысленными и беспредметными спорами».

Немалую роль в подобном отношении Тазе ханум к религии, несомненно, сыграло ее социальное происхождение. Как выше было подчеркнуто, она происходила из рода, который в свое время вел полукочевой образ жизни. В этой среде соблюдение норм ислама носило, в основном, формальный характер. Поэтому, по сравнению с оседлой частью населения, данная категория людей никогда не отличалась особой религиозностью.

Тазе ханум мечтала дать сыну не религиозное, а светское образование в русской школе. Безусловно, этот выбор матери Ахмед бека нельзя назвать осознанным, поскольку, будучи неграмотной женщиной, она вряд ли осознавала преимущества русской школы перед традиционным религиозным образованием. Но, как и любая заботливая мать, она мечтала о достойной карьере своего сына. И скорее интуитивно она чувствовала, что путь к этому лежит не через моллахану, а через обучение в русской школе. Поэтому она так стремилась дать своему сыну европейское образование. Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря этой женщине, не только азербайджанские турки, но и весь тюркский мир в лице Ахмед бека Агаоглу получил одного из крупных своих мыслителей и общественных деятелей начала XX века.

Чтобы осуществить свою мечту, Тазе ханум тайне от своего мужа и деверя наняла для маленького Ахмеда учителя русского языка. В этом ей содействовал его брат, являвшийся помощником главы городской администрации Шуши. В то время состоятельные азербайджанки носили различного рода головные и шейные украшения, пояса и другие ювелирные изделия, которые украшались несколькими рядами золотых монет. Естественно, что как представительница довольно знатного рода, такими дорогостоящими золотыми украшениями обладала и Тазе ханум. Ежемесячно отрывая одну из этих монет, она оплачивала труд учителя, который обучал Ахмеда русскому языку, математике и географии. Впрочем, очень скоро отец Ахмеда - Мирза Гасан и дядя Мирза Мухаммед все же догадались об этом, что стало причиной большого скандала. Однако Тазе ханум при поддержке своего родного брата все же настояла на том, чтобы Ахмед

продолжал получать частные уроки по русскому языку в течение трех лет.

В конечном итоге, после долгих и горячих споров на семейном совете принимается решение определить Ахмед бека в городскую русскую школу второй ступени, единственное в тот момент современное учебное заведение Шуши. Причем, Ахмед бек, получивший добротное домашнее образование в течение трех лет, успешно сдал экзамены, был принят не в первый, а сразу в третий класс школы.

Однако учеба в этой школе оставила в детской памяти маленького Ахмеда не только приятные воспоминания. Так, в стенах этого учебного заведения ему первый раз в жизни суждено было на собственном опыте столкнуться с жестокими проявлениями пробуждающегося армяно-азербайджанского противостояния. Дело в том, что школа находилась в армянской части Шуши. Контингент учащихся также практически полностью состоял из армян. Среди учащихся школы было всего четверо азербайджанских тюрков, а Ахмед стал пятым из них. Вспоминая свои школьные годы, А. Агаоглу писал: «Невозможно описать словами то, чего мы только не натерпелись от армянских детей во время продолжающейся годами учебы. Мы, пятеро тюркских ребят, считали большой удачей во время перерыва успеть прижаться спиной к стене. Сотни армянских учеников одновременно налетали на нас. Одни срывая шапки с нашей головы, бросали их в сторону, другие ногами катали по земле дорогой бухарский мех стоимостью четыре-пять золотых монет. Некоторые, цепляясь за подол нашей одежды, изготовленной, в основном, из чистой верблюжьей шерсти, тянули ее в разные стороны, рвали, отрывали узоры на ней, вышитые позолоченными нитками, а в случае сопротивления, просто колотили нас кулаками, оплеухами и пинками. Иногда, договорившись, безосновательно клеветали и лжесвидетельствовали против нас, в результате чего мы незаслуженно наказывались. Большинство моих товарищей не выдержали этого и бросили школу. К последнему классу из тюрков в школе остался лишь я один»²⁵.

Не вызывает сомнений, что подобная атмосфера оставила свой отпечаток на характере Ахмед бека, воспитав в нем стойкость и не-

²⁵ *Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 150.*

поколебимость духа, решимость не отступать ни перед какими трудностями. Этим и объясняется тот факт, что среди пятерых учеников-турков Ахмед бек оказался единственным, который не ступал перед трудностями, не сломался и не бросил учебу. Тогда Ахмед бек еще не догадывался о том, что судьба уготовила ему такие тяжелые испытания, по сравнению с которыми ежедневные издевательства армянских детей будут казаться лишь безобидными мальчишескими шалостями.

Успешно завершив учебу в школе, Ахмед бек в 1884 году поступает в Шушинское реальное училище. Правда, некоторые исследователи, в частности, турецкий специалист Уфук Озджан отмечает, что по окончании шушинской школы Ахмед бек переехал в Баку, где и поступил в местное реальное училище²⁶. Но данный факт не подтверждается другими источниками, в том числе собственной автобиографией А. Агаоглу. Поэтому имеются все основания считать не соответствующим действительности данное утверждение турецкого исследователя. По крайней мере, на сегодняшний день не вызывает никаких сомнений тот факт, что первое длительное расставание А. Агаоглу с родной Шушой произошло лишь после завершения учебы в реальном училище.

Обращает на себе внимание тот факт, что даже по прошествии многих лет А. Агаоглу с большой теплотой и признательностью отзывался о своих «скоромных, ответственных и влюбленных в свою профессию» учителях в Шушинском реальном училище. В своей автобиографии он с большой признательностью отмечает, что именно эти учителя «пробудили у меня и у моих товарищей глубокую веру и любовь к науке, знаниям, справедливости и истине, стали для нас факелом, осветившим наш жизненный путь. В то время русская интеллигенция вдохновлялась, главным образом, творчеством таких идеалистов, как Толстой, Достоевский, Тургенев; они были беспощадными противниками царизма, тирании, деспотизма и насилия, фанатизма и невежества. Несмотря на принятые деспотичным царем Александром III строгие меры и установленный им жесткий надзор, эти преподаватели все же находили пути и возможности для воспи-

²⁶ Özcan U. Ahmet Aġaoġlu ve rol deġişikliği. İstanbul, 2010. S. 18.

тания учащихся в духе любви к науке, знаниям, красоте и свободе. Они умели внушать учащимся способы самовоспитания и самосовершенствования»²⁷.

А. Агаоглу был воспитан на традициях восточной поэзии, уводящей читателя от реалий жизни, изображающей «красоту весны и осени с неправдоподобными сравнениями», превозносящей «имамов и потомков пророка» до небес, восславляющей «разных тиранов и особ» высокопарной лестью²⁸. Поэтому знакомство с лучшими творениями русской литературы XIX века стало для него открытием истине нового, доселе неизвестного ему прекрасного мира. И он абсолютно не скрывал свое очарование и восхищение перед ней.

Более того, А. Агаоглу признавался, что под влиянием русской литературы он начал совсем по-другому воспринимать окружающих его с детства людей и природу. Как он пишет, именно под воздействием творчества Пушкина и Лермонтова впервые влюбился в Кавказ и начал осознавать его красоту. По его словам, эти поэты способствовали пробуждению в нем чувства привязанности к кавказскому крестьянину, его светлому и чистому образу жизни, тем самым, укрепив в нем любовь к родине и родной земле²⁹.

Без преувеличения можно сказать, что годы учебы в реальном училище стали поворотной точкой в процессе формирования личности и мировоззрения Ахмед бека. Причем этот процесс оказался под влиянием разнонаправленных факторов. Дело в том, что те новые мысли и идеи, к которым Ахмед бек впервые приобщился в стенах училища благодаря своим учителям и произведениям русской литературы, в корне противоречили внушаемым ему с детских лет взглядам и рассуждениям религиозных деятелей, друзей его дяди Мирзы Мухаммеда. Расхождения и глубокая пропасть между этими двумя диаметрально противоположными ценностями просто ошеломили юного Ахмеда, поставив его перед трудноразрешимым выбором.

При этом он с болью в сердце осознавал предпочтительность русской культуры перед традиционными ценностями и образом жизни

²⁷ *Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 150-151.*

²⁸ *Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. М., 1962. С. 47.*

²⁹ *Ağaoğlu A. Üç medeniyet. İstanbul, 1972. S. 112.*

окружающего его мира, где он родился и вырос. Ахмед беку, с юношеских лет влюбленного в родную землю и ее людей, трудно было смириться с подобным положением вещей. Скорее всего, именно тогда у Ахмед бека впервые подсознательно возникла идея изменения сложившихся столетиями ценностей и образа жизни традиционного мусульманского общества путем его реформирования в соответствии с современными требованиями. Именно это стремление, с годами превратившееся в глубокое убеждение, превратило А. Агаоглу в одного из первых и крупных модернизаторов не только в истории родного Азербайджана, но и всего необъятного тюркского мира.

Для достижения этой цели А. Агаоглу пришлось опробовать различные средства и способы, что выразилось в неоднократном изменении его политических и идеологических взглядов. Так, в разные периоды своей жизни А. Агаоглу был приверженцем иранизма и панисламизма, джадидизма и туранизма, кемализма и либерализма, что давало повод многочисленным недоброжелателям обвинять его в непостоянстве и переменчивости взглядов. Хотя даже самое поверхностное знакомство с деятельностью А. Агаоглу показывает абсолютную бесосновательность всех этих нападок и обвинений.

Ведь по сути А. Агаоглу даже в наиболее неблагоприятных ситуациях никогда не изменял и не отступал от главной цели своей жизни. Она всегда оставалась неизменной – обеспечить выход тюрко-мусульманских народов из глубокого системного кризиса, в котором они оказались, и создать благоприятные условия для их стремительного прогресса с целью устранения серьезного отставания Востока от Запада, и в конечном итоге, добиться того, чтобы тюрко-мусульманский мир занял подобающее ей место в мировой цивилизации.

Что же касается различных и порою диаметрально противоположных идеологий, приверженцем которых был А. Агаоглу, то все они служили лишь средством достижения основной цели. А средства, как известно, принято менять в соответствии с требованиями времени и обстоятельств.

Думается, что именно в стенах реального училища у А. Агаоглу возникла мечта получить высшее образование в Петербурге, в этом красивейшем городе с его величественными дворцами и проспектами, так ярко и живописно описанными многими классиками русской

литературы. С этого момента Петербург стал городом его юношеских грез.

Однако для поступления в высшее учебное заведение необходимо было иметь полное среднее образование. Между тем, в Шушинском реальном училище отсутствовал последний класс. Поэтому для осуществления своей мечты Ахмеду пришлось отправиться в Тифлис, чтобы завершить учебу. Приехав в Тифлис, Ахмед бек впервые в своей жизни попал в крупный город, к тому же населенный преимущественно христианами. В этом городе он получил не только новые знания, но и оказался в гуще бурных общественно-политических процессов, характерных для Российской империи того периода.

Наблюдения за общественно-политической жизнью тогдашнего Тифлиса давали А. Агаоглу новую пищу для размышлений. Ведь он не мог не заметить проявляемую различными грузинскими и армянскими группировками политическую активность и их попытки как-то организовываться. На этом фоне полное бездействие в данном направлении азербайджанских тюрок и представителей других этнических групп мусульманского вероисповедания просто поражало и удручало А. Агаоглу. Он не хотел смириться с тем фактом, что его соотечественники и единоверцы по-прежнему предпочитают оставаться «верными рабами русской короны», при этом, даже умудряясь получать удовольствие от подобного своего незавидного положения.

Не ускользнуло от внимания А. Агаоглу и то обстоятельство, что азербайджанский квартал Тифлиса – «Шайтан базар», имея убогий и жалкий вид, являлся самым убогим и необустроенным районом города. Причем, проживающие в других районах города вели себя весьма непочтительно в отношении жителей «Шайтан базара», а последние с полным равнодушием относились к подобному обращению. Описывая эту ситуацию, А. Агаоглу писал: «Впервые я наблюдал такую ситуацию, когда живущие бок о бок две людские массы, не смешиваясь, четко разделялись на «высшие и низшие» категории. Прекрасно помню, что это первое наблюдение поразило мое сознание, и вызвало у меня тошноту»³⁰.

Подобное дискриминационное отношение к мусульманам негативно сказывалось на моральном состоянии А. Агаоглу. Хотя лично

³⁰ *Ağaoğlu Samet. Babamdan hatıralar. S. 78.*

к нему окружающие относились весьма доброжелательно, и он пользовался немалым уважением как среди своих учителей, так и школьных товарищей. Более того, будучи единственным учащимся-тюрком, он постоянно находился в центре внимания, что, в некотором смысле, его даже смущало и тяготило. Однако было бы несправедливым объяснить интерес окружающих к нему исключительно его этнической и религиозной принадлежностью.

Ведь всего за несколько месяцев учебы А. Агаоглу удалось проявить все свои способности и стать одним из наиболее успевающих учеников школы. По личной рекомендации директора школы он даже стал давать частные уроки по геометрии и алгебре дочери одной из аристократических армянских семей Тифлиса.

Успешно завершив в 1887 году учебу в Тифлисской гимназии, А. Агаоглу отправился в Петербург сдавать вступительные экзамены в Политехнический институт. В своих воспоминаниях он так описывает трогательную сцену расставания с матерью: «Проводить меня собрались многочисленные родственники и знакомые, как женского, так и мужского пола. У повозки я попрощался с каждым из них. И когда очередь дошла до матери, она отвела меня в сторону и, прижав мою голову к своей груди, сказала: «Езжай сынок. Да поможет тебе Аллах. Но поклянись мне, что не женишься на христианке. Иначе я лишу тебя материнского благословения!» И мне пришлось точь в точь повторит ее слова. Она, в свою очередь, поцеловала меня в лоб, и мы подошли к повозке»³¹.

Известная американская исследовательница творчества А. Агаоглу Х. Шисслер справедливо подчеркивает, что эта эмоциональная сцена расставания является отражением той дилеммы, перед которой в то время оказались многие азербайджанские семьи³². С одной стороны, мать Ахмеда – Тазе ханум воспротивилась продвижению сына по более традиционному для азербайджанских тюрков пути получения религиозного образования. И вопреки протестам обладающего неограниченной властью в семье деверя Мирзы Мухаммеда она на-

³¹ *Ağaoğlu Samet. Babamdan hatıralar. S. 88-89.*

³² *Shissler A. Holly. İki imparatorluk arasında. Ahmet Ağaoğlu ve yeni Türkiye. İstanbul, 2005. S. 87.*

стояла на том, чтобы ее сын изучил русский язык и обучался в русской школе. Отдавая предпочтение русской школе, мать стремилась, тем самым, обеспечить в будущем своему сыну высокое положение в обществе, что являлось ее главной целью. Она была уверена в том, что, владея русским языком и, служа русскому царю, ее сын сможет получить определенные преимущества и привилегии.

Но с другой стороны, уже в начале этого пути в будущее, в значительной степени предопределенной ею самой, Тазе ханум не скрывает страха перед вполне реальной возможностью потери сыном своей идентичности и его окончательного разрыва с традиционными ценностями предков.

Впрочем, по большому счету, в тот момент все азербайджанское общество находилось в подобном двойственном положении. С одной стороны, в обществе созревало осознание факта неизбежности кардинальных перемен и необходимости адаптации к изменившимся реалиям жизни. Вместе с тем невозможность прогнозирования всех последствий этих перемен и связанная с этим неопределенность сковывали общественную инициативу и зачастую полностью блокировали движение вперед. В этом смысле состояние матери Ахмед бека являлось лишь конкретным отражением общей ситуации в азербайджанском обществе.

Как бы то ни было, всю свою жизнь А. Агаоглу с особым трепетом вспоминал первые мгновения встречи с Петербургом. Он был в восторге от того, что ему, наконец-то, удалось осуществить свою юношескую мечту – воочию увидеть город, в который он был заочно влюблен, читая произведения Ф. Достоевского и других русских классиков. Здесь же в Петербурге Ахмед бек познакомился с двумя незаурядными личностями – Али беком Гусейнзаде и Али Мардан беком Топчибашевым. Эти знакомства сыграли существенную роль в дальнейшей жизни А. Агаоглу.

К сожалению, вскоре А. Агаоглу пришлось расставаться с Петербургом, поскольку ему не суждено было стать студентом Политехнического института. Дело в том, что на последнем экзамене по тригонометрии ему не удалось набрать необходимых для поступления в институт баллов. В этом ключевую роль сыграли антисемит-

ские взгляды принимавшего экзамен преподавателя. Полагая, что А. Агаоглу является евреем, он решил сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать его поступлению в институт. С этой целью он начал задавать Ахмед беку вопросы по темам, не входящим в учебную программу средних учебных заведений³³.

Подобное поведение преподавателя поставило точку на петербургском периоде жизни А. Агаоглу. По собственному признанию Ахмед бека, подобное несправедливое отношение к нему со стороны учителя-антисемита, привело его буквально в ярость, и способствовало формированию у него чувства стойкого отвращения ко всему русскому. И он решает продолжить учебу на Западе. При этом он намеревался вернуться в Петербург в качестве первого кавказского тюрка, получившего образование в Париже, чтобы стыдить своих петербургских экзаменаторов.

Инцидент с преподавателем-антисемитом на экзамене по тригонометрии, несомненно, не был первым случаем в жизни А. Агаоглу, когда ему приходилось сталкиваться со столь неприкрытой и циничной формой национально-религиозной дискриминации. И до этого он неоднократно становился свидетелем подобных проявлений национальной нетерпимости сначала в Шуше, а затем в Тифлисе. Причем, пострадавшей стороной, как правило, становились его соотечественники и единоверцы.

Безусловно, молодой Ахмед бек задумывался о причинах подобной ситуации. При этом его особенно волновало не столько бессилие мусульманских масс перед этим произволом, сколько их нежелание видеть и правильно оценить реалии жизни. Причиной тому являлась тотальная аморфность мусульман, которая, по сути, уже превратилась в их генетический код.

И скорее интуитивно, нежели осознанно, Ахмед бек чувствовал необходимость коренных изменений и перемен во всех сферах жизни мусульман. Все это подталкивало его к поиску путей и средств выхода из глубокого системного кризиса, в котором к концу XIX века оказался весь тюрко-мусульманский мир. И, самое главное, А. Агаоглу надеялся, что правильный выбор в данном вопросе позволит

³³ *Ağaoğlu Samet. Babamdan hatıralar. S. 102.*

ему определить собственное место в процессе прогресса мусульман и быть полезным для своих соотечественников.

Хотя следует признать, что в тот момент А. Агаоглу еще не был в состоянии сделать однозначный выбор в пользу того или иного пути. И это объяснялось не только молодостью и неопытностью Ахмед бека. Ситуация осложнялась тем, что он находился под влиянием различных, порою даже антагонистических идей и взглядов. Кроме того, он еще не определился с собственной идентичностью, и его терзали многие сомнения на этот счет.

По мнению Х. Шисслер, в тот момент перед А. Агаоглу стояли сложные вопросы, наиболее актуальными из которых были следующие: «Кто он такой – русский мусульманин, правоверный шиит, татарин, тюрк, или иранец, а может быть один из преданных мусульманских рабов царя? Кем он должен стать – муджтехидом, инженером, преподавателем, или бюрократом? Где искать ответы на интересующие его вопросы – в исламе, или историческом материализме, в либерализме, или гегелевском идеализме?»³⁴. В этом смысле А. Агаоглу в январе 1888 года отправился из Петербурга в Париж не только с желанием получить высшее образование, но и с надеждой найти ответы на эти многочисленные вопросы.

Без преувеличения можно сказать, что с точки зрения своего интеллектуального роста А. Агаоглу провел в Париже – культурной столице Европы лучшие годы своей жизни (1884-1894). Хотя первые месяцы парижской жизни А. Агаоглу были полны лишений и страданий, в первую очередь материального характера, поскольку почти все имевшиеся у него средства он потратил еще по пути во французскую столицу. Одновременно он чувствовал серьезный моральный дискомфорт от того, что в этом огромном городе у него не было ни одного знакомого. В дополнение ко всему, он не владел в достаточном объеме французским языком.

Несмотря на все эти проблемы, первые месяцы пребывания в Париже А. Агаоглу, живя фактически впроголодь, настойчиво занимался совершенствованием своих знаний в области французского языка. Причем, из-за отсутствия средств, он это делал самостоятель-

³⁴ *Shissler A. Holly. İki imparatorluk arasında. S. 95.*

но. С этой целью в течение нескольких месяцев, используя русско-французский словарь, он ежедневно выучивал наизусть минимум 5-10 сатир Альфреда Мюссе. Чтобы совершенствовать свои знания французского он часами разговаривал с хозяйкой арендованной им квартиры, которая кроме французского языка, не владела ни одним другим языком, а для ознакомления с произведениями классиков французской литературы систематически посещал библиотеку.

В результате упорных и регулярных занятий к концу лета А. Агаоглу уже владел французским языком в объеме, достаточном для посещения лекций в университете. Это позволило ему с 1888/89 учебного года приступить к занятиям в юридическом факультете Сорбонны. Но круг интересов А. Агаоглу не ограничивался только юриспруденцией. Он проявлял большой интерес к истории восточных цивилизаций и религий. И чтобы получить дополнительные знания в этих областях, он начал посещать лекции в *College de France* и *Ecole des Hautes Etudes Pratiques* (Высшая школа прикладных исследований), которые размещались в одном и том же здании.

В *College de France* с еженедельными докладами выступал выдающийся французский философ и историк Эрнст Ренан (1823-1892), который пользовался большим авторитетом в аристократических кругах Парижа. А в Высшей школе прикладных исследований лекции по «Истории восточных народов» читал Джеймс Дарместетер (1849-1894), известный своими исследованиями в области иранской религии и культуры.

Помимо этого, А. Агаоглу также посещал *Ecole des Langues Orientales Vivantes* (Школа живых восточных языков), где получал уроки арабского, персидского и турецкого языков от таких французских востоковедов, как Чарльз Шефер (1820-1898) и Барбьер де Мейnard (1826-1908). Как это ни парадоксально, но именно в Европе, и благодаря европейским преподавателям А. Агаоглу получил обширные знания о тонкостях этих трех основных языков мусульманского мира, и созданных на них богатейшей литературе. Данный факт, не делающий чести традиционной системе религиозного образования в мусульманских государствах, а в целом и всему исламскому миру, наводит на грустные размышления.

Безусловно, мусульманские народы обладают достаточным основанием, чтобы негативно и с подозрением относиться к Западу, который столетиями вел колониальные, захватнические войны на Востоке. Но это вряд ли дает право огульно обвинять всю западную науку в европоцентризме и предвзятом отношении к мусульманскому миру. Между тем, подобные настроения и в наши дни широко распространены в научных кругах многих стран Ближнего и Среднего Востока³⁵. Признавая живучесть проявлений европоцентризма в некоторых научных кругах Запада, все же следует признать и неоспоримые заслуги европейских ученых в области изучения истории и культуры исламского мира. Тем более что во многом благодаря представителям европейской науки сегодня мир знает о многих достижениях мусульманской цивилизации.

В этой связи с сожалением приходится констатировать тот факт, что даже спустя десятилетия после развала колониальной системы научные центры западных держав продолжают сохранять свои лидирующие позиции в изучении истории восточных цивилизаций. И это несмотря на огромные доходы, получаемые многими мусульманскими странами от продажи нефти. Но за годы независимости ни в одной мусульманской стране так и не сложилась серьезная научная школа, способная конкурировать на равных с научными учреждениями Европы и Америки хотя бы в области гуманитарных наук.

В отличие от Японии, Южной Кореи и некоторых других стран Юго-Восточной Азии, которые на раннем этапе своего развития, умело воспользовавшись научно-техническими достижениями Европы и США, теперь сами превратились в «законодателей мод» в этой сфере, мусульманские государства по-прежнему продолжают оставаться простыми потребителями передовых западных технологий. Это еще больше углубляет пропасть между исламским миром и Западом в области научно-технического развития. И вообще, складывается впечатление, что мусульманский Восток по-прежнему предпочитает жить сегодняшним днем, абсолютно не интересуясь ни прошлым, ни будущим. В подобной ситуации трудно рассчитывать на какие-либо радужные перспективы исламского мира, который в

³⁵ *Özcan U. Ahmet Ağaoğlu ve rol değışikliđi. S. 22.*

случае продолжения нынешнего курса обречен на дальнейшее вырождение и загнивание.

В этом контексте судьба А. Агаоглу является наглядным примером тому, что без приобщения к достижениям европейской цивилизации и их творческого использования в интересах мусульманских народов не представляется возможным развитие исламского мира по пути научно-технического прогресса.

Приобщение в годы учебы в Париже к достижениям западных гуманитарных наук, и в первую очередь, востоковедения, а также близкое ознакомление с идеями европейского либерализма сыграли ключевую роль в интеллектуальном развитии А. Агаоглу, превратив его в одного из наиболее видных и последовательных сторонников модернизации исламского мира на рубеже XIX-XX вв.

В этот период особенно большое влияние на формирование мировоззрения А. Агаоглу оказали труды его преподавателей, выдающихся французских ученых Э. Ренана и Дж. Дарместетера. Именно они пробудили в нем интерес к научным исследованиям. Результатом первых научных изысканий А. Агаоглу стала серия его статей под общим названием «*La Société persane*» («Персидское общество»), опубликованных в 1891-1893 гг. в журнале «*La Nouvelle Revue*»³⁶.

Кроме того, в 1892 году он выступает на IX Международном конгрессе востоковедов в Оксфорде с докладом на тему «Маздакитская вера в шиитской религии»³⁷. В нем он на основании конкретных исторических фактов доказывал, что шиизм является несколько видоизмененной в соответствии с требованиями времени формой доисламской религии персов – маздакизма³⁸.

Уже первые научные работы А. Агаоглу привлекли пристальное внимание научной общественности Франции. Даже крайне скупой на похвалы Э. Ренан, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к мусульманам и исламу, высоко отзывался об этих работах А. Агаоглу, предсказывая ему блестящую научную карьеру.

³⁶ *La Nouvelle Revue*. 1891. № 69, 70, 73; 1892. № 77, 79; 1893. № 83, 84.

³⁷ *Ağaoğlu Ahmet*. *Les Groyances mazdéennes dans la religion chiite* // *Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists*. London, 1892.

³⁸ Более подробно см.: *Shissler A. Holly*. *İki imparatorluk arasinda*. S. 134-135.

Э. Ренан предлагал А. Агаоглу после завершения учебы окончательно обосноваться в Европе: «Ты обладаешь возможностями стать всемирно известным ученым, не возвращайся на родину, Восток проглотит тебя». Ответ А. Агаоглу на это предложение своего преподавателя был корректным, но одновременно достаточно категоричным. «Восток тоже нуждается в образованных людях, и полученные от вас знания я буду передавать на родине своим соотечественникам», - заметил он³⁹.

С твердым намерением добиться любыми средствами пробуждения исламского и тюркского мира, находившегося в то время в многовековом плену невежества и рабства, А. А. Агаоглу решил вернуться из Парижа в Азербайджан⁴⁰.

Научные работы парижского периода являются не только показателем высокой научной эрудиции А. Агаоглу, но и представляют большой интерес с точки зрения определения его тогдашних взглядов, и в частности, идентичности.

В этой связи невозможно игнорировать тот очевидный факт, что в этих работах явно чувствуется симпатия А. Агаоглу к иранской культуре и истории. Среди древних цивилизаций, по его мнению, наиболее развитой нацией являлись греки, на Западе – французы, а на Востоке – персы. Поэтому неудивительно, что в спасении исламского мира от переживаемого им кризиса и упадка А. Агаоглу особое место отводил шиизму, который он считал национальной религией Ирана и проявлением не сломленного многовековым арабским владычеством древнеиранского духа.

В парижский период своей жизни А. Агаоглу искренне надеялся, что «в будущем это учение (шиизм – А.Б.) приобретет громадное значение не только среди шиитов, но и во всем исламском мире. Если судьба будет благосклонна к исламу, если мусульмане вновь возродятся, то все это будет благодаря шиитскому миру»⁴¹.

Характерно, что, по сравнению с Ираном, А. Агаоглу весьма скептически отзывался о возможностях и перспективах Османской

³⁹ *Ağaoğlu Süreyya*. Bir Ömür Böyle Geçti. İstanbul, 1975. S. 14.

⁴⁰ *Ağaoğlu Samet*. Babamın arkadaşları. İstanbul, 1958. S. 117.

⁴¹ *La Société persane: le théâtre et ses fêtes* // Nouvelle revue. 1892. № 77. P.538.

империи. Он подчеркивал, что Турция, «которая с таким трудом стремится к возрождению, не достигнет успеха, потому что здесь мертв индивидуализм»⁴². По этой причине он считал, что Турция ни при каких обстоятельствах не сможет стать локомотивом продвижения исламского мира по пути прогресса и развития.

Более того, ответственность за деградацию исламского мира А. Агаоглу возлагал, в первую очередь, на турок. По его мнению, именно сельджукские завоевания положили конец «золотому веку» ислама, прервав длительный период процветания науки и культуры в мусульманском мире. Не ограничившись этим, вину за незавидное положение женщин в современном мусульманском обществе А. Агаоглу также перекладывал на турок⁴³.

Но наиболее поразительным является тот факт, что в своих работах парижского периода А. Агаоглу говорит об Азербайджане, как о *société persane* (персидское общество). При этом он резко критикует призывы Г. Зардаби относительно необходимости широкого использования народно-разговорного языка азербайджанских тюрков в литературе, прессе, системе образования и других областях. Он не без основания опасался, что эти попытки Г. Зардаби могут привести к потере населением края своей шиитской идентичности, защитником которой в то время выступал А. Агаоглу⁴⁴.

В этой связи трудно не согласиться с американским историком Т. Светоховским, который справедливо отмечает, что в конце XIX – начале XX вв. во взглядах А. Агаоглу не было ничего такого, позволяющего предположить, что он станет затем видным тюркским националистом⁴⁵. На первый взгляд это кажется невероятным и даже парадоксальным, если учесть, что через короткий промежуток времени А. Агаоглу наравне с А. Гусейнзаде станет одним из двух родоначальников политического тюркизма в Азербайджане. Но факт остается фактом, и бессмысленно отрицать, что в начале 90-х гг. XIX века в своих

⁴² La Société persane : le gouvernement de la Perse et l'état d'esprit des persans // Nouvelle revue. 1893. № 83. P. 526.

⁴³ Shissler A. Holly. İki İmparatorluk Arasında. S. 128.

⁴⁴ A. g. e. S. 171.

⁴⁵ Swietochowski T. Müslüman Cemaatten Ulusal Kimliğe. Rus Azerbaycanı. 1905–1920. Ankara, 1988. S. 15.

парижских публикациях он рассказывал о себе и своей культуре глазами иранца.

По мнению Х. Шисслер, попытки А. Агаоглу отождествлять себя с иранской идентичностью были обусловлены двумя причинами⁴⁶. В первую очередь, это было связано с тем, что в момент расставания с родиной он обладал идентичностью, связанной с Российской империей и религией. Другими словами, А. Агаоглу осознавал себя, прежде всего, мусульманским подданным русского императора и правоверным шиитом, т.е. был типичным «русским мусульманином». Кстати, вплоть до 1905 года вместо термина «тюрок» в своих публикациях он использовал именно это понятие. При этом шиитская религиозная среда, в которой родился и вырос А. Агаоглу, находилась под сильнейшим иранским влиянием. Поэтому он предпочел отождествлять себя с культурой, которой был связан не по языковой, а по религиозной принадлежности.

С другой стороны, открытая симпатия в этот период А. Агаоглу к иранской культуре и истории объясняется также влиянием его преподавателей и общей атмосферой, царившей в то время в академических кругах европейских столиц. В них большой популярностью пользовалась арийская теория, согласно которой человечество за свое развитие и прогресс обязано исключительно индоевропейской расе, охватывающей Индию, Иран, Кавказ и всю Европу.

Причем в разработке основных положений арийской теории большую роль сыграл преподаватель А. Агаоглу - Э. Ренан. По мнению Э. Ренана, такие необходимые для модернизации и развития общества качества, как толерантность, соблюдение гражданских свобод, упорядочение и ограничение полномочий правительства, признание прав, как государства, так и личности, исследовательский дух и др. присущи только индоевропейским народам⁴⁷.

С учетом того, что А. Агаоглу был убежденным модернистом, стремящимся к обновлению и развитию восточного общества, то нет ничего удивительного в том, что он решил отождествлять себя с персидской культурой, которая с точки зрения академических кругов то-

⁴⁶ См.: *Shissler A. Holly. İki İmparatorluk Arasında*. S. 128-130.

⁴⁷ *Shissler A. Holly. İki İmparatorluk Arasında*. S. 136.

гдашней Европы считалась наивысшей культурой исламского мира, и самое главное, обладающей потенциалом для прогресса. Этот выбор был облегчен и тем обстоятельством, что Иран являлся родиной шиизма, который в тот момент в значительной степени и предопределял самосознание А. Агаоглу.

Правда, турецкий исследователь У. Озджан считает, что А. Агаоглу, представляя себя в Париже носителем иранской идентичности, тем самым пытался дистанцироваться от российского подданства, которое стало для него тягостным после инцидента с преподавателем во время вступительных экзаменов в Петербургский политехнический институт⁴⁸.

Не исключено также и то, что отождествление себя с иранской культурой было просто продиктовано стремлением А. Агаоглу понравиться представителям французской интеллектуальной элиты, с которыми он тесно контактировал во время учебы в Париже. В пользу этой версии говорит и тот факт, что по возвращению на родину в 1894 году после завершения учебы в Париже он, фактически, отказался от иранской идентичности. Хотя в 1894-1905 гг. в его взглядах по-прежнему преобладали исламские (шиитские) идеи.

Обращает на себя внимание и тот факт, что по сравнению с парижским периодом своей жизни, на родине он более критически относился к Западу и европейскому образу жизни. Подтверждением тому является серия его статей под названием «Панисламизм, его характер и направление», опубликованных в 1900 году в газете «Каспий», русскоязычном рупоре азербайджанской интеллигенции⁴⁹. В ней Ахмед бек Агаоглу, отвергая как ортодоксально-консервативное направление, которое занимало непримиримую позицию в отношении любого новшества, исходящего из Европы, так и «новых мусульман», предлагавших слепо подражать всем достижениям европейской цивилизации, выступает за модернизацию ислама в соответствии с требованиями времени и адаптацию достижений западной цивилизации к исламским ценностям.

Необходимость реформ в исламе А. Агаоглу обосновывал тем, что народ, который старается сохранить в неизменном виде свои культур-

⁴⁸ *Özcan U.* Ahmet Ağaoğlu ve rol değişikliği. S. 41.

⁴⁹ «Каспий». 1900. 14 апреля, 15 апреля и 21 апреля.

ные достижения, лишает себя права на развитие и существование. При этом он достаточно реалистично оценивал тогдашнее положение мусульманских народов Российской империи, включая азербайджанских турков, которые, находясь в состоянии стагнации и упадка, никак не хотели реагировать на вызовы времени. «Мы, мусульмане России, являемся, собственно говоря, мертвым балластом. Мы не живем, а прозябаем. Жить – это значит мыслить и действовать. Где наша мысль, где наши действия?», - вопрошал он⁵⁰.

Его особенно беспокоили инертность и нежелание мусульманских масс бороться за свои права. А. Агаоглу подчеркивал, что «безропотная покорность судьбе, вера в фаталистический кисмат (фатум), бессмысленная надежда на авось, на то, что и нас не забудут, и нам выпадут крохи из общего блага, - все это донельзя устарело»⁵¹.

Нельзя игнорировать и тот факт, что, ратуя за прогресс и развитие, А. Агаоглу одновременно был убежден в том, что процессы модернизации и обновления в азербайджанском обществе должны происходить исключительно в русле исламской идеологии. В первом номере газеты «Хаят» он по этому поводу открыто пишет: «Если мы хотим развиваться и стать действительно жизнеспособной нацией, нам, прежде всего, необходимо быть и оставаться мусульманами. Все наши устремления к прогрессу и улучшению жизни, должны подчиняться законам ислама... Мы должны постичь мудрость ислама и устранить все, что мешает нам пользоваться этим светочем»⁵².

В тот период А. Агаоглу категорически не был согласен с авторами, которые считали ислам главным виновником всех бед и несчастий мусульманского мира. «Большая публицистика, - отмечал он, - обыкновенно во всем резкая, прямолинейная, не разбирающаяся между следствием и причинами, и зачастую принимающая одно за другую, как на Западе, так и особенно у нас в России, держится того мнения, что будто бы во всем, что творится на мусульманской земле, виноват один ислам и что не будь этого учения, там, на этой земле,

⁵⁰ «Каспий». 1905. 18 января.

⁵¹ Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 128.

⁵² «Нәуат». 1905. 7 iyun.

все пошло бы иначе. Для последователей этого взгляда мусульмане, пока они останутся мусульманами, не будут способны ни к какому нравственному и социальному прогрессу»⁵³.

Не разделяя подобные мнения, А. Агаоглу, вслед за Дж. Афгани, считал, что политические и гражданские свободы не противоречат духу ислама, наоборот, они являются основой мусульманской религии. В своих публикациях и выступлениях данного периода А. Агаоглу часто использовал цитаты из Корана, чтобы доказать необходимость «свободы вообще, свободы религии и совести в частности».

По мнению А. Агаоглу, «ни Коран, ни шариат сами по себе не противны прогрессу; только их носители – шейхи и улемы – постарались, в личных выгодах, придать исламу характер непримиримости с цивилизацией»⁵⁴. Таким образом, в отличие от представителей первого поколения азербайджанских модернистов - М.Ф. Ахундова и Г. Зардаби, объектом критики А. Агаоглу являлся не само исламское учение, а его носители - духовные лица. Именно их он считал ответственными за деградацию и стагнацию исламского мира.

В целом же, как А. Агаоглу, так и другие представители интеллектуальной элиты Азербайджана в первые годы XX века еще не в полной мере осознавали роль национального фактора, оставаясь в рамках традиционных представлений об «умме». Они исходили из того, что мусульманство Российской империи представляет собой единую общность, несущую общую историческую, культурную и религиозную традицию. Это было проявлением того, что даже в начале XX столетия ислам являлся базисным элементом идентичности не только народных масс, но и представителей интеллигенции Азербайджана.

Характеризуя общественно-политическую ситуацию в Азербайджане в начале XX века, М.Э. Расулзаде отмечал, что национальное движение не ставило перед собой задачу освобождения и независимости азербайджанского народа, или спасения всех тюркских народов. В этот период оно стремилось исключительно к налаживанию связей и достижению солидарности между различными мусульман-

⁵³ Агаев А. Женщина по исламу и в исламе. Тифлис, 1901. С. 4-5.

⁵⁴ Цит. по: Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 5.

скими народами и государствами. «В этой связи до последнего времени даже понятие «нации» не имело четкого значения, поскольку наиболее продвинутые лидеры национального движения во главе с Ахмед беком Агаоглу не особо различали ислаимзм от тюркизма, и боролись не за тюркизм, а за мусульманство», - резюмировал М.Э. Расулзаде⁵⁵.

Подобное положение отчасти объяснялось «беспощадной политикой разъединения и русификации» царского правительства в отношении тюркских народов империи. Как писал А.М. Топчибашев, «русское правительство усердствовало в деле уничтожения всяких следов, говоривших о принадлежности этих народов к тюркской национальности, об общем их языке и пр., желая тем вытравить всякую духовную и этническую связь как между ними, так и между ними и народами тюркского происхождения вне России»⁵⁶.

Русское правительство запрещало издание книг, журналов и газет на языках тюркских народов, использование этих языков в системе образования, переименовало географические, исторические и этнографические названия в тюркских регионах, «дабы достигнуть тем скорее результатов русификаторских тенденций»⁵⁷.

Подобная политика разделения и русификации привела к тому, что тюркские народы, чувствуя себя лишь «терпимыми пасынками», совершенно отшатнулись и от русских властей и вообще от всего русского, плотно замкнувшись в свой внутренний мир – в религию ислама.

Народные массы прекрасно осознавали, что царские власти неослабно бдят за этим миром, но знали и то, что в эту область совести нельзя проникнуть никаким агентам власти. Царские власти, несомненно, могли не разрешать строить мечети, или назначать на должность муллы и даже высшего официального представителя религии полуграмотного чиновника в чалме. Но, тем не менее, в этой области каждый оставался с самим собой и волен был по своему разумению составить свое миропонимание, свой взгляд на окружающий мир вплоть до выполнения требований религии.

⁵⁵ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

⁵⁶ *Топчибашев А.М. Мусульманские съезды в России // Из истории азербайджанской эмиграции. М., 2011. С. 108.*

⁵⁷ Там же. С. 109.

Тюркские массы в такой отчужденности от власти нашли единственное спасение в религии, которую они воспринимали, в соответствии со степенью своего развития. Представители же интеллигенции, ряды которых постепенно пополнялись, совместно с передовыми лицами из среды торгово-промышленной буржуазии, видя невозможность, по условиям существовавшего режима, проведения прогрессивных идей на национальной почве, нашли в религии внешнюю форму, под прикрытием которой можно было начать пока реализовать национальные, социальные, экономические и политические интересы. В этом отношении «религия Магомета оказывалась хорошим цементом, могущим спаять хотя бы внешне и до поры до времени мусульман России в лице их передовых людей»⁵⁸.

Как в этой связи справедливо отмечает А.М. Топчибашев, именно «условия русской государственности, ее такие неустойчивые базы, как самодержавие и отсутствие законности, ее неумение и неспособность к мирному и любовному сожительству с народами нерусского происхождения, подозрительное и недружелюбное отношение к последним, низкий уровень культуры русских, наряду со многими другими дефектами русского государственного строя, в конечном итоге, привели к отчуждению 25-30 миллионного мусульманства от такого государства. Мусульмане не любили это государство и олицетворявшую его власть и народ, а передовые мусульмане, сознавая необходимость прогресса, политического и экономического развития и национального пробуждения масс, были вынуждены работать в этих областях лишь под прикрытием религии и выступая как «мусульмане»⁵⁹.

Этим же следует объяснить то обстоятельство, что имевшие место в 1905-1917 гг. общие съезды с участием представителей почти всех областей с мусульманским населением носили название «мусульманских съездов», хотя все они были посвящены, прежде всего, политическим, экономическим, национальным и образовательным вопросам. Эти съезды были связаны с периодом пробуждения самосознания народов Кавказа, Крыма, Поволжья и Туркестана.

⁵⁸ Топчибаши А.М. Мусульманские съезды в России. С. 109-110.

⁵⁹ Там же. С. 110-111.

Наглядным подтверждением тому являются выдвигаемые азербайджанской интеллигенцией требования в ходе петиционной кампании в начале революции 1905-1907 гг. В первой петиции «доверенных от мусульманского населения Закавказья», написанной в апреле 1905 года А.М. Топчибашевым и подписанной известными представителями азербайджанской интеллигенции, были сформулированы основные требования национального движения. Как свидетельствует содержание данного документа, в нем, прежде всего, ставился вопрос отмены дискриминационных в отношении мусульман законодательных и нормативных актов, и уравнивания их политических, гражданских и религиозных прав с христианскими подданными империи.

В петиции, представленной в Кабинет министров, также поднимался вопрос об увеличении числа гласных из мусульман в городском самоуправлении, о праве занятия ими без ограничений должностей на государственной службе, в системе образования, и вообще, общественном поприще. Кроме того, представители азербайджанской интеллигенции требовали от властей распространения на мусульман свободы совести, слова и печати, собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища, введения всеобщего и бесплатного образования с преподаванием на родном языке⁶⁰.

Впрочем, подобные петиционные кампании и отдельные выступления азербайджанской интеллигенции не давали особого эффекта. Это вынуждало азербайджанскую интеллигенцию к налаживанию тесных контактов с мусульманским населением остальной части Российской империи, чтобы добиться больших результатов в борьбе за свои права⁶¹.

Общественные лидеры мусульманских народов отдавали себе отчет в том, что на фоне растущей агрессивности колониальной политики Российской империи этим народам в отдельности будет очень сложно отстоять свою этническую самобытность, сохранить свое культурное наследие и исторические ценности. Учитывая, что

⁶⁰ Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978. С. 61.

⁶¹ Багирова И. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 141.

подавляющее большинство мусульман Российской империи составляли тюркские народы, это обстоятельство значительно облегчало налаживание сотрудничества между ними.

Этому способствовала и практически идентичная ситуация во всех без исключения мусульманских регионах Российской империи. В условиях почти полного примата в общественном сознании мусульманских масс религиозного над собственно национальным компонентом, общность вероисповедания создавала сильную психологическую связь между различными мусульманскими народами и служила отправной точкой для становления в начале XX века общемусульманского движения в Российской империи.

Все эти факторы в совокупности способствовали появлению общемусульманского движения в России, первые попытки организационного оформления которого были предприняты азербайджанской, крымско-татарской и казанской интеллигенцией в 1905-1907 гг., когда царские власти под давлением обстоятельств вынуждены были пойти на некоторое смягчение политического режима в стране.

В этих условиях стало возможным проведение в 1905-1907 гг. в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге трех Всероссийских мусульманских съездов. В организации этих форумов активное участие принимали азербайджанские представители во главе с А.М. Топчибашевым (1862-1934). Он же являлся одним из авторов устава и программы Всероссийского мусульманского союза («Иттифаги муслимун»), созданного 15 августа 1905 года на I съезде мусульман России.

На заключительном заседании учредительного съезда «Иттифаги муслимун» были приняты следующие решения:

1. Решение политических и социальных проблем, порожденных современной жизнью, требует объединения российских мусульман в рамках единого движения.

2. Для реализации этих целей российские мусульмане, солидаризуясь с прогрессивно мыслящими русскими, считают необходимым установление конституционной монархии и учреждение законодательного органа, в работе которого должны принять участие полномочные представители мусульман.

3. Реализация указанных во втором пункте задач невозможно без юридического равенства мусульманского и русского населения. Бу-

дучи твердо убежденными в этом, мусульмане требуют уравнивания своих политических, социальных и религиозных прав с русскими, и заявляют, что всеми законными средствами будут добиваться отмены всех законов и юридических актов, ущемляющих права мусульман, а также любых форм дискриминации в их отношении.

4. С целью культурного и образовательного прогресса мусульман на местах в соответствии с потребностями необходимо учредить школы, библиотеки, читальни, издавать книги, газеты и журналы.

5. Для облегчения реализации вышеуказанных задач необходимо организовать на местах выборные региональные собрания российских мусульман⁶².

Как видно, понятие «мусульманского единства» («иттихади-ислам») в трактовке учредителей «Иттифаги муслимун» имело ярко выраженный прогрессивный характер. Ведь в отличие от представителей консервативного крыла панисламизма, проповедовавшего идею исключительности мусульманских народов, зарождающееся мусульманское движение в России выступало лишь за уравнивание прав мусульман с гражданами других национальностей. Именно достижение общественного прогресса, культурного развития и национального освобождения мусульман, а не восстановление Халифата, составляли основную цель учредителей «Иттифаги муслимун».

А развитие и прогресс мусульманских народов не входили в планы правящих кругов империи, что и предопределило их резко негативное отношение к идее создания единой политической организации российских мусульман. Более того, выдвинутые на всероссийских мусульманских съездах требования окончательно испортили в глазах правительства ту репутацию сравнительной благонадежности, которой до сих пор обладала мусульманская интеллигенция в официальных кругах Российской империи. Поэтому, как и следовало ожидать, партии «Иттифаги муслимун» было отказано в легализации⁶³.

В силу этих причин, так и не состоялось организационное оформление мусульманского движения в России. Оставшись без

⁶² *Giray Saynur Bozkurt*. 1905-1907 yılları. Rusya müslümanlarının siyasi kimlik arayışı. İstanbul, 2008. S. 147.

⁶³ *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 47.

единого центра, общероссийское мусульманское движение вскоре распалось, после чего представители различных национальностей, в том числе азербайджанские лидеры, сконцентрировали свои усилия на решении национальных проблем собственного народа. Хотя идея солидарности и единства мусульманских народов Российской империи не потеряла свою значимость в качестве фактора, усиливающего позиции национальных движений в борьбе с царскими властями. А попытки создания общего движения мусульман России продолжались вплоть до середины 1917 года.

Тщетность этих попыток была обусловлена не только противодействием царских властей, но и объективными процессами, происходившими среди мусульманских народов империи, в частности, постепенным пробуждением национальной жизни. Показателем этой тенденции стало и появление в ходе революционных событий 1905-1907 гг. среди мусульманской политической элиты двух различных подходов относительно перспектив российского мусульманства. Часть из них стремилась к сглаживанию существующих противоречий и созданию единого мусульманского движения на всей территории империи, а другая ратовала за самостоятельное развитие того или иного мусульманского народа на основе его собственного языка и культуры⁶⁴.

В этот период существенное влияние на процессы нациестроительства в Азербайджане оказали армяно-азербайджанские столкновения, которые стали импульсом к консолидации азербайджанцев. Эти столкновения стимулировали единение азербайджанских тюрков, способствуя сглаживанию существующих в азербайджанском обществе региональных и «сектантских» (суннитско-шиитских) различий.

Предвестниками этих кровавых событий стало убийство дашнаками 2 февраля 1905 г. на Кубинке азербайджанца по имени Агарза, а затем убийство солдатами-армянами конвоируемого ими для допроса или иных следственных действий заключенного азербайджанца⁶⁵. Эти инциденты до предела обострили и без того непростые взаимоотношения между азербайджанцами а армянами, которые «стали с

⁶⁴ Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. С. 263.

⁶⁵ Ордубади М.С. Кровавые годы. Баку, 2010. С. 16-17.

подозрением коситься друг на друга и искали случая наброситься друг на друга»⁶⁶.

Давно заложенная и искусственно направляемая дашнаками мина конфликта взорвалась 6 февраля 1905 года в Баку, когда толпой армян был зверски убит зажиточный азербайджанец А.-Р. Бабаев. В тот воскресный день А.-Р. Бабаев вместе с дядей шел мимо армянской церкви в Баку. И в этот момент раздался выстрел, после чего толпа армян моментально бросилась на Бабаева, обвиняя его в этом. Тот достал свой револьвер, пытаясь доказать, что стрелял не он, и все патроны его револьвера на месте. Кстати, как было установлено следствием позднее, это было правдой. Подоспевшие городовые забрали револьвер, посадили Бабаева на фэзтон, чтобы отвести в участок. Однако из толпы стали стрелять по фэзтону, в результате чего городовые и родственник Бабаева побежали, сам же Бабаев был убит двумя пулями. Но толпа не успокоилась на этом, и потащила тело покойного по улице, глумясь над ним. Известие об этом быстро распространилось среди азербайджанского населения города, став причиной столкновений с армянами, которые вскоре охватили другие регионы Южного Кавказа, и продолжались до поздней осени 1906 года⁶⁷.

Не вдаваясь в причины и подробности этих событий, которые детально освещены в исторической литературе⁶⁸, отметим лишь тот факт, что они стали первым масштабным противостоянием сторонников двух проектов нациестроительства на Южном Кавказе – азербайджанского и армянского.

Жертвами этих столкновений стали примерно 10 тыс. чел., большинство которых составляли азербайджанские турки, поскольку в отличие от армян, они практически не обладали организованной силой, и им нечего было противопоставить хорошо вооруженным и обученным формированиям партии «Дашнакцутюн». В результате этих событий, в течение 1905-1906 гг. в различных регионах Южного

⁶⁶ *Ордубади М.С.* Кровавые годы. С. 17.

⁶⁷ *Исхаков С.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 106.

⁶⁸ *Ордубади М.С.* Кровавые годы. Баку, 2010; *Маевский В.Ф.* Армяно-татарская смута на Кавказе как один из фазисов армянского вопроса. Баку, 1993; *Nəvvab M.M.* 1905-1906-cı illərdə erməni-müsəlman davası. Bakı, 1993.

Кавказа с лица земли были стерты, в общей сложности, 158 азербайджанских сел⁶⁹.

Эти трагические события, продемонстрировав всю беспомощность и беззащитность азербайджанских тюрков перед злодеяниями дашнаков, вместе с тем, со всей наглядностью высветили слабые стороны азербайджанского общества - неорганизованность и полное отсутствие национально-координационных центров.

Это вынудило азербайджанских лидеров сконцентрироваться на решении данных проблем, поскольку царские власти не предпринимали необходимых усилий для предотвращения армяно-азербайджанских столкновений, а зачастую попустительствовали преступным действиям дашнаков в отношении мирного азербайджанского населения.

Нежелание имперских властей пресечь кровопролитие стало особенно очевидным после провала армяно-азербайджанских мирных переговоров, организованных по инициативе наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова. В ходе этих переговоров, которые проходили с 20 февраля по 6 марта 1906 года в Тифлисе, один из армянских представителей открыто заявил, что «Дашнакцутюн» служит идеям и целям высокопоставленных российских лиц, генералов и даже господина наместника на Кавказе, что эта партия существует уже пятнадцать лет и имеет свою армию, казну, солдат»⁷⁰.

Причем присутствовавшие на заседании представители властей никак не отреагировали на столь провокационное заявление армянской стороны. Подобное их поведение свидетельствовало о том, что власти и дальше намерены смотреть сквозь пальцы на развязанный партией «Дашнакцутюн» террор в отношении азербайджанского населения.

Поэтому член азербайджанской делегации А. Агаоглу вынужден был заявить: «Раз так, если эта партия («Дашнакцутюн» - А.Б.), имеющая свою армию, существует уже пятнадцать лет, и чиновники, зная это, не только не принимают никаких мер, но, может быть, и сотрудничают с ней, то все наши требования к правительству и армянам ликвидировать эту партию совершенно бесполезны. Мы

⁶⁹ Гусейнов Р. Очерки революционного движения в Азербайджане. Баку, 1926. С. 81.

⁷⁰ Ордубади М.С. Кровавые годы. С. 147-148.

должны теперь сами позаботиться о себе. Нам тоже следует создать крепкую, вооруженную партию. И у нас должен быть свой «Дашнакцутюн». Если правительство позволяет подобные акции одной стороне, то должно позволить и другой, иначе тут явное двуличие»⁷¹.

В этом смысле можно сказать, что удары дашнакских банд сыграли эффект бумеранга, значительно ускорив национальное и политическое пробуждение азербайджанских масс. Неудивительно, что одним из главных последствий армяно-азербайджанских столкновений стало появление первых азербайджанских политических организаций, созданных с целью защиты мирного азербайджанского населения от посягательств армянских вооруженных формирований.

Правда, в программах и прокламациях первых азербайджанских политических организаций, возникших в ходе революции 1905-1907 гг. – «Гейрат» (Честь), «Дифай» (Защита), «Мудафиэ» (Оборона) и т.д., все еще возобладали исламские идеи. Так, целью сформировавшейся летом 1905 года в Елизаветполе партии «Гейрат» являлась «обособление Кавказа с автономией районов, где преобладает мусульманское население»⁷². Другими словами, партия, выступающая с федералистских позиций, ратовала за автономию не на национальной, а религиозной основе.

Идеи исламской солидарности превалировали и в политической программе партии «Дифай», созданной в первых числах августа 1906 года в Шуше по инициативе А. Агаоглу. Он же возглавил Центральный комитет партии⁷³. Главная цель этой партии азербайджанской интеллигенции состояла в организации людей для защиты их от действий дашнаков, которые, как отмечалось в ее прокламации, поставили себе главной задачей изгнание мусульман из пределов Кавказского края и захвата их территории, а по достижении этого – построение армянского государства. «Никогда не допустим, чтобы армяне на развалинах и пепелищах нашей нации устроили собственное благосостояние», - подчеркивалось в прокламации «Ди-

⁷¹ *Ордубади М.С.* Кровавые годы. С. 148.

⁷² *Багирова И.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 167.

⁷³ Там же. С. 170-171.

фаи»⁷⁴. Партия добивалась единения мусульман региона при строгом соблюдении норм шариата⁷⁵.

По общему мнению исследователей, как по своей численности, так и по популярности среди масс, партия «Дифаи» была самой крупной азербайджанской политической партией в период до Февральской революции 1917 года. Отделения партии были созданы почти во всех городах и уездах Азербайджана, и даже во Владикавказе⁷⁶.

Несмотря на то, что «Дифаи» создавалась в качестве противовеса хорошо организованной и вооруженной партии «Дашнакцутюн», партия преследовала не только военные цели. Как явствует из содержания проекта программы партии, опубликованного в газете «Иршад», издаваемой А. Агаоглу, «Дифаи» провозгласила своей основной целью – достижение «благоденствия» народов Кавказа и установление взаимопонимания между ними, избавление своего народа от отсталости путем, с одной стороны, содействия его образованию и просвещению, с другой – организации отпора враждебным силам, мешающим его процветанию⁷⁷.

Как свидетельствуют программные документы «Дифаи», несмотря на явные признаки пробуждающегося самосознания среди азербайджанских тюрков, еще не стоял вопрос осмысления отношения Азербайджана, как национального целого, к России. Проблемы рассматривались не в национальном, а в более широком контексте отношения России к мусульманским народам - в пределах империи и за ее границами.

Тем не менее, трудно переоценить историческую значимость появления на политической арене партии «Дифаи», которая, по мнению американского исследователя Т. Светоховского, «пробила в Азербайджане первую брешь в многолетнем безропотном подчинении царскому режиму»⁷⁸. В этом отношении создание партии «Дифаи»

⁷⁴ «İrşad». 1906. 13 oktyabr.

⁷⁵ А.г.е.

⁷⁶ *Лернер В.А.* К вопросу о деятельности в Азербайджане буржуазно-националистической организации «Дифаи» // Доклады АН Азербайджана. Т. XXXY. 1979. № 1. С. 92.

⁷⁷ «İrşad». 1906. 13 oktyabr.

⁷⁸ *Swietochoski T.* Rus Azerbaycani. 1905-1920. Ankara, 1988. S. 73.

явилось ярким проявлением процессов обновления и модернизации азербайджанского общества.

Между тем, социально-экономическое развитие азербайджанского общества, революционные события 1905-1907 гг., обострение армяно-азербайджанских отношений, рост влияния правых и черносотенных сил в России, а также общемировая тенденция укрепления идеологии национализма подспудно катализировали процесс дальнейшего пробуждения национальных чувств у азербайджанских тюрок. Этот процесс не обходил стороной даже верующих азербайджанцев, наиболее подверженных влиянию ислама.

В этой связи достаточно примечательным является наблюдаемая в конце XIX века этническая напряженность между азербайджанцами и персами, обучавшимися в религиозных школах в священном для шиитов иракском городе Неджефе, где были сосредоточены главные шиитские учебные заведения. Этнические различия оказывали существенное влияние на поведение учащихся, прибывших в Неджеф со всех концов исламского мира. И это несмотря на то, что Коран запрещал разделение мусульман по национальному признаку.

Совместное проживание и тесное общение учащихся-азербайджанцев с представителями других национальностей в Неджефе лишь катализировал процесс пробуждения у них этнического самосознания⁷⁹.

Например, учащиеся-азербайджанцы обращались к руководству учебных заведений с просьбой, чтобы их курировали преподаватели азербайджанской национальности, или выходцы из их региона. Подобная просьба азербайджанцев была обусловлена тем, что учащиеся-персы в Неджефе, как правило, находились под покровительством преподавателей, выходцев из Ирана. Поэтому, руководству училища не оставалось иного выхода, как выполнить данную просьбу азербайджанцев, что еще больше усилило разделение учащихся по этническому признаку. Интересно отметить и тот факт, что даже в среде мусульманских улем (богослов) в Неджефе межнациональные браки были очень редким явлением.

⁷⁹ *Litvak M. Shi'i Scholars of Nineteenth-Century Iraq: The 'Ulama' of Najaf and Karbala. Cambridge, 1998. P. 31.*

Обучавшиеся в этом городе азербайджанцы нередко подвергались притеснениям на этнической почве со стороны улем арабской и персидской национальности. В подобных случаях они, как правило, жаловались преподавателям-азербайджанцам, требуя от них адекватно относиться к учащимся арабам и персам⁸⁰.

В конечном итоге, чтобы приостановить нарастание этнического противостояния между учащимися, было решено учредить отдельное медресе для учащихся-азербайджанцев в Неджефе. Обращает на себя внимание и тот факт, что объединяющая всех шиитов траурная церемония ашура в Неджефе проводилась отдельно для каждой национальности⁸¹.

Это было проявлением начавшегося процесса выделения азербайджанских тюрков из общемусульманского культурного ареала и намечившегося перехода от исламизма к национальной идее. Хотя религиозная принадлежность все еще оставалась основным структурообразующим компонентом идентичности азербайджанских тюрков, но направление развития окончательно определилось, и процесс становления национального самосознания постепенно набирал обороты.

§2. От религиозной к национальной идентичности

К началу XX века в азербайджанском обществе национальное еще окончательно не затмило этнографическое, что было обусловлено зачаточным состоянием модернизационных процессов. Правда, с постепенной ломкой старой экономической и культурной системы происходило разложение этого этнографического фона, и появлялись первые проблески культурного национализма.

Именно достигнутые во второй половине XIX века успехи в создании культурных атрибутов нации позволили азербайджанской элите приступить к очередному этапу нациестроительства – формированию ментальных структур, которые обычно называют национальной идентичностью, или более традиционным языком – национальным характером.

⁸⁰ *Litvak M.* Shi'I Scholars of Nineteenth-Century Iraq. P. 33-34.

⁸¹ *A.g.e.* P. 34.

Дело в том, что формирование новой национальной культуры и коммуникационных систем, функционирующих на новом литературном языке, создавало лишь исходный материал, из которого могла возникнуть азербайджанская нация. Обязательным же дополнением для формирования полноценной нации являлось создание национальной идеологии – системы представлений о самобытности и единстве нации. Именно с помощью этой идеологии можно было преодолеть инерцию исламского восприятия и настроить ментальность азербайджанских тюрков на национальный лад.

Как подчеркивает М. Хрох, «началом современного этапа строительства наций можно считать тот момент, когда отдельные группы в пределах не доминантной этнической общности принялись обсуждать свою собственную этническую принадлежность и воспринимать свою этническую группу как имеющую шансы превратиться в будущем в полноценную нацию»⁸². Над созданием основ национальной идентичности – системы знаний и представлений об особенностях собственной общности и была сконцентрирована азербайджанская общественная мысль в начале XX века.

Наряду с модернизационными тенденциями внутри азербайджанского общества, на ускорение процесса формирования национальной идеологии азербайджанских тюрков значительное влияние оказывали внешние факторы. Причем, в Азербайджане, как и в других странах Востока, роль внешнего фактора в нациестроительстве была особенно существенной. Объясняя причины подобного положения, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что на Западе «пласты, задерживающие рост прогрессивных элементов общества, разрывались под напором внутренних сил того же общества. Тогда как средневековые феодальные отношения восточных обществ разрушались под давлением внешних сил»⁸³.

В этом отношении существенные коррективы в процесс нациестроительства в Азербайджане внесла политика национального угнетения царизма. Ведь как отмечал Курт Хюбнер, «национальное соз-

⁸² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 124.

⁸³ Расулзаде М.Э. О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985, С. 55.

вание наличествует всегда, пусть и в латентной форме, ...а реакция на его вытеснение или даже подавление может привести к опасному взрыву»⁸⁴. Другими словами, внешнее давление, создающее реальную угрозу для языка, культуры и других компонентов этнической системы, стало дополнительным стимулирующим фактором развития национальной идентичности азербайджанских тюрков.

К тому же, следует учесть, что даже внешне «нейтральная» позиция безразличия к этнической идентичности иногда оказывается весьма опасным. Например, привилегированное положение господствующей нации, как правило, усиливает негативную ответную реакцию не доминантных групп. В этой связи неудивительно, что чувство национального самоутверждения, обостренное колониальной политикой Российской империи, стало катализатором процесса формирования национальной идентичности у азербайджанских тюрков.

Другим важным фактором внешнего характера, оказавшим в начале XX века серьезное влияние на развитие национальной идентичности азербайджанских тюрков, был армянский экспансионизм. Следует учесть, что азербайджанский образ национальной территории или «идеального Отечества» сформировался в остром конфликте с соответствующей армянской концепцией. Так, армянский образ «идеального Отечества» включал в себя заметную часть территорий с преобладанием азербайджанского населения, которые азербайджанское общественное сознание считало «исконно азербайджанскими». Именно это взаимное наложение «идеальных Отеществ» и делало армяно-азербайджанское противостояние в регионе столь непримиримым и бескомпромиссным. И нет ничего удивительного в том, что конфликт национальных движений и проектов национального строительства этих двух народов в последующем превратился в затяжное противостояние уже сформировавшихся наций.

Обострение армяно-азербайджанских отношений наряду с социально-экономическим развитием азербайджанского общества и влиянием европейских подходов к проблемам формирования наций значительно ускорило выработку конкретных взглядов на национальную идентичность азербайджанцев.

⁸⁴ Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 52

В общественно-политической жизни Азербайджана появились первые признаки перехода от идеи «уммы» к идее «нации», от исламизма к тюркизму. Это было проявлением начавшегося процесса выделения тюркских народов Российской империи, и в первую очередь, азербайджанских тюрков и татар из общемусульманского культурного ареала.

Закономерным результатом этого процесса стало зарождение идеологии тюркизма, предполагавшее отказ от прежних исламских модификаций категории «нация», и соответственно, перенос ориентира с ислама на тюркский мир. Учитывая, что само отождествление азербайджанцев-мусульман с мусульманами других народов – персами, арабами и т. п. - мешало такой переориентации, идеология тюркизма объективно способствовала ослаблению влияния ислама.

При этом следует особо отметить, что зарождению тюркского самосознания в Азербайджане способствовали вовсе не турецкие эмиссары, как об этом до сих пор любят разглагольствовать некоторые политически ангажированные исследователи, зараженные бациллой тюркофобства. Пугая жупелом пантюркизма, они пытаются представить эту идеологию чуждой тюркским народам России, и привнесенной им извне с целью разрушения российской государственности.

Подобные утверждения, часто встречаемые в современной российской историографии, противоречат историческим фактам, поскольку возникновение тюркизма было обусловлено не идеологической экспансией извне, а происходившими внутри тюркских народов объективными процессами. Как отмечает М.Э. Расулзаде, процесс зарождения идеологии тюркизма был мотивирован, прежде всего, «сильным подъемом национального духа» у тюркских народов бывшей Российской империи⁸⁵.

Аналогичного мнения придерживаются многие зарубежные, в том числе российские исследователи, по мнению которых, теория туранизма не была импортирована в Россию извне, а возникла именно на российской почве. В частности, еще в 1930 году во введении книги Зареванда (Завен и Вартуи Налбандяны) «Турция и пантуранизм», изданной в Париже, А.Н. Мандельштам подчеркивал, что «настоящие корни пантуранизма» находились не в Турции, а среди тюркских народов тогдашней

⁸⁵ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 64.

Российской империи. «Главный толчок к пантуранскому движению, - по мнению А.Н. Мандельштама, - был дан не турками Оттоманской Империи, а тюрко-татарскими элементами России». Он справедливо отметил, что «идейными основоположниками пантюркизма нужно считать русских выходцев-татар Ахмеда Агаева (Агаоглу – А.Б.), Юсуфа Акчуру, Али Гусейн-заде, Измаила Гаспринского»⁸⁶.

Британский исследователь Х. Поултон также считает, что именно интеллектуалы из Российской империи – Ю. Акчура, А. Агаоглу, А. Гусейн-заде сыграли ключевую роль в зарождении и популяризации идей тюркизма. Хотя и признает, что окончательное оформление этой идеологии все же произошло именно в Османской империи⁸⁷.

Не вызывает сомнений, что представители азербайджанской и татарской интеллигенции начали закладывать основы тюркизма в России, и лишь затем, по причине усиления реакции в стране после поражения революции 1905-1907 гг., были вынуждены покинуть родину и продолжить свою деятельность в Османской империи.

Как любое крупное течение общественной мысли, тюркизм не имеет точной даты рождения. Исторические корни тюркизма находились в этническом и языковом самосознании тюркских народов, и зачатки идеи тюркской консолидации можно проследить в очень древних пластах тюркского фольклора. В силу этого, формирующееся на рубеже XIX-XX вв. этническое самосознание тюркских народов, интуитивно искало необходимую опору в родственных культурах, и в союзе друг с другом.

Такого рода поиски формируют этническую традицию, веками развивавшуюся в тюркском мире как, впрочем, и в любой другой лингвокультурной и суперэтнической общности, например, славянской, угро-финской, кавказской. Правда, эти традиции вовсе не мешали «братьям по языку и крови» в течение столетий неоднократно вступать в конфликты, вести между собой кровопролитные войны, вытеснять друг друга из освоенного и благоприятного жизненного пространства.

⁸⁶ Мандельштам А. Введение // Зареванд. Турция и пантуранизм. Париж, 1930. С. 7.

⁸⁷ Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and the Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic. London, 1997. P. 71.

Тем не менее, в исторической памяти тюркских народов объединительные мотивы, фигурирующие как некая мифологема «братства» и «близости» родственных этнических общностей, общающихся на близких языках, всегда противостояли вызовам внутренней вражды и разобщенности. В этом отношении идеологи тюркизма, как и подобных ему интеграционных течений в других суперэтнических общностях, в поведенческих нормах и духовных императивах опирались на аксиому «Мы - братья».

Безусловно, у тюркизма также имеется более конкретный и прочный фундамент, определяемый историческими процессами нового времени, и в первую очередь, вызовами модернизации и той особой ситуацией, в которой к концу XIX века оказались тюркские народы Российской империи. В отличие от панисламизма, основу которого составляла традиционная религиозная идеология, тюркизм являлся идеологической новацией.

Источником зарождения тюркизма являлись национальные идеи, к тому времени получившие широкое распространение в Европе. В этом отношении возникновение тюркизма было проявлением пробуждающейся национальной жизни у тюркских народов Российской империи и их стремления выйти на тот самый путь экономического прогресса и культурного развития, по которому, опираясь на идеи национализма, в течение всего XIX века шла Западная Европа.

Одновременно тюркизм являлся защитной реакцией тюркского мира на агрессивный панславизм, который позволял Российской империи под прикрытием защиты и освобождения малых славянских народов от притеснений и господства Австро-Венгерской и Османской империй осуществлять свои экспансионистские планы, и прежде всего, вожденную мечту многих российских императоров о захвате Стамбула.

Зародившись в условиях нахождения почти всех тюркских народов в колониальной зависимости от Российской империи, и будучи проявлением национального пробуждения тюркского мира, тюркизм опирался на общность этнического происхождения, родства языка, близости культур и исторических судеб тюркских народов.

Причем, поначалу никаких существенных различий между терминами «тюркизм», «пантюркизм» и «пантуранизм» не было. При-

ставка «пан...» («все») означала лишь распространение этого понятия на все без исключения тюркские народы и не содержала никакого политического смысла, в частности, не предусматривала политического и государственного единства тюркских народов. Поэтому в данном исследовании понятия «тюркизм», «пантюркизм» и «турализм» употребляются, по сути, в качестве синонимов, подразумевающих солидарность и сотрудничество тюркских народов в борьбе за достижение независимости, процветания и прогресса.

Впервые попытка разделения этих понятий и их противопоставления друг другу была предпринята в царской России. Именно в царской России тюркизм в обязательном порядке начал употребляться с приставкой «пан», т.е. как «пантюркизм». Это было сделано для того, чтобы придать данному термину исключительно негативный характер. Так, стремясь дискредитировать тюркизм, и пугая общественность турецкой агрессией с целью захвата российских территорий, населенных тюркскими народами, шовинистические круги Российской империи начали приписывать этой идеологии несвойственные ей имперские черты, характерные для панславизма.

Как отмечает израильский исследователь Я. Ландау, многие панслависты открыто провозглашали своей целью уничтожение Турции как государства и мечтали о том, чтобы славяне сели на ближневосточный «трон»⁸⁸. Но в отличие от панславизма, который использовался правящими кругами Российской империи лишь в качестве трамплина для мирового господства, тюркизм изначально носил освободительный, антиколониальный и демократический характер⁸⁹. Даже такие апологеты большевизма, как А. Аршаруни и Х. Габидуллин, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к тюркизму, характеризуя основные цели и принципы этой идеологии, отмечали: «Это идейное движение состояло в том, что тюркские племена, населяющие Россию, должны объединиться путем создания сначала общего литературного языка и культуры, а потом и политических организаций, для борьбы за свое национальное освобождение»⁹⁰.

⁸⁸ Landau J.M. Pan-turkism in Turkey. London, 1981. P. 8.

⁸⁹ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 164.

⁹⁰ Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 23.

Однозначно негативное отношение к тюркизму в России не изменилось и после прихода к власти большевиков в результате октябрьского переворота 1917 года. И это было вполне естественно, поскольку Советский Союз, в сущности, был несколько видоизмененной формой Российской империи в марксистской упаковке. При этом стратегическая цель обеих империй была идентичной. Советский режим, как и бывшая царская Россия, пытался реализовать идею о мессианской роли русского народа в качестве «учителя и духовного попечителя» остальных народов. Изменились лишь идеологические установки, под прикрытием которых планировалось решить эту задачу. И любая национальная идеология, препятствующая осуществлению этой мессианской роли, объявлялась реакционной и преступной.

По этой причине в советской историографии «пантюркизм» квалифицировали как «шовинистическую доктрину турецких реакционных буржуазно-помещичьих кругов, ставящей своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на тюркских языках»⁹¹. При этом утверждалось, что апологеты пантюркизма путем фальсификации истории пытаются «доказать выдвинутый ими тезис «о национальном единстве» всех тюркоязычных народов и об их «расовом превосходстве»⁹².

И это несмотря на то, что, по иронии судьбы, тюркизм, в широком понимании этого слова, никогда не был определяющим фактором государственной политики Османской империи, а затем и республиканской Турции. Так официальной идеологией Османской империи являлась религиозная доктрина ислама. Что же касается современной Турции, то в ней национализм, будучи лишь одним из составляющих ее государственной идеологии – кемализма, строго ограничен пределами страны.

Это связано с тем, что уже на раннем этапе своей деятельности основатель современной Турецкой Республики К. Ататюрк отказался от пантюркизма, т.е. политики создания общетюркского государства. Официальный отказ от этой идеи был провозглашен К. Ататюрком в

⁹¹ Большая Советская Энциклопедия (2 изд.). Т. 32. М., 1955. С. 13.

⁹² Там же.

его речи в городе Эскишехир в 1921 году⁹³. В 1927 году общество «Тюркские очаги» (Türk Ocakları), являвшееся основным центром и популяризатором идей тюркизма в стране, на своем съезде, изменив первый пункт устава, ограничил сферу своей деятельности исключительно границами Турецкой Республики.

Таким образом, несмотря на то, что тюркизм оказал существенное влияние на формирование политических взглядов К. Ататюрка и государственной идеологии Турецкой Республики, но политические реалии и возможности страны, требующие учета фактической расстановки сил на геополитической арене, привели к трансформации первоначального романтического тюркизма в форму, пригодную для нужд практической политики.

Поэтому негативное отношение советского режима к тюркизму невозможно объяснить попытками официальных кругов Турции использовать эту идеология в качестве средства влияния на тюркские народы СССР с целью их вовлечения в свою политическую орбиту. Подобная позиция была продиктована, скорее всего, тем, что для советского режима была неприемлема любая идеологическая конструкция, в основе которой лежала национальная идея.

Ведь национализм, подразумевающий стремление народов сохранить свою национальную самобытность и создать собственную государственность, является весьма действенным оружием в руках угнетенных народов в борьбе против империи. К тому же национализм отрицает мессианскую роль русского народа, т.е. роль «великого учителя и духовного наставника» для всего мира. Чтобы нейтрализовать столь эффективное средство борьбы угнетенных наций за свою свободу и независимость, как национализм, имперский центр придал ему явно негативный смысл, приравняв его к расизмом, и даже фашизмом.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что тюркизм, будучи одной из разновидностей национализма, в советский период также был объявлен реакционной буржуазной идеологией, якобы проповедующей идею исключительности тюркских народов. Хотя в реальной действительности тюркизм является системой представлений, про-

⁹³ *François Georgeon. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. Yusuf Akçura (1876-1935). İstanbul, 2005. S. 129.*

истекающей из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских народов и пропагандирующей единство, взаимопомощь и сотрудничество этих народов в борьбе за общественный прогресс, культурное развитие и национальное освобождение. Именно в этом понимании мы будем оперировать термином «тюркизм» в нашей работе.

Переход тюркизма из области культуры и просвещения в политическую плоскость, как уже было отмечено выше, связан с именами выдающихся мыслителей Ю. Акчуры, А. Гусейн-заде и А. Агаоглу. Первым среди них сформулировать основные принципы политического тюркизма попытался известный татарский общественный деятель, социолог и историк Юсуф Акчура (1876-1935) в своей работе «Три вида политики» (*Üç Tarz-ı Siyaset*), написанной в 1904 году.

Статья «Три вида политики» Ю. Акчуры является первой теоретической работой по тюркизму, в которой методом подробного систематизированного анализа рассматривалась возможность применения тюркизма в политической сфере⁹⁴.

Юсуф Акчура родился в 1876 году в Симбирске в семье одного из богатейших и влиятельнейших российских текстильных промышленников Хасана Акчурина, предки которого принадлежат к известному татарскому роду, некогда переселившемуся из Крыма в Казань. Мать Юсуфа – Биби Гемер Бану был дочерью другого известного татарского фабриканта Абдурашида Юнусова.

После скоропостижной кончины мужа, Биби Гемер Бану, которой врачи порекомендовали жить в теплом климате, с сыном переехали сначала в Ставрополь, а затем в 1883 г. в Стамбул, где Юсуф окончив лицей поступил в Военное училище (*Harbiye mektebi*). Судя по всему, именно в годы учебы в этом училище состоялось первое знакомство Ю. Акчуры с младотурками и их идеями, что сыграло решающую роль в дальнейшем развитии его мировоззрения.

В эти же годы Ю. Акчура проявляет интерес к тюркской истории и культуре, а также национальной проблематике. Этому в немалой степени способствовали работы сторонников «национализма в куль-

⁹⁴ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. С. 62.

туре» Веледа Челеби, Наджиба Асыма, Мехмета Тахира, с которыми он ознакомился в годы учебы в Военном училище.

После успешного окончания Военного училища, Ю. Акчура в 1897 году был направлен на курсы штабных офицеров (*Erkân-ı Harbiye*). Но проучился он там недолго, поскольку в 1897 году был арестован за участие в заговоре с целью свержения правителя страны - султана Абдулхамида II. По решению военного суда Ю. Акчура был отправлен на пожизненную ссылку в Триполи⁹⁵.

Через два года, в 1899 году Ю. Акчуре удалось бежать из Триполи во французский Тунис, откуда он добрался до Парижа. Находясь с 1899 года по 1903 год в Париже, он учится в Свободной школе политических наук (*École Libre des Sciences Politiques*), которая является кузницей политической и дипломатической элиты Франции. Одновременно он посещает лекции в Высшей школе прикладных наук Сорбонского университета.

В Париже Ю. Акчура изучал историю, социологию, философию и филологию. Его преподавателями по этим предметам в Школе политических наук были такие известные ученые, как Эмиль Бутми, Альберт Сорель, Теофил Функ-Брентано, Анатолий Леруа-Болье, Шарль Ренувье, Люсьен Леви-Брюль. Кроме того, в Школе прикладных наук Сорбонского университета Ю. Акчура слушал лекции Э. Дюркгейма, Ш. Сеньобоса, А. Бергсона, Г. Тарда. Все они в той или иной степени были под влиянием национальных идей. Например, А. Сорель считал «нацию» определяющим фактором исторического развития последнего столетия⁹⁶.

Внешне неприметная, но очень авторитетная Школа политических наук на парижской улице Сен Гийом была источником тех политических и социальных идей, лишь некоторые осколки которых в то время доходили до Востока. Поэтому как писал Ю. Акчура, молодые представители Востока, «испытывавшие жажду к наукам, вдоволь могли насладиться этим родником знаний»⁹⁷.

⁹⁵ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 124-125.

⁹⁶ A.g.e. S. 125-126.

⁹⁷ A.g.e. S. 126.

По признанию самого Ю. Акчуры, именно преподаватели Школы политических наук придали его мыслям четкую национальную направленность. Они же и способствовали формированию у него соответствующего мировоззрения и твердых убеждений, которым он не изменял до конца своей жизни⁹⁸.

Политические и социальные взгляды Ю. Акчуры, сформировавшиеся под впечатлением его наблюдений среди южных и северных тюркских народов, а также под влиянием работ ранних тюркистов, приобрели в Школе политических наук большую ясность и четкость. Именно в стенах этого учебного заведения Ю. Акчура впервые задумался о месте национализма и тюркизма в политической сфере.

Хотя уже в работах, написанных в период учебы в Париже, Ю. Акчура затрагивал национальную проблематику, указывая на актуальность и важность в современном мире национальной идеи, но в полной мере реализовать свои замыслы ему удалось лишь в статье «Три вида политики». Эту небольшую по объему теоретическую статью сам Ю. Акчура считал своей наиболее важной работой, поскольку в ней впервые были открыто и четко сформулированы основные принципы политического тюркизма⁹⁹.

Теоретическая работа «Три вида политики» была написана в марте 1904 года в деревне Зюябаши под Симбирском, где Ю. Акчура жил в первое время после приезда из Парижа. Она тремя частями была напечатана в 1904 году в 24-ом (14 апреля), 26-ом (28 апреля) и 27-ом (5 мая) номерах каирской газеты «Türk» («Тюрок»), которая издавалась группой либерально настроенных турецких интеллигентов, сгруппировавшихся вокруг писателя и журналиста Али Кемаля (1867-1922).

Французский тюрколог Франсуа Жоржон называет эту работу Ю. Акчуры манифестом тюркского национализма, а его самого «отцом тюркизма». Ф. Жоржон считает, что он незаслуженно и несправедливо остался в тени З. Гекалпа. По мнению французского исследователя, когда Ю. Акчура создавал основы тюркского национализма, З. Гекалп все еще оставался под влиянием идей османизма¹⁰⁰.

⁹⁸ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 126.

⁹⁹ A.g.e. S. 130.

¹⁰⁰ François Georgeon. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. S. 2-3.

Обращение к национальной проблематике в работе «Три вида политики» было продиктовано не праздным любопытством, и не глубоко исследовательским интересом Ю. Акчуры, а суровыми реалиями жизни. Он с болью в сердце наблюдал отставание Османской империи от европейских государств во всех областях жизни. Причем с годами этот отрыв все больше увеличивался, что угрожало самому существованию Османской империи. Ю. Акчура прекрасно осознавал катастрофические последствия подобного исхода развития событий для всех тюркских народов, поскольку не без основания считал Турцию системообразующим ядром и опорой всего тюркского мира.

Ю. Акчура находился в поиске наиболее приемлемой и эффективной политической идеи, способной укрепить турецкую государственность, чтобы она успешно могла противостоять многочисленным внешним и внутренним вызовам времени. Поэтому в статье «Три вида политики» он анализирует перспективы и шансы реализации трех альтернативных проектов нациестроительства - османизма, панисламизма и тюркизма, с точки зрения их пригодности и соответствия задачам «усиления и прогресса» Османского государства.

Во вступительной части статьи Ю. Акчура в тезисной форме излагает историю появления трех концепций нациестроительства в общественно-политической жизни Османского государства. Как подчеркивает Ю. Акчура, османизм, предусматривающий формирование «османской нации» путем ассимиляции и интеграции народов, населяющих территорию империи, возник в годы правления султана Махмуда II (1809-1839). Но наибольшую популярность и сторонников в правящей верхушке эта идеология получила в период Танзимата (1839-1876)¹⁰¹.

Возникновение панисламизма, по мнению автора, относится к 70-м гг. XIX века, когда стало очевидным неудача планов по созданию османской нации. Большим поклонником панисламизма являлся султан Абдулхамид II (1876-1909), который пытался с помощью этой идеологии укрепить позиции Османской империи за счет усиления сплоченности и солидарности исламского мира. В период его правления были предприняты шаги для реализации на практике идеи соз-

¹⁰¹ Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset. Ankara, 2011. S. 10-11.

дания по религиозному принципу единой нации из различных мусульманских народов Османской империи¹⁰².

Что же касается тюркизма, то, как отмечает Ю. Акчура, «мысль о создании тюркской политической нации, основанной на этническом принципе, является совершенно новой. Я полагаю, что подобная идея до сих пор не существовала ни в Османском государстве, ни в одном из предшествующих тюркских государствах»¹⁰³.

После краткого изложения истории трех политических концепций автор анализирует пользу и возможности реализации каждой из них в Османской империи. Ю. Акчура пытается ответить на следующий вопрос: «Какого из трех политических концепций, до сих пор составлявших тему нашего разговора, должно придерживаться Османское государство ради своей выгоды, т.е. для укрепления своей мощи»¹⁰⁴.

В этом контексте автор детально анализирует и раскрывает преимущества и недостатки трех политических концепций – османизма, панисламизма и тюркизма, пытаясь дать ответ на вышеуказанный вопрос.

Признавая, что «создание османской нации принесло бы пользу Османскому государству», Ю. Акчура одновременно указывает на невозможность реализации этой идеи из-за многочисленных внутренних и внешних препятствий. «Исходя из этого, - подчеркивает он, - работа по созданию османской нации является бесполезным и утопическим делом»¹⁰⁵.

Поэтому Ю. Акчура предполагал, что в контексте реалий начала XX века более приемлемыми и осуществимыми в Османском государстве являются идеи панисламизма и тюркизма. При этом Ю. Акчура не говорит открыто о своем предпочтении одного из этих двух концепций, подтверждением которого является последний абзац статьи: «Короче говоря, вопрос, который с давних пор занимал мои мысли и на который я не смог найти убедительного ответа, снова стоит передо мной: исламизм или тюркизм – какой из двух этих по-

¹⁰² Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset. S. 13-14.

¹⁰³ A.g.e. S. 16.

¹⁰⁴ A.g.e. S. 23.

¹⁰⁵ A.g.e. S. 39.

литических направлений полезнее и реальнее с точки зрения их превращения в жизнь для Османского государства?»¹⁰⁶.

Тем не менее, из содержания статьи «Три вида политики» можно сделать однозначный вывод, что симпатии Ю. Акчуры были явно на стороне тюркизма, который он считал более перспективным, по сравнению с исламом.

Подтверждением тому являются следующие суждения автора: «Мусульманская религия может стать очень важным элементом в формировании великой тюркской нации... Для того, чтобы ислам смог выполнить подобную функцию в деле объединения тюркского мира, он должен видоизмениться таким образом, чтобы допустить в своем лоне формирование наций, подобно тому, как это происходило в последнее время в христианстве. Что касается этого видоизменения, то оно почти неизбежно: главная тенденция развития, наблюдаемая в современной истории – это тенденция развития этносов. Религии, как таковые, постепенно утрачивают свою политическую значимость и силу. Религии все более и более переносят свою деятельность из общественной сферы в личную сферу жизни человека. В обществе свобода совести занимает место религиозного единства... Вследствие этого религии могут сохранить свое политическое и общественное значение лишь соединяясь с этносами, помогая и даже служа им»¹⁰⁷.

Примером подобного служения религии интересам этноса он приводил роль православия в России, протестантизма в Германии, англиканской церкви в Англии, католицизма в различных странах. В целом же, данное высказывание Ю. Акчуры свидетельствует о том, что он отводил исламу вспомогательную, второстепенную роль в формировании тюркской нации.

С зарождением политического тюркизма Османское государство приобрело не только новый дух этнической солидарности, но и совершенно новую геополитическую роль. Учитывая, что в огромном тюркском мире «турецкое государство являлось самым сильным, прогрессивным и цивилизованным», по мнению Ю. Акчуры, именно оно и должно было стать движущей силой и лидером «процесса

¹⁰⁶ Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset. S. 40.

¹⁰⁷ A.g.e. S. 38.

формирования большой политической нации» и объединения всех тюрков, «территория проживания которых охватывала большую часть Азии и Восточной Европы»¹⁰⁸.

Как это ни парадоксально, выдвинутая в статье «Три вида политики» национальная идея, с помощью которой он предлагал консолидировать тюркские народы и превратить их в жизнеспособную современную нацию, без особого энтузиазма была встречена интеллигенцией и политическими кругами Османского государства. Дискуссия вокруг сформулированных в статье идей ограничилась лишь рамками проживавших в Каире узкого круга младотурков, которые, к тому же, обвинили автора в утопичности его идей и умозрительном подходе к проблеме¹⁰⁹.

Лишь спустя несколько лет, после 1908 года, началось широкое распространение и популяризация идей тюркизма в Османском государстве, что в немалой степени было связано с переездом таких известных идеологов тюркизма, как Ю. Акчура, А. Гусейн-заде и А. Агаоглу из России в Турцию.

Более широкий резонанс работа Ю. Акчуры получила среди представителей тюркских народов Российской империи. Это было вполне естественно, поскольку, по сравнению с османскими турками, российские тюрки больше нуждались в реализации идеи единства и солидарности тюркских народов, которая красной нитью проходила в статье «Три вида политики». Сам факт принадлежности к необъятному тюркскому миру, к обширной тюркской этноязыковой общности, оказывал вдохновляющее воздействие не только на идеологов и активистов национального движения, но и на тюркские народные массы Российской империи, придавая им уверенность в своих силах и в конечном успехе национального дела.

Неслучайно, что одним из первых на статью Ю. Акчуры прореагировал азербайджанский ученый, публицист и общественный деятель Али бек Гусейн-заде (1864-1939). Его отношение к работе «Три вида политики» Ю. Акчуры была выражена в статье «Мектуби махсус» («Специальное письмо»), опубликованной в 56-ом номере газеты «Тюрюк» за 24 ноября 1904 года¹¹⁰.

¹⁰⁸ *Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset. S. 36.*

¹⁰⁹ *François Georgeon. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. S. 48.*

¹¹⁰ *Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 140.*

А. Гусейн-заде родился 24 февраля 1864 года в Сальяне, небольшом городке на берегу Куры примерно в 120 километрах от Баку. Его отец Молла Гусейн Гусейн-заде был преподавателем математики в Тифлисской мусульманской школе при Духовном управлении мусульман Закавказья. Мать Али бека – Хадиджа ханум приходилась дочерью шейхуль-ислама Закавказья Ахунда Ахмеда Гусейн-заде (Сальяни).

Получив начальное образование в Тифлисской мусульманской школе (1870-1875), Али бек затем продолжил учебу в I Тифлисской городской гимназии (1875-1885).

Али бек очень рано лишился отца и матери. Поэтому его воспитанием занимался дед Ахунд Ахмед. Несмотря на то, что Ахунд Ахмед был первым лицом в духовной иерархии мусульман Закавказья, круг его интересов выходил далеко за рамки сугубо религиозных вопросов. В своей статье, опубликованной в 1876 году в газете «Экинчи», Ахунд Ахмед призывал мусульман не ограничиваться только религиозным образованием и учить светские науки – физику, химию, математику, биологию, чтобы не отставать в своем развитии¹¹¹. Именно по его инициативе Али бек после получения начального религиозного образования, продолжил учебу в Тифлисской гимназии¹¹².

С положительной стороны характеризует Ахунда Ахмеда и тот факт, что он находился в дружеских отношениях с М.Ф. Ахундовым, чье неприязненное отношение к духовным лицам общеизвестно и не требует особых доказательств. М.Ф. Ахундов был постоянным участником бесед и дискуссий, имевших место в доме Ахунда Ахмеда в Тифлисе и оказавших огромное влияние на формирование взглядов Али бека в юношеские годы.

Судя по всему, именно Ахунд Ахмед Гусейн-заде и М.Ф. Ахундов сыграли ключевую роль в воспитании юного Али бека в духе привязанности к своим этническим корням и любви к родной земле. Хотя они сами сформировались как личности под влиянием иранской и русской культуры, но все же интуитивно осознавали свое этническое происхождение. Как уже выше было отмечено, М.Ф. Ахундов, по-существу, был родоначальником национализма в языковой сфере.

¹¹¹ «Экинчи». 1976. 1 yanvar.

¹¹² Turan A. Əli bəy Hüseynzadə. M., 2008, S. 10.

О предпочтениях же Ахунда Ахмеда нагляднее всего свидетельствует его собственное признание в том, что ему больше нравятся произведения Вагифа на тюркском языке. Хотя этот азербайджанский поэт конца XIX века был автором не менее прекрасных стихов на персидском языке¹¹³.

В 1885 году А. Гусейн-заде поступает на факультет природоведения и физики Петербургского университета, который заканчивает в 1889 году. Одновременно он посещает лекции русских востоковедов, в частности известного ираниста В. А. Жуковского на факультете восточных языков того же университета с целью близкого ознакомления с научными методами востоковедческой науки. Помимо этого, он интересуется живописью, и с целью совершенствования своих знаний и навыков в этой области периодически консультируется с преподавателями Петербургской академии живописи.

Следует отметить, что годы учебы А. Гусейн-заде в Петербурге совпали с революционным брожением среди студенческой молодежи под влиянием движения народничества. По некоторым сведениям, он был близко знаком со старшим братом В.И. Ленина – А. Ульяновым, казненным в 1887 году по обвинению в подготовке покушения на Александра III. Они занимались в одной и той же лаборатории Петербургского университета¹¹⁴.

В стенах Петербургского университета происходит приобщение А. Гусейн-заде к политической борьбе. В Петербурге же он впервые знакомится с идеями панславизма, которые наряду с пангерманизмом послужили для него источником вдохновения при разработке основ политического тюркизма.

А. Гусейн-заде после завершения учебы в Петербурге с накопленными знаниями и богатым опытом политической деятельности отправляется в Стамбул. Именно к этому периоду его относятся и первые поэтические опыты А. Гусейн-заде, в которых открыто чувствуется влияние идей тюркизма. Подтверждением тому служит стихотворение с условным названием «Туран», написанное А. Гусейн-заде в Стамбуле в начале 90-х гг. XIX века:

¹¹³ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 142.

¹¹⁴ Turan Selim. İstanbul, 1992. S. 15.

Эй вы, этнические венгры, наши братья,
Общая родина наших предков Туран...
Все мы единоверцы, правдолюбивые дитя;
Возможно ли, чтоб нас разделили Библия и Коран?¹¹⁵

В Стамбуле А. Гусейн-заде с 1889 по 1894 годы учится в военно-медицинском училище. Получив диплом военного медика, он решает остаться в Турции, и работает по своей специальности в различных учреждениях здравоохранения, занимается преподавательской деятельностью на медицинском факультете Стамбульского университета.

Одновременно А. Гусейн-заде активно пропагандирует идеи тюркизма в культурной и языковой сфере среди турецкой интеллигенции. В Турции он продолжает и свою политическую деятельность, став активным участником движения младотурков и одним из основателей партии «Единение и прогресс» (*İttihad ve Terakki*).

Следует отметить, что А. Гусейн-заде был исключительно одаренным и всесторонне образованным человеком. Он знал арабский, персидский, турецкий, английский, французский, латинский, греческий и русский языки. Интересовался мировой классикой - Гомером, Данте, Шекспиром, Шиллером, Гете, Байроном. Причем, произведения многих из этих классиков читал в оригинале. Известны его переводы из Омара Хайяма, «Фауста» Гете, стихотворений Г. Державина.

А. Гусейн-заде прекрасно играл на скрипке. В 1908 году им были написаны две картины, ставшие первыми образцами мусульманской живописи в Российской империи. До этого никто из российских мусульман не брался за кисть, так как занятие художеством считалось «богопротивным» делом¹¹⁶.

В этом контексте нет ничего удивительного в том, что именно А. Гусейн-заде стал первым азербайджанцем, «давшим жизнь политическому направлению тюркизма, тюркского единства и туранизма с центром в Османской империи»¹¹⁷.

¹¹⁵ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 141.

¹¹⁶ Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. С. 305.

¹¹⁷ Yüksel İ. Azerbaycanda fikir hayati ve basın. S. 135.

Эту мысль подтверждает и Ю. Акчура, который считает Али бека Гусейн-заде первым «пантуранистом» среди мусульманских тюрок. По его мнению, он своим творчеством воспитал следующее поколение туранистов в Османском государстве, вступившее на общественно-политическую арену после 1908 года, в том числе З. Гекалпа. Кстати, З. Гекалп, в работах которого туранизм получил свое окончательное концептуальное и системное оформление, впоследствии признавал Али бека одним из своих учителей.

В то время власти Османской империи, мягко говоря, не поощряли распространение тюркизма, отдавая явное предпочтение идеям османизма и панисламизма. Более того, деспотичный султан Абдулхамид II (1876-1909) с особым подозрением относился к любым проявлениям национализма, усматривая в них угрозу для своего правления. Поэтому А. Гусейн-заде направил свои усилия, прежде всего, на популяризацию тюркизма среди противников Абдулхамида II – младурков. Но даже в этом узком кругу политических оппонентов существующего режима ему не удалось найти значительной поддержки, поскольку противники режима все еще склонялись к османизму, пытаясь необходимые для страны реформы осуществить руками самого Абдулхамида II¹¹⁸.

В этой связи А. Гусейн-заде подчеркивает, что «младотурки сначала попытались было поставить свои прожекторы на самом корабле, у которого был капитан, называющейся Султаном и Халифом». Но этим надеждам младотурков не суждено было сбыться, и «с эпохи падения и смерти в ссылке на дальнем Йемене знаменитого государственного деятеля Мидхат паши и мученической смерти Муллы Али Суалы в Бешикташе, все их попытки по сей день остались безуспешными»¹¹⁹.

С каждым годом в Турции усиливались масштабные репрессии и преследования в отношении младотурков, которые достигли своего апогея в начале XX века. Как отмечает А. Гусейн-заде, «младотурков, единственных представителей науки, знания, таланта, идеала и нравственной силы внутри страны, начали преследовать всевозмож-

¹¹⁸ *Swietochowski T.* Müslüman Cemaatten Ulusal Kimliğe. Rus Azerbaycanı. 1905–1920. Ankara, 1988. S. 52.

¹¹⁹ *Гусейн-заде А.* Что такое младотурчество // Каспий. 1905. 27 марта.

ными способами и методами, среди которых главную роль играли подкуп, тюрьма, ссылка и даже пытки. Против мысли и слова была воздвигнута ужасающая система преследования»¹²⁰.

В этих условиях А. Гусейн-заде, столкнувшись с реальной угрозой ареста, вынужден был в 1903 году покинуть пределы Турции и вернуться в Баку. Тем более что в Российской империи к тому времени уже появлялись первые проблески смягчения режима, что создавало более благоприятные условия для творческой и политической деятельности. Неслучайно, что подлинная активность А. Гусейн-заде на поприще тюркизма, по признанию Ю. Акчуры, обнаружилась после его возвращения на родину. Именно в Баку он написал свои основные теоретические работы, в которых сформулировал базисные принципы и положения политического тюркизма.

И одним из первых шагов в этом направлении стала вышеупомянутая статья «Специальное письмо» в газете «Тюрюк», в которой А. Гусейн-заде выразил свое отношение к работе Ю. Акчуры «Три вида политики». В этой статье А. Гусейн-заде пытается занять промежуточное положение между Ю.Акчурой и его оппонентами, предпочитая однозначно не поддерживать ни одну из сторон. Это объясняется особенностями характера самого А. Гусейн-заде, который, будучи сторонником мира и спокойствия, взаимопонимания и гармонии, во всех жизненных ситуациях пытался найти компромисс между противоположными позициями. И в «Специальном письме», оставаясь верным своему принципу, А.Гусейн-заде пытался путем «высокого синтеза» объединить тезисы и антитезисы Ю. Акчуры и его оппонентов.

С одной стороны, А. Гусейн-заде ставит под сомнение «необходимость искусственного создания течений под названиями «пантюркизм» и «панисламизм». Но тут же он дает понять, что не является противником «пантюркизма» и «панисламизма». «Где бы ни жили мусульмане, и в особенности турки, - подчеркивает А. Гусейн-заде, - в Османском государстве, Туркестане или возле озера Байкал и Каракоруме, они не перестанут признавать и любить друг друга, уменьшая трения между суннитами и шиитами, а также другими

¹²⁰ Гусейн-заде А. Что такое младотуречество // Каспий. 1905. 27 марта.

мазхабами, будут стараться растолковать суть священного Корана. Разве недостаточно им будет того, что они будут знать, что основой религии является Коран?»¹²¹.

В этой связи Ю. Акчура справедливо отмечает, что хотя А. Гусейн-заде в статье «Специальное письмо» и не соглашается с необходимостью существования тюркизма в качестве отдельной политической концепции, но из содержания этой работы видно, что он уже проникнут идеалами тюркизма¹²². Действительно, уже во вступительной части статьи А. Гусейн-заде утверждает, что никакого отдельного татарского этноса не существует, и все они – крымцы, казанцы, оренбуржцы являются лишь частью единой тюркской нации.

Продолжая свою мысль и ратуя за активизацию взаимных контактов между различными частями тюркского мира, А. Гусейн-заде далее пишет: «Наиболее желаемое для каждой нации качество – это могущество. Обретение нацией подобного могущества зависит от роста духовных связей между гомогенными элементами... Особенно усердно надо работать для усиления взаимной любви. Проблема состоит в том, что мы должны узнать и любить друг друга, на пути продвижения к цивилизованности помогать друг другу. Заставить школьных учеников зубрить стихи вплоть до иранских правителей, однако не быть в состоянии правильно прочесть хотя бы две строки Алишера Навои... Вот это вещи, вызывающие чувство стыда!»¹²³.

Таким образом, содержание «Специального письма» свидетельствует о том, что его автор не просто симпатизирует идее тюркского единства, но открыто ее проповедует. Хотя более детальная разработка основ этой идеологии со стороны А. Гусейн-заде относится к периоду 1905-1907 гг.

В этом отношении достаточно плодотворными были периоды деятельности А. Гусейн-заде в газете «Хаят» (1905-1906) и журнале «Фиюзат» (1906-1907), на страницах которых были опубликованы наиболее значительные его труды - «Какие науки нам нужны?», «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», «Мы критикуем, нас кри-

¹²¹ Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 140.

¹²² A.g.e. S. 141.

¹²³ A.g.e. S. 140.

тикуют» и т.д. Этими своими работами он придал политическому тюркизму характер более или менее системной концепции.

В условиях, когда даже многие представители интеллигенции были плохо осведомлены о происхождении и истоках собственного этноса, когда не существовало даже общепринятого этнонима азербайджанских тюрков (их в то время называли мусульманами, закавказскими татарами, кавказскими тюрками и т.д.), А. Гусейн-заде в статье «Цели нашей газеты», напечатанной в первом же номере газеты «Хаят», открыто заявлял: «Мы тюрки, и поэтому надеемся на прогресс, процветание и счастье всех тюрков мира»¹²⁴.

Все усилия А. Гусейн-заде в газете «Хаят», а затем в журнале «Фиюзат» были направлены на формирование и развитие тюркского национального духа у азербайджанцев, на преодоление в их среде лени и пессимизма, порожденных отсутствием у них конкретного идеала. По убеждению А. Гусейн-заде, этим идеалом не только для азербайджанцев, но и для всего тюркского мира должно было стать создание Турана – некой идеальной родины, являющейся союзом тюркских народов.

А. Гусейн-заде даже определял конкретные границы Турана. В статье «Задачи тюркского языка в сфере культуры» он писал: «Туран начинается с реки Лены, протекающей по отдаленным северовосточным регионам Сибири и Манчжурии, затем, пролегая по Алтайским, Каракорумским, Памирским, Гиндукушским, Кавказским, Крымским горам доходит до западной части Балкан, а по широте, подавляющее большинство населения, занимающее территорию с северной конечности Уральских гор до больших пустынь Африки, говорит на тюркском языке»¹²⁵.

Как отмечает французский исследователь Ф. Жоржон, главная заслуга А. Гусейн-заде в развитии политического тюркизма заключается в том, что именно он впервые сформулировал знаменитую триаду, в последующем получившей большую популярность в тюркском мире и ставшей основным лозунгом этой идеологии - «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться»¹²⁶.

¹²⁴ «Həyat». 1905. 7 iyun.

¹²⁵ «Füyuzat». 1907. № 9.

¹²⁶ *François Georgeon. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. S. 103.*

Эта триада впервые была выдвинута А. Гусейн-заде в статье «Мы критикуем, нас критикуют», опубликованной в 1907 году в журнале «Фиюзат». В ней автор отмечал, что «путь «Фиюзата» - это путь тюркизации, исламизации и европеизации: тюркское самоощущение, исламская религия и приобщение к подлинно европейской культуре»¹²⁷. Подобным образом А. Гусейн-заде перефразировал лозунг «османизм, исламизм и тюркизм», выдвинутый еще в 1904 году Юсуфом Акчурой.

В то время, как исламисты утверждали, что ислам несовместим с тюркизмом, а западники заявляли, что современную культуру невозможно создать в лоне ислама, А. Гусейн-заде этим лозунгом предлагал формировать новую тюркскую культуру на базе этих трех принципов, добившись синтеза тюркизма, исламизма и модернизма.

Этим лозунгом А. Гусейн-заде призывал тюркские народы идти в ногу со временем и активно использовать достижения современной цивилизации, т.е. европеизироваться, опираясь на свои этнические корни и не забывая о своей принадлежности к исламскому миру. Своим творчеством, в частности, публикациями на страницах журнала «Фиюзат», он немало способствовал реализации данной идеи.

Лозунг «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться», по мнению А. Гусейн-заде, должен был служить основой прогресса тюркского мира. Первое место тюркизма в этой триаде не случайно. Тем самым, А. Гусейн-заде стремился подчеркнуть, что первоочередной задачей тюркских народов является возвращение к своим этническим корням и истокам. В этом он видел залог успешного возрождения былого могущества тюркского мира. Одновременно это было ответом А. Гусейн-заде на поиски национальной идентичности, которые активизировались не только в азербайджанском обществе, но и среди других тюркских народов.

При этом А. Гусейн-заде вовсе не отрицал значимость мусульманского религиозно-культурного и нравственного начала, считая его важнейшей цементирующей субстанцией тюркской общности: «Я тюрок, кавказский тюрок, тюрок-мусульманин, человек, испове-

¹²⁷ «Füyuzat». 1907. № 23.

дующий ислам – значит, я пришел в мир с этими четырьмя лицами, и обязан жить этими четырьмя лицами»¹²⁸.

Впервые в истории общественно-политической мысли Азербайджана А. Гусейн-заде своими работами принес конкретность и научно-историческую точность термину «нация». До него этот термин использовался в весьма расплывчатом и абстрактном понимании для обозначения всех мусульман мира, т.е. фактически был синонимом понятия «умма». При всем уважении к исламу, А. Гусейн-заде в статье «Национальность и человечность» вынужден был констатировать, что «мусульманская религия не признает нации и национальности», и в этом отношении она «ассоциируется не с национализмом и капитализмом, а социализмом», который, как известно, также не придавал особого значения национальному фактору¹²⁹.

А. Гусейн-заде рассматривал «нацию» не в качестве религиозной, а этнической общности, считая отдельные тюркские народы составной частью единой тюркской нации. Причем, конечной целью проекта национального строительства, сформулированного А. Гусейн-заде, было создание единой тюркской нации.

В утверждении идей тюркизма в общественно-политической жизни Азербайджана в начале XX века, наравне с А. Гусейн-заде значительную роль сыграл и Ахмед бек Агаоглу. Если еще на рубеже XIX-XX вв. во взглядах А. Агаоглу преобладали исламистские идеи, то к концу первого десятилетия XX века он уже в значительной степени отошел от мусульманского (шиитско-исламского) мировоззрения, став убежденным поборником идей тюркизма. Тем самым, в течение буквально нескольких лет он сделал резкий скачок от исламизма к национализму.

Как было отмечено выше, в начале 90-х гг. XIX века А. Агаоглу предполагал, что «спасителем» исламского мира будут персы. Но уже к 1908 году он несколько не сомневался в том, что движущей силой процессов обновления и модернизации в исламском мире станут тюркские народы, которые, по его мнению, являлись самым цивилизованным народом Азии после японцев.

¹²⁸ *Mirzə R. Türkcülüynün babası*. Bakı, 2000. S. 21.

¹²⁹ «*Nəyat*». 1906. 9 aprel.

При всей приверженности А. Гусейн-заде и А. Агаоглу к политическому тюркизму, а также близости и даже идентичности их взглядов на перспективы развития тюркского мира между ними все же были определенные различия в отношении основополагающих принципов этой идеологии. Эти расхождения проявлялись, в первую очередь, в вопросах европеизации мусульманских народов. В отличие от А. Гусейн-заде, А. Агаоглу занимал более последовательную и радикальную позицию в данном вопросе. Неслучайно, что М.Э. Расулзаде называл его «самым серьезным идеологом исторического движения европеизации на Ближнем Востоке»¹³⁰.

А. Агаоглу в своих произведениях неоднократно признавался в том, что порою ему трудно определить, принадлежит ли он Востоку, с которым был связан своими корнями, или Западу, который хорошо знал и благоволил. Подобное психологическое состояние было характерно для подавляющего большинства интеллигенции Азербайджана, что было обусловлено тогдашними реалиями азербайджанского общества. Неслучайно, что М.Э. Расулзаде говорил «о трагедии познавшего европейскую цивилизацию азербайджанского интеллигента, очутившегося среди средневековых условий и патриархальных нравов родной среды, с которой он впадает в трагическое противоречие»¹³¹.

А. Агаоглу также расценивал это свое состояние «внутренней драмой и душевной трагедией», поскольку не мог сделать окончательного и однозначного выбора между Востоком и Западом¹³². Поэтому выход из этой ситуации как для себя, так и для всего тюркского мира он видел в органическом синтезе общественно-политической и философско-эстетической мысли Запада с лучшими традициями Востока. А. Агаоглу, обладавший обширными знаниями, аналитическим умом и способностью теоретического обобщения, практически всю свою жизнь посвятил именно реализации этой задачи в тюркском мире.

При этом в отличие от А. Гусейн-заде, предлагавшего тюркомусульманским народам ограничиться лишь использованием научно-

¹³⁰ Цит. по: Сулейманлы М. Произведение Ахмеда Агаоглу «Три культуры» // Проблемы восточной философии. 2004. № 1-2. С. 64.

¹³¹ РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 329. Л. 13.

¹³² *Ağaoğlu Samet*. Babamdan hatıralar. S. 89-90.

технических достижений Запада, А. Агаоглу в данном вопросе занимал более радикальную позицию. Он был убежден в том, что внедрение европейских технологий и новаций без кардинального изменения образа мышления и менталитета тюркских народов не только не принесет должного эффекта, а наоборот, причинит вред и еще больше усугубит ситуацию¹³³.

«Мы вынуждены были, - подчеркивает А. Агаоглу, - заимствовать у Европы форму конституционного правления. Однако между этой формой правления в понимании европейцев и нашим образом мышления имеется такая же разница, как между черным и белым»¹³⁴.

Приводя в пример тому жалкое состояние существующих в мусульманских странах парламентов, А. Агаоглу пишет: «Действительно ли свободны в своих действиях наши парламенты? Имеется довольно большое количество неотложных проблем, к которым эти парламенты из-за своего страха не осмеливаются даже приблизиться, поскольку понимают, что в тот же момент поднимется жестокая и безжалостная буря. Сколько раз этот несчастный народ и страна оказались раздавленными этими страшными бурями»¹³⁵.

Между тем, в тот момент многие «невежественные приверженцы традиций» утверждали, что главной причиной подобной ситуации является якобы неприспособленность и несоответствие парламента и других заимствованных из Запада учреждений к условиям восточных обществ. Обращаясь к этим «поддельным представителям интеллигенции», А. Агаоглу подчеркивал, что причину неэффективности этих учреждений в странах Востока следует искать не в них самих, а «в недалекости нашего ума и ограниченности нашего мышления», из-за чего любое новшество мы воспринимаем не осознанно, а лишь на словах, чтобы затем при реализации на практике выхолостить всю его сущность¹³⁶.

А. Агаоглу, предупреждая тюркские народы, писал: «Мы, оставаясь верными уже давно обанкротившимся традициям, полностью исчезнем,

¹³³ Ağaoğlu A. Üç medeniyet. İstanbul, 1972. S. 35.

¹³⁴ A.g.e. S. 34.

¹³⁵ A.g.e. S. 35.

¹³⁶ A.g.e. S. 33, 35.

или же окончательно и решительно отказавшись от них, построим свою жизнь на новых основах»¹³⁷. Этими «новыми основами» для А. Агаоглу являлись европейские ценности, и в первую очередь, гражданские права и свободы, способствующие раскрепощению личности - обязательного условия возрождения и прогресса тюркского мира.

Призывая к соблюдению раздавленных и уничтоженных прав человека, А. Агаоглу указывал, что отсутствие свободы личности и игнорирование прав индивидуума в угоду государственным интересам является одной из главных причин отсталости и деградации восточных обществ. Он признавал и ценил личность как главный элемент общества. Он подчеркивал, что доминирующий в исламском мире принцип «нет личности, есть общество, нет права, есть обязанность» в реальной действительности приводит к принципу - «нет никого, есть только правитель, нет права, есть капризы и прихоть правителя»¹³⁸.

Продолжая свою мысль, А. Агаоглу далее подчеркивал: «Общество без индивидуума то же самое, что человек без рук, ног, головы и туловища. Говорить об обязанностях без прав означает принимать людей за скотину. Пришла пора отказаться от подобных восточных традиций, которые привели к полному разложению общества ...»¹³⁹.

По мнению А. Агаоглу, мусульманские правители, которые в течение столетий властвовали над массами не по закону, а согласно своей прихоти и капризам, нанесли непоправимый урон нашей нравственности, нашему характеру и сознанию. В этой связи он отмечал, что «ни в одной части мира так много не говорят о чести, как у нас. Но, одновременно, ни в одной стране мира невозможно столкнуться со столь равнодушным отношением к чести, как у нас»¹⁴⁰.

А. Агаоглу с горечью отмечал, что мораль и нравственность в мусульманском обществе сводится лишь к взаимоотношению полов и понятию чести, связанной исключительно со сферой половых отношений. Причем соблюдение даже этих ограниченных правил чести являются обязательными только для женщин. Так, прелюбодеяние женщины вы-

¹³⁷ *Ağaoğlu A.* Üç medeniyet. S. 140-141.

¹³⁸ *A.g.e.* S. 86.

¹³⁹ *A.g.e.* S. 86-87.

¹⁴⁰ *A.g.e.* S. 47.

зывает гнев и отвращение людей, и как следствие, совершившая этот поступок представительница слабого пола оказывается в полной изоляции в семье и обществе. Аналогичному же поступку мужчины общество реагирует с удивительным пониманием и спокойствием¹⁴¹.

При этом, как отмечает А. Агаоглу, люди, избегающие каких-либо контактов с женщиной, совершившей прелюбодеяние, ежедневно пожимают руку, кланяются, оказывают почести и преподносят подарки лживым, лицемерным, несправедливым обладателям высоких постов и положения во власти, которые годами угнетают народ и несут прямую ответственность за его нынешнее жалкое состояние. И это несмотря на то, что поступки этих государственных мужей, по мнению А. Агаоглу, представляют несравнимо большую опасность для общества, чем прелюбодеяние женщины.

А. Агаоглу считал подобную ситуацию следствием отсутствия в мусульманском мире общественной морали, которая, в свою очередь, определяется общественным мнением. Но по причине отсутствия гражданского общества, на Востоке никогда не было общественного мнения, и поэтому «не могло быть речи о существовании общественной морали». В этих условиях «чиновники, находящиеся на службе народа, видя отсутствие общественного контроля, чувствуют себя довольно вольготно»¹⁴².

А. Агаоглу прекрасно осознавал, что без кардинального изменения нравственных устоев общества и образа мышления людей на мусульманском Востоке, простое копирование западных достижений не даст желаемого результата. Поэтому, он подчеркивал: «Сколько угодно можно обнародовать конституции, созывать меджлисы, но если не изменится наша сущность и сознание, если внутри каждого из нас сидит деспотизм, проявления которого можно проследить в наших домах, улицах, собраниях, в нашей манере поведения, то мы не сможем двигаться вперед, наравне с современными обществами»¹⁴³.

Поэтому А. Агаоглу ратовал за формирование качественно новой морали, охватывающей более широкий круг человеческих взаимоотно-

¹⁴¹ *Ağaoğlu A.* Üç medeniyet. S. 43-44.

¹⁴² A.g.e. S. 49-50.

¹⁴³ A.g.e. S. 86.

ношений. В частности, он призывал сделать так, чтобы в обществе возникла потребность в таких цивилизованных и патриотических моральных ценностях, как преданность родине, верность долгу, любовь к справедливости и праву, готовность к самопожертвованию за национальные интересы, честь в ее высшем понимании¹⁴⁴.

А. Агаоглу призывал привести все общественные, политические и экономические организации тюркских народов в соответствие с требованиями времени, поскольку лишь в этом случае личность может освободиться и реализовать свой скрытый потенциал.

А. Агаоглу настоятельно рекомендовал покончить с практикой фактического отождествления государства с правителем или династией, считая это обстоятельство одним из главных препятствий на пути развития тюркских народов. По его мнению, подобная ситуация привела к тому, что чувство преданности правителю начало превалировать над принципом преданности государству. А сам правитель воспринимается населением в качестве олицетворения Аллаха на земле, а его воля считается волей Аллаха. Подчеркивая существенные различия между Востоком и Западом в данном контексте, А. Агаоглу пишет: «Один из них ценит правителя, а другой - закон. Один получает наслаждение от преклонения перед правителем, а другой перед законом; один получает вдохновение от капризов и прихоти правителя, а другой от закона»¹⁴⁵.

Подобная ситуация, когда профессиональные качества и способности чиновника уступают место принципу личной преданности, благоприятствовала различного рода случайным элементам, у подавляющего большинства которых не было и следа от тюркского характера и тюркской особенности, - войти в доверие правителю и добиться высокого положения в государственной иерархии. А при появлении первых же трудностей эти люди, не раздумываясь, предавали нацию и изменяли родине. В этой связи А. Агаоглу подчеркивал, что «девятьюстами процентов тех, кто за последние несколько веков придавали нашей национальной истории кровавый и жуткий вид, не были тюрками»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ *Ağaoğlu A. Türk Medeniyeti Tarihi // Türk yurdu. 1913/14. C. 3. S. 353-373.*

¹⁴⁵ *Ağaoğlu A. Üç medeniyet. S. 129-130.*

¹⁴⁶ *A.g.e. S. 132.*

А. Агаоглу выступал за принятие неотложных мер для изменения подобной ситуации, поскольку давно уже прошли времена, когда правители могли сказать – «государство – это Я!»¹⁴⁷ Он настаивал на том, что не правитель, и не династия, а нация должна стать системообразующей основой современного государства в тюркском мире¹⁴⁸.

А. Агаоглу был твердо убежден в том, что единственным жизнеспособным началом, образующим государство, является нация. По этой причине он считал, что государственный муж должен черпать вдохновение, брать какие-либо основные принципы не из апартаментов правителя, а от нации, как основного элемента, создавшего государство¹⁴⁹.

По мнению А. Агаоглу, нация является единственным легитимным источником власти и поэтому должна обладать всеми правами для изменения этой власти. А. Агаоглу призывал тюркскую нацию проявить решимость и волю, чтобы добиться таких прав, которые позволяют создать подотчетное населению правительство. В противном случае неизбежно окончательное поражение и деградация тюркского мира. А путь спасения А. Агаоглу видел в усвоении западных достижений и ценностей, и в первую очередь, в области гражданских прав и свобод. Он призывал тюрков перестать морочить себе голову и взять западную цивилизацию в качестве основы для продвижения по пути прогресса.

Таким образом, вышеприведенные примеры показывают, что А. Агаоглу, в отличие от А. Гусейн-заде, был убежден в необходимости усвоения европейской культуры во всей ее полноте. Но это не означает, что А. Агаоглу недооценивал роль исторического наследия и традиций в возрождении и развитии тюркского мира. Свидетельством тому является его подчеркнуто уважительное отношение к исламу. Подчеркивая, что вся жизнь тюрков связана и пронизана исламом, он не соглашался с мнениями о том, что утверждение национальной идеи приведет к разрушению ислама.

Вместе с тем, он прекрасно понимал, что в быстро меняющемся современном мире ислам не может оставаться в закостенелой форме.

¹⁴⁷ *Ağaoğlu A.* Üç medeniyet. S. 133.

¹⁴⁸ *A.g.e.* S. 121.

¹⁴⁹ *Tuncer Hüseyin.* “Türk yurdu” üzerine bir inceleme. Ankara, 1990. S. 60-62.

В этом контексте под призывами А. Агаоглу «спасти Коран от позднейших искажений и толкований», на самом деле, скрывалось стремление к реформированию ислама и приведению его в соответствие с современными требованиями.

Указывая на пример европейский стран, А. Агаоглу отмечал, что в них сфера деятельности церкви и духовенства строго ограничена лишь религиозными вопросами. Они могут свободно развернуть свою деятельность в этой области, вести религиозную пропаганду, выступать с проповедью, открывать школы, издавать газеты и журналы. Но ни в одной европейской стране церковь не имеет права контролировать государственные структуры, вмешиваться в устройство конституционного правления и принятие законов, указывать обществу на предпочтительность той или иной моды одежды, создавать препятствия развитию различных идеологических течений. Подобные попытки церкви тут же пресекаются светскими органами власти¹⁵⁰.

Предлагая определить похожий статус и для представителей мусульманского духовенства, А. Агаоглу призывал их отказаться от вмешательства в мирские дела, сосредоточившись исключительно на религиозных проблемах. При этом он напоминал, что застой в исламе начался именно после того, как его стали использовать в качестве политического средства¹⁵¹.

Несмотря на определенные разногласия в вопросах модернизации и масштабах восприятия европейских ценностей между А. Агаоглу и А. Гусейн-заде, их объединяла общая стратегическая цель – достижение прогресса тюркского мира. И оба они были единомышленны в том, что основой этого прогресса должна быть идеология тюркизма.

В этом отношении главная заслуга А. Гусейн-заде и А. Агаоглу заключается в том, что они стали основателями этнической концепции, четко отделяющей тюрков от других мусульманских народов. В то же время эта концепция отрицала качественный характер этнических различий между отдельными тюркскими народами - турками-османами, узбеками, казахами, татарами, азербайджанцами и т.д., считая их единой национальной общностью. В этом смысле ни Али

¹⁵⁰ *Ağaoğlu A. Üç medeniyet. S. 29-30.*

¹⁵¹ *Ağaoğlu A. Türk Âlemi // Türk yurdu. 1912/13. C. 2. S. 424-428.*

бек Гусейнзаде, ни Ахмед бек Агаоглу не признавали существования самобытной азербайджанской нации.

В статье «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», опубликованной на страницах газеты «Хаят», А. Гусейн-заде утверждал, что по своему происхождению и близости языка различные тюркские племена и народы составляют единую нацию. По его убеждению, термины «османский», «татарский», «узбекский» и «киргизский» должны выражать лишь название географических регионов единого тюркского мира.

Поэтому родоначальники политического тюркизма в Азербайджане принимали в штыки любые попытки представить различные тюркские народы в качестве самостоятельных наций. При этом они вовсе не отрицали наличие определенных различий между отдельными тюркскими народами. Например, А. Гусейн-заде даже использовал термин «азербайджанские тюрки», которые, по его мнению, состояли не только из «ширванцев, бакинцев, карабахцев, гянджинцев, ириванцев и других», но и всего населения северо-западной части Ирана¹⁵².

Но в целом и А. Гусейн-заде, и А. Агаоглу крайне нетерпимо относились к любым попыткам разделить единый, по их мнению, тюркский мир на отдельные самостоятельные нации. Особенно непримиримую позицию в данном вопросе занимал А. Гусейн-заде. Например, он в достаточно резкой форме выступал против инициативы немецких исследователей, которые с целью различить западных тюрков - османцев от других тюркских народов, предлагали именовать их просто тюрками, или турками. А. Гусейн-заде подчеркивал, что термин «тюркок» или «турок» охватывает все тюркские народы в совокупности. Поэтому он считал, что неприемлемо использовать это понятие для обозначения отдельного тюркского народа, в данном случае, османцев. А. Гусейн-заде расценивал эту инициативу немецких ученых как попытку внести разлад в единую тюркскую нацию¹⁵³.

С политической точки зрения А. Гусейн-заде считал Османскую империю и турок-османов ядром будущего единого тюркского государства¹⁵⁴. В этом смысле тюркизм А. Гусейн-заде имел ярко выраженную

¹⁵² *Hüseynzadə Ə. Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir. Bakı, 1997. S. 217.*

¹⁵³ *A.g.e. S. 218.*

¹⁵⁴ *Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. S. 140.*

проосманскую направленность. Концепция А. Гусейн-заде предусматривала формирование единой тюркской нации не путем постепенной интеграции на основе взаимовлияния и взаимообогащения отдельных тюркских народов в единую общность. Он фактически ратовал за отказ представителей отдельных тюркских народов от своей самобытности ради полного растворения внутри османской нации.

Поэтому А. Гусейн-заде и возглавляемый им журнал «Фиюзат» занимали агрессивную позицию в отношении любых проявлений «местничества», поскольку в перспективе это могло привести к формированию «кавказских тюрков» в качестве самостоятельной нации. Подобная перспектива была неприемлема для А. Гусейн-заде, который был убежден в том, что в истории наступает эпоха крупных государств и наций, связанных общей религией, языком и культурой. Он не скрывал, что желает объединения Азербайджана с Османским государством.

Согласно взглядам А. Гусейн-заде, формированию единой тюркской нации должно было предшествовать конструирование единого языка для всех тюркских народов. Считая это «требованием времени», А. Гусейн-заде предполагал, что создание подобного языка станет катализатором общего прогресса и объединения тюркского мира. Он искренне верил в то, что на современном этапе «единый тюркский язык станет языком прогресса и культуры» для всего тюркского мира¹⁵⁵.

А. Гусейн-заде предлагал взять за основу единого тюркского языка стамбульский диалект османского языка, поскольку считал его наиболее развитым в литературно-стилистическом отношении среди других тюркских наречий. Позиция А. Гусейн-заде заключалась в том, что все тюркские народы обязаны принять унифицированный литературный язык, представляющий собой модификацию стамбульского диалекта османского языка¹⁵⁶. Безусловно, эта была не новая идея, поскольку и до Али бека Гусейн-заде представители интеллигенции различных тюркских народов выступали с инициативой создания общетюркского языка, и даже пытались реализовать эту идею на практике. В частности,

¹⁵⁵ *Mirzə R. Türkçülüynün babası*. S. 112.

¹⁵⁶ *Kayahan Özgül M. Son Jon Türk Kalesi*: Ahmed Kemal Akünel. İstanbul, 2010. S. 53.

И. Гаспринский стремился выработать своеобразное тюркское эсперанто. Правда, все эти усилия не имели особого успеха.

В отличие от своих предшественников, А. Гусейн-заде, используя возможности прессы, более агрессивно и целеустремленно пропагандировал идею повсеместного распространения среди представителей различных тюркских народов литературного османского языка. Он пытался «османизировать» языковую среду в Азербайджане, выпуская «Хаят», а затем и «Фиюзат» на стамбульском диалекте османского языка. А. Гусейн-заде аргументировал свою позицию тем, что язык «кавказских тюрков» (азербайджанцев – А.Б.) «в течение столетий был отрезан от прогресса в политике, философии и науке, вследствие чего остановился в своем естественном развитии» и на нем нельзя выражать абстрактные понятия и вести сложные рассуждения¹⁵⁷. И для интеллектуального развития азербайджанских тюрков он считал необходимым переход на литературный османский язык.

А. Гусейн-заде искренне надеялся, что создание общетюркского литературного языка сделает необратимым процесс формирования единой тюркской нации. Он, несомненно, преувеличивал и даже абсолютизировал значимость языка в процессе формирования нации, ошибочно полагая, что достаточно кодифицировать общий литературный язык и формирование единой тюркской нации будет гарантировано. Язык казался ему единственным и решающим признаком этнической общности. При этом он отрывался от реальной языковой стихии, от разговорного языка народных масс, от политической и социально-экономической среды, которые объективно определяли различие путей национального развития отдельных тюркских народов. А. Гусейн-заде был твердо убежден, что историческое развитие тюркских народов идет по пути создания единой тюркской нации. Подобное ошибочное мнение, в определенном смысле, объяснялось незрелостью процессов нациестроительства среди тюркских народов и их слабой исследованностью, что порождало нечеткость представлений о перспективах их развития.

Активное насаждение со стороны А.Гусейн-заде турко-османского языка в азербайджанской прессе вызывало ожесточенную полемику

¹⁵⁷ «Füyuzat». 1907. № 21.

среди азербайджанской интеллигенции. Тем более что в их среде существовали различные концепции, которые с разными критериями и требованиями подходили к проблеме литературного языка.

С точки зрения количества используемых диалектов и наречий в качестве литературного языка, азербайджанская пресса начала XX века представляла собою довольно пеструю картину. Обращая внимание на это обстоятельство, известный азербайджанский педагог Абдулла Сур с горечью отмечал, что «многие в качестве «тюркского языка» предлагают использовать османский говор, некоторые азербайджанские диалекты, кое-кто мазандаранский тюрки, и даже наречие тюрков Крыма»¹⁵⁸. Подобная ситуация в сфере периодической печати, которую М.Э. Расулзаде называл «хаосом и анархией»¹⁵⁹, в значительной степени была обусловлена тем обстоятельством, что публицистический стиль в азербайджанском литературном языке переживал этап становления.

Впрочем, наибольшее распространение в азербайджанской прессе получила тенденция подражания языку журнала «Фиюзат», который, как уже было отмечено, издавался на «наречии аристократических кругов Стамбула», и изобиловал непонятными для простых азербайджанцев лексическими единицами.

Естественно, что подобная ситуация вызывала протесты читательской аудитории и немалой части азербайджанской интеллигенции. Однако А. Гусейн-заде был твердо убежден в своей правоте и не воспринимал всерьез аргументы своих оппонентов. Более того, в достаточно резкой, а порою даже в грубой форме он парировал все попытки поставить под сомнение его концепцию. Например, в одной из своих публикаций, обращаясь к своим оппонентам, А. Гусейн-заде риторически спрашивал: «Нам ли нужно упростить язык своей газеты, или же населению необходимо изучить тюрки (имелся в виду османский язык – А.Б.), который является их родным языком... На наш взгляд, писать более упрощенно на тюркских наречиях Кавказа невозможно»¹⁶⁰.

О предпочтениях А. Гусейн-заде в языковой сфере свидетельствует тот факт, что он был ярким противником очищения азербайджанско-

¹⁵⁸ «Həyat». 1905. № 87.

¹⁵⁹ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. C. 2. S. 220.

¹⁶⁰ «Həyat». 1907. 14 iyun.

го литературного языка от арабских и персидских заимствований. Он резко возражал против их замены исконно азербайджанскими словами, поскольку, по его мнению, это наносило ущерб «совершенству» и «высокому стилю» литературного языка. А. Гусейн-заде подчеркивал, что «нет никакой необходимости отдавать предпочтение Бакинскому диалекту», поскольку в этом случае «мы можем опозориться среди остальных тюрков, хорошо владеющих тюрки»¹⁶¹.

На рубеже XIX-XX вв. Османская империя, несомненно, была естественным центром притяжения для всех остальных тюркских народов Российской империи - азербайджанских тюрков, татар, башкир, узбеков и т.д. Но это вовсе не означало, что представители этих народов собираются добровольно отказаться от своей самобытной культуры и языка ради полного слияния с османскими турками.

Проявлением подобных настроений в Азербайджане стало возникновение нового направления – азеричилар, выступавших против османизация языка периодической печати. Они не без основания считали, что это приведет к отчуждению народных масс от зарождающейся национальной прессы и к созданию литературы, трудной для восприятия азербайджанских читателей.

Азеричилар исходили из того, что язык прессы должен быть доступным и понятным читателям-азербайджанцам. Поэтому они ориентировались на народно-разговорный язык азербайджанских тюрков. Наиболее ярким представителем данного направления являлся журнал «Молла Насреддин». Приступая к выпуску «Молла Насреддина», его редактор Дж. Мамедкулизаде обещал издавать его на простом, доступном каждому азербайджанцу языке. И журнал в своей деятельности четко придерживался линии сближения азербайджанского литературного языка с народно-разговорным языком. С этой целью издатели и авторы журнала «Молла Насреддин» активно заменяли арабизмы и парсизмы в азербайджанском языке лексическими элементами, заимствованными из народно-разговорного языка.

Дискуссии вокруг проблемы литературного языка, по сути, были отражением продолжающихся поисков национальной идентичности. В начале XX века азербайджанское общество стояло перед труднораз-

¹⁶¹ *Hüseynzadə Ə. Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir. S. 71.*

решимой дилеммой: интегрироваться в состав османской нации, или же идти по пути формирования отдельной самостоятельной нации.

Сторонники линии «Моллы Насреддина», будучи носителями зарождающейся азербайджанской идентичности, выступали за активное использование внутренних ресурсов родного языка в процессе его очищения от иностранных заимствований и против попыток превращения турко-османского наречия в литературный язык азербайджанских тюрков.

Безусловно, в исследуемый период идеи самобытности и самостоятельности азербайджанской нации были еще в зачаточном состоянии. Лишь впоследствии усилиями М.Э. Расулзаде они приобрели форму целостной концепции.

Что же касается идеи А. Гусейн-заде и А. Агаоглу о «единой тюркской нации», то она сыграла заметную роль в национальном пробуждении тюркских народов. Общетюркский идеал, сформулированный А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, несомненно, «революционизировал народные массы тюркских племен. Каждая в отдельности они, имея перед собой гигантские силы врага, не могли бы даже заикнуться о свободе и независимости. Но сознание того, что они не малочисленные племена, а члены многомиллионной нации, имеющей славную историю и такое же блестящее будущее, естественным образом укрепляло в них надежды и вызывало на активную борьбу против векового врага»¹⁶².

Впоследствии тюркизму суждено было стать основным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем в национал-строительстве, а не только формальным признаком языкового сходства. Кроме того, идея «единой тюркской нации» способствовала сближению различных тюркских народов и созданию своеобразного культурно-идеологического зaslona на пути насильственной деэтнизации и русификации этих народов.

Концепция тюркизма объективно способствовала активизации поиска собственной национальной идентичности среди тюркских народов и ослаблению позиций религиозного фактора. По сути, идеи тюркизма положили начало процессу секуляризации национальной идентичности у тюркских народов. Ведь тюркизм, поворачивая тюр-

¹⁶² *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 68.

ков от «Мекки к Алтаю», по своей сущности был глубоко секуляристской идеологией. Хотя А. Агаоглу, А. Гусейн-заде и их единомышленники не упускали случая, чтобы подчеркнуть свою приверженность к исламу и исламским ценностям¹⁶³.

Благодаря возникновению и распространению идей тюркизма начался постепенный переход «общественной идеологии тюркских народов от религиозной системы исламизма к национальной системе тюркизма»¹⁶⁴. В этом отношении тюркизм, несомненно, сыграл большую реальную роль в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни и способствовал освобождению тюркского самосознания из тисков исламской идентичности.

Самым важным результатом деятельности А. Гусейн-заде и А. Агаоглу в Азербайджане стало то, что они в качестве противовеса, столетиями проводившейся политике иранизации азербайджанских тюрков с помощью шиизма, а также начавшейся в последнее время русификации, выдвинули идею тюркизма и тюркского единства, как гарантии сохранения этнической самобытности.

Правда, будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между тюркскими и другими мусульманскими народами, концепция тюркизма в то же время отрицала качественный характер этнических различий между отдельными тюркскими народами, считая их единой этнической общностью. По этой причине идеологи тюркизма были против проекта формирования самобытной азербайджанской нации и связанной с ним версией идентичности.

Однако было бы несправедливо из-за подобной позиции обвинить А. Гусейн-заде, А. Агаоглу и их единомышленников в пренебрежительном отношении к интересам родного народа. В их представлениях создание единой тюркской нации являлось благом для всех без исключения тюркских народов. К тому же следует учесть, что к тому времени не существовало отдельной азербайджанской национальной идентичности, и ее еще предстояло создавать и утверждать в народных массах. Таким образом, национальная реальность у тюркских на-

¹⁶³ *Мандельштам А.Н.* Введение // Зареванд (Завен и Вартуи налбандяны) Турция и пантурсанизм. Париж, 1930. С. 3.

¹⁶⁴ *Расулзаде М.Э.* О пантурсанизме. В связи с кавказской проблемой. С. 66.

родов была еще столь аморфной и неопределенной, что вполне допускала различные интерпретации проектов нациестроительства.

Впрочем, в первые годы XX века и общетюркская идентичность, как массовое явление, еще не существовала. Образ единой тюркской нации, охватывавший все тюркские народы, существовал лишь в сознании определенной части азербайджанской интеллигенции. А в массовом сознании азербайджанских тюрков в первом десятилетии XX века религиозная принадлежность (мусульмане) и локальная идентичность (карабахцы, ширванцы и т.д.) все еще превалировали над общетюркской идентичностью.

Общетюркская идентичность стала своеобразным переходным этапом от религиозной к азербайджанской национальной идентичности. Объясняя причину подобной ситуации, М.Э. Расулзаде отмечал, что, «освободившись от панисламизма, тюркская общественно-политическая мысль не могла сразу прийти к той реально-национальной идее, к какой она пришла теперь. Психологически это и понятно. В условиях войны и всеобщей опасности, отказавшись от такого большого всеобъемлющего лозунга, как единство ислама, националисты должны были вместо него дать такой же, по силе впечатления, лозунг. Таковым могло быть только «единство тюркских народов от Дуная до Алтая!»¹⁶⁵.

Лишь по мере развертывания модернизационных процессов, во втором десятилетии XX века появляется проект нациестроительства с ориентацией на азербайджанскую национальную идентичность. Этот проект вполне соответствовал процессам, охватившим к тому времени всю восточную и центральную часть Европы, а также западные регионы Российской империи.

Взаимоисключающие проекты формирования азербайджанской и единой тюркской нации в начале XX века были именно проектами с большими или меньшими шансами на осуществление. В данном случае речь не идет о предпочтительности тех или иных проектов, а об анализе исторических альтернатив на той стадии развития, когда эти идентичности как массовое явление еще не существовали.

В этом смысле среди проблем, стоявших в этот период перед азербайджанским народом, самым трудным был выбор между инте-

¹⁶⁵ *Расулзаде М.Э.* О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 67.

грацией в единую тюркскую нацию и утверждением сугубо азербайджанской идентичности. И азербайджанский образ национальной территории или «идеального Отечества» формировался в остром конфликте с концепцией «единой тюркской нации».

Правда, Е.-М. Аух отмечает наличие и третьего проекта, который с опорой на шиитское наследие предусматривал утверждение шиитско-исламской, а по сути, иранской идентичности¹⁶⁶. Но, думается, что благодаря идеям политического тюркизма и в условиях начавшейся секуляризации национальной идентичности уже к началу второго десятилетия XX века возможность реализации этого проекта в Азербайджане была сведена до минимума.

Главная заслуга А. Гусейн-заде и А. Агаоглу заключается в том, что они подвели мощную теоретическую базу под искания национальной идентичности в Азербайджане и своим творчеством подорвали безраздельное господство религиозной идентичности, тем самым создав прочный идеологический фундамент для постепенного перехода азербайджанских тюрков от уммы к нации.

§3. Мамед Эмин Расулзаде – автор проекта азербайджанской нации-государства

Распространение идей тюркизма в начале XX века придало национальной идентичности азербайджанских тюрков более зримые очертания. Правда, для создателей и последователей идеологии тюркизма, ратовавших за формирование «единой тюркской нации», не существовала самодостаточной азербайджанской нации, и, следовательно, азербайджанской национальной индивидуальности. Но независимо от их субъективных устремлений, пропагандируемые ими общетюркские идеалы, способствуя процессу вычленения тюркского самосознания из общемусульманского контекста, тем самым, создавали почву для появления азербайджанской национальной идентичности. Окончательное же становление проекта самодостаточной

¹⁶⁶ Аух Е.-М. Между приспособлением и самоутверждением. С. 52.

азербайджанской нации, как системной концепции, непосредственно связано с именем и деятельностью М.Э. Расулзаде (1884-1955).

Будущий лидер Азербайджанского национального движения и, по сути, создатель идеологических и политических основ современной азербайджанской государственности Мамед Эмин Расулзаде родился 31 января 1884 года в селении Новханы в окрестностях Баку, в семье священнослужителя. Его отец, ахунд Гаджи Алекпер Расулзаде, несмотря на свой сан священнослужителя, был человеком прогрессивных убеждений и решил дать сыну светское образование. Начальное образование Мамед Эмин получил во второй «Русско-мусульманской школе», а затем для продолжения учебы поступил в Бакинское техническое училище. Правда, ему так и не удалось завершить учебу в этом училище. Причины, по которым юному Мамеду Эмину пришлось бросить учебу, до сих пор остаются невыясненными. Скорее всего, наряду с материальными затруднениями, немалую роль в этом сыграло и то обстоятельство, что бурлящая политическая жизнь Баку того периода, как магнит притягивала молодого Мамеда Эмина.

В начале XX века Баку являлся одним из главных центров революционного движения в Российской империи, где в ожесточенной борьбе сталкивались представители различных политических течений и идеологических воззрений. Одновременно Баку был центром зарождающегося национального движения мусульман Кавказа, и в первую очередь, азербайджанских тюрков. Именно политические баталии, происходившие в Баку в начале прошлого столетия, а также разворачивающаяся здесь борьба за национальное освобождение стали настоящими «университетами» М.Э. Расулзаде.

М.Э. Расулзаде, как и многие представители его поколения, в начале своей политической деятельности отдавали предпочтение радикальным социалистическим течениям. Это было продиктовано, прежде всего, крайне непримиримым отношением этих течений к царскому режиму. Как впоследствии признавался М.Э. Расулзаде, молодое поколение азербайджанских тюрков питало такую злобу к российскому самодержавию, что считало наиболее оптимальным методом в борьбе за освобождение своих соплеменников от национального угнетения царизма радикальную тактику социалистических организаций, кото-

рые своей деятельностью оказывали деморализующее и разлагающее воздействие на государственные структуры империи. Поэтому, в борьбе с царизмом революционный социализм казался ему «если и не самым надежным, то более подходящим союзником»¹⁶⁷. Думается, что немалую привлекательность для М.Э. Расулзаде имели также принципы всеобщего равенства и свободы, декларируемые теоретиками социал-демократии.

В этом смысле неудивительно, что осенью 1904 года молодой Мамед Эмин стал одним из главных организаторов первой на Южном Кавказе мусульманской социал-демократической организации «Гуммет». Характерно, что этот факт долго и тщательно скрывался советскими историками от общественности. Причем, основой для создания этой организации, которую зарубежные исследователи считают своеобразным феноменом в российской социал-демократии, совмещавшем в себе марксизм с тюркским национализмом, служил «Кружок юных революционеров Азербайджана», созданный М.Э. Расулзаде в 1903 году¹⁶⁸.

Как впоследствии вспоминал М.Э. Расулзаде, костяк организации «Гуммет» состоял из молодых мусульман, которые, «пытались пробудить у членов нашей организации национальные чувства, изучали родной язык и литературу, читали творения наших поэтов, проклинаящих царизм, и распространяли среди рабочих брошюры революционного и национального содержания»¹⁶⁹.

Не вызывает сомнений, что главной причиной прихода в достаточном юном возрасте М.Э. Расулзаде в политику было стремление помочь родному народу в его национальном пробуждении. Причем в начальный период своей деятельности он придавал приоритетное значение просвещению масс. Просветительские идеи были лейтмотивом всех его ранних публикаций. Так, в первой своей публикации «Письмо из Баку», напечатанной на страницах газеты «Шерги-Рус» в 1903 году, М.Э. Расулзаде убеждал соотечественников в необходимости воспитания подрастающего поколения «грамотными и образованными людьми»¹⁷⁰.

¹⁶⁷ *Məmməd zadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı, 1992. S. 30.

¹⁶⁸ *Багирова И.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997. С. 30

¹⁶⁹ *Rəsulzadə M.Ə.* Stalinlə ixtilal xətirələri. Bakı, 1991. S. 13-14.

¹⁷⁰ «Şərqi-Rus». 1903. 2 may.

Эта же мысль составляла основное содержание его выступления 30 ноября 1907 года на похоронах известного азербайджанского просветителя Г. Зардаби. М.Э. Расулзаде, в частности, говорил: «Необходимо, чтобы народ осознал собственные права, возможности и силу. Тогда никто не сможет держать его под гнетом». А для этого, по его убеждению, нужно было «открыть глаза» народным массам. «Что необходимо для пробуждения населения, осознания им своих прав? – просвещение, просвещение, просвещение!», – резюмировал М.Э. Расулзаде¹⁷¹.

При этом М.Э. Расулзаде был убежденным сторонником создания системы светского образования на родном языке азербайджанских тюрков. Как он подчеркивал, «начальная школа должна быть национальной. Обучение в ней должно быть на родном языке»¹⁷². Он выражал свое беспокойство тем, что даже в т.н. русско-татарских школах преподаванию русского языка отводилось в 2 раза больше времени, по сравнению с азербайджанским языком – соответственно, 12 и 6 часов в неделю¹⁷³.

Впрочем, уже в начальной стадии своей общественно-политической деятельности, интересы М.Э. Расулзаде не ограничивались только проблемами просвещения. Будучи свидетелем и непосредственным участником революционных событий 1905–1907 гг., М.Э. Расулзаде имел возможность сравнить и оценить уровень политического и культурного развития азербайджанских тюрков с соседними народами. И молодого Мамед Эмина очень беспокоил тот факт, что это сравнение было отнюдь не в пользу его соотечественников. Как он с горечью писал, в годы революции 1905–1907 гг. «каждая социальная группа и каждая нация выдвинули свои требования, провозгласили свои цели. И только мы, не знали чего желать и требовать»¹⁷⁴.

Действительно, в ходе революции 1905–1907 годов у азербайджанских тюрков не была четкой национальной цели и программы, следовательно, отсутствовала какая-либо практическая деятельность в этом направлении. А первые азербайджанские политические организации, возникшие в ходе этих революционных событий, ставили перед

¹⁷¹ «İrşad». 1907. 2 dekabr.

¹⁷² «Tərəqqi». 1908. 20 noyabr.

¹⁷³ A.g.e.

¹⁷⁴ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. Bakı, 2001. C. 2. S. 474.

собой задачу борьбы не за национальные права азербайджанцев, как самодостаточной этнической общности, а за права всего мусульманского населения Кавказа. Это было еще одним доказательством зачаточного состояния процесса нациестроительства у азербайджанцев.

Подобное положение вещей, как истинного патриота своей родины, не могло не волновать М.Э. Расулзаде, который находился в постоянном поиске наиболее приемлемой с точки зрения национальных интересов идеологии, способной, как путеводная звезда, указать азербайджанским тюркам направление национального освобождения и прогресса. Очевидно, что социал-демократическая идеология полностью не отвечала этим требованиям, поскольку ее последователи, будучи уверенными в неизбежном триумфе классового сознания над национальным, явно недооценивали роль национального фактора в политической борьбе. Именно поиски путей национального освобождения являлись главной причиной политических и идеологических исканий, стимулировавшие дальнейшую эволюцию мировоззрения М.Э. Расулзаде в сторону идей тюркизма и азербайджанизма.

В эволюции политико-идеологических взглядов М.Э.Расулзаде, несомненно, ключевую роль сыграла его ознакомление с идеями тюркизма. Уже в момент зарождения в 1905–1907 годов эти идеи оказали заметное влияние на М.Э.Расулзаде, который в тот период занимался активной публицистической деятельностью. Хотя ради справедливости следует признать, что даже после поражения русской революции 1905–1907 гг., М.Э.Расулзаде все еще находился под значительным влиянием социал-демократических идей, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации в периодической печати, пронизанные идеями всеобщего благоденствия и равноправия. Вообще, для политических взглядов М.Э.Расулзаде того времени характерен определенный романтизм. Например, в одной из своих публикаций того времени он пишет: «Мир должен быть одинаковым для всех. Ради счастья и благополучия горстки людей не должны страдать миллионы»¹⁷⁵.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая политическая судьба М.Э.Расулзаде, если бы в результате гонений царских властей ему не пришлось покинуть пределы Российской империи. В услови-

¹⁷⁵ «İrşad». 1908. 15 aprel.

ях разрастающейся политической реакции в России, М.Э.Расулзаде, спасаясь от преследований со стороны царского режима, вынужден был в конце 1908 года покинуть Баку и эмигрировать в Иран.

В Иране М.Э. Расулзаде продолжил свою политическую деятельность, став активным участником революционного движения за установление конституционного строя в этой стране. В сентябре 1910 года М.Э. Расулзаде вместе с группой иранской интеллигенции, получившей образование в Европе (С.Г. Тагизаде, Г. Навваб, С. Мирза, С.М. Рза и др.), создает Иранскую демократическую партию. В том же году он начинает издавать газету «Иране Ноу» («Новый Иран»), тем самым, заложив основы прессы европейского типа в Иране.

Активная политическая и публицистическая деятельность М.Э. Расулзаде объективно была направлена на ослабление российского влияния в Иране. Встревоженные этим царские власти потребовали от тегеранских властей принятия срочных мер для его выдворения из страны. Чтобы избежать преследований шахского режима Ирана, в мае 1911 года М.Э. Расулзаде переезжает в Стамбул, который к тому времени уже превратился в центр сосредоточения политических эмигрантов из числа представителей мусульманской интеллигенции России.

В этот период, спасаясь от преследований царской охранки, в Стамбуле нашли прибежище многие видные представители тюркских народов Российской империи. Среди них находились азербайджанцы А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, татарин Ю. Акчура и др., сыгравшие заметную роль в формировании основ тюркизма. В немалой степени, именно благодаря их усилиям удалось значительно расширить круг последователей идеологии политического тюркизма в Турции. В частности, представители азербайджанской и татарской интеллигенции принимали активное участие в деятельности созданного в декабре 1908 года «Тюркского кружка» («Türk Derneği»), который занимался пропагандой и популяризацией идеи тюркизма.

Именно политическая атмосфера Стамбула того периода сыграла решающую роль в окончательном становлении политических взглядов М.Э. Расулзаде, который все эти годы находился в поиске идеологического ориентира, соответствующего задачам национального освобождения азербайджанских тюрков. Хотя с идеями тюркизма М.Э. Расулза-

де впервые ознакомился еще на родине, но непосредственное общение с находившимися в Стамбуле идеологами тюркизма оставили глубокий отпечаток на дальнейшей эволюции его политического мировоззрения.

М.Э. Расулзаде был самым молодым среди политических эмигрантов из России. Тем не менее, он отнюдь не был сторонним наблюдателем в острых дискуссиях о проблемах возникновения и путях развития тюркских народов, о способах реализации на практике лозунга – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться». Достаточно отметить, что М.Э. Расулзаде активно сотрудничал с популярным в тот период журналом «Türk Yurdu» («Тюркское отечество»), который декларировал своей целью «служение тюркизму и благу тюрков». На страницах этого журнала, в частности, была опубликована его известная работа «Иранские тюрки», которая практически впервые информировала широкую общественность о положении азербайджанских тюрков в Иране, об их борьбе за свои национальные права и за установление конституционного строя в этой стране¹⁷⁶.

Именно под влиянием идей тюркизма, М.Э. Расулзаде, испытывавший жестокое разочарование в революционной деятельности сначала в России, а затем и в Иране, делает решающий шаг в сторону национальной идеологии.

Следует отметить, что период нахождения М.Э. Расулзаде в Турции ознаменовался судьбоносными событиями, которые оказали существенное влияние на дальнейшую эволюцию политической мысли у тюркских народов. Речь идет о поражениях Османской империи в ходе войны с Италией в 1911 году и в I Балканской войне в 1912 году. Эти неудачи способствовали окончательному краху османизма – доктрины «слияния» народов Османской империи в единую нацию, вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности. В то же время, эти события значительно ускорили в Турции торжество идей политического тюркизма, предусматривавших консолидацию всех тюркских народов в «единую тюркскую нацию».

Как справедливо отмечал А.Н. Мандельштам, эти военные неудачи «перевернули весь уклад мысли турок, все их понятия о государстве и нации. Турки поняли, наконец, что они не оттоманы, а тур-

¹⁷⁶ Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. Bakı, 1992. C. 1. S. 7.

ки»¹⁷⁷. Тем самым, появились предпосылки для создания новой Турции взамен находящейся на смертном одре «больной» Османской империи. Подтверждением этой тенденции стал отказ в 1911 году руководства правящей в Турции партии «Единения и прогресса» от идеологии османизма, и постепенное выдвижение на передовые позиции в партии туранистов во главе с Зия Гекалпом. Вскоре и лидеры российского туранизма – И.Гаспринский, А.Гусейн-заде, Ю.Акчура также стали членами Центрального Комитета партии «Единения и прогресса»¹⁷⁸.

Между тем воздействие этих неудач Османской империи на тюркские народы России оказалось прямо противоположным. Они в немалой степени подорвали веру российских тюрков в возможность общетюркского политического движения при доминирующей роли Османской империи.

Выражением подобных настроений в среде тюркской интеллигенции России является книга татарского деятеля Фатиха Карими «Стамбульские письма», основная мысль которой заключается в том, что надежды на освобождение и развитие тюркского мира при поддержке Османской империи оказались иллюзией.

Пришло горькое осознание того факта, что Османская империя не способна стать своеобразным локомотивом процесса освобождения и прогресса тюркских народов. Впоследствии, М.Э. Расулзаде отмечал, что «многовековой застой не позволил Стамбулу претворить в жизнь сложные социальные реформы». И эту историческую миссию взяла на себя «юный смельчак Азербайджан, надежда нового Турана»¹⁷⁹, которому суждено было стать пионером в деле строительства современной национальной государственности не только в тюркском, но и во всем мусульманском мире.

Парадокс состоит в том, что военные и дипломатические неудачи Османской империи на мировой арене, значительно ослабив ее привлекательность для тюркских народов Российской империи, одновременно интенсифицировали у них поиски путей национального разви-

¹⁷⁷ *Мандельштам А.Н.* Введение. С. 9.

¹⁷⁸ Там же. С. 5.

¹⁷⁹ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего века // Хазар. 1990. № 1. С. 49.

тия с опорой, прежде всего, на собственные силы. Эти поиски стимулировали у них развитие самобытной национальной идентичности.

По свидетельству М.Э. Расулзаде, Балканские войны, «явно тенденциозная политика русского правительства и шовинистическое настроение русского общества, не скрывающего свою вражду и злобу против не только Турции как государства, но и ко всему тюркскому», вызвали «взрыв национального чувства и политического негодования во всем Азербайджане»¹⁸⁰.

Это негодование в азербайджанском обществе достигло таких пределов, что один из молодых сатириков Азербайджана Музниб¹⁸¹ даже написал стихотворный пасквиль по адресу «Иванова» - символическое имя России – угнетающего тюркско-мусульманский мир, пригрозив ему Божьей карой и беспримерным падением. За этот пасквиль Музниб был выслан в Сибирь, откуда смог вернуться только после полного подтверждения своего пророчества, т.е. после свержения царского самодержавия¹⁸².

Происходившие процессы оказали серьезное влияние и на политические взгляды М.Э. Расулзаде, для которого всегда был характерен творческий подход к любой идеологической конструкции. Он никогда не воспринимал ту или иную идеологию в качестве догмы или объекта слепого поклонения. В этом отношении неудивительно, что именно М.Э. Расулзаде принадлежит историческая заслуга творческой переработки идей политического тюркизма в контексте задач национально-освободительной борьбы азербайджанских тюрков.

В отличие от представителей первого поколения азербайджанских тюркистов, в частности, А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, которые идеализировали роль Османской империи в тюркском мире, М.Э.Расулзаде достаточно критически относился к возможностям и потенциалу этой страны. Поэтому, после близкого ознакомления с идеями тюркизма, а также детального анализа внутреннего и внешнего положения Османской империи, он стал не апологетом Турции

¹⁸⁰ Исхаков С. Мамед Эмин Расулзаде // Общественная мысль русского зарубежья. М., 2009. С. 487.

¹⁸¹ Музниб – литературный псевдоним азербайджанского писателя и критика Алиабаса Муталлибзаде (1883-1938).

¹⁸² Расулзаде М.Э. Современная литература Азербайджана. С.181.

и туранизма, а сторонником тюркизма, «преследующего исключительно реальные и конкретно – национальные цели»¹⁸³.

Творческий подход М.Э. Расулзаде к идеологии тюркизма заключался в том, что он воспринимал «тюркское единство» не в смысле объединения всех тюркских народов в едином государстве, а в качестве их равноправного союза в борьбе за общие цели национального освобождения. Именно подобный подход привел его к разработке на базе идей тюркизма новой оригинальной концепции азербайджанизма, ставшей теоретической основой самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков, и их национальной государственности.

В этом контексте вполне естественно, что А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, внесшие существенный вклад в разработку идеологии политического тюркизма, решили навсегда остаться в Турции, окончательно связав с этой братской страной свои политические судьбы. А М.Э. Расулзаде и его молодые соратники предпочли вернуться на родину, чтобы на национальной почве внедрить идеи тюркизма, которые после революции 1905–1907 гг. постепенно превращались в доминирующее идеологическое течение в азербайджанской политической мысли.

Воспользовавшись амнистией по случаю 300-летия правления династии Романовых, М.Э. Расулзаде в 1913 году вернулся из вынужденной эмиграции на родину. Вскоре он вступил в партию «Мусават», основанную в октябре 1911 года Мамед Али Расулзаде, Таги Нагиевым и Аббасгулу Казымзаде, и за относительно короткий период превратился в главного идеолога и лидера этой политической организации.

Следует отметить, что в момент создания в 1911 году партия «Мусават», как и более ранние азербайджанские политические организации («Дифаи», «Мудафиэ» и др.), была далека от национальной идеи и претендовала на роль общероссийской мусульманской организации, что подтверждается содержанием ее первых программных документов. В них партия провозглашала своей целью «объединение всех разрозненных сил мусульманского мира и защиту национальных и человеческих

¹⁸³ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 79.

прав мусульман для возвращения былой славы народу ислама»¹⁸⁴. Вообще, идея единения мусульманских народов красной нитью проходила через всю первую программу партии, состоящей из 8 пунктов:

1. Объединение всех мусульманских народов без различия нации и религиозных толков;
2. Восстановление утраченной независимости мусульманских стран;
3. Оказание моральной и материальной помощи мусульманским странам, борющимся за сохранение или восстановление независимости;
4. Помощь развитию оборонительных и наступательных сил мусульманских народов и стран;
5. Устранение всех преград, препятствующих распространению этой идеи;
6. Установление связи с партиями, стремящимися к объединению и прогрессу мусульман;
7. Установление по мере надобности связи и обмена мнениями с иностранными партиями, ставящими своей задачей благоденствие и прогресс человечества;
8. Усиление средств борьбы за существование мусульман и развитие их торговли, промыслов и, вообще, экономической жизни¹⁸⁵.

Вскоре после возвращения из эмиграции М.Э. Расулзаде, ситуация в партии кардинальным образом изменилась. Своими теоретическими работами, написанными накануне и в период первой мировой войны, М.Э. Расулзаде подвел национальную основу под идеологию «Мусавата», что, в конечном итоге, способствовало переориентации политической программы партии от исламского единства в сторону борьбы за национальные права азербайджанцев и других тюркских народов. Это явилось переломным моментом в политической эволюции не только «Мусавата», но и всего национального движения Азербайджана.

¹⁸⁴ Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Баку, 1927. С. 73.

¹⁸⁵ Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. С. 73.

Именно с этого периода начинается разработка основ теории азербайджанизма, проекта с ориентацией на азербайджанскую национальную идентичность, которая приобрела еще более интенсивный характер в годы Первой мировой войны. Не случайно, что М.Э. Расулзаде считал «главным моментом развития тюркской (азербайджанской) национальной идеи период балканской и мировой войн»¹⁸⁶.

Безусловно, накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде еще не смог окончательно принять идею самобытности азербайджанской нации. В указанный период М.Э. Расулзаде, как и другие представители политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, стоял перед трудным выбором между интеграцией в единую тюркскую нацию и утверждением самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков.

В этой связи неудивительно, что накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде находился в поиске золотой середины между общетюркской и азербайджанской национальной идентичностью. Подтверждением тому является его позиция в острой полемике по проблемам языка на страницах печати между «азеричилар», которые предлагали формировать новый литературный язык на базе народно-разговорного языка азербайджанских тюрков, и «османчилар» – сторонниками принятия османского языка в качестве литературного.

Эта дискуссия затрагивала сущность все еще не находившего ответа, и в то же время актуализирующегося с каждым днем вопроса о национальной идентичности азербайджанских тюрков. Дебаты вокруг этой проблемы отражали противоречия между местным партикуляризмом и более широким видением будущего Азербайджана. В то же время они были подтверждением осознания со стороны азербайджанской интеллигенции своей принадлежности к семье тюркских народов. Вопрос состоял лишь в том, до какой степени целесообразно отождествлять себя с турками-османами и нужно ли делать это вообще?

В разгар дебатов известный азербайджанский литературовед Фиридун бек Кочарли опубликовал статью, в которой вопрос о языке автор напрямую связывал с национальной идентичностью. Как подчеркивал Ф. Кочарли, язык – «основная характеристика каждой на-

¹⁸⁶ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 63.

ции (*millət*): она может потерять свое богатство, свое государство, даже свою территорию и все же будет жить, но если она потеряет свой язык, от нее не останется и следа». Он считал, что именно такая опасность нависла над азербайджанскими тюрками, которые после длительного доминирования персидского языка наконец-то добились активного использования национального языка в различных сферах общества, в том числе в прессе, но тут же столкнулись с перспективой его замены османским. Выступая против широкого использования османской лексики в азербайджанской прессе, Ф. Кочарли сравнивал усилия «османчилар» с действиями русификаторов. «По нашему мнению, такое обезьянничанье, такой образ действий фактически является национальным предательством»¹⁸⁷, – резюмировал он.

Что же касается позиции М.Э. Расулзаде в этих дискуссиях, то он также был против концепции А. Гусейн-заде. В отличие от А. Гусейн-заде, он считал, что «язык османских тюрков по сравнению с другими тюркскими диалектами более подвержен влиянию арабского, персидского и других иностранных языков»¹⁸⁸. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «аналогично тому, как Турция стоит перед политической капитуляцией, так и турецкий язык находится в состоянии литературной капитуляции»¹⁸⁹. Более того, он был убежден, что по сравнению с турко-османским языком, в азербайджанском языке «тюркская лексика все же составляет большинство»¹⁹⁰. Тем самым, в данном вопросе М.Э.Расулзаде солидаризовался с «азеричилар», которые также считали, что азербайджанский язык намного чище турко-османского языка.

В своих статьях «Новый язык» («*Yeni lisan*») ¹⁹¹ и «Язык как важный социальный фактор» ¹⁹², опубликованных на страницах журнала «Шелал», М.Э. Расулзаде открыто выступил против навязывания азербайджанским тюркам османского языка. Он с тревогой писал: «Масштабы подражания языку «*Фиюзат*» достигли такого уров-

¹⁸⁷ «*Molla Nəsrəddin*». 1913. № 22.

¹⁸⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. C. 2. S. 222.

¹⁸⁹ A.g.e. S. 223.

¹⁹⁰ A.g.e. S. 222.

¹⁹¹ «*Şəlalə*». 1913. 15, 22 iyun.

¹⁹² «*Şəlalə*». 1913. 10 avqust.

ня, что многие простые азербайджанцы перестали читать азербайджанскую периодику, поскольку она издается на малопонятном для широких народных масс турко-османском языке, чрезмерно богатым арабскими и персидскими заимствованиями»¹⁹³.

Характеризуя сложившуюся в то время в азербайджанской прессе ситуацию, М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что «тюркская печать Кавказа, за редким исключением, возомнила себя учителем языка. Хотя функция печати заключается не в обучении населения языку, а в объяснении ему необходимых в борьбе за выживание вещей на языке, которым оно владеет и говорит»¹⁹⁴.

Таким образом, накануне первой мировой войны М.Э. Расулзаде фактически выступал против принятия азербайджанскими тюрками турко-османской идентичности и их интеграции в состав Османской империи и, со всеми вытекающими отсюда последствиями, к чему так активно призывал А. Гусейн-заде. Но решительно отвергая позицию «османчилар», М.Э. Расулзаде одновременно воздерживался и от однозначной поддержки «азеричилар», полагая, что пропаганда самостоятельного литературного азербайджанского языка противоречит идее единства тюркских народов.

Принимая в принципе идею общетюркского литературного языка, М.Э. Расулзаде ратовал не за механическое внедрение в качестве такового турко-османского языка, а за создание своеобразного общетюркского эсперанто путем использования внутренних лексических ресурсов всех без исключения тюркских языков, чтобы оно было понятным для представителей всех тюркских народов. Тем не менее, даже в этот момент позиция М.Э. Расулзаде была более близка к «азеричилар», нежели к «осамнчилар». Так, выступая против османнизации литературного языка, М.Э. Расулзаде уже тогда выходил за рамки концепции «единой тюркской нации» в ее классическом понимании в трактовке А. Гусейн-заде.

К тому же следует учесть, что в указанный период у М.Э. Расулзаде стремительно менялось понимание того, что представляют собой азербайджанские тюрки, как этническая общность – часть

¹⁹³ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 220-221.*

¹⁹⁴ *A.g.e. S. 221.*

«большого целого» или же самодостаточную национальную единицу. Причем, общая направленность эволюции его взглядов дает основание утверждать, что М.Э. Расулзаде накануне и в период Первой мировой войны постепенно, шаг за шагом приближался к признанию азербайджанских тюрков самостоятельной нацией.

В этом отношении между туранизмом, который проповедовал А. Гусейн-заде, и тюркизмом М.Э. Расулзаде была примерно такая же разница, какая имелаась в понимании задач национального движения между двумя видными чешскими общественными деятелями - Ф. Палацким и К. Гавличеком. Как известно, первый из них надеялся на создание великой славянской империи под владычеством России, и предполагал, что освобождение чехов произойдет исключительно при содействии России. К. Гавличек же, оставаясь верным славянству, одновременно исходил из того, что «освобождение чехов произойдет непосредственно их собственными силами».

М.Э. Расулзаде призывал своих соплеменников не сидеть, сложа руки в ожидании турецкой помощи ради спасения от колониального ига России, а самим перейти к самостоятельной и активной деятельности. Он был убежден в том, что общетюркское единство зиждется только на реальности отдельных тюркских народов.

Важным этапом на пути создания теоретических основ азербайджанизма стала серия статей М.Э. Расулзаде под общим названием «Национальное бытие», опубликованных в 1914 году на страницах журнала «Дирилик». Как уже было подчеркнуто, А.Гусейн-заде впервые в общественно-политической мысли Азербайджана научно конкретизировал и уточнил термин «нация», который до него использовался в весьма расплывчатом и абстрактном понимании для обозначения всех мусульман мира, т.е. фактически в качестве синонима понятия «умма». Заслуга же М.Э. Расулзаде состоит в том, что он творчески переработал идеи А. Гусейн-заде в контексте конкретных азербайджанских реалий начала XX века.

Серия статей под названием «Национальное бытие» стала, по существу, первой в Азербайджане попыткой систематизации представлений о нации в соответствии с требованиями современной науки. Значимость этой работы М.Э. Расулзаде состоит в том, что в мо-

мент ее публикации не было даже общепринятого этнонима и лингвонима азербайджанских тюрков.

Отвергая отождествление религиозной и национальной общностей, терминов «умма» и «миллет» (нация), М.Э. Расулзаде в этой работе проводил четкую грань между этими понятиями. Он утверждал, что понятие «миллет» не должно употребляться для обозначения религиозной группы, т.к. оно имеет секулярное значение. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «умма» имеет чисто религиозное содержание, поскольку означает объединение всех мусульман мира независимо от их этнической и культурной принадлежности, т.е. конфессиональную общность. В то же время понятие «нация» относится к этническим общностям, основывающимся на общем языке, культуре, территории и истории, равно как и религии. Но при этом М.Э. Расулзаде считал религию отнюдь не самым основным признаком нации, отводя ей второстепенную роль¹⁹⁵.

М.Э. Расулзаде выдвинул идею трехступенчатой иерархии этнических общностей – народность (qövmiуәt), национальность (milliуәt) и нация (millәt). Причем он определил конкретные качественные параметры их разграничения. Так, по мнению М.Э.Расулзаде, народность – это сложившаяся на определенной территории совокупность людей, связанных между собой кровнородственными связями и языковым единством. Объединение в ходе исторического процесса нескольких таких родственных народностей, говорящих на одном языке и выработавших общую культуру, означает переход на более высокий уровень этнической общности, для обозначения которого М.Э. Расулзаде использует термин «национальность». Что же касается нации, то она, по мнению М.Э. Расулзаде, возникает в момент осознания своего культурного и национального единства большинством представителей национальности. Другими словами, главная отличительная черта нации от национальности заключается в наличии у представителей нации национального самосознания.

Как видно, М.Э. Расулзаде воспринимал эти этнические общности динамическими явлениями, подверженным в той или иной степени изменениям во времени и пространстве, которые нередко заканчиваются их трансформацией. В частности, М.Э. Расулзаде пишет: «...осознание

¹⁹⁵ Rәsulzadә M.Ә. Әsәrlәri. C. 2. S. 468.

единства и стремление к нему способствует на исторической основе превращению людей из народности в национальность, а из национальности в нацию»¹⁹⁶.

По словам М.Э. Расулзаде, нация подразумевает единство языка, обычаев, культуры, исторических традиций, а также религии. Именно совокупность этих элементов создает нацию. Хотя важнейшим признаком, отличающим нацию от национальности, М.Э. Расулзаде все же считал наличие национального самосознания: «Национальная жизнь возможно лишь в результате развития национального самосознания, под воздействием которого возникает национальная идеология. В свою очередь, национальные идеалы обеспечивают достойное существование нации»¹⁹⁷.

При этом характерно, что М.Э. Расулзаде относил азербайджанских тюрков ко второй группе – национальности¹⁹⁸. Тем самым, он признавал отсутствие в тот период у азербайджанских тюрков четко выраженной национальной идентичности. Имея в виду азербайджанских тюрков, он писал, что «мы, как и другие российские мусульмане до сих пор придавали значение не национальному, а религиозному фактору. Выпускали тюркскую газету, а называли ее мусульманской. Создавали театры и оперы на тюркском, называя их мусульманским театром и мусульманской оперой. Открывали школы, давая им название русско-мусульманской»¹⁹⁹.

Далее он подчеркивал, что «хотя все это мы делали на тюркском языке и ради возрождения тюркской культуры, но под влиянием исламского фактора мы считали себя мусульманами, не придавая значения тому, что на самом деле мы являемся представителями тюркской национальности. И до сих пор продолжаем игнорировать эту реальность. Более того, мы даже не протестовали, когда нас называли «татарами» и «персиянами». Виной всему этому является то обстоятельство, что мы не осознали себя, как нация». В силу этого, М.Э. Расулзаде приходил к выводу о том, что для исправления этой ситуации необходимо развитие национального самосознания и разработка национальной идеологии²⁰⁰.

¹⁹⁶ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 468.*

¹⁹⁷ *A.g.e. S. 469.*

¹⁹⁸ *A.g.e. S. 468.*

¹⁹⁹ *A.g.e. S. 469.*

²⁰⁰ *A.g.e.*

В этой связи М.Э. Расулзаде придавал большое значение поиску путей и способов формирования национальной идеологии. Симптоматично, что он считал создание подобной идеологии отнюдь не стихийным процессом. По его словам, в сердцах и мыслях каждого представителя нации могут быть определенные идеи относительно будущего нации. Однако не каждый из них способен четко сформулировать эти желания, поскольку это под силу только узкому кругу интеллектуальной элиты, призванной стать конструктором и проводником национальной идеи²⁰¹.

Как он отмечал в одной из своих последующих работах, «переход из состояния национальности в нацию является продуктом общего сознания и коллективной воли», которые создаются и пропагандируются интеллигенцией, вступающей на историческую арену с разрушением феодальной системы и появлением буржуазии²⁰².

По мнению М.Э. Расулзаде, именно в результате деятельности интеллигенции общее сознание и коллективная воля, совершенствуясь и развиваясь, доходят до уровня борьбы за освобождения родины и народа, и превращается в духовную потребность каждого члена этнической общности. И в конечном итоге, «национальность обретает решимость трансформироваться в нацию»²⁰³.

В своей работе «Национальное бытие», М.Э. Расулзаде по этому поводу, пишет: «Описанный и сформулированный отдельными личностями, а затем представленный на суд общества проект национальных действий в случае соответствия истинным чувствам и желаниям народа получает широкое распространение и приобретает многочисленных сторонников. В противном же случае, получив лишь поддержку ограниченного круга лиц, он в конечном итоге предается забвению»²⁰⁴.

М.Э. Расулзаде предлагал начать формирование национального самосознания с восстановления исторической памяти народа. По его мнению, «чтобы обрести величие и силу, нации обращаются за помощью к собственной истории. Даже столкнувшись с угрозой исчезновения в периоды ослабления и угнетения, народы, вспоминая славные

²⁰¹ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 471.*

²⁰² *Resulzade M.E. Milli Təsanüd. Ankara, 1978. S. 18.*

²⁰³ *A.g.e.*

²⁰⁴ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 471.*

страницы прошлого, возрождают в себе надежду на будущее»²⁰⁵. По его словам, «нации, исследуя свою историю, на примере своих героев прошлых времен создают идеальную модель, превращая ее в пример подражания для нынешних и будущих поколений»²⁰⁶.

Будучи убежденным в том, что «нет более сильного фактора для единства и культурного развития нации, чем знание собственной истории»²⁰⁷, М.Э. Расулзаде вместе с тем прекрасно осознавал плачевное состояние дел в области изучения национальной истории. Не случайно, что с болью в сердце он отмечал, что тюркская молодежь фактически не осведомлена о своей богатой истории²⁰⁸.

Поэтому он придавал большое значение в процессе возрождения национального духа детальному и скрупулезному изучению национальной истории, чтобы затем донести ее до народных масс на их родном языке. И выражал уверенность в том, что усилия по воссозданию правдивой национальной истории несомненно «приведут к формированию национального самосознания, которое, в свою очередь, стимулирует массы к новым великим национальным поступкам»²⁰⁹.

Другим важным направлением на пути к национальному прогрессу М.Э. Расулзаде считал развитие родного языка, одного из основных в системе образующих элементов этнических общностей. При этом он обращал внимание на значимость языкового фактора в колониальной политике европейских государств. Он подчеркивал, что в древние и средние века различного рода завоеватели стремились в первую очередь к распространению собственной религии среди поработанных народов, рассматривая это в качестве наиболее надежной гарантии долговечности своего господства. С наступлением же новой исторической эпохи европейские колонизаторы, осознавшие более существенную роль языка в жизни народов, по сравнению с религией, внесли соответствующие коррективы в свою колониальную политику. Так, в значительной степени отказавшись от целенаправленного давления на религию поработанных народов, по крайней мере, не предпринимая

²⁰⁵ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 483.*

²⁰⁶ A.g.e.

²⁰⁷ A.g.e. S. 484.

²⁰⁸ A.g.e. S. 485.

²⁰⁹ A.g.e.

чрезмерных усилий в данном направлении, европейские колонизаторы направили главный удар на этнические ценности и прежде всего на национальные языки, составляющие стержень системы этнизации этих народов. Таким образом, приоритетным направлением колониальной политики европейских держав стала политика языковой ассимиляции порабощенных народов²¹⁰.

М.Э.Расулзаде считал, что подобная политика европейских колонизаторов, препятствуя естественному развитию и усовершенствованию языков порабощенных народов, в конечном итоге, ведет к их окончательной ассимиляции и упадку. В силу этого, он придавал большое значение развитию национального языка в процессе возрождения и прогресса азербайджанских тюрок.

И первоочередной задачей в этой области, по его мнению, являлось очищение словарного состава азербайджанского языка от иностранных заимствований, и в первую очередь, от арабизмов, русизмов и парсизмов. Причем, М.Э. Расулзаде считал источником замены иностранных заимствований в национальном языке «не древнеуйгурский и джыгатайский языки, и не говоры казанских и оренбургских татар, а местные наречия азербайджанских тюрок»²¹¹. С этой целью он советовал подвергнуть глубокому научному исследованию, как местные наречия, так и богатейшие образцы народного фольклора азербайджанских тюрок. Это было проявлением первых зачатков азербайджанской национальной идентичности.

Безусловно, в своей работе «Национальное бытие» М.Э. Расулзаде еще не дошел до однозначного признания азербайджанской национальной индивидуальности, но был близок к признанию этой идентичности в языковых вопросах. В частности, его стремление защитить национальный язык от внешних культурных влияний, в том числе со стороны турко-османского языка, будучи проявлением лингвистического партикуляризма и противодействия попыткам османизации, было зародышем идеи формирования азербайджанской нации.

В тогдашних условиях одним из немногих средств, которыми могли воспользоваться представители азербайджанской интеллиген-

²¹⁰ Цит. по: Балаев А. Этнологические процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. С. 59-60.

²¹¹ Там же.

ции для распространения национальных идей среди народных масс, была пресса. Высоко оценивая эту функцию прессы, М.Э. Расулзаде в статье «Свобода печати», опубликованной еще в 1911 году в газете «Иране Ноу», отмечал, что, будучи «выразителем и пропагандистом национальных чаяний», пресса «выполняет миссию учителя и воспитателя народа»²¹².

Поэтому нет ничего удивительного в том, что М.Э. Расулзаде решил учредить газету «Ачыг соз», первый номер которой вышел 2 октября 1915 года. В нем была опубликована статья М.Э. Расулзаде «Путь, который мы будем придерживаться» («Tutacağımız yol»). В этой статье программного характера были отражены основные цели и задачи газеты. Анализируя происходящие на мировой арене процессы, М.Э. Расулзаде прогнозировал кардинальное изменение политической карты мира по окончании Первой мировой войны. Указывая на усиление роли национального фактора в современных политических процессах, он писал: «... то новое обличье, которое обретет карта мира, будет зависеть не только от самоотверженности граждан, организованности государств и мощи армий, но в значительной степени – от национальных идеологий, столь открыто и решительно заявивших о себе»²¹³. И предупреждал, что «из этого исторического испытания с честью выйдут только те государства, в основе которых лежит национальное начало, или же в их системе управления этому началу придается должное значение»²¹⁴.

М.Э. Расулзаде предсказывал, что в послевоенном устройстве Европы преимуществом будут обладать «нации, по достоинству осознавшие себя и сформулировавшие определенную идеологию для достижения независимости»²¹⁵. Тем самым, М.Э. Расулзаде, хотя и в несколько закамуфлированной форме, подчеркивал необходимость создания национального государства.

Он предупреждал, что никто «не будет считаться с нациями, которые не объединены единым духом и коллективной волей», и эти общности вряд ли смогут донести свой голос до мировой общественности.

²¹² «İrane nou». 1911. 6, 11 may.

²¹³ «Açıq söz». 1915. 2 oktyabr.

²¹⁴ Расулзаде М.Э. О пантуризме. В связи с кавказской проблемой. С. 30.

²¹⁵ «Açıq söz». 1915. 2 oktyabr.

Поэтому М.Э. Расулзаде призывал своих соплеменников к «объединению вокруг конкретных идей и задач»²¹⁶.

Именно на решение этой задачи была направлена вся деятельность учрежденной в октябре 1915 года М.Э. Расулзаде газеты «Ачыг соз». К тому моменту давно уже сформировавшееся Азербайджанское национальное движение, по выражению М.Б. Мамедзаде, напоминало «безымянного героя»²¹⁷, поскольку оно еще не имело собственного названия. Пытаясь заполнить этот вакуум, газета «Ачыг соз» вместо понятий «мусульманин» и «татар» начала использовать термин «тюрок». Обращаясь к народу, газета писала: «По языку мы – турки, наша национальность – тюркская»²¹⁸. Таким образом, тюркскую самоидентификацию газета использовала для последующего утверждения азербайджанской идентичности²¹⁹.

Между тем распространение национальных идей среди азербайджанских тюрок сильно тревожило царские власти. Еще в 1913 году кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков в своем отчетном докладе царю с тревогой отмечал, что если нам следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, то только со стороны мусульман, т.е. азербайджанских тюрок, поскольку «армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами». При этом он особо отмечал, что «среди культурных слоев мусульманства начинают развиваться идеи национального самосознания, что особенно опасно для интересов России»²²⁰.

Поэтому становление национальной идеологии в Азербайджане происходило в особенно неблагоприятных условиях, поскольку как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима»²²¹. Однако царская администрация была бессильна перед объективным ходом исторических процессов.

²¹⁶ «Açıq söz». 1915. 2 oktyabr.

²¹⁷ *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 52.

²¹⁸ «Açıq söz». 1915. 2 oktyabr.

²¹⁹ *M.B. Məmmədzadə.* Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 52.

²²⁰ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова Дашкова. СПб., 1913. С. 9.

²²¹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 13.

Как выше было отмечено, уже в первом номере газеты «Ачыг соз» М.Э. Расулзаде говорил о важности национальной независимости, как необходимого условия перехода от уровня национальности к нации. А до этого, еще в статье «Национальное бытие» М.Э. Расулзаде особо подчеркивал, что только национальная государственность способна обеспечить неприкосновенность национальной самобытности²²². В дальнейшем М.Э. Расулзаде еще больше конкретизировал эту свою мысль, утверждая, что «нация – это национальность, продемонстрировавшая свою решимость создать государство»²²³.

Правда, в период до Февральской революции 1917 года М.Э. Расулзаде публично не выдвигал идею создания национального государства азербайджанских тюрков. Ведь для возникновения настоящей политической программы требуется известный минимум внешних условий, которые в тогдашней России полностью отсутствовали. А с началом Первой мировой войны власти приступили к очередному «закручиванию гаек», поскольку территория Южного Кавказа составляла прифронтовую полосу, и здесь действовали законы военного времени. По этой причине жестко пресекались малейшие проявления недовольства и нелояльности среди народов Южного Кавказа, не говоря уже о стремлении к политической независимости.

В этот период опасения властей относительно возможной нелояльности и совершения предательства со стороны мусульман края приобрели прямо-таки параноидальный характер. В сообщениях охраны за ноябрь 1914 года утверждалось, что мусульмане хотя и уверяют в своей преданности и готовности к самопожертвованию, но подобные заверения делаются ими лишь по тактическим соображениям²²⁴.

В прислуживании панисламизму подзревались буквально все известные представители азербайджанских тюрков – от крупного промышленника Мусы Нагиева до большевика Мешади Азизбекова. Местная пресса, как утверждалось в донесении тайной полиции за апрель 1913 года, учит массы читать и думать по-турецки и готовит мусульман к братству по оружию с Турцией²²⁵.

²²² *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 466.*

²²³ *Resulzade M.E. Milli Təsanüd. S. 20, 25.*

²²⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДПОО (1915). Д. 175. Л. 54.

²²⁵ Там же. ДПОО (1913). Д. 74. Л. 43-44, 50.

По этим соображениям Совет министров отклонил прошение мусульманской фракции в IV Думе, которая в мае 1914 года обратилась к главе правительства с ходатайством о распространении общей воинской повинности на мусульманское население империи. Продолжая отказывать мусульманскому населению в праве несения службы в вооруженных силах, царское правительство тем не менее позволило своему наместнику на Кавказе рекрутировать 3 000 мусульманских солдат в строительные подразделения армии и распорядиться о частном финансировании кавказской воинской единицы. «Кавказская дивизия», более известная под названием «Дикая дивизия», была создана на пожертвования промышленника Г.З. Тагиева и местного мусульманского населения. Дивизия была откомандирована на австро-русский фронт с тем, чтобы держать ее подальше от турецкого театра военных действий²²⁶.

Необходимый «политический климат» для открытого выдвижения идеи создания национальной государственности, появился в России лишь с победой Февральской революции 1917 года. Подчеркивая важную роль национального фактора в свержении самодержавия, М.Э. Расулзаде писал: «Февральская революция свершилась в результате все нарастающего напора двух важнейших сил: с одной стороны, обездоленные классы, а с другой стороны, поработанные народы требовали свои права»²²⁷.

Подобная значимость национального фактора в свержении самодержавия была обусловлена тем, что на рубеже XIX-XX веков на территории Российской империи параллельно с процессами пробуждения национального самосознания, становления и консолидации наций происходил интенсивный процесс формирования национальных движений у угнетенных народов.

При всех различиях политических и идеологических воззрений, условий зарождения и функционирования этих национальных движений, все они преследовали одну цель - ликвидации национально-колониального гнета в Российской империи. Именно это стремление угнетенных народов и предопределило антагонистический характер

²²⁶ ГА РФ. Ф. 102. ДПОО (1915). Д. 167. Ч. 7. Л. 6.

²²⁷ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990. S. 28.*

их конфронтации с самодержавием не только как с политическим институтом, но и как с олицетворением инонациональной, в данном случае, русской власти.

Причем психология насильственно включенных в состав Российской империи национальностей была похожа на психологию раба, о котором в одном из своих произведений рассказывает великий персидский поэт Саади. Как он описывает, на корабле, который тонет, все пассажиры и экипаж молились о спасении. Вдруг он услышал голос раба, который молил Аллаха о гибели корабля. Саади, удивленный этими словами раба, спрашивает его, не сошел ли он с ума, почему он просит гибели корабля, ведь он сам погибнет со всеми остальными. Раб ответил ему, что правда, он сам погибнет, но зато погибнет и его хозяин, постоянно его истязавший и угнетающий²²⁸.

Поэтому неудивительно, что, анализируя ситуацию в Российской империи в начале XX века, Д. Кончаловский справедливо отмечает, что в этот период «у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос»²²⁹.

По мнению Д. Кончаловского, именно национальная проблема перекрывала все пути эволюции царского режима, поскольку либерально-демократическая альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не только не способствовала решению национального вопроса, а наоборот, лишь усугубляла ситуацию в этой сфере и напрямую вела к распаду империи²³⁰.

Действительно, как подчеркивает один из видных деятелей национального движения в Азербайджане М.Я. Мирмехтиев, «при свободном демократическом режиме, расчленение России неотвратимо, т.к. в ней нет ни географического, ни этнического, ни морального единства. Эта империя была создана насилием, а не образовалась естественным путем. Поэтому в ней все время действуют центробеж-

²²⁸ Мир Якуб. Международное положение и национальная проблема в СССР. Париж, 1934. С. 39.

²²⁹ Цит. по: Буровский А.М. Крах империи. М., 2004. С. 230.

²³⁰ Там же.

ные силы, и это искусственно созданное государство готово к распаду при всяком потрясении»²³¹.

В силу этого, Российская империя, являющаяся конгломератом народов, насильственно удерживаемых вместе самодержавием, была обречена, что была подтверждена февральскими событиями 1917 года.

Несмотря на то, что Февральская революция была встречена с большим воодушевлением во всех колониальных окраинах Российской империи, в том числе в Азербайджане, но она не оправдала ожидания угнетенных народов. Дело в том, что сформированное 2 марта 1917 года Временное правительство придерживалось политики полумер и оттяжек, откладывая решение всех главных проблем, в том числе национального вопроса, до Учредительного собрания. Тем не менее ради справедливости следует признать, что уже в течение марта 1917 года оно издало серию постановлений и декретов, демократическая направленность которых не вызывала сомнений.

В частности, были ликвидированы «все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности»²³². Были также упразднены все ограничения для национальных меньшинств в армии, гражданской администрации, судебных ведомствах и т. п.

Эти постановления Временного правительства, несомненно, не могли полностью удовлетворить представителей национальных меньшинств России, т.к. в них ничего не говорилось о праве поработенных народов империи на самоопределение, о создании условий для функционирования национальных языков в сфере образования и т.д. Тем не менее даже эти половинчатые меры Временного правительства способствовали созданию хотя бы минимальных условий для политической деятельности и стимулировали развертывание процессов политизации этничности в колониальных окраинах империи.

Политизированная этничность, как известно, означает: 1) предоставление людям возможности осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей и наоборот; 2) стимулирование их внимания к этой взаимосвязи; 3) их мобилизацию на формирова-

²³¹ Мир Якуб. Международное положение и национальная проблема в СССР. С. 30.

²³² «Вестник Временного правительства». 1917. 22 марта.

ние этнических групп, обладающих данным самосознанием; 4) направление их поведения в сферу политической деятельности, опираясь на это осознание и групповое самосознание²³³.

Именно интенсивные процессы политизации этничности привели после Февральской революции к невиданному росту национальных движений в колониальных окраинах бывшей Российской империи, в том числе и в Азербайджане. Тем более что декрет Временного правительства «О собраниях и союзах» предоставил всем гражданам страны право образовывать союзы и проводить собрания. Согласно этому документу, не допускалось никаких политических мотивов для закрытия союзов, а их деятельность могла быть приостановлена только решением суда²³⁴.

Этот декрет позволил легализовать деятельность национальных партий и организаций, которые до Февральской революции вынуждены были действовать в глубоком подполье. Национальные силы Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде не преминули воспользоваться ситуацией для ускорения и углубления процессов нациестроительства среди азербайджанских тюрков.

Если до февраля 1917 года азербайджанские лидеры ограничивались требованиями создания соответствующих условий для свободного развития азербайджанской культуры и языка, отмены национально-правовых ограничений, то в условиях активизации этнополитических процессов в Российской империи после свержения самодержавия они принялись за политическое конструирование азербайджанских тюрков как самостоятельной и самобытной нации. Подтверждением тому является выдвигание на передний план в программе национального движения принципов самоопределения и провозглашение требования предоставления территориальной автономии Азербайджану в рамках российского государства.

Чешский историк М. Хрох разработал периодизацию эволюции национальных движений. По его мнению, в фазе пробуждения национального движения у небольшой группы местной интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа. На данном

²³³ *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981. P. 6.

²³⁴ *Долгачев И.Н.* Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1995. С. 19.

этапе эта идентичность как массовое явление еще не существует. Поэтому во второй фазе агитации национальное самосознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость²³⁵.

В этом отношении с победой Февральской революции азербайджанские турки вступили в стадию политической мобилизации, хотя следует признать, что задачи культурного и агитационного периода еще не были окончательно решены. Поэтому азербайджанской элите приходилось действовать одновременно на нескольких фронтах и параллельно решать задачи формирования национального самосознания, его распространения среди народных масс путем агитации, а также их политической мобилизации с целью достижения независимости²³⁶.

Первая политическая программа Азербайджанского национального движения с требованием создания национальной государственности в форме территориальной автономии была сформулирована и утверждена вскоре после Февральской революции на проходившем с 15 по 20 апреля 1917 года в Баку I Общекавказском мусульманском съезде.

На съезде был представлен весь спектр азербайджанских политических сил во всем его многообразии – от исламистов до социалистов и большевиков. Но ключевую роль в выработке съездом основных «политических стремлений азербайджанских турков», несомненно, сыграл М.Э. Расулзаде, который к тому времени уже считался одним из лидеров Азербайджанского национального движения.

Не случайно, что право выступить с докладом по главному вопросу повестки дня съезда, политическому устройству страны, было предоставлено М.Э. Расулзаде. Это было свидетельством признания его неоспоримых заслуг в освободительной борьбе, в том числе со стороны его политических оппонентов. В своем докладе на съезде М.Э. Расулзаде проанализировав текущую ситуацию, сформулировал национально-политические задачи азербайджанского народа на ближайшую перспек-

²³⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации. С. 124-125.

²³⁶ *Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 12.

тиву. И самое главное, он в аргументированной форме обосновал необходимость создания собственной государственности азербайджанских тюрок в форме национально-территориальной автономии.

В своем выступлении на съезде М.Э. Расулзаде отметил, что централизация власти в таком территориально обширном, а в национальном отношении – разнородном государстве, как Россия, не соответствует началам свободного общежития народов и поэтому непригодна для нормального развития государственной жизни России. «Сама история, – подчеркнул М.Э. Расулзаде, – на примере Тамерлана, Чингисхана, Александра Македонского и римских императоров свидетельствует о том, что никакая сила, кроме свободно выраженного желания составить государственный союз, не может создать прочного единения между отдельными национальностями, входящими в государство»²³⁷.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде потребовал предоставления национальным группам России права на самоопределение. Обособленные таким путем отдельные народы России, по его мнению, затем должны были образовать государственный союз в форме федеративной демократической республики. Несмотря на противодействие исламистов и представителей различных социалистических группировок, съезд большинством голосов поддержал предложение М.Э. Расулзаде²³⁸.

Таким образом, впервые в истории национальных движений мусульманских и тюркских народов Российской империи было выдвинуто требование предоставления азербайджанским тюнкам национально-территориальной автономии. Выдвижение данной идеи было одним из проявлений осознания, по крайней мере, со стороны азербайджанской интеллигенции, собственной национальной идентичности, отличной от других мусульманских и тюркских народов. Это было также признаком окончательного перехода азербайджанской политической элиты от тюркизма к азербайджанизму. Тюркизм превратился лишь в один из компонентов национальной идентичности азербайджанских тюнок, представлявшей исключительно культурную ценность.

Значимость этого решения еще больше возрастает на фоне того факта, что в то время подавляющее большинство политических сил

²³⁷ «Каспий». 1917. 19 апреля.

²³⁸ «Каспий». 1917. 21 апреля.

Азербайджана выступали против идеи национальной государственности в форме автономии. Эти разногласия между различными политическими силами Азербайджана были отражением общей ситуации, сложившейся весной 1917 года в освободительном движении мусульманских народов России, внутри которого шла острая борьба между унитаристами и федералистами. В отличие от федералистов, унитаристы предлагали мусульманским народам довольствоваться национально-культурной автономией в рамках централизованного российского государства.

Это было противостоянием не только двух непримиримых политических направлений, отстаивающих противоположные доктрины будущего государственного устройства – сторонников автономного национально-государственного развития тюркских и мусульманских народов России с поборниками полной интеграции этих народов в российские государственные структуры, но и двух типов идентичности – общему-сουλманского и национального. Ведь, по сути, речь шла о двух различных подходах – религиозном и национальном - к решению проблем поработанных народов, для которых было характерно разное видение перспектив нацистроительства среди мусульманских народов России.

В этом смысле противостояние между унитаристами и федералистами было отголоском продолжающейся борьбы между сторонниками религиозной и национальной идентичности. Не случайно, что немалую часть унитаристов составляли исламисты, которые исходили из того, что все мусульмане России составляют единую умму. Из тактических соображений серьезную поддержку в этом вопросе исламистам оказывали представители различных социалистических течений, которые всерьез были обеспокоены тем, что федеративная форма правления в России приведет к тому, что народы разбегутся по отдельным «национальным квартирам». А это, в свою очередь, могло еще больше актуализировать национальные проблемы, отодвинув на второй план классовые противоречия. И путем противодействия идее национально-территориальной автономии, социалисты пытались не допустить развития событий в данном направлении, поскольку это привело бы к неминуемому ослаблению их политических позиций.

Именно это обстоятельство способствовало формированию весной 1917 года тактического союза исламистов и социалистов различного толка против идеи федерализации России. При этом первые обвиняли сторонников этой идеи в разобщении мусульманских народов России, а вторые – в попытке раскола революционного движения.

Представители этих противоположных направлений в вопросе национально-государственного устройства России столкнулись в решающей схватке на I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем с 1 по 11 мая 1917 года в Москве. Впервые в истории мусульманских съездов в его работе принимали участие представители левых мусульманских партий. Президиум съезда состоял из таких известных личностей, как А.М. Топчибашев, И. Ахтямов, А. Цаликов, Г. Исхаков, Д. Сейдамет, Х. Достмухамедов, М. Бигиев и др. Среди них была и одна мусульманка Салима Якубова²³⁹.

Как вспоминает один из организаторов и руководителей съезда А.М. Топчибашев, энтузиазм и радикальные настроения особенно преобладали среди более молодых участников съезда. Сообщения с мест, «вскрывавшие болезненные нарывы жизни мусульман», действовали возбуждающе на делегатов съезда. А такие известия, как телеграммы о провокационных действиях на Кавказском фронте русских солдат против местного мусульманского населения, вызывали общее негодование и протесты участников съезда. Это негодование достигло своего апогея, когда проживающий в Москве азербайджанец, уроженец города Шуши Джавад Оруджев огласил завещание Петра I, заповедавшего своим наследникам овладение мусульманским Востоком любыми средствами: подкупом турецких и персидских министров, придворных и глав духовенства, разжиганием противоречий политического, религиозного и иного характера между их правительствами и руководителями, провоцированием при помощи золота и всякой пропаганды восстаний народов и племен Турции и Персии против собственных правительств, раздоров и столкновений между ними, особенно мусульман против христиан и наоборот²⁴⁰.

²³⁹ Топчибаши А.М. Мусульманские съезды в России // Из истории азербайджанской эмиграции. М., 2011. С. 128.

²⁴⁰ Там же. С. 130-131.

Джавад Оруджев (1884-1918) по профессии был медиком и работал ординатором клиники Московского университета. Одновременно он активно занимался общественно-политической деятельностью, в июле-ноябре 1917 был депутатом от московских мусульман в Московской городской думе²⁴¹. Однако его принципиальная и целеустремленная деятельность по защите гражданских прав мусульман не пришлось по нраву большевикам, захватившим власть в стране в октябре 1917 года. В конечном итоге, это закончилось тем, что в 1918 году Д. Оруджев был арестован большевиками за «контрреволюционную деятельность» и вскоре расстрелян. По некоторым сведениям, в расстреле Д. Оруджева непосредственное участие принимал татарский большевик М. Султан-Галиев.

Следует отметить, что повестка дня съезда была весьма обширной и разнообразной. В ходе съезда мусульманские делегаты обсудили и приняли решения по таким важнейшим проблемам, как отношение мусульман к войне и выборам в Учредительное собрание, по женскому, аграрному, рабочему вопросам и т.д.

Но главным в программе съезда все был вопрос о форме государственного устройства России. Неслучайно, что именно обсуждению данного вопроса съезд уделил особое внимание. Прениям о форме государственного устройства съезд посвятил целых три дня (4-6 мая), в течение которых происходили дневные и вечерние заседания под председательством А.М. Топчибашева. Как и прогнозировалось, по данному вопросу делегаты съезда разделились на два течения: сторонников унитарной демократической республики и сторонников федеративной демократической республики.

По своей региональной принадлежности унитаристы принадлежали главным образом к представителям Поволжья и внутренних губерний, а федералистами были азербайджанцы, крымские татары, туркестанцы, казахи и вообще делегаты от окраинных территорий России.

Унитаристы в лице их лидеров А. Цаликова, Г. Исакова и др. считали, что Россия должна стать унитарной демократической республикой с предоставлением мусульманам культурно-национальной автономии. Основным докладчиком от унитаристов на съезде выступил Ахмед Цаликов. Примечательно, что А. Цаликов вовсе не отрицал значимость

²⁴¹ *Топчибаши А.М.* Мусульманские съезды в России. С. 138.

создания национального государства. Наоборот, он открытым текстом заявил, что для достижения «концентрации всей политической силы какой-либо страны необходимо создать национальное государство». Правда, тут же он делал оговорку, что из-за своей отсталости «российским мусульманам не приходится думать об организации единого национального государства»²⁴².

Поэтому А. Цаликов предлагал идти по другому пути и «создать такую обстановку, чтобы мусульмане могли оказывать влияние на российское государство». Он был искренне убежден в том, что именно демократическая Россия может стать надежней союзницей исламского мира и способствовать его возрождению. Для реализации этой цели, по мнению А. Цаликова, «необходимо было сохранить единство, целостность и могущество России». Он опасался, что раздробление России на мелкие национальные единицы приведет к соперничеству и конкуренции между различными народами, а это осложнить, или же сделает вовсе невозможным, развитие российских мусульман «по пути свободы»²⁴³.

А. Цаликов считал, что «образование единого централизованного государства в России будет способствовать формированию многомиллионной мусульманской демократии, которая, возглавив российскую государственность, сможет направить ее внутреннюю и внешнюю политику в сторону удовлетворения нужд мусульманских народов страны»²⁴⁴.

Оставив в стороне утопичность подобного утверждения, отметим, что оно было проявлением очень популярной в начале XX века в определенных мусульманских кругах «идеи дружбы и союза между исламским миром и Россией». Несмотря на многовековую борьбу между исламским миром и Россией, сторонники этой идеи считали славян и мусульман естественными союзниками в противодействии экспансии европейских держав. При этом они исходили из сходства судеб и общности интересов славянского и тюрко-исламского мира. По их мнению, «славяне точно так же, как и тюрки-мусульмане, не смогли, противодействуя влиятельным и сильным союзам, объеди-

²⁴² Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. Ankara, 1990. S. 288.

²⁴³ A.g.e. S. 289.

²⁴⁴ A.g.e. S. 290.

ниться и образовать одно сильное государство и остались раздробленными, и вследствие этого большинство из них попало под власть других более сильных народов»²⁴⁵.

Свое негативное отношение к реорганизации российского государства на территориально-федеративных началах А. Цаликов аргументировал также тем, что «территориальный федерализм раздробит политические силы мусульман в России и в культурном плане разобьют отдельные ветви мусульманского населения. В политическом плане это раздробление приведет к тому, что вместо единого национально-политического центра в общероссийском парламенте возникнуть несколько региональных центров, каждый из которых будет вести свою собственную политику»²⁴⁶. И в конечном итоге «культурное разобщение выразится во всеобщем отчуждении друг от друга различных тюркских ветвей и тюрков с не тюрками»²⁴⁷.

Будучи последовательным сторонником концепции «единой мусульманской нации», А. Цаликов больше всего был обеспокоен тем, что в результате реализации принципа федерализма «мусульмане России расчленившись на многочисленные племена и взамен мусульманского единства возникнут чувства татарства, туркменства, казахства, крымства, башкирства, таджикства и азербайджанства»²⁴⁸. При этом он утверждал, что федерализация России, «ослабляя политическую мощь и возможности культурного развития мусульман, служит империалистическим планам «разделяй и властвуй», и поэтому не соответствует интересам широких слоев мусульманского населения»²⁴⁹.

Опираясь на эти аргументы, А. Цаликов в конце своего выступления констатировал, что «разрешение национального вопроса в России возможно только в форме национально-культурной автономии мусульман с созданием центрального органа - мусульманского национально-культурного парламента»²⁵⁰.

²⁴⁵ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 58.

²⁴⁶ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). Оксфорд, 1985. С. 14.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 146-147.

²⁴⁹ Программные документы мусульманских политических партий. С. 15.

²⁵⁰ Там же.

В отличие от унитаристов, федералисты, наиболее видными лидерами которых на съезде были М.Э. Расулзаде, А.М. Топчибашев, Заки Валиди, представитель аджарских мусульман Гасан Лордкипанидзе и др., настаивали на том, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-федеративных территориальных началах.

Докладчиком от федералистов на съезде являлся М.Э. Расулзаде. Он на примере конкретных фактов убедительно доказал всю несостоятельность подхода А. Цаликова и его единомышленников к проблемам национально-государственного развития мусульманских народов России. М.Э. Расулзаде подчеркнул, что унитаристы во главе с А. Цаликовым пытаются препятствовать процессу развития национальной идентичности у отдельных мусульманских и тюркских народов России.

Если главной целью А.Цаликова было сохранение единства умы и доминирующего положения религиозной идентичности среди мусульманских масс, то М.Э. Расулзаде в своем выступлении сделал упор на необходимость развития национальной идентичности.

Указав на ошибочность позиции унитаристов в отношении понятия «нация», М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: «Иногда можно услышать, что ислам является олицетворением нации. Говорят, что ислам, в отличие от христианства, ставит своих приверженцев в положение национальности, поскольку если спросить любого тюрка, какой он национальности, то он ответит: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения. У людей всегда существует национальное чувство, и оно всегда было связано с их племенной принадлежностью.

Нет сомнения, что ислам, подобно другим религиям, пробудил среди своих приверженцев взаимную связь. Но эта солидарность является признаком не национальности, а интернационализма. Подобно тому, как эта связь создала среди христианских народов христианскую культуру, точно также ислам создал среди народов, принявших эту религию, мусульманскую культуру. Однако это не означает, что ислам сформировал из своих приверженцев единую нацию. Подобно тому как нет христианской нации, так же не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам»²⁵¹. М.Э. Расулзаде вновь на-

²⁵¹ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 298.

помнил, что главным признаком нации является не общность религии, а единство языка, истории, обычаев и традиций²⁵².

Развивая свою мысль, М.Э. Расулзаде вышел далеко за рамки традиционной концепции о «единой тюркской нации» и фактически подтвердил национальную самобытность отдельных тюркских народов. В частности, он заявил: «Тюрко-татарские нации имеют единое происхождение. Вместе с тем неопровержим и тот факт, что они говорят на различных диалектах и отличаются своими особенностями. В настоящее время у поволжских татар имеются собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов, подчинившись насилию, не согласится отказаться от своей сущности. Точно также и азербайджанские тюрки не откажутся от своего языка, литературы и обычаев»²⁵³.

Эти высказывания М.Э. Расулзаде являются иллюстрацией того, что процесс вычленения азербайджанского самосознания из общемусульманского и общетюркского сознания приобрел необратимый характер. Безусловно, можно спорить о степени зрелости на тот момент национальной идентичности у азербайджанских тюрков, а также о масштабах распространения этого явления среди народных масс. Но ее наличие было уже неоспоримым фактом.

М.Э. Расулзаде подчеркнул, что «формой государственного управления России должна быть демократическая республика, т.к. многонациональное государство с населением 170 млн. человек, занимающее одну шестую часть суши и простирающееся от Камчатки до Черного моря и от Архангельска до границы с Ираном, не может управляться из единого центра. Поэтому, формой государственного устройства России, безусловно, должна быть федерация»²⁵⁴. Азербайджанский лидер считал, что «Россия должна стать таким зданием, в котором каждая нация имела бы принадлежащую ей собственную квартиру». На основании этих аргументов М.Э. Расулзаде предложил создать национально-территориальные автономии для Азербайджана, Туркестана, Киргизии²⁵⁵.

²⁵² Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 164.

²⁵³ A.g.e. S. 166.

²⁵⁴ A.g.e. S. 163-164.

²⁵⁵ A.g.e.

Фактически отрицая возможность самостоятельного существования и развития тюрко-мусульманских народов России, унитаристы, сами того не осознавая, подтверждали старые измышления о неспособности этих народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Не случайно, выступая на съезде, М.Э.Расулзаде заявил, что «полагаясь на совесть Керенского, нам не следует полностью подчинять свою судьбу русской демократии. Необходимо верить в способность нации управлять собою. Нация, отчаявшаяся в собственных возможностях и связывающая все надежды на осуществление своих чаяний с другими, не может существовать как нация»²⁵⁶.

М.Э. Расулзаде в своем выступлении на съезде подчеркивал, что будущая российская государственность должна покоиться на двух началах. Это – общечеловеческие интересы, с одной стороны, и свобода развития отдельных национальностей – с другой. С этой точки зрения он считал, что именно территориальная федерация создает оптимальные условия для свободного национального развития тюрко-мусульманских народов России и раскрепощения их потенциала.

Что же касается единства тюркских народов, то М.Э. Расулзаде предложил организовать национальный совет из представителей будущих автономных единиц «для реализации общекультурных национальных задач». Тем самым азербайджанский лидер еще раз продемонстрировал, что является сторонником не политического, а исключительно культурного единства тюркских народов.

Позиция М.Э. Расулзаде была поддержана большинством делегатов съезда. В частности, возражая унитаристам, представитель казахской делегации Дж. Достмухамедов заявил: «Цаликов пытается создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы. Такова суть его доклада. Но возможно ли это? Безусловно, нет! Господин Цаликов не знает, что означает нация»²⁵⁷.

В конечном итоге было принято решение о внесении на рассмотрение делегатов съезда двух резолюций, отражающих позиции унитаристов и федералистов. Их авторами являлись, соответственно А. Цаликов и М.Э. Расулзаде. 7 мая 1918 года на пленарном заседании съезда боль-

²⁵⁶ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 297.

²⁵⁷ A.g.e. S. 246.

шинством голосов (446 – за, 271 – против) была принята резолюция, подготовленная М.Э. Расулзаде. В ней говорилось: «...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах»²⁵⁸. За резолюцию А. Цаликова проголосовало меньшинство съезда (271 – за, 490 – против)²⁵⁹.

Некоторые «исследователи» выступая с позиции сегодняшних реалий, обвиняют М.Э. Расулзаде в том, что он ограничился лишь требованием национально-территориальной автономии, и не выступил за полную политическую независимость Азербайджана. При этом игнорируется тот факт, что весной 1917 года за исключением поляков и финнов, которые являлись уже достаточно зрелыми и сформировавшимися нациями, остальные народы России не требовали политической независимости. Например, ведущие политические силы Грузии и Армении ограничивались лозунгом национально-территориальной автономии. Как отмечал в этой связи М.Э. Расулзаде, в тот момент «даже грузины, считавшие себя лидерами кавказской демократии, не стояли на позиции независимости». Более того, обладавшие высоким авторитетом среди народных масс грузинские меньшевики считали «вредным» для революционного дела даже идею федерализации России и «не гнушались при этом применением физической силы в отношении грузинских федералистов, требовавших автономию для Грузии»²⁶⁰.

К тому же, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что при слабой центральной власти процесс федерализации неизбежно приведет к распаду страны и приобретению политической независимости национальными окраинами.

Следует обратить внимание и на особую позицию азербайджанских представителей при обсуждении на съезде вопроса создания Всероссийского мусульманского совета с целью «объединения российских мусульман под общим политическим флагом»²⁶¹.

Азербайджанские лидеры довольно скептически отнеслись к этой идее, поскольку они считали, что подобный орган может при-

²⁵⁸ Программные документы мусульманских политических партий. С. 11.

²⁵⁹ Там же. С. 12.

²⁶⁰ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

²⁶¹ Программные документы мусульманских политических партий. С. 30.

нести пользу только в плане координации религиозной и культурной деятельности в будущих автономиях, а не в политической сфере. По их мнению, условия борьбы, уровень зрелости, а также цели и задачи освободительной борьбы у отдельных мусульманских народов России сильно различались, что делало практически невозможным выработку единого политического курса.

Азербайджанские лидеры во главе с М.Э. Расулзаде понимали тюркское и мусульманское единство прежде всего как совместную борьбу за общие цели освобождения этих народов от колониального ига, при этом подчеркивая право каждого из них на самостоятельное национальное существование. В подобном контексте данная идея, придавая устойчивость и внутреннюю цельность движению тюркских и мусульманских народов, позволяла спаянным блоком идти к реализации своих конкретных национальных целей.

Исходя из этих соображений, азербайджанские представители отказались от участия в формировании Всероссийского мусульманского Совета. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться унитаристы. 11 мая 1917 года на пленарном заседании съезда был сформирован Всероссийский мусульманский совет в составе 30 чел. Как и следовало ожидать, унитаристы получили большинство в созданном Совете, а Ахмед Цаликов был избран председателем Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета.

Впрочем, дальнейшее развитие событий очень скоро доказало правоту азербайджанских лидеров. Уже к концу лета 1917 года Всероссийский мусульманский Совет оказался без опоры, продолжая существовать лишь на бумаге и в выступлениях его руководителей. К тому времени, национальные организации в мусульманских регионах, и, прежде всего в Крыму, Туркестане и на Кавказе, полностью сосредоточились на решении местных проблем, абсолютно забыв о существовании Всероссийского мусульманского центра.

Ирония судьбы заключается в том, что даже наиболее последовательные сторонники идеи национально-культурной автономии, включая самого А. Цаликова, вскоре были вынуждены под давлением реалий жизни признать ошибочность своей позиции и переключиться на реализацию идеи федерализации России.

Так, 5 января 1918 года на заседании Всероссийского Учредительного собрания А. Цаликов, будучи лидером мусульманской социалистической фракции, выступил за создание в России федеративной республики²⁶².

А уже весной 1918 года, после роспуска Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета декретом Наркомнаца РСФСР от 22 мая 1918 года, А. Цаликов вернувшийся на Кавказ, стал одним из руководителей Горской республики. В дальнейшем А. Цаликов принимал активное участие в организации вооруженной борьбы кавказских горцев за независимость от России, и даже в 1919 году был направлен из Тифлиса в Дагестан для руководства восстанием горцев против армии генерала А.И. Деникина.

М.Э. Расулзаде не только смог правильно определить стратегическое направление развития процессов нациестроительства среди мусульманских народов России, но и своей общественно-политической деятельностью значительно ускорил эти процессы. Ведь во многом благодаря его усилиям на московском съезде российских мусульман победила идея не единой мусульманской нации, а проект формирования отдельных наций на основе существовавших в России мусульманских и тюркских этнических общностей.

В этом отношении М.Э. Расулзаде не только впервые выдвинул и теоретически обосновал идею самобытности азербайджанской нации, т.е. стал основателем проекта азербайджанской нации-государства, но и своей деятельностью на общероссийском уровне в значительной мере способствовал развертыванию процессов нациестроительства у других мусульманских и тюркских народов России. С этого момента М.Э. Расулзаде фактически превратился в политика общероссийского масштаба. Один из представителей татарской интеллигенции Абдулла Таймас впоследствии отмечал, что выступление М.Э. Расулзаде на I Всероссийском мусульманском съезде оказало огромное влияние на делегатов. По словам А. Таймаса, после этого выступления М.Э. Расулзаде стал любимцем не только азербайджанцев, но и представителей всех других тюркских народов России²⁶³.

²⁶² Всероссийское Учредительное Собрание. М., 1930. С. 58.

²⁶³ *Qurbanov Ş. Cəmaləddin Əfqanı və türk dünyası*. S. 153.

Важнейшими компонентами азербайджанской национальной идентичности, сформулированной М.Э. Расулзаде, являлись тюркизм, европейская геополитическая ориентация, исламская конфессиональность, республиканско-демократический тип политико-правовой организации и азербайджанский язык как универсальное средство общегосударственной коммуникации.

При этом следует учесть, что М.Э. Расулзаде был не только теоретиком, но и практиком, внесшим значительный вклад в дело реализации идеи формирования азербайджанской нации-государства. Даже его политические оппоненты вроде Н. Нариманова признавались в том, что идея азербайджанской независимости ассоциируется с партией «Мусават», лидером которой являлся М.Э. Расулзаде²⁶⁴.

Таким образом, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «в то время, как стамбульские патриоты придерживались лозунга - «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться» как некоей теоретической идеи, азербайджанские тюрки взяли его за философскую основу своей политики и возвели в ранг основных принципов национальной политической партии. Согласно этой политической философии, каждая нация должна иметь присущее ей государство и строить свои отношения с другими нациями на основе принципов всемирной федерации»²⁶⁵. Идеологическое новаторство М.Э. Расулзаде заключается в том, что, опираясь на идеи тюркизма, он разработал стройную концептуальную систему азербайджанизма – проекта создания азербайджанской нации-государства. Именно борьба за реализацию этого проекта на практике и составила содержание всей последующей политической деятельности М.Э.Расулзаде.

²⁶⁴ Нариманов Н. Избранные произведения. Т. 2. Баку, 1989. С. 499.

²⁶⁵ Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего века. С. 50.

Глава IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей она помнит.

Дж. Кеннеди

§ 1. На пути обретения национальной государственности

Мировой опыт свидетельствует о том, что именно национальное государство - самая эффективная политическая единица, способная вызывать и сохранить чувство общности и солидарности, составляющее суть нации в современном понимании этого слова. Учитывая, что в национальном государстве, или нации-государстве господствует какая-либо одна этническая группа, именно ее идентификационные маркеры - язык, культура, религия и т.д., как правило, обуславливают официальную символику и играют ведущую роль в системе законодательства.

Создание национального государства, которое является формой политической институционализации национальной идентичности, значительно ускоряет процесс нациестроительства. Более того, окончательная консолидация этнической общности в единую нацию, как правило, происходит после образования национального государства. По

крайней мере, подобной точки зрения придерживаются сторонники модернистской теории. Как подчеркивает А. Смит, будучи особой формой связи этничности и государства, нации могут состояться только в своих собственных государствах¹. Не случайно, что известное выражение лидеров объединения Италии в середине XIX века гласило: «Мы сделали Италию, сейчас будем делать итальянцев».

Другими словами, не столько среди наций рождаются движения за национальное самоопределение и не столько нации создают национальные государства, а, наоборот, идея нации рождается среди народов (необязательно культурно однородных) как политическая программа для создания суверенных гражданских сообществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс нациестроительства². В этом контексте борьба за создание национальной государственности является составной частью процесса формирования нации.

Разработка концепции азербайджанизма была лишь первым шагом на пути создания нации-государства. Политической элите Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде еще предстояло решить проблему мобилизации народных масс для реализации заложенных в эту концепцию задач. При этом М.Э. Расулзаде, как и его соратники, прекрасно осознавал, что решение этой проблемы сопряжено многочисленными трудностями, обусловленными прежде всего относительно низким уровнем политического сознания подавляющего большинства азербайджанского населения.

Представителям национальной элиты было очевидно, что еще предстоит проделать огромную и тяжелую работу для популяризации провозглашенной после Февральской революции идеи национально-территориальной автономии как среди населения, так и у основной части политических сил Азербайджана. Именно задача реализации этой цели делала актуальным создание мощной политической организации с широко разветвленной сетью местных структур по всей территории страны, способной консолидировать и повести за собой народные массы для осуществления идей национальной государственности. Весной и летом 1917 года все усилия политической

¹ *Smith A. Theories of Nationalism. Irving Place, 1983. P. 21.*

² *Тишков В. Дилеммы развития России // Этнополис. 1992. № 1. С. 77-78.*

элиты во главе с М.Э. Расулзаде были направлены на создание подобной политической организации в Азербайджане, способной единолично возглавить процесс нациестроительства.

В первые месяцы после Февральской революции идею национально-территориальной автономии Азербайджана, создающей почву для формирования азербайджанской нации-государства, поддерживали лишь две политические организации – «Мусават» и Тюркская партия федералистов. Возглавляемая М.Э. Расулзаде партия «Мусават», вышедшая из подполья после февральских событий 1917 года, в этот момент находилась в состоянии перехода от небольшой глубоко законспирированной группы к массовой политической организации. А Тюркская партия федералистов (ТПФ) была основана Насиб бекон Усуббековым лишь в начале марта 1917 года в Гяндже, и, следовательно, находилась на стадии организационного оформления. По этой причине, весной 1917 года ни «Мусават», ни ТПФ еще не окрепли настолько, чтобы единолично возглавить национальное движение в Азербайджане.

В этом отношении вполне естественно, что различными кругами азербайджанской общественности с целью консолидации национальных сил делались попытки создать координирующий орган, куда вошли бы представители различных политических сил. Необходимость подобной консолидации диктовалась азербайджанскими реалиями, поскольку относительную организационную слабость национального движения в Азербайджане, по сравнению, например, с Польшей, Украиной, Прибалтикой и др., можно было компенсировать лишь сплоченными действиями политических сил страны, твердо придерживающихся идеалов национальной государственности.

С точки зрения консолидации политических сил, выступающих за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии, наиболее знаковым событием лета 1917 года, несомненно, стало объединение «Мусавата» и ТПФ в единую организацию, во многом определившее направление дальнейшего развития национального движения в Азербайджане.

Близость идеологий и политических программ «Мусавата» и ТПФ относительно целей и методов борьбы национального движения послужили прочным фундаментом для слияния двух этих организаций.

Однако мировая, в том числе современная азербайджанская, история знает немало примеров, когда политические организации с практически одинаковой идеологией и идентичными целями, из-за амбиций своих лидеров зачастую становились заклятыми врагами.

В этой связи нельзя не отметить ключевую роль лидеров «Мусават» и ТПФ – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова в процессе объединения этих организаций. Тем самым эти две незаурядные личности на деле продемонстрировали свою готовность ставить национальные интересы и благополучие народа выше собственных амбиций и меркантильных политических соображений. Подобными же принципами они руководствовались и в течение всей последующей своей политической карьеры.

Причем, этих двух принципиальных и бескорыстных политиков – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова связывали не только одинаковые идеалы и единый подход ко многим проблемам тогдашней политической ситуации, практически идентичное видение будущего Азербайджана, но также крепкая личная дружба. Именно эти качества двух азербайджанских лидеров, готовых идти на любые жертвы ради национального освобождения своих соотечественников, впоследствии не раз спасали страну от, казалось бы, неминуемой катастрофы.

Думается, что человеческие качества Н.Усуббекова, лучше всего, характеризует письмо его отца, которое было написано в момент его нахождения на посту премьер-министра Азербайджанской Республики. Еще с молодости Н.Усуббеков принимал активно участие в деятельности действовавших в Гяндже благотворительных и просветительских организаций, жертвуя на эти цели значительную часть своей зарплаты. И это несмотря на то, что в результате этого он сам нередко сталкивался с серьезными материальными проблемами.

После обретения независимости Азербайджаном, занимая высокие государственные посты, Н.Усуббеков продолжал свою благотворительную деятельность. И по собственному признанию, зачастую даже чувствовал моральный дискомфорт оттого, что его зарплата не позволяла ему выделять на эти цели достаточно средств. При этом, несмотря на данное отцу обещание, даже занимая пост премьер-министра страны, он никак не мог накопить средств, необходимых для ремонта собственной дачи вблизи родной Гянджи. Поэтому вы-

нужден был обратиться к отцу, чтобы тот на свои деньги хотя бы загородил дачный участок камышом. В ответ, получил письмо отца следующего содержания: «Дорогой сыночек, я долго терпел, но наконец-то выскажусь. Нуждаясь, залезая в долги, я смог дать тебе хорошее образование. Завершив учебу, ты вернулся домой, и стал начальником городского управления по провианту. Опять я заботился о тебе. От меня ты требовал только денег. Потом ты стал министром просвещения Сейма в Тифлисе. Твоей зарплаты снова не хватало. Несколько раз просил денег, и я отправлял. Затем вы провозгласили независимость Азербайджана, и ты стал министром просвещения нашей республики. Работал в столице – Баку. Снова твоя зарплата не покрывала твои расходы. Просил денег, и я всегда отправлял. Продал часть принадлежавшей мне земли. Сегодня ты премьер-министр, руководитель государства. Неужели и сейчас камыш для забора твоей дачи я должен купить на собственные деньги?»³

Первоначальная договоренность об объединении «Мусавата» и ТПФ в единую политическую организацию была достигнута их лидерами – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббековым еще в ходе Общекавказского мусульманского съезда в апреле 1917 года. I Всероссийский мусульманский съезд (1–11 мая 1917 г.) в Москве, в котором М.Э. Расулзаде и Н. Усуббеков выступали с единых позиций практически по всем основным вопросам текущего момента, значительно ускорил процесс организационного объединения двух партий.

Окончательное же слияние «Мусавата» и ТПФ произошло 20 июня 1917 года. Новая политическая организация получила название – «Тюркская демократическая партия федералистов – Мусават». В состав объединенного Центрального Комитета партии вошли по четыре представителя от «Мусавата» – М.Э. Расулзаде, М.Г. Гаджинский, М. Векилов, М. Рафиев и от ТПФ – Н. Усуббеков, Ш. Рустамбеков, Г. Агаев и М.М. Ахундов⁴.

Наиболее характерной чертой политической программы объединенной партии было органическое соединение принципа федерализ-

³ *Şeyxzamanlı N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri. Bakı, 1997. S. 112-113.*

⁴ *Keykurun N. Türk Ademi Merkeziyet Firkasının faaliyetleri ve Müsavat Partisiyle birleşmesi // Müsavat Bülteni. Berlin, 1962. № 4. S. 21.*

ма с целями национального движения. Именно идея федерализма, причем федерализма не на религиозной, а на национальной основе, стала краеугольным камнем политической доктрины партии.

Учитывая, что «Мусават» обладал серьезным влиянием преимущественно среди населения Бакинской губернии, а ТПФ в Гянджинской губернии, их слияние ознаменовало появление на внутривнутриполитической арене Азербайджана сильной общенациональной политической организации, способной единолично возглавить освободительную борьбу азербайджанских тюрков за создание национальной государственности.

Подтверждением этого факта стали итоги первых же выборов, в которых принимала участие объединенная партия «Мусават». Так, проведенные 22 октября 1917 года выборы в Бакинский Совет продемонстрировали огромный авторитет «Мусавата» среди азербайджанского населения города Баку. Голоса избирателей на этих выборах распределились следующим образом:

Мусават	9617 голосов
Эсеры	6305 голосов
Дашнакцутюн	5288 голосов
Большевики	3823 голосов
Меньшевики	687 голосов ⁵

Хотя большевикам удалось аннулировать результаты этих выборов по надуманному предлогу, но они отражали реальный авторитет партии «Мусават» среди народных масс. Даже в многонациональном Баку «Мусават», значительно опередив другие партии, собрал около 40 процентов голосов избирателей, что отражало реальное соотношение политических сил в городе. Учитывая немалый авторитет партии и в сельских регионах Азербайджана, с большой долей уверенности можно утверждать, что уже в этот период «Мусават» являлся политическим авангардом национального движения.

Между тем в тот момент не только все действовавшие в регионе российские и армянские политические партии, но даже азербайджанские политические силы левого и исламистского толка выступали против идеи азербайджанской государственности. Региональные от-

⁵ «Каспий». 1917. 25 октября.

деления российских партий сосредоточили все свои усилия в направлении нейтрализации азербайджанских национальных организаций, считая их наиболее серьезной угрозой в регионе для единства и целостности российского государства. Хотя идея территориальной автономии Азербайджана в тот момент подразумевала лишь создание собственного государственного правопорядка в рамках общероссийского государственного союза.

Среди российских партий лишь большевики формально признавали принцип самоопределения наций. Однако их практические действия явно противоречили духу самоопределения народов. Дело в том, что декларативное провозглашение принципа самоопределения наций было лишь тактическим ходом большевиков, средством вовлечения нерусских народностей в борьбу за Советскую власть.

В этой связи один из активных участников национального движения в Азербайджане в 1917-1920 гг. Мир Ягуб Мирмехтиев еще в 30-х гг. XX века справедливо замечал, что «революции в России имели две основные причины: *экономическую* - стремление безземельного крестьянства захватить земли, сосредоточенные в большей части в руках помещиков и правительства, и *национальную* – стремление нерусских народов, находившихся под гнетом царской России отделиться и добиться своего независимого существования»⁶.

По мнению М.Я. Мирмехтиева, если первый из этих вопросов, т.е. крестьянский, был хотя бы частично разрешен в первый период русской революции, до захвата большевиками власти, то второй вопрос, проблемы угнетенных народов, встретил со стороны либеральных кругов, пришедших к власти после Февральской революции, однозначно отрицательное отношение.

Поэтому, подчеркивал М.Я. Мирмехтиев, «большевики поняли все значение национального вопроса и сыграли на нем. Они декларировали, что признают право народов на самоопределение, вплоть до полного отделения. Это сыграло немалую роль в усилении большевиков и захвате ими власти. Национальности, встретив враждебное отношение русских либералов, отнеслись с доверием и симпатией к большевикам, но послед-

⁶ Мир Ягуб. Международное положение и национальная проблема в СССР. Париж, 1934. С. 37.

ние, по приходе их к власти, оказались такими же империалистами, как руководители царизма»⁷.

С подобной оценкой национальной политики большевиков солидарен и известный исследователь С. Зенковский. Он в своей работе «Пантюркизм и ислам в России» отмечает, что «В.И. Ленин, разрабатывая национальный вопрос, ставил перед собой задачу превратить нерусские народы России в очень полезный инструмент для достижения своих коммунистических целей, для чего и выработал тонкую программу завоевания их лояльности»⁸.

Считая национальное государство «уже пройденным этапом мировой истории»⁹, большевики квалифицировали национальные устремления угнетенных народов по созданию собственной государственности как националистические и сепаратистские, и призывали вести непримиримую борьбу с подобного рода «реакционными и контрреволюционными стремлениями»¹⁰. Таким образом, при всех реверансах в сторону угнетенных народов империи, большевики, в первую очередь, заботились о сохранении целостности России, правда, в марксистской упаковке.

Говоря об условиях реализации в исследуемый период проекта азербайджанской нации, не следует также игнорировать немаловажный факт несовпадения целей и устремлений трех ведущих национальных движений региона – азербайджанского, грузинского и армянского.

Особенно серьезные расхождения наблюдались между Азербайджанским и армянским национальными движениями. Партия «Дашнакцутюн», руководившая армянским национальным движением, включала в гипотетическое пространство т.н. «Великой Армении от моря до моря» обширные исторические земли азербайджанских тюрков. В этих условиях естественно, что создание азербайджанской автономии противоречило стратегическим интересам дашнаков. Это обстоятельство и стало главным фактором, способствовавшим усилению конфронтационных тенденций во взаимоотношениях двух

⁷ Мир Якуб. Международное положение и национальная проблема в СССР. С. 38.

⁸ Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1967. P. 160.

⁹ Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП (б). Петроград. 1917. М., 1958. С. 207.

¹⁰ Там же.

народов. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что в своей борьбе против реализации национального проекта азербайджанских тюрков, армянская сторона пользовалась неограниченной поддержкой российской политической элиты.

Противниками разработанного М.Э. Расулзаде проекта нациестроительства, с опорой на азербайджанскую идентичность, являлись и некоторые азербайджанские политические силы. В этот период в азербайджанском обществе шла ожесточенная борьба между тремя дискурсами – исламским, социалистическим и национальным. Реализации проекта азербайджанской нации активно противодействовали исламистские силы, сгруппировавшиеся вокруг партии «Иттихад», созданной в сентябре 1917 года.

Религиозно-политическая доктрина «Иттихада» базировалась на исламских ценностях. Иттихадисты воспринимали ислам не только в качестве религии, но и как систему политических, экономических, юридических норм, являющихся, по их мнению, фундаментальной основой всего мусульманского общества. Они предполагали, что прогресса мусульманского мира можно достичь исключительно путем совершенствования и развития этих норм¹¹.

«Иттихад» выступал за единение всех мусульман без различия национальности. Как было заявлено партией «Иттихад», «единственный путь к счастью для мусульман лежит через объединение всех мусульманских народов во имя ислама и человечества. Наше счастье в единстве»¹². Отрицая нацию, как историческую категорию, и идею национальной идентичности, партия «Иттихад» рассматривала разделение мусульман на отдельные национальности как попытку внести раскол в «умму». Исламисты фактически отрицали национальные идеи, которые, по их мнению, являясь разъединяющим фактором, препятствовали скорейшему освобождению мусульман от колониального ига европейских держав.

Выступая за сохранение и укрепление мусульманской идентичности у азербайджанских тюрков, иттихадисты крайне враждебно относи-

¹¹ *Göyüşov A. İttihadi-islam partiyasının yaranması və fəaliyyəti. Avtoreferat. Bakı, 1993. S. 13.*

¹² «Иттихад». 1917. № 3.

лись к идеям азербайджанизма. В одном из документов «Иттихада» говорилось: «В теперешнем угнетенном положении мусульман идея нации несовместима со здравым смыслом, т.к. именно эта идея привела некогда блистательный и могущественный исламский мир к нынешнему смиренному и рабскому состоянию. В настоящее время никакой благочестивый человек не может поставить идею нации превыше ислама и никакой мудрый мусульманин не имеет право игнорировать такую большую политическую силу, как «Иттихади-ислам». Нам не нужна другая партия, кроме партии ислама»¹³.

В борьбе с идеями азербайджанизма союзниками исламистов являлись азербайджанские социалисты, рассматривавшие развитие национальной идентичности смертельной угрозой для единства революционного движения в России и солидарности трудящихся классов различных национальностей.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о том, что в исследуемый период сторонникам проекта формирования азербайджанской национальной идентичности противостоял довольно внушительный альянс разношерстных политических сил, каждая из которых по собственным соображениям стремилась не допустить реализации данной идеи. В этом отношении к еще большему усилению конфронтационных тенденций между сторонниками и противниками национальной идеи способствовали решения I съезда партии «Мусавата», проходившего с 25 по 31 октября 1917 года в Баку. Принятие новой программы «Мусават», в которой создание собственной государственности и реализация проекта азербайджанской нации официально были провозглашены стратегической целью партии, стало открытым вызовом противникам идеи азербайджанской национальной идентичности.

Свою вступительную речь на съезде М.Э. Расулзаде начал с анализа тогдашнего положения тюркских народов и в целом мусульманского Востока. Причину отсталости тюркских народов в культурном и политическом отношениях он видел «в отсутствии у них национального чувства, желаний и идей». В своей речи он подчеркнул, что «если у общества, нации, и даже у отдельного человека не будет оп-

¹³ *Mustafayev Q.* XX əsrin əvvəllərində Azərbaycanca islam ideologiyası və onun tənqidi. Bakı, 1973. S. 261-262.

ределенных целей, стремлений и идей, то они не сумеют двигаться вперед. Следовательно, если у народа нет национальной идеи, то он не сможет консолидироваться в национальную силу»¹⁴.

М.Э. Расулзаде видел главное достижение партии «Мусават» в том, что «она сумела сплотить и организовать вокруг себя рабочих, крестьян и прогрессивные классы азербайджанских тюрков» на основе национальной идеи. Отмечая успехи, достигнутые в деле сплочения народных масс, М.Э. Расулзаде вместе с тем призвал своих соратников готовиться к длительной и трудной борьбе за национальное освобождение, поскольку «такие великие и сложные вопросы не разрешаются в течение дней или месяцев». Он напомнил, что «даже у прогрессивных и культурных народов борьба за свободу продолжалась годами». М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «партия сумеет создать сильную организацию, которая, не потеряв свой путеводной звезды, дойдет до цели»¹⁵.

Подтвердив стремление азербайджанских тюрков «жить самостоятельно», М.Э. Расулзаде одновременно предупредил, что выдвинутые партией задачи не направлены против других народов: «Мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией»¹⁶. Завершил он свое выступление знаменитой фразой – «свободу людям, независимость народам»¹⁷, впоследствии ставшей основным лозунгом партии в политической борьбе.

Главным вопросом повестки дня съезда было принятие новой программы «Мусавата», в которой подводились итоги пройденного этапа национального движения и определялись задачи партии на новой стадии политической борьбы. Сердцевину новой программы партии составлял раздел, посвященный государственному строю страны. В нем

¹⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же.

утверждалось, что «...самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное, ибо ни один народ, не располагающий ни самостоятельностью, ни национальной автономией, не будет в состоянии отстаивать свою культуру и свободу»¹⁸.

По существу, новая программа партии являлась грандиозным проектом переустройства Российского государства на началах национально-территориальной автономии. Выступая на съезде, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что право на национально-территориальную автономию имеют народы, компактно расселенные на определенной территории. Партия, в частности, добивалась автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также объявляла «своей святой обязанностью помочь всеми силами другим единоверцам – не тюркам - в получении права на автономию»¹⁹.

Достижение территориальной автономии являлось для партии не самоцелью, а средством создания более благоприятных условий для социально-экономического, политического и культурного прогресса азербайджанских тюрков, а также ускорения процессов нациестроительства в Азербайджане. В новой программе партии задача создания национальной государственности тесно увязывалась с реализацией кардинальных демократических реформ и построением в стране общества с широким спектром политических и гражданских свобод.

Масштабные реформы по модернизации азербайджанского общества, составной частью которых являлось формирование азербайджанской национальной идентичности, предстояло реализовывать в очень непростых условиях. Не следует забывать, что Азербайджан был частью исламского мира, и концепцию национальной государственности приходилось осуществлять в существенно иной социальной среде по сравнению с условиями Западной Европы, где эти идеи первоначально сформировались. Это серьезно затрудняло задачу М.Э. Расулзаде и его соратникам, которым предстояло применить созданные в Европе идеи в довольно самобытной обстановке, характеризующейся сохранением сильных позиций клерикально-религиозного мышления.

¹⁸ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1920 гг., Баку, 1990. С. 74.

¹⁹ Там же. С. 76.

Особенность исламизации, охватившей буквально все сферы жизнедеятельности азербайджанского общества, состояла в том, что религиозная догматика, отрицая свободу воли, не приемля индивидуализм, ставя веру выше логики и научных знаний, тем самым сковывала инициативу человека, тормозила развитие производительных сил, общественной мысли и в конечном итоге - конкурентоспособности азербайджанской нации.

Как справедливо отмечает известный исследователь М.Н. Губогло, когда все законы заданы Кораном, сама эта догматика превращается в тормоз для инноваций и развития социума. Для того чтобы подул свежий ветер модернизаций или хотя бы частичного реформирования, надо было пробить стену устоявшейся системы ценностей, которые прочно были вплетены в ткань традиционной культуры, особенно в ткань духовного ядра этой культуры²⁰. В этой ситуации только преодоление этих норм и, следовательно, посягательство на незыблемость конфессиональной идентичности открывали путь к реформам и модернизации азербайджанского общества.

По этой причине неудивительно, что М.Э. Расулзаде был последовательным приверженцем секуляристских идей. Он выступал за вытеснение или, по крайней мере, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в сферах, не имеющих непосредственного отношения к отправлению религиозного культа. В этом отношении достаточно характерно его выступление на I съезде «Мусавата», в котором он в категоричном тоне заявил: «Человек, входя в мечеть, должен забыть политику, партию, идею и молиться только Богу. И вообще, духовенство не должно заниматься политикой и в политической борьбе мечеть должна быть нейтральна»²¹.

Являясь убежденным сторонником светского государства, М.Э. Расулзаде настоял на включении в программу партии специального пункта, который гласил: «Правительство не должно отдавать предпочтение ни одной вере, ни одному толку и покровительствовать одной религии в ущерб другой»²². Тем самым была заложена основа

²⁰ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. С. 284.

²¹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 12.

²² Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1920 гг. С. 77.

предстоящего отделения церкви от государства в Азербайджанской Республике.

Таким образом, как свидетельствуют итоги съезда концепция азербайджанизма, основные положения которой были сформулированы М.Э. Расулзаде, официально была утверждена в качестве политической доктрины «Мусавата». В целом, программа партии «Мусават» «представляла собой органический синтез национально-освободительных идей Востока с культурными и демократическими течениями Запада»²³.

Опираясь на общечеловеческие ценности и учитывая исторические и культурные традиции родного народа, М.Э. Расулзаде разработал целостную концепцию национального развития, которая в конечном итоге, по его замыслу, должна была способствовать вхождению азербайджанских тюрок в семью цивилизованных и развитых народов мира. Именно это составляло содержание концепции азербайджанизма, зафиксированной в программе «Мусават».

К концу 1917 года «Мусават» под руководством М.Э. Расулзаде уже превратился в ведущую силу процесса нациестроительства в Азербайджане. Подтверждением тому стали выборы во Всероссийское Учредительное собрание, проведенные на Южном Кавказе 26–28 ноября 1917 года. Интерес к ним был обусловлен тем, что это были первые после свержения царизма выборы, проводимые в общегосударственном масштабе, которые позволяли выявить как степень поддержки азербайджанскими тюрками национальной программы «Мусавата», так и раскрыть реальное соотношение сил между различными политическими группировками Азербайджана.

Будучи последовательным поборником идеи национального единства, и пытаясь предотвратить распыление голосов избирателей-азербайджанцев среди различных организаций, «Мусават» предложил всем азербайджанским политическим партиям и организациям выступить единым списком на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Хотя подавляющее большинство политических сил Азербайджана, мягко говоря, прохладно отнеслось к этому предло-

²³ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 11.

жению, тем не менее, оно дало определенные результаты. Так, именно в ходе предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание окончательно оформился блок «Мусавата» с «независимой демократической группой» во главе с видными деятелями национального движения азербайджанских тюрков А.М. Топчибашевым и Ф. Хойским. Создание данного блока стало очередным проявлением дальнейшей консолидации основных национально-демократических сил Азербайджана вокруг партии «Мусават».

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в качестве самостоятельной политической силы принимали участие в основном четыре азербайджанские организации – «Мусават», «Мусульманский социалистический блок», меньшевистский «Гуммет» и исламистский «Иттихад». Из них только «Мусават» принципиально выступал за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии, а остальные три партии предлагали ограничиться национально-культурной автономией. На этой почве в ходе предвыборной кампании «Мусават» подвергался жесткой критике как со стороны партий социалистического направления, так и со стороны исламистов.

Характеризуя положение «Мусавата» в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание, М.Э. Расулзаде писал: «Справа нам говорили, что, выдвигая лозунг азербайджанизма, мы разделяем мусульман, возвышая флаг азербайджанизма, мы разрушаем основы ислама. А слева нас обвиняли в том, что, требуя автономии Азербайджана, мы способствуем разложению единого демократического фронта»²⁴.

Острое недовольство клерикальных кругов вызвало предложение «Мусават» о необходимости предоставления женщинам равных с мужчинами прав. Исламисты расценили это требование проявлением «распутства и вероотступничества». В тогдашних условиях сохранения в общественном сознании сильных религиозных предрассудков, это было довольно серьезное обвинение.

Тем не менее находившееся в начале XX века лишь на начальной стадии модернизационных процессов азербайджанское общество продемонстрировало неплохую готовность к восприятию национально-демократических ценностей, составлявших суть предвыборной платформы

²⁴ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 114.*

«Мусавата», обеспечив оглушительную победу партии на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Поддержка, оказанная народными массами «Мусавату» в ходе этих выборов, свидетельствовала о готовности азербайджанского общества к восприятию не только национальных идей, но и демократических ценностей Запада. Данный факт является лишним подтверждением необоснованности до сих пор бытующего в определенных кругах мнения о чуть ли не генетической несовместимости мусульманских народов и демократических ценностей.

Утверждение в том или ином обществе демократических традиций отнюдь не является стихийным процессом, как это, на первый взгляд, может показаться. В каждом конкретном случае оно является результатом колоссальных усилий политической и интеллектуальной элиты в направлении пропаганды и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества демократических начал. Между тем политическая элита исламских стран, как правило, никогда не проявляла особого интереса к демократическим ценностям, не без основания считая их угрозой для своей монополии над государственными структурами. Элиты восточных обществ в лучшем случае использовали демократическую риторику с целью достижения своих политических целей, после чего приемы имитации демократии отбрасывались в сторону как ненужная вещь. Именно это обстоятельство является главной причиной того, что попытки модернизации восточных обществ, как правило, терпели неудачу.

В этом отношении весьма характерным является одна из ранних публикаций М.Э. Расулзаде, напечатанная в 1908 году на страницах газеты «Иршад». Статья написана в форме диалога между двумя лицами. В ней обладающий большим жизненным опытом некто Мирза Юсиф упрекает своего молодого племянника Гахрамана за его активную политическую деятельность:

- «Мирза Юсиф: Ради кого ты жертвуешь собой? Ради этого народа, который не в состоянии отличить добро от зла? Дорогой ты плохо знаешь этот народ. Какими бы правильными, честными и искренними ни были твои намерения, если у тебя нет тюрбана на голове, пистолета в поясе и денег в кармане, они не будут слушаться тебя?»

- Гахраман: Дядя, по-моему, вы ошибаетесь. Правда, наши люди непросвещенные, невежественные и неграмотные, преклоняются перед тюрбанами, медалями, пистолетами и деньгами. Все это пра-

вильно. Но из этого вовсе не следует, что мусульмане не готовы воспринимать идеи свободы. Из вашей логики следует, что необходимо подождать до того времени, когда мусульмане будут готовы к свободе. Но это время никогда не наступит, если образованная часть общества не начнет воспитывать население в духе свободы. Мусульманское население является весьма плодородной почвой, чтобы сеять в ней семена культуры. Чувствуется нужда лишь в опытных земледельцах, способных вспахать и засеять эти земли. А этими земледельцами являемся мы, молодое поколение нации. Дядя, разве ты не замечаешь, как наши соседи – грузины, армяне, евреи и русские жертвуют собою ради народа?

- Мирза Юсиф: Вот и я об этом говорю... Армяне, грузины и другие способны по достоинству оценить самоотверженность этих людей. А мы готовы к этому?

- Гахраман: Кто и когда пожертвовал собой, а народ остался безучастен к его поступку? Людей можно научить относиться благодарно к подобным поступкам лишь на собственном примере самопожертвования. Безвозмездно ничего не получится. Жертвуй собой, и будешь оценен»²⁵.

Уникальность ситуации, сложившейся в начале XX века в Азербайджане, заключалась в том, что на политической арене доминировала целая плеяда выдающихся деятелей – М.Э. Расулзаде, Н. Усуббеков, А.М. Топчибашев, Ф. Хойский и др., для которых национальные идеи и демократические принципы служили не средством реализации своих меркантильных политических интересов, а являлись способом модернизации азербайджанского общества и достижения национального прогресса.

Неудивительно, что народные массы отвечали им той же искренностью. Подтверждением тому стали итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Блок «Мусавата» с независимой демократической группой, намного опередив другие азербайджанские партии, вышел на общее второе место на Южном Кавказе. По их итогам грузинские меньшевики получили – 661 934 голоса (26,9% от общего числа избирателей), мусаватисты – 615 816 (25,1%), дашнаки – 558 400 (22,7%), «Мусульманский социалистический блок» – 159 770 (6,5%),

²⁵«İrşad». 1908. 15 aprel.

эсеры – 117 522 (4,8 %), большевики – 93 581 (3,8%), меньшевистский «Гуммет» – 84 743 (3,5 %) и «Иттихад» – 66 505 (2,7%)²⁶.

Как свидетельствуют эти цифры, 66,5% голосов, поданных за азербайджанские национальные партии, приходились на долю «Мусавата». Для сравнения отметим, что занявший второе место среди азербайджанских партий «Мусульманский социалистический блок» получил 17,2%, а меньшевистский «Гуммет» и «Иттихад», соответственно – 9,1% и 7,2% голосов, отданных за азербайджанские партии. Поддержка, оказанная «Мусавату» во время этих выборов, означала, что подавляющее большинство азербайджанского общества выступало за предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану и за осуществление кардинальных демократических преобразований.

Анализ результатов выборов выявил еще одну немаловажную деталь. «Мусават» стал единственной азербайджанской партией, добившейся относительно равных результатов повсеместно во всех регионах Азербайджана. Это было показателем общенационального характера партии. Между тем остальные азербайджанские партии имели твердую опору лишь в отдельных регионах. Так, «Мусульманский социалистический блок» и меньшевистский «Гуммет» в основном пользовались популярностью среди жителей западных районов Азербайджана. А «Иттихад» более 2/3 голосов в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание получил в трех уездах – Бакинском, Ленкоранском и Геокчайском²⁷.

Однако новоизбранному Учредительному собранию не суждено было долго просуществовать. Нежелание этого органа следовать большевистским директивам привело к тому, что вечером 6 января 1918 года Всероссийский ЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Разгон Учредительного собрания, на которое возлагались особые надежды в решении национального вопроса в России, лишь усилил центробежные тенденции в стране, спровоци-

²⁶ *Suny G.R.* Bakı Komünü: 1917-1918. Rus devriminde sınıf ve ulusallık. İstanbul, 1990. S. 179.

²⁷ *Беленький С. и Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 237.

ровав процесс отпадения национальных окраин, в том числе Южного Кавказа, от центра.

22–23 января 1918 года в Тифлисе состоялось заседание избранных от Южного Кавказа членов уже бывшего Учредительного собрания. Охарактеризовав обстановку в центре России как анархию и хаос, политические представители трех южно-кавказских народов приняли решение «организоваться на местах» путем созыва регионального законодательного органа – Закавказского Сейма²⁸. Представители «Мусавата» также проголосовали за это решение. «Мусават» обладал второй по численности фракцией в Закавказском Сейме, первое заседание которого состоялось 23 февраля 1918 года²⁹ в Тифлисе.

Таким образом, при решении вопроса о власти в региональном масштабе «Мусават» поддержал те политические силы, которые отказались признать новую большевистскую власть в Петрограде. Более того, среди представленных в Закавказском Сейме политических сил именно фракция «Мусават», возглавляемая М.Э. Расулзаде, выступала с наиболее радикальных позиций в вопросе децентрализации власти в России. Лидер национального движения Азербайджана обоснованно полагал, что это будет способствовать созданию более благоприятных условий для реализации национальных идеалов азербайджанских тюрков.

Это особенно наглядно проявилось при определении полномочий, целей и задач Сейма. Выступая 5 марта 1918 года на пленарном заседании Сейма, М.Э. Расулзаде заявил, что, «по его мнению, Закавказский Сейм является Учредительным собранием, и как Учредительное собрание должен заниматься выработкой конституции Закавказья и определением функций отдельных территориальных единиц»³⁰. Далее он подчеркнул, что «в основе центральной краевой власти – федеративная власть, и значит, мы по существу, должны принять во внимание основы федерации всех закавказских народностей. Власть должна быть коалиционной, и в эту коалицию должны быть вложены остальные элементы, которые обеспечивали бы феде-

²⁸ *Ментешашивили А.М.* Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917–1921. Тбилиси, 1987. С. 72.

²⁹ С 14 февраля 1918 года все даты указаны по новому стилю.

³⁰ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, 20 февраля 1918 года. С. 27–28.

рацию и координацию всех народностей Закавказья»³¹. М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «только признание Сейма Учредительным собранием способно «привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни»³².

Эти предложения, несомненно, были направлены на ускорение процесса децентрализации страны и, следовательно, на ослабление уз, связывающих Южный Кавказ с Россией. Среди депутатов Закавказского Сейма мусаватисты были наиболее последовательными сторонниками объявления независимости Южного Кавказа. Однако подавляющее большинство членов Сейма в тот момент еще не были готовы к принятию столь радикального решения об окончательном отделении Южного Кавказа от России.

В подобном развитии ситуации не были заинтересованы не только грузинские и армянские депутаты Сейма, но и представители остальных азербайджанских партий. Они считали Закавказский Сейм «временным органом для ликвидации некоторых спешных вопросов»³³. По этой причине они предлагали отложить созыв Учредительного собрания и выработку конституции Закавказья на неопределенное время.

Между тем в декларации фракции «Мусават», обнародованной в Сейме, предлагалось «не медлить с децентрализацией власти, не смущаться национализации отдельных сфер государственной жизни». При этом ближайшей своей задачей фракция ставила «практическое осуществление национально-территориальной автономии в Азербайджане»³⁴. Выражая политическое кредо партии, М.Э. Расулзаде 1 марта 1918 года с трибуны Закавказского Сейма недвусмысленно заявил: «Мы требуем, чтобы мы, как народ, были представлены самим себе»³⁵. Эта цель была квинтэссенцией всей деятельности «Мусавата» и его лидера в Закавказском Сейме.

Как впоследствии отмечал М.Э. Расулзаде, «в ходе обнародования партийных деклараций на первом заседании Закавказского Сейма ни иттихадисты, ни социалисты (имеется в виду представители Мусуль-

³¹ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, 20 февраля 1918 года. С. 28.

³² Там же. С. 29.

³³ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, 15 февраля 1918 года. С. 12.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 31.

манского социалистического блока и меньшевистского «Гуммет» – А.Б.) не выступали от имени Азербайджана. Только в декларации партии «Мусават» подчеркивалась необходимость создания и определения компетенции краевой федеративной власти путем делегирования в нее части полномочий правительств Азербайджана, Грузии и Армении»³⁶.

Принципиальная позиция членов мусаватской фракции в Закавказском Сейме по отстаиванию идеи национально-территориальной автономии Азербайджана в составе независимого Закавказского государства противоречила стратегическим планам большевиков. Тем более что центром азербайджанской автономии должен был стать Баку, который рассматривался большевиками в качестве «опорного пункта» для распространения своей власти по всему Южному Кавказу.

Не следует также игнорировать огромную экономическую значимость нефтяной промышленности Баку. Поэтому контроль над нефтяным Баку была заветной мечтой любой политической силы, стремящейся к доминированию на Южном Кавказе. В этом смысле именно в Баку решался вопрос жизни и смерти большевистской власти в Закавказье. В силу этих причин большевики никак не могли допустить создания азербайджанской автономии со столицей в Баку. Не случайно, что руководитель бакинских большевиков С.Г. Шаумян это вполне естественное требование «Мусавата» интерпретировал как «мечту азербайджанских националистов» сделать Баку «столицей Азербайджанского ханства»³⁷.

Большевики открыто заявляли национальным силам, чтобы они даже «не размышляли об автономной федерации, ибо ваша автономия будет неприемлема как для российской демократии, так и для российской буржуазии, правда, по различным мотивам. И в заключение вы получите не автономию, а груды развалин, как имеют ее армяне в Турции, как достигли ее дашнакчаканы в Турции»³⁸.

При этом большевиков особенно тревожил стремительный рост политического авторитета и популярности среди народных масс пар-

³⁶ М.Ə. Rəsulzadə. İstiqlal məkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.

³⁷ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008. С. 14.

³⁸ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

тии «Мусават». Эти успехи были настолько внушительными, что их вынуждены были признать даже самые непримиримые противники «Мусават» в лице большевиков. Как в этот период отмечал С.Г. Шаумян, «с самого начала самая слабая политическая партия в Закавказье – «Мусават», которая сорганизовалась во время Февральской революции, которая не имела никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года оказалась самой сильной политической партией в Закавказье»³⁹.

Но если для большевиков и солидарных с ними российских политических сил город Баку представлял лишь политический и экономический интерес, то для азербайджанских тюрков этот вопрос являлся не просто проблемой территориального приращения, а условием жизнеспособности зарождающейся нации. По существу, потеря Баку означала конец всего проекта формирования азербайджанской нации-государства. В этом смысле именно в Баку решался вопрос жизни и смерти формирующейся азербайджанской нации. По выражению М.Э. Расулзаде, «Баку был центром Азербайджанского национального движения, которое большевистская партия хотела уничтожить»⁴⁰.

По этой причине большевики решили нанести смертельный удар по национальным силам Азербайджана именно в Баку, развязав мартовские события 1918 года. При осуществлении своих преступных планов в отношении азербайджанских тюрков большевики опирались на полную поддержку дашнаков. Таким образом, отбросив в сторону все свои межпартийные распри и политические разногласия, эти две силы сформировали в Баку военно-политический союз, направленный своим острием против азербайджанских тюрков и их национальных идеалов.

Большевикам и их союзникам – дашнакам необходим был лишь удобный случай для развязывания вооруженной борьбы против азербайджанцев в Баку, который вскоре и представился. Им стал инцидент с пароходом «Эвелина», на котором 15 (27) марта 1918 года в Баку прибыли руководимые генералом Талышинским офицеры и солдаты т.н. «Татарского кавалерийского полка», укомплектованного

³⁹ Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. М., 1978. С. 291.

⁴⁰ Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. S. 33.

из числа азербайджанцев, принимавших участие в I мировой войне в составе «Дикой дивизии». Они намеревались участвовать на похоронах своего сослуживца, сына известного азербайджанского предпринимателя и мецената Г.З. Тагиева – Мамеда Тагиева, погибшего в результате неосторожного обращения с оружием.

После похорон своего сослуживца и оказания ему последних военных почестей, вечером 17 (29) марта 1918 года солдаты и офицеры дикой дивизии собирались на пароходе «Эвелина» отплыть обратно в Ленкорань, который находится в 270 км к югу от Баку, на берегу Каспийского моря. Однако, руководители Бакинского совета не разрешили капитану парохода «Эвелина» отойти от пристани, потребовав от них в течение 24 часов сдать оружие представителям Исполнительного комитета Бакинского совета⁴¹.

Разоружение азербайджанских военнослужащих, к тому же собирающихся отплыть в Ленкорань, вызвало справедливое возмущение азербайджанского населения Баку и его окрестностей, фактически беззащитного перед расквартированными в городе многотысячными вооруженными формированиями большевиков и партии «Дашнакцутюн».

И уже утром 18 (30) марта 1918 года в различных районах города стали возникать стихийные митинги протеста азербайджанцев, участники которых вполне обоснованно требовали возвращения конфискованного у азербайджанских военнослужащих оружия, или же одновременного разоружения находящихся в Баку армянских формирований.

Однако попытки представителей азербайджанской общественности добиться от Исполкома Бакинского совета возвращения конфискованного оружия не увенчались успехом. А. Джапаридзе, который по поручения Совета вел переговоры с азербайджанскими представителями, категорически отказался вернуть оружие⁴².

В подобной напряженной атмосфере, царящей в городе, было получено сообщение об обстреле отряда красноармейцев. Как впоследст-

⁴¹ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 25.

⁴² Сеф С.Е. Бакинский Октябрь // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 70.

вии выяснилось, обстрел конного отряда Красной Армии был совместно разработанной и осуществленной провокацией большевистско-дашнакского альянса, и провокационные выстрелы в сторону красноармейцев были произведены укрывшимися там армянскими солдатами.

Воспользовавшись этой провокацией, руководители Бакинского совета дали команду своим вооруженным формированиям незамедлительно начать крупномасштабную военную операцию в азербайджанских кварталах Баку. Собственное признание С.Г. Шаумяна свидетельствует о том, что большевикам нужен был лишь повод: «Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3–4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»⁴³.

Под предлогом борьбы с мусаватистами большевистско-дашнакские отряды фактически вели целенаправленное уничтожение мирного населения, жертвами которых только в Баку и его окрестностях стали более 12 тыс. мирных азербайджанцев⁴⁴. Начавшиеся вечером 18 (30) марта 1918 года, эти азербайджанские погромы в городе продолжались фактически в течение недели.

Мартовские события 1918 года были обусловлены стремлением большевистско-дашнакского альянса к полному уничтожению национальных сил во главе с партией «Мусават», ратовавших за создание азербайджанской нации-государства.

Между тем дальнейшее развитие событий в регионе показало, что массовое уничтожение мирных азербайджанцев в Баку и его окрестностях со стороны большевистско-дашнакских отрядов являлось лишь прелюдией более масштабной операции по выживанию азер-

⁴³ Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 246.

⁴⁴ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 32

байджанцев с их исконных земель на территории Бакинской губернии. Так, вслед за Баку, большевистско-дашнакскими силами были организованы азербайджанские погромы в Губинском, Шемахинском, Ленкоранском и некоторых других уездах Бакинской губернии. Всего в ходе этих событий весной 1918 года большевистско-дашнакскими отрядами в различных регионах Азербайджана были уничтожены примерно 30 тысячи мирных азербайджанцев⁴⁵.

Это было проявлением стремления руководства Бакинского совета к максимальному уменьшению численности азербайджанского населения на этих землях. Дело в том, что в этот период большевистские лидеры всерьез вынашивали планы по отторжению Баку и других прикаспийских территорий Бакинской губернии от Азербайджана, с последующим их включением в состав Российской Федерации. Они даже подготовили соответствующее идеологическое обоснование для реализации этого плана. Так, по мнению одного из большевистских лидеров – И.В. Сталина, в экономическом отношении Бакинский нефтяной район не имел ничего общего с остальной частью Азербайджана. Учитывая господство в марксистской идеологии экономического детерминизма, этим своим высказыванием И.В. Сталин фактически отказывался признать Баку и его окрестности составной частью Азербайджана. В этом вопросе с И.В. Сталиным были солидарны и другие большевистские лидеры, в частности, руководитель Бакинского совета С.Г. Шаумян.

Впрочем, ради справедливости следует признать, что в вопросе отторжения Баку от остальной части Азербайджана идентичную с большевиками позицию занимали их самые заклятые политические противники – меньшевики, эсеры, и даже кадеты. Именно представитель кадетской партии в Закавказском Сейме Ю.Ф. Семенов, обращаясь к членам мусаватской фракции, в угрожающей форме заявлял: «Баку вы не увидите. Объявите свою автономию, свою федерацию, но оставьте нам Баку, ибо от Москвы мы откажемся, но от Баку никогда не откажемся»⁴⁶. При этом представитель кадетской партии пытался представить узурпацию большевиками власти в Баку проявлением самоопреде-

⁴⁵ *Essad-Bey. Öl und Blut im Orient. Leipzig, 1929. S. 201.*

⁴⁶ *Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. С. 54.*

ления населения города. Согласно его логике, члены Сейма, «исходя из принципа самоопределения, должны были признать его за городом Баку, т.к. с чьей бы помощью ни было, но город Баку самоопределился, и вы должны это признать»⁴⁷.

По существу, речь шла о попытке большевиков не допустить создания на территории Закавказья политической единицы под названием Азербайджан, к чему так стремились национальные силы страны во главе с «Мусават».

Безусловно, поддерживав большевиков в ходе мартовских событий 1918 года, дашнаки при этом руководствовались собственными интересами, которые заключались в максимальном ослаблении азербайджанских тюрок накануне национально-территориального размежевания южно-кавказских народов. К тому времени дашнаки, осознавшие, что планы по созданию «армянской государственности» на территории Турции окончательно провалились, полностью переключились на реализацию этой идеи на Южном Кавказе.

Это привело к невиданной эскалации напряженности в азербайджано-армянских отношениях в регионе, поскольку как уже выше было отмечено, лидеры «Дашнакцутюн» планировали включить в состав будущего армянского государства на Южном Кавказе обширные азербайджанские земли. Реализация же данной идеи требовала осуществления за довольно короткий срок масштабных этнических чисток на территории Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерний с преимущественно азербайджанским населением. Тем самым дашнаки стремились максимально сузить территорию, на которой уже развертывались процессы формирования азербайджанской нации.

В этом контексте большевистская идея отторжения Баку и разгрома национальных сил Азербайджана была выгодна и партии «Дашнакцутюн», поскольку облегчала задачу реализации ее бредовых планов по созданию на Южном Кавказе «Великой Армении от моря до моря». С этой целью уже в начале 1918 года партия «Дашнакцутюн» приступила к осуществлению преступного плана по выживанию азербайджанских тюрок с их исконных земель на территории Эриванской губернии. В период с 17 по 21 февраля 1918 года регулярные армянские вооружен-

⁴⁷ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. С. 21.

ные формирования, используя артиллерию, стерли с лица земли в этой губернии 21 азербайджанских сел⁴⁸. В целом же, в период с начала 1917 года по март 1918 года в Эриванской губернии было разграблено и уничтожено 119 азербайджанских сел⁴⁹.

Данная карательная операция была составной частью политики «Дашнакцутюн» по этнической чистке территории Эриванской губернии от азербайджанских тюрков с последующим превращением этих исконно азербайджанских земель в центр армянской государственности на Южном Кавказе. Ведь по данным на 1 января 1916 года азербайджанские тюрки составляли примерно 40% населения Эриванской губернии. Причем, из семи уездов Эриванской губернии в четырех – Нахчыванском, Сурмалинском, Шаруро-Даралагезском и Зангезурском, армяне находились в численном меньшинстве⁵⁰. И путем этнических чисток дашнаки пытались изменить в свою пользу этнодемографическую ситуацию в этих уездах.

В случае реализации плана по расчленению этнической территории азербайджанских тюрков не осталась бы обделенной и грузинская сторона, претендовавшая на северо-восточные регионы Азербайджана – Шеки-Закатальскую зону. Поэтому вряд ли можно считать случайностью фактически созерцательную позицию грузинских лидеров Закавказского Сейма в отношении мартовских событий 1918 года в Баку и других регионах Азербайджана.

По существу, речь шла о попытке не допустить создания на территории Южного Кавказа политического образования под названием Азербайджан и тем самым, окончательно похоронить проект создания азербайджанской нации. Лишь благодаря самоотверженным действиям азербайджанских национальных сил удалось предотвратить реализацию этого замысла большевистско-дашнакского альянса.

Однако победа, одержанная большевистско-дашнакским альянсом в ходе мартовских событий 1918 года, оказалась пирровой. Большевикам так и не удалось достичь своей стратегической цели – обезглавить и раз-

⁴⁸ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 116.

⁴⁹ «Азербайджан». 1918. 25 сентября.

⁵⁰ Балаев А. Азербайджанские тюрки. Баку, 2010. С. 258.

громить Азербайджанское национальное движение. Наоборот, мартовские события 1918 года значительно усилили консолидационные процессы в Азербайджанском национальном движении. Оказавшись перед лицом реальной угрозы национальному существованию, азербайджанские депутаты Сейма из различных партийных фракций выступили единым фронтом в оценке сущности и последствий мартовских событий.

Проявлением этой тенденции стало достижение согласия о создании структуры под названием «объединенных заседаний азербайджанских фракций Сейма». Данная структура выполняла функции центра координации действий этих фракций в общенациональных вопросах. Это объединение стало прообразом будущего Национального Совета Азербайджана, объявившего независимость страны.

Создание подобной структуры не означало устранения в одночасье всех существующих разногласий между азербайджанскими фракциями, но с ее возникновением азербайджанские депутаты различной политической ориентации получили возможность оперативного и конструктивного обсуждения важнейших вопросов и принятия по ним согласованных решений.

Примечательно, что руководящим органом этого объединения по общему согласию всех азербайджанских партий был признан президентом фракции «Мусават» во главе с М.Э. Расулзаде⁵¹. Таким образом, М.Э. Расулзаде фактически превратился в общего лидера всех азербайджанских фракций Сейма.

Мартовские события 1918 года сыграли также ключевую роль в изменении стратегических целей Азербайджанского национального движения. После этих событий ведущая сила национального движения – партия «Мусават» взяла курс на полную государственную независимость Азербайджана, поскольку эта трагедия продемонстрировала всю иллюзорность надежд на преобразования России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство. Руководствуясь инстинктом самосохранения, и остальные азербайджанские партии вынуждены были поддержать эту линию «Мусавата». На этой почве произошло постепенное сближение позиций основных

⁵¹ Векилов Р. История возникновения Азербайджанской Республики // Хазар. 1990. № 2. С. 111.

азербайджанских политических партий относительно перспектив и целей развития национального движения.

В этом смысле мартовская трагедия сыграла роль катализатора в процессе нациестроительства в Азербайджане. Как писал Эрнст Ренан: «Общее горе объединяет больше, чем радость. Когда речь идет о национальной памяти, страдания ценнее триумфов, потому что они налагают на всех обязательства и требуют общих усилий. Поэтому нация - это широкая солидарность, основанная на памяти о жертвах, принесенных в прошлом, и готовности принести их в будущем»⁵².

Мартовские события 1918 года способствовали ускорению процесса формирования национального самосознания и усилили политическую мобилизацию масс вокруг национальных идеалов. В силу этого трудно не согласиться с американским исследователем М. Смитом, который рассматривает мартовские события 1918 года «огненным крещением» азербайджанской нации, и «ее рождением в трагедии»⁵³. По его мнению, именно «эти события обозначили поворотный момент, некий якорь во времени, обеспечивший вес и напряжение, необходимые для политической легитимности и демократического суверенитета» Азербайджана⁵⁴.

Серьезный политический кризис, парализовавший Сейм, лишь ускорил процесс создания национального государства азербайджанских турков. Дело в том, что созерцательная позиция Сейма в отношении мартовских событий окончательно подорвала доверие азербайджанцев к нему. Сейм не пользовался особым авторитетом и у грузинских и армянских политиков. Ситуацию не спасло даже провозглашение 22 апреля 1918 года независимости Закавказской федеративной республики, на котором с самого начала деятельности Сейма настаивала фракция «Мусават».

Характерно, что, говоря о необходимости объявления независимости Закавказья, М.Э. Расулзаде отмечал, что этот шаг является не отделением от демократической России, а отделением от русских штыков в лице большевиков. По его словам, «когда все народы мно-

⁵² Ренан Э. Что такое нация? // Э. Ренан. Собрание сочинений. Т. 6. Киев, 1902. С. 101.

⁵³ Смит М. Память об утраках и азербайджанское самосознание // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001. С. 93.

⁵⁴ Там же.

гонациональной России хотели решить свою судьбу совместно с Россией, то эта Россия и российская демократия очутились в таком положении, что принципы и идеалы демократии не получили должной санкции, и вместо свободы мы видим в России анархию и развал. И те великие лозунги революции, которые обещали всем народам свободно самоопределиться, эти лозунги самоопределения превратились в другой лозунг – самоопределение, но по приказанию и по повелению центра»⁵⁵.

В результате объявленная Февральской революцией свобода, по мнению М.Э. Расулзаде, «оказалась в руках узурпаторов, называющих себя демократами, и приняла форму порабощения»⁵⁶. В этой ситуации народы Кавказа столкнулись с реальной опасностью, когда «анархия может вылиться в форму централистской России, и будут торжествовать не принципы демократии, а принципы империализма»⁵⁷. Именно по этой причине мусаватисты считали, что для свободного развития демократии в регионе, Южный Кавказ должен быть самостоятельным. Для того чтобы «закавказские народы могли жить солидарно, и могли воспользоваться дарами свобод, приобретенных революцией, необходимо объявить независимость Закавказья», – констатировал М.Э. Расулзаде⁵⁸.

Следует отметить, что для «Мусавата» идея независимости Южного Кавказа была не самоцелью, а практическим шагом в направлении создания азербайджанской государственности. Хотя по своей идеологии и программе партия «Мусават» являлась национальной партией, но она никогда не отрицала реальность объединения кавказских народов в одно политическое целое. Более того, мусаватисты в тот момент были активными поборниками конфедеративной формы устройства кавказского государства. По их замыслу, Кавказ должен был стать союзом независимых государств, объединившихся для координации своих действий в определенных областях и в первую очередь во внешнеполитической и военной сфере.

⁵⁵ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 9.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 10.

⁵⁸ Там же.

Именно по инициативе лидера «Мусавата» М.Э. Расулзаде 3 мая 1918 года на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций было принято решение «поддерживать идею конфедерации Грузии, Армении и Азербайджана вместе с Северным Кавказом», причем, Азербайджан и Северный Кавказ должны были «федерировать между собой»⁵⁹.

Впрочем, в тот период грузинские и армянские представители в Сейме не проявили особой заинтересованности в реализации идеи Кавказской конфедерации, что еще больше усилило дезинтеграционные процессы в регионе. В подобной ситуации Сейм окончательно потерял контроль над происходившими в регионе процессами.

Как отмечал один из очевидцев тех событий «пусто, скучно, ничемно, почти жутко было в зале заседаний Сейма в эти трагические для Закавказья дни. Чувствовалось уже, что все происходившее в Сейме происходит так себе, как бы от нечего делать, что о главном, о волнующем все равно говорить здесь не будут, что главное происходит там, за кулисами, у каждой партии, у каждой группы по своему, без возможности что-либо делать сообща»⁶⁰.

Несовпадение национальных устремлений народов региона, и как следствие отсутствие единой сплачивающей цели делали невозможным их совместное существование в рамках единого государства. И 26 мая 1918 года было принято решение о самороспуске этой структуры, санкционировавшее национально-государственное размежевание закавказских народов. Как верно заметил представитель Грузинской национальной демократической партии Г.В. Гвазава, «...настал день национальной организации, ибо все остальные организации – чистая химера»⁶¹.

⁵⁹ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

⁶⁰ Ставровский А. Закавказье после Октября. М.; Л., 1925. С. 49.

⁶¹ Там же. С. 83.

§2. Нациестроительство в период Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920)

Роспуск Закавказского Сейма и провозглашение 28 мая 1918 года государственной независимости Азербайджана создали качественно новую ситуацию в процессе формирования азербайджанской нации. Как отмечает Э. Геллнер, для окончательного формирования нации «требуется, чтобы политические и национальные единицы совпадали, а управляемые и управляющие принадлежали к одному этносу»⁶². Другими словами, создание собственного государства является обязательным условием формирования нации.

Эту истину прекрасно осознавали и азербайджанские лидеры. В одной из своих публикаций М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «народ превращается в нацию лишь в тот момент, когда демонстрирует свою решимость создать государство и настаивает на этом»⁶³. По его мнению, «азербайджанское общество продемонстрировало свою волю стать нацией в современном смысле этого слова 28 мая – с провозглашением независимости и принятием соответствующей декларации»⁶⁴.

Азербайджанская Демократическая Республика была первым национальным государством в истории всего мусульманского Востока, поскольку «все другие государства тюркского происхождения в своем возникновении базировались главным образом на религиозной основе, тогда как Азербайджанская Республика основывается на современной базе национально-культурного самоопределения, на почве тюркской национально-демократической государственности»⁶⁵.

Чтобы по достоинству оценить это событие, следует учесть, что до 28 мая 1918 года не существовало отдельной, общепризнанной национально-административной и социально-политической единицы под названием «Азербайджан». В этом контексте М.Э. Расулзаде вполне справедливо отмечал, что лишь «обнародовав Декларацию 28 мая 1918 года, Национальный Совет Азербайджана подтвердил су-

⁶² Gellner E. Nation and Nationalism. Oxford, 1993. P. 11.

⁶³ Resulzade M.E. Milli Təsanüd. S. 25.

⁶⁴ A.g.e. S. 18.

⁶⁵ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

ществование азербайджанской нации в политическом смысле этого слова. Тем самым понятие «Азербайджан» из географического, этнографического и лингвистического превратилось в политическое определение»⁶⁶. Данное обстоятельство оказало стимулирующее воздействие на процессы нациестроительства в Азербайджане.

Таким образом, с созданием АДР впервые в этнической истории азербайджанских тюрков произошло совпадение политической и национальной единицы, что является неперенным условием формирования нации. Ведь именно национальное государство является самой эффективной политической единицей, способной вызвать и сохранить чувство общности и солидарности, составляющее суть нации в современном понимании этого слова.

Роль государства в этом процессе заключается в том, что оно «участвует в объединении культурного рынка, унифицируя все коды: правовой, языковой, и проводя гомогенизацию форм коммуникации. С помощью систем классификации, вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, государство формирует ментальные структуры и навязывает гражданам общие принципы видения и деления, т.е. формы мышления. Тем самым, они принимают участие в построении того, что обычно называют национальной идентичностью (или более традиционным языком – национальным характером)»⁶⁷, составляющей стержень любой нации.

Исходя из этого постулата, с полным основанием можно утверждать, что именно с созданием 28 мая 1918 года национального государства начался решающий этап нациестроительства в Азербайджане. При этом многочисленные проблемы нациестроительства предстояло решать в довольно сложной обстановке, поскольку не только внешнеполитические факторы, но и внутренняя ситуация в стране отнюдь не благоприятствовала формированию азербайджанской нации-государства. В первую очередь это было связано с тем, что независимость была провозглашена за пределами Азербайджана.

⁶⁶ «İstiklal». 1933. 28 may.

⁶⁷ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. СПб., 1999. С. 134.

И для наполнения государственной независимости реальным содержанием еще предстояло обеспечить переезд национального правительства из Тифлиса в пределы страны и установить его юрисдикцию над всей территорией Азербайджана, значительная часть которого, включая столицу Баку, в то время находилась под контролем большевистских сил.

Необходимо было также ликвидировать очаги сепаратизма в различных регионах Азербайджана, угрожающих самому существованию молодой республики, создать дееспособную систему государственной власти, призванную решить первоочередные задачи национального возрождения, приступить к военному строительству с целью создания национальной армии, способной защитить страну от внешних угроз. И самое главное - национальному правительству предстояло добиться признания независимости Азербайджана со стороны мирового сообщества и в первую очередь союзных держав.

Решение всех этих многочисленных проблем составляло основное содержание деятельности национальных сил после провозглашения независимости Азербайджана 28 мая 1918 года. И М.Э. Расулзаде как лидер национального движения непосредственно руководил процессом становления и упрочения нации-государства азербайджанских тюрков. Первоочередной задачей азербайджанских лидеров в тех непростых условиях была нейтрализация большевистской угрозы. Власть в Бакинской губернии по-прежнему находилась в руках большевиков, которые вовсе не собирались отказываться от планов по уничтожению национального движения азербайджанских тюрков и расчленения азербайджанских земель.

К сожалению, большевики не были одиноки в своем неприятии идеи азербайджанской государственности. Представители некоторых соседних государств, мягко говоря, с раздражением восприняли провозглашение независимости Азербайджана. В частности, правящие круги соседней Персии считали Азербайджан частью исторического Ирана, а азербайджанцев отуреченными персами. Как вспоминал М.Э. Расулзаде, будучи летом 1918 года в Стамбуле, он отправил в персидское консульство текст декларации об объявлении независимости Азербайджана. Сотрудники консульства, положив все эти документы в один пакет, вернули их обратно с сопроводительным

письмом, в котором подчеркивалось, что иранское правительство не признает независимого государства под названием Азербайджан. Одновременно в МИД Азербайджана была направлена нота протеста иранской стороны с утверждением, что территория Азербайджанской Республики якобы составляет неотъемлемую часть Персии⁶⁸.

Характерно, что в то время аналогичной позиции придерживались не только правящие круги Ирана, но и многие азербайджанцы, проживающие в этой стране. Например, один из соратников М.Э. Расулзаде по Конституционной революции в Иране – С.Г. Тагизаде, руководствуясь принципами персидского патриотизма, высказывал свое недовольство политикой Азербайджанского правительства, направленной на создание самостоятельной государственности азербайджанских тюрков. Даже С.Дж. Пишевари, впоследствии ставший лидером национального движения иранских азербайджанцев во время Второй мировой войны, в 1918 году придерживался позиции неприятия независимости Азербайджана, также считая его исторической областью Ирана⁶⁹.

Следует отметить, что в начальный период своего существования Азербайджанская Республика сталкивалась не только с серьезными внешними угрозами, но и внутренними проблемами. Ведь провозглашение независимости Азербайджана еще не означало завершение принципиального противостояния между представителями двух противоположных направлений национального развития, сторонниками и противниками утверждения самобытной азербайджанской идентичности.

Противниками создания азербайджанской государственности и, следовательно самобытной национальной идентичности выступали т.н. «илхагисты» - сторонники присоединения Азербайджана к Турции. Основной костяк «илхагистов» составляли буржуазно-помещичьи и клерикальные круги Азербайджана. При этом «илхагистов» тревожила не столько сама идея независимости Азербайджана как таковая, сколько планы национальных сил по кардинальной модернизации азербайджанского общества на основе национальных идей

⁶⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика: Документы и материалы. Баку, 1998. С. 70.

⁶⁹ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

и демократических ценностей. Призывы членов Национального Совета к скорейшей реализации широких демократических свобод, необходимости отделения церкви от государства, проведению аграрной реформы, предоставлению женщинам равных с мужчинами гражданских прав и др. не без основания рассматривались этими кругами прямой угрозой своим привилегиям.

«Илхажисты» особенно были встревожены секуляристскими взглядами азербайджанских лидеров. Они прекрасно осознавали, что реализация национальных идей, приверженцами которых являлись азербайджанские лидеры, неминуемо приведет к снижению роли религии в азербайджанском обществе, и в конечном итоге, к примату национального компонента над конфессиональным в самосознании азербайджанских тюрок. Естественно, что подобная перспектива противоречила интересам клерикальных кругов. Они видели выход из ситуации в слиянии Азербайджана с Турцией, в общественно-политической жизни которой религия все еще продолжала играть существенную роль.

Идея вхождения Азербайджана в состав Османской империи была привлекательной и для определенной части азербайджанской буржуазии и помещиков, относившихся к идее независимости если не враждебно, то по крайней мере с большой подозрительностью. Так, крупные землевладельцы были обеспокоены планами земельной реформы «Мусавата». Они, как и часть азербайджанской торгово-промышленной буржуазии, рассматривали Османскую империю гарантом неприкосновенности своего социального и материального положения в обществе.

В силу этих причин для определенной части азербайджанской буржуазии, помещиков и духовенства национальные силы и созданное им правительство являлись слишком революционными и радикальными. Путем слияния Азербайджана с Турцией они пытались помешать осуществлению этих планов национальных сил. Как впоследствии подчеркивал М.Э. Расулзаде, «турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул»⁷⁰.

Следует учесть, что уставшее от бесчинств большевистско-дашнакских банд мирное азербайджанское население жаждало силы,

⁷⁰ «Азербайджан». 1919. 12 февраля.

способной восстановить спокойствие и порядок в стране. При этом многие азербайджанцы осознавали, что собственными силами не удастся пресечь господствующую в стране анархию и хаос. В этом отношении они возлагали особые надежды на помощь Османской империи. Появление в начале июня 1918 года в Гяндже 300 турецких солдат во главе с Нури-паши и восстановление ими за относительно короткий срок должного правопорядка в городе еще больше усилили авторитет и популярность османских турок среди азербайджанского населения. Это обстоятельство также способствовало укреплению позиции «илхагистов» среди населения.

«Илхагисты» развернули масштабную кампанию среди населения против Национального Совета, не брезгуя при этом никакими средствами. Так, приверженность Национального Совета к идее азербайджанской независимости «илхагисты» объясняли тем, что руководители этой структуры якобы продались армянам и не желают прихода турецких войск в Азербайджан⁷¹. В условиях, когда протурецкие настроения в Азербайджане были в своем апогее, подобная «пропаганда» находила определенный отклик у наиболее отсталой части населения, недостаточно проинформированной о деятельности Национального Совета.

Характерно, что еще задолго до объявления независимости Азербайджана, в период существования Закавказского Сейма, «илхагисты» направили своих многочисленных эмиссаров в Трапезунд, Батум и Стамбул, где проходили переговоры между Турцией и закавказской делегацией, чтобы убедить турецких представителей в необходимости вхождения Азербайджана в состав Османской империи⁷².

В своих воспоминаниях Р. Векилов по этому поводу отмечал, что «с первых же дней открытия мирных переговоров с Турцией, сепаратные делегации от азербайджанского населения наводнили сперва Трапезунд, потом Батум и Стамбул, выставя свой пресловутый лозунг «илхаг»⁷³.

Одновременно эмиссары «илхагистов», используя религиозный

⁷¹ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

⁷² «Elm». 1992. 17 yanvar.

⁷³ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

фактор, вели активную кампанию дискредитации национальных сил Азербайджана на страницах турецкой печати. Дело в том, что подавляющее большинство азербайджанских тюрок являются шиитами, в то время как османские турки в основном принадлежат к суннитскому течению ислама. Спекулируя на этом факте, представители «илхагистов» через турецкую прессу распространяли слухи о якобы притеснении суннитов в Азербайджане со стороны шиитов, захвативших все ключевые посты в национальном правительстве. Они утверждали, что среди правительственных лиц Азербайджана нет ни одного суннита. С подобным доносом они даже обратились к главе турецкого правительства⁷⁴.

Отсутствие традиций государственности, низкий уровень национального и политического сознания у значительной части населения, а также имидж османских тюрок как «спасителей» Азербайджана являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности «илхагистов». При этом определенная часть «илхагистов» искренне полагала, что «азербайджанцы не в состоянии создать и управлять самостоятельным государством. Поэтому они были убеждены в том, что в этой ситуации нет ничего предосудительного в нахождении двух братских тюркских народов под одним государственным управлением»⁷⁵, с перспективой полной интеграции азербайджанских тюрок в состав турко-османской нации.

Положение сторонников азербайджанской независимости еще больше осложнялось тем обстоятельством, что «илхагисты» пользовались полной поддержкой командующего турецкими войсками в Азербайджане Нури-паши. Это было обусловлено близостью их политических взглядов относительно перспектив национального развития Азербайджана. Для тогдашних правящих кругов Османской империи была абсолютно неприемлемой приверженность азербайджанских лидеров к демократическим идеалам российской революции и светской модели государства. Кроме того, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Нури-паша был братом по отцу одного из наиболее радикально настроенных в отношении так называемых «восточ-

⁷⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 7.

⁷⁵ «Elm». 1992. 17 yanvar.

ных территорий» турецких руководителей – Энвер-паши и активным проводником в жизнь его политической программы, предусматривающей интеграцию всех тюркских народов Кавказа и Средней Азии в состав Османской империи.

О намерениях и планах Энвер-паши в отношении этих тюркских регионов свидетельствует его телеграмма от 16 сентября 1918 года, отправленная Нури-паша в связи с освобождением национальными силами при поддержке турецких войск столицы Азербайджана - Баку от войск т.н. «Диктатуры Центрокаспия» и англичан. Поздравляя Нуру-паша с этим событием, Энвер-паша, в частности, отмечал, что «с большой радостью встретил известие об овладении Баку, этого богатейшего региона Великой Туранской империи на берегу Каспия»⁷⁶.

В этом контексте поддержку, оказанную со стороны Нури-паши «илхагистам» вряд ли можно объяснить тенденциозной информированностью турецкого генерала, как это утверждают некоторые исследователи, пытаясь из добрых побуждений сглаживать естественные противоречия между Азербайджаном и Турцией в тот период. По нашему мнению, поддержка Нури-паши «илхагистов» исходила из самой сути тогдашней политики правящих кругов Турции в отношении тюркских народов, в том числе Азербайджана.

Еще в марте 1918 года в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией в подобию Австро-Венгрии. Естественно, что подобное предложение было отвергнуто азербайджанскими представителями, поскольку фактически означало аннексию Азербайджана со стороны Турции⁷⁷.

Азербайджанские лидеры ясно отдавали себе отчет в том, что без поддержки стратегического союзника им не удастся реализовать идею азербайджанской независимости. И только с помощью дружественной внешней силы можно было спасти азербайджанский народ от разрушающей анархии и дашнакско-большевистской угрозы. В сложившихся в то время условиях таким стратегическим союзником могла стать лишь Турция.

⁷⁶ *Görürülmaz M. Türk Qafqaz İslam ordusu və ermənilər* (1918). Bakı, 2009. S. 237.

⁷⁷ *Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг.* С. 208.

Но в отличие от «илхагистов» руководители Национального Совета не собирались взамен даже этой жизненно необходимой в тот момент помощи жертвовать азербайджанской независимостью. Для М.Э. Расулзаде и его соратников идея азербайджанской независимости была не преходящей идеей и не предметом политического торга, они защищали ее от любых посягательств, откуда бы это ни исходило.

Подтверждением тому являются слова Н. Усуббекова, одного из наиболее последовательных сторонников утверждения азербайджанской национальной идентичности, который перед мирной конференцией в Батуме говорил: «Анархия столь грандиозного размера, которая имеется не только у нас, у азербайджанских тюрков, но и на всей территории Закавказья, не может быть подавлена нашими собственными силами; положение еще больше усугубляется тем, что с востока наступают большевики в союзе с нашими вековыми врагами, неся с собою разорение и окончательную гибель тюркскому народу. При таком положении вещей, при такой нашей беззащитности нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться тому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила – Турция... Настало время, когда наша делегация должна идти в Батум и от имени тюрков Восточного Закавказья просить помощи у Османской империи. Но при всем этом никогда не надо упускать из виду идею самостоятельного существования свободного Азербайджана»⁷⁸.

Как бы то ни было, переехав 16 июня 1918 года из Тифлиса в Гянджу, Национальный Совет и Азербайджанское правительство сразу же натолкнулись на крайне враждебное отношение Нури-паши. Обладавший реальной властью в городе Нури-паша публично выразил недоверие Национальному Совету и сформированному им правительству, тем самым спровоцировав серьезный политический кризис.

Попытки делегации Национального Совета и правительства Азербайджана в составе М.Э. Расулзаде, Ф. Хойского и М.Г. Гаджинского обсудить с Нури-пашой возможные пути выхода из создавшейся ситуации потерпели провал. Нури-паша высокомерно отказался даже выслушать азербай-

⁷⁸ Ставровский А. Закавказье после Октября. С. 50–51.

джанских лидеров под тем предлогом, что «он солдат и в политике не разбирается», и направил их к своему советнику по гражданским делам Ахмед беку Агаоглу.

Фактически на карту было поставлено само существование независимого Азербайджана. Тем более что начало переговоров азербайджанских лидеров с А. Агаоглу также не предвещало ничего оптимистичного для сторонников сохранения государственной независимости Азербайджана. Будучи убежденным сторонником тюркского единства, подразумевающее создание единой тюркской нации и государственности, А. Агаоглу больше всего опасался раздробления тюркского мира на отдельные самостоятельные государства.

В этом смысле А. Агаоглу являлся ярким поборником идеи вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Он считал, что идея М.Э. Расулзаде и мусаватистов о создании независимой азербайджанской государственности не имеет абсолютно никаких шансов на реализацию⁷⁹. Но это вряд ли дает основание обвинить А. Агаоглу в недостатке, или отсутствии патриотизма. Это было бы кощунством в отношении человека, посвятившего всю свою сознательную жизнь бескорыстному служению родному народу. Просто в реалиях того времени планы по созданию национальной государственности азербайджанских тюрков в регионе, где сталкивались стратегические интересы трех крупных империй – Российской, Османской и Иранской, каждая из которых считала Южный Кавказ собственной вотчиной, действительно выглядели фантастическими. Исходя из этого, А. Агаоглу предлагал более реальный и выполнимый вариант – интеграцию азербайджанских тюрков в состав Османского государства.

В более широком контексте эти разногласия между азербайджанскими лидерами и «илхагистами», несомненно, были проявлением борьбы между сторонниками двух типов идентичности - «общетюркского» и «азербайджанского».

Придерживаясь принципиальной позиции в вопросе государственной независимости Азербайджана и будучи приверженцем азербайджанской национальной идентичности, М.Э. Расулзаде в категоричной форме выступил против планов «илхагистов» относительно

⁷⁹ *Özcan U. Ahmet Ağaoğlu ve rol değışikliyi. S. 133.*

вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Одновременно он был сторонником поиска компромиссных вариантов с целью недопущения дальнейшего разрастания конфронтации между Национальным Советом Азербайджана и Нури-пашой, поскольку прекрасно осознавал катастрофические последствия подобного развития ситуации для национальных интересов азербайджанских тюрок.

Однако, все предложенные азербайджанскими лидерами компромиссные варианты были отвергнуты Нури-пашой, который стремился к единоличной власти в Азербайджане. Поэтому он добивался полной ликвидации Национального Совета. Отсутствие у А. Агаоглу всякого желания искать взаимоприемлемый выход из ситуации вынудило азербайджанских лидеров поставить вопрос ребром: «На каких условиях Нури-паша согласится поддержать Азербайджанское правительство?». На это последовал такой же прямой ответ А. Агаоглу, смысл которого заключался в том, что необходимо распустить Национальный Совет, чтобы Нури-паша получил возможность по своему усмотрению организовать новое правительство⁸⁰. Нетрудно было догадаться, что правительство Нури-паши состояло бы из «бывших придворных служителей русского царизма и шейхуль-ислама»⁸¹, то есть исключительно из противников азербайджанской независимости. Естественно, что данное предложение было отвергнуто азербайджанскими лидерами.

В этой ситуации лишь твердость и прагматизм М.Э. Расулзаде и других руководителей Национального Совета, сочетавшиеся с их готовностью пойти на разумные компромиссы, не затрагивающие фундаментальные принципы государственной независимости, позволили с наименьшими потерями выйти из острейшего политического кризиса.

В частности, отрезвляющее воздействие на турецких представителей оказало предупреждение азербайджанских лидеров о том, что в случае насильственного разгона Национального Совета и образования нового правительства Азербайджана под непосредственным руководством Нури-паши Турции не избежать осложнений на международ-

⁸⁰ *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkəti. S. 99.

⁸¹ *Musayev İ.* Azərbaycanın Naxçıvan və Zəngəzur bölgələrində siyasi vəziyyət və xarici dövlətlərin siyasəti (1917-1921-ci illər). Bakı, 1996. S. 99.

ной арене. Ведь фактическая аннексия Азербайджана противоречила международным обязательствам Турции как перед своими союзниками по Первой мировой войне, так и перед Россией по Брест-Литовскому договору. В итоге турецким представителям все же пришлось пойти на компромисс с Национальным Советом Азербайджана.

17 июня 1918 года с целью обсуждения сложившейся ситуации на свое экстренное заседание собрался Национальный Совет Азербайджана. Открывая заседание, М.Э. Расулзаде выразил надежду, что члены Национального Совета «при принятии решения будут руководствоваться интересами Родины и нации, и этим докажут свой патриотизм»⁸².

Подчеркивая сложность ситуации, он предупредил, что «азербайджанский идеал, рожденный вследствие мировой войны и российской революции и делающий первые шаги на арене политической жизни, переживает невыразимо важные минуты. Дойдет ли это новорожденное тюркское политическое дитя до совершеннолетия, займет ли место в ряду других наций или погибнет как хилый ребенок? Вот момент, когда на долю лиц, взявших в свои руки судьбу Азербайджана, выпадает самый трудный, но вместе с тем самый важный долг – не дать погибнуть новорожденному Азербайджану»⁸³.

Таким образом, даже в такой критической ситуации М.Э. Расулзаде ставил во главу угла задачу сохранения азербайджанской независимости. И особо следует отметить, что в этом вопросе он получил поддержку абсолютного большинства членов Национального Совета. Однако в противостоянии с Нури-пашой соотношение сил было явно не в пользу Национального Совета Азербайджана, что делало неизбежным определенные уступки со стороны последнего.

Национальный Совет действительно стоял перед трудноразрешимой дилеммой: полностью самоустраниться от управления страной, уступив дорогу «илхажистам», результатом чего стала бы полная потеря государственной независимости Азербайджана, или же, придерживаясь тактики компромиссов и даже жертвуя определенной частью суверенитета страны, все же не позволить «илхажистам» и стоящим за ними силам полностью монополизировать государственную власть, тем самым

⁸² ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

⁸³ Там же. Л. 61.

сохранив перспективу демократического и независимого развития Азербайджана, а также возможность повсеместного утверждения самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков.

В этой непростой ситуации лишь взвешенная и прагматичная позиция М.Э.Расулзаде и Н.Усуббекова, а также их скоординированные действия позволили склонить членов Национального Совета к принятию компромиссного решения. По предложению Н. Усуббекова участники заседания единогласно проголосовали за отставку кабинета Ф. Хойского и поручили председателю Национального Совета М.Э. Расулзаде выдвинуть кандидатуру, ответственную за формирование нового правительства.

Формирование нового кабинета председатель Национального Совета М.Э. Расулзаде вновь поручил Ф. Хойскому. Затем Национальный Совет принял постановление о правах и обязанностях правительства Ф. Хойского. Согласно этому документу правительство не имело «права отменить государственную независимость и существующие политические свободы, а также изменить революционные законы по аграрному и другим подобным важным вопросам». Постановление также обязывало правительство Ф. Хойского принять незамедлительные меры с целью созыва Учредительного собрания Азербайджана в течение ближайших шести месяцев. В остальных вопросах управления государством правительство имело полную свободу действий⁸⁴. После этого, передав «всю полноту власти образованному под председательством Ф. Хойского правительству», Национальный Совет принял решение о своем роспуске⁸⁵.

В своей заключительной речи на заседании М.Э. Расулзаде признал, что «уход со сцены Национального Совета, являвшегося хотя бы отчасти народным представительством во временной столице Азербайджана – г. Гяндже, несомненно, должен считаться отступлением демократии и успехом реакционных сил». Тем не менее он призвал членов Национального совета не отчаиваться и не терять оптимизма.

В завершение своего выступления, обращаясь к членам Национального Совета, М.Э. Расулзаде сказал: «Не забудем, что историче-

⁸⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 149. Л. 89.

⁸⁵ Там же.

ский момент благоприятствует нашим национальным идеалам. И будем надеяться, что скоро увидимся в столице Азербайджана – Баку, в Учредительном собрании. Да здравствует Азербайджан! Да здравствует тюркский народ!»⁸⁶ Как показало дальнейшее развитие событий, эти слова М.Э. Расулзаде оказались поистине пророческими.

Таким образом, в борьбе с «илхагистами» Национальному Совету удалось, хотя и в значительно ограниченной форме, сохранить государственную независимость и перспективу самостоятельного национального развития Азербайджана. Ради этого члены Национального Совета фактически добровольно отказались от политической власти, приняв решение о своем самороспуске. Тем самым они наглядно продемонстрировали, что национальные интересы для них выше всяких личных амбиций.

Июньский кризис 1918 года был обусловлен не только противостоянием двух различных политических течений с собственным видением перспектив государственного развития Азербайджана, но и столкновением двух взаимоисключающих проектов нациестроительства. Это был выбор между интеграцией в состав турко-османской нации и формированием собственной национальной идентичности у азербайджанских тюрков. В этом столкновении двух различных направлений руководители Национального Совета во главе с М.Э. Расулзаде сделали однозначный выбор в пользу создания азербайджанской нации-государства. Это имело судьбоносное значение для дальнейшего национального развития азербайджанских тюрков.

Этот выбор азербайджанских лидеров и в первую очередь М.Э. Расулзаде был обусловлен их скептическим отношением к «романтическому пантуранизму». Представители этого течения «одно кровное родство тюркских народов, некоторую общность их языков, а также их религиозное однородство считали доказательством принадлежности всех тюркских народов к единой нации. И стремились при удобной политической комбинации создать единое турецкое государство»⁸⁷.

Не отрицая прогрессивную историческую роль «романтического пантуранизма» в ослаблении позиций религиозно-исламской идеоло-

⁸⁶ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

⁸⁷ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 70.

гии в тюркском мире и в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни, М.Э. Расулзаде, тем не менее, считал эту идею «утопией, не имеющей под собой реальной почвы»⁸⁸. Для азербайджанских лидеров идеология «романтического пантуранизма» была уже пройденным этапом. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, эта идеология особенно не привлекала азербайджанских лидеров, поскольку «при развивающейся демократической структуре нового азербайджанского общества, возникающего на развалинах феодального средневековья, движение с явно противоположными тенденциями, конечно, не могло иметь успеха»⁸⁹.

М.Э. Расулзаде исходил из того, что «единой тюркской нации нет, а существуют только нации тюркской расы»⁹⁰. Как он отмечал, азербайджанские лидеры «добивались прежде всего освобождения отдельных тюркских народов в виде отдельных независимых государств»⁹¹. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «романтического, политического «пантуранизма» уже нет, а есть только «тюркизм», преследующий исключительно реальные и конкретно-национальные цели». Это означало, что «оставаясь в пределах своей национальной политики и прежде всего базируясь на свои собственные силы, сохранить свое существование и работать над благодеянием собственного народа», а не подвергать его «разорению в погоне за несбыточной и утопичной мечтой, которой является создание единого государства всех тюркских народов»⁹².

М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «национальное самосознание тюркских народов от расовой идеологии переходит на идеологию национальную»⁹³. По его словам, «подобно славянским народам, которые, воодушевившись панславизмом, затем национально осознавши себя, стремились к свободе и независимости и ныне являются вполне самостоятельными, азербайджанский народ, в свое время объективно воодушевившись революционизирующей идеей пантуранизма, субъективно пришел к идее защиты своего национального бытия»⁹⁴.

⁸⁸ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 71.

⁸⁹ Там же. С. 70-71.

⁹⁰ Там же. С. 49.

⁹¹ Там же. С. 70.

⁹² Там же. С. 53.

⁹³ Там же. С. 79.

⁹⁴ Там же. С. 81.

М.Э. Расулзаде предлагал строить отношения между тюркскими народами не на основе их этнического родства, а на базе интересов каждого народа. В его трактовке лишь наличие общих интересов в борьбе за национальное освобождение и стремление консолидировать силы тюркских народов в этой борьбе, а не идея единого тюркского государства составляло содержание «тюркского единства». Таким образом, речь шла о налаживании сотрудничества и взаимопомощи тюркских народов в борьбе за реальные и конкретные национальные идеалы.

Обращаясь к недавней истории славянских народов, М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что идея о славянском объединении вовсе не стала помехой для образования независимых славянских государств. Поэтому он считал, что идеи пантуранизма не могут стать препятствием на пути создания отдельных тюркских государств.

М.Э. Расулзаде ратовал за освобождение конкретных тюркских народов и создание их национальной государственности, а не за объединение их в едином государстве. По мнению М.Э. Расулзаде, идеи «романтического пантуранизма» сохранили свою ценность лишь в области культуры, в борьбе за сохранение культурного наследия тюркских народов⁹⁵. Он признавал тюркизм не как политическое, а как «научно-философско-эстетическое течение», являющееся методом борьбы за культурное объединение тюркских народов. «Мы – народники в политике, тюркисты в культуре!», – заявлял М.Э. Расулзаде⁹⁶.

Характерно, что подобная концепция азербайджанских деятелей и их приверженность к идее «независимого Азербайджана» воспринималась определенными политическими кругами Османской империи чуть ли не показателем враждебного отношения азербайджанской политической элиты к «интересам Турции и тюркского единства»⁹⁷. Одна из турецких газет того времени с тревогой писала, что «в Азербайджане появились партии либеральная и консервативная, но не появилась партия присоединения к Турции»⁹⁸.

⁹⁵ М.Э. Расулзаде. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 26.

⁹⁶ Там же. С. 47.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Там же. С. 72.

В этой ситуации азербайджанским лидерам приходилось доказывать, что лозунг независимого Азербайджана не противоречит интересам Турции. Тем не менее подобная пропаганда посредством СМИ не могла не вызывать у определенной части турецкого общества негативного отношения к лидерам АДР. И эти настроения впоследствии сыграли не последнюю роль в большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года, чему в немалой степени содействовали некоторые круги в правящей элите Турции.

В борьбе с «илхагистами» политические лидеры Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде поставили во главу угла национальные интересы азербайджанских тюрков, не дав своим политическим оппонентам возможности реализовать планы по присоединению Азербайджана к Османской империи.

Впрочем, ликвидация июньского кризиса 1918 года вовсе не означала завершения противостояния последователей двух проектов нацистроительства. Оно лишь приобрело более скрытую форму. Тем более что этот кризис привел к усилению позиций «илхагистов» во внутривнутриполитической жизни Азербайджана. После июньских событий они начали применять тактику выхолащивания самой сути идеи независимости. Для этого «илхагисты» использовали различные средства – от попыток реанимации доминирующей роли религии в азербайджанском обществе до удаления из страны наиболее авторитетных лидеров национального движения.

В частности, речь идет о представлении шейхуль-исламу права участия в заседаниях правительства с решающим голосом. Кроме того, создание министерства религиозных дел противоречило принципу разделения церкви и государства и стало серьезным ударом по светской модели государства, о приверженности которой неоднократно заявлял М.Э. Расулзаде и его близкие соратники⁹⁹. Эти меры явно были направлены на усиление роли духовенства в общественно-политической жизни страны, и шли вразрез с программой свободного национального развития азербайджанских тюрков, декларируемой азербайджанскими лидерами.

⁹⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 45. Л. 2.

Но лучше всего об истинных замыслах Нури-паши и «илхагистов» свидетельствует решение правительства от 21 июня 1918 года, согласно которому государственным флагом Азербайджанской Республики было объявлено полотнище, «изготовленное из красной материи, с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне»¹⁰⁰. Этот флаг был фактически идентичен государственному флагу Османской империи. Единственное различие заключалось в том, что в турецком флаге звезда была пятиконечной¹⁰¹. Этот шаг можно расценить как попытку лишить азербайджанских тюрок собственной государственной атрибутики, одного из важнейших элементов самобытной национальной идентичности.

По существу, со стороны Нури-паши и «илхагистов» предпринимались энергичные шаги в направлении приведения политических институтов и государственных структур Азербайджана в соответствие с политической системой Османской империи, которая в то время уже являлась анахронизмом. В реальной практике это означало осуществление ползучей аннексии.

Чтобы снизить до минимума противодействие этим планам со стороны национальных сил и получить полную свободу действий в их реализации, Нури-паша и «илхагисты» решили избавиться от лидера национального движения и наиболее последовательного сторонника азербайджанской независимости, в срочном порядке отправив его за пределы страны. Так, уже на следующий день после роспуска Национального Совета, 18 июня 1918 года, М.Э. Расулзаде под предлогом участия на Стамбульской конференции во главе азербайджанской дипломатической миссии был отправлен в Турцию¹⁰².

Но даже свою фактически «политическую ссылку» в Стамбул М.Э. Расулзаде использовал с максимальной отдачей для защиты интересов независимого Азербайджана. В своем первом же письме после прибытия в Стамбул, адресованном военному министру Турции Энвер-паше, М.Э. Расулзаде главный акцент сделал именно на необхо-

¹⁰⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 45. Л. 47.

¹⁰¹ *Hüseynzadə Ə. Azərbaycanda düşüdüklərim // Hüseynov Ş. Milli haqq və ədalət axtarışında.* Bakı, 2004. S. 149.

¹⁰² ГА АР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

димости сохранения и упрочения азербайджанской независимости. Он обращал внимание Энвер-паши на то обстоятельство, что национальные интересы Османской империи диктуют необходимость существования самостоятельной и сильной Азербайджанской Республики.

Несмотря на то, что в этот период само дальнейшее существование Азербайджанской Республики было под большим вопросом, М.Э. Расулзаде вынашивал далеко идущие планы относительно перспектив национального развития азербайджанских тюрков. В этом контексте немалый интерес представляют его контакты в Стамбуле с представителями иранских азербайджанцев. В своем донесении от 19 июля 1918 года он, в частности, пишет: «Я здесь повидался с персидскими азербайджанцами. Они мои старые товарищи. В них я почувствовал тайную любовь к независимости Азербайджана. Многие из них разочаровались в Персии». Далее М.Э.Расулзаде сообщает об организации в Стамбуле общества южных азербайджанцев, занимающегося пропагандой тюркизма и азербайджанизма. При этом он выражал надежду на создание в будущем единого Азербайджанского государства путем объединения северной и южной частей страны¹⁰³.

Создание независимого Азербайджана, несомненно, способствовало пробуждению национального самосознания южных азербайджанцев. Не случайно, что заместитель дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Иране Алекпер бек Садыхов сообщал о развитии в этой стране движения «азербайджанских самостоятельных, которые начинают проникаться национальным чувством и работать в пользу отделения от Ирана и образования независимого и самостоятельного Персидского Азербайджана. Это движение в настоящее время сильно беспокоит как персидское правительство, так и англичан, имеющих большие виды на богатейший край. В Персидском Азербайджане замечается также агитация в пользу отделения его от Персии и присоединения к Азербайджанской Республике. Азербайджанская Республика должна быть готова к грядущим событиям в Персии и использовать эти события в своих интересах»¹⁰⁴.

¹⁰³ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 8.

¹⁰⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 162. Л. 18.

Летом 1918 года основные усилия национальных сил были направлены на освобождение Баку, «естественной столицы, интеллектуально-го, экономического и политического центра Азербайджана»¹⁰⁵ от большевистско-дашнакских сил. Отмечая значимость Баку для независимого Азербайджана, М.Э. Расулзаде писал: «Все политические, экономические и общественные институты, духовные учреждения, школы и благотворительные общества, культурные центры, мусульманские типографии – все сконцентрировано в Баку, который одновременно является центром объединения всей нашей интеллигенции. Это центр, объединяющий все материальные и нравственные силы, способные создать независимость страны»¹⁰⁶. Поэтому он предупреждал, что «если Баку не будет взят – все кончено. Прощай Азербайджан»¹⁰⁷.

Ситуация осложнялась тем, что летом 1918 года многие ведущие государства мира, и в первую очередь, Россия, Великобритания и Германия в то время пытались установить свой контроль над богатейшими нефтяными месторождениями Баку, поскольку «нефть для воюющих сторон была необходима, как вода»¹⁰⁸. Причем, противоречия в этом вопросе имелись не только между Антантой и коалицией Центральных держав, но и внутри каждого из этих блоков.

Как свидетельствует донесение М.Э.Расулзаде из Стамбула от 19 июля 1918 года, немцы, являвшиеся союзниками Османской империи в первой мировой войне, тем не менее, активно противодействовали взятию Баку со стороны турецко-азербайджанских сил, аргументируя свою позицию тем, что в этом случае большевики могут сжечь нефтяные промыслы¹⁰⁹.

Поэтому М.Э. Расулзаде советовал освободить Баку азербайджанскими силами. Он считал, что «движение в сторону Баку обязательно должно быть от имени Азербайджана, город должен быть освобожден Азербайджанским правительством. В противном случае возможны затруднения»¹¹⁰. В этой связи он призывал азербайджан-

¹⁰⁵ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹⁰⁶ Там же. Л. 4.

¹⁰⁷ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 16.

¹⁰⁸ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 2.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 9.

ских руководителей «наряду с проявлением политической инициативы, изо всех сил стараться и в организации военного дела»¹¹¹.

Правда, все это отнюдь не означало, что М.Э.Расулзаде недооценивает значимость турецкой военной помощи, или же, вообще, отказывается от нее. Наоборот, во время нахождения в Стамбуле М.Э.Расулзаде пытался добиться увеличения турецкого военного присутствия в Азербайджане, неоднократно поднимая этот вопрос перед представителями правительства Османской империи. Но одновременно он указывал членам Азербайджанского правительства, что «нельзя все наши проблемы разрешить с помощью войск, прибывших из Анатолии». Как истинный патриот своей родины, М.Э.Расулзаде мечтал о сильной современной армии в Азербайджане, способной защищать суверенитет страны. Поэтому он предлагал национальному правительству в кратчайшие сроки издать закон о всеобщей воинской обязанности: «Пусть начнется набор, а то ожидать всего от «анатолийского мамедчика» (имеются в виду турецкие солдаты – А.Б.) будет неправильно... Население думает, что все наши вопросы разрешаются войсками, прибывающими из Анатолии»¹¹².

Он был встревожен тем фактом, что первая попытка Нури-паши собрать азербайджанских добровольцев с целью освобождения Баку фактически провалилась, поскольку на этот призыв, по сведениям Энвер-паши, откликнулись только 36 человек. По этой причине, М.Э. Расулзаде предлагал перейти к обязательной воинской службе, призывая в армию «всех от 20 до 25-летнего возраста». Он, особо подчеркивал тот факт, что во встречах с иностранными дипломатами в Стамбуле, все они начинают разговор с вопроса: «Начали ли организовывать войско? Этот вопрос интересует всех: друзей, врагов, политиков, население и всех. Этот вопрос – всем вопросам начало»¹¹³. В этой связи он предлагал незамедлительно учредить военное министерство.

Несмотря на определенные трения между Азербайджанским правительством и турецкими представителями во главе с Нури-паша, именно Турция являлась фактически единственной союзницей азер-

¹¹¹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 15.

¹¹² Там же. Л. 4–5.

¹¹³ Там же. Л. 5.

байджанских тюрков, без поддержки которой вряд ли удалось реализовать идею независимости Азербайджана. Именно турецкая военная помощь, направленная по просьбе азербайджанской стороны и в соответствии с 4-ой статьей турецко-азербайджанского договора от 4 июня 1918 года, сыграла ключевую роль в приостановлении большевистского наступления на временную столицу Азербайджана – Гянджу.

Турецкая армия при поддержке азербайджанских добровольцев в решающей битве под Геокчаем, которая продолжалась четыре дня – с 27 июня по 1 июля 1918 года, нанесла сокрушительный удар по большевистским силам. После этого сражения стратегическая инициатива на фронте полностью перешла в руки турецко-азербайджанских формирований, которые в последних числах июля 1918 года вышли к подступам Баку, овладев всеми господствующими над городом высотами¹¹⁴.

Как свидетельствует британский генерал Л. Денстервиль, руководивший обороной Баку, падение города было лишь вопросом времени, поскольку симпатии азербайджанского населения города были на стороне национальных сил¹¹⁵. В подобной ситуации англичан не спасло даже то обстоятельство, что по уровню технической оснащенности их войска значительно превосходили турецко-азербайджанские формирования. Так, англичане располагали четырьмя военными самолетами, в то время как противоположная сторона совсем не имела никаких воздушных сил. Кроме того, в распоряжении англичан находились шесть бронированных автомобилей¹¹⁶.

Характерно, что даже иноэтничное население не горело особым желанием воевать на стороне англичан. В этой связи Л. Денстервиль даже обвиняет бакинских армян в трусости, подчеркивая, что они «совсем не похожи на армян эриванских или других армян-горцев Малой Азии»¹¹⁷.

Даже получив от дезертировавшего из рядов турецко-азербайджанской армии араба информацию о точной дате наступления на

¹¹⁴ Денстервиль Л. Британский империализм в Баку и Персии. 1917-1918. Тифлис, 1925. С. 174.

¹¹⁵ Там же. С. 208.

¹¹⁶ Там же. С. 257.

¹¹⁷ Там же. С. 209.

Баку, англичане не смогли предотвратить освобождение города национальными силами. Начавшееся 14 сентября в 4 часа утра наступление завершилось 15 сентября победоносным вступлением турецко-азербайджанских сил в Баку.

Освобождение национальными силами 15 сентября 1918 года города Баку стало мощным катализатором интенсификации процессов нациестроительства в Азербайджане. Как писала газета «Азербайджан», «если дату 28 мая мы считаем официальным днем провозглашения нашей независимости, то день 15 сентября, день вступления азербайджанских войск и Азербайджанского правительства в Баку, можно считать днем закладки фундамента и главных основ государственного организма»¹¹⁸. В этом отношении освобождение Баку стало одним из важных этапов на пути построения азербайджанской нации-государства.

Правда, стремительная развязка событий на фронтах Первой мировой войны привела к кардинальным изменениям в расстановке сил в закавказском регионе, что, в свою очередь, вновь поставила азербайджанских лидеров перед очередным серьезным испытанием. Потерпев поражение в войне, Турция 30 октября 1918 г. подписала Мудроское перемирие с державами Антанты. Согласно условиям этого перемирия, Турция должна была вывести свои войска из Закавказья, которое объявлялось сферой влияния Великобритании¹¹⁹.

Учитывая, что в тот период именно Турция являлась фактически единственным союзником азербайджанского народа в его борьбе за независимость, то их уход из Азербайджана не только создавал труднопреодолимые препятствия на пути достижения стратегических целей Азербайджанского национального движения, но и ставил под удар все предыдущие завоевания освободительной борьбы. Тем более, что англичане, призванные заменить турков в регионе, не питали особых симпатий ни к азербайджанским лидерам, ни к декларируемым ими целям.

В силу этого, первые контакты с англичанами не давали особого повода для оптимизма сторонникам азербайджанской независимости. Так, встречаясь в начале ноября 1918 года в Энзели с азербайджанской делегацией в составе Н.Усуббекова, А.Агаоглу и М. Рафиева,

¹¹⁸ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

¹¹⁹ Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1985. С. 255.

главнокомандующий британскими войсками в Иране генерал В. Томсон, отказавшись признать азербайджанскую независимость, прямо заявил, что «не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования». Правда, в ответ на возражение азербайджанских представителей, В. Томсон обещал по прибытии в Баку со всеми проблемами разобраться на месте и «вынести соответствующее решение»¹²⁰.

17 ноября 1918 года английские войска прибыли в Баку. По прибытии в Баку генерал В. Томсон обратился с воззванием к населению города, в котором слово «Азербайджан» даже не упоминалось. Из содержания этого воззвания проистекало, что англичане рассматривают Кавказ и Азербайджан составной частью России¹²¹.

Ситуация для сторонников азербайджанской независимости осложнялась и тем, что вместе с англичанами в Баку прибыл и вооруженный отряд новоиспеченного «главнокомандующего русскими морскими и сухопутными силами на Кавказе» Л. Бичерахова. Поздравив местное население «с возвращением русских и союзных войск в Баку», он в своем воззвании «К гражданам России» выразил уверенность в том, что «при помощи союзников Великая Русь скоро будет восстановлена в своих исконно старых границах»¹²².

Политика английского командования в первые дни их пребывания в Баку, привела в восторг противников азербайджанской независимости, поскольку она благоприятствовала их стремлениям и целям. Наоборот, в этот момент азербайджанское население города находилось в весьма тревожном состоянии, которое еще больше усиливалось бесчинствами солдат Л. Бичерахова на улицах Баку. Бичераховские солдаты устраивали дебоши в азербайджанских кварталах города, срывали вывески на азербайджанском языке, разбивали витрины магазинов и даже сбивали папахи азербайджанцев.

Описывая положение в тот период национального правительства и, в целом, азербайджанского населения, М.Э. Расулзаде, отмечал:

¹²⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 44.

¹²¹ «Азербайджан». 1919. 19 ноября.

¹²² ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 119. Л. 4.

«Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей. Потому что прибывшее командование не признавало войск, назвавшихся азербайджанскими частями. Собственно говоря, азербайджанские войска не представляли организованной силы, поскольку их численность составляла всего 1500 человек, причем, они были рассредоточены по всей территории страны. В Баку национальное правительство смогло опереться лишь на полицейский корпус численностью в 500 чел. Но если даже предположить, что была бы сила, естественно, немыслимо было для Азербайджана открыть военные действия против той силы, перед которой капитулировали Германия и Турция»¹²³.

Следует отметить, что первоначальное негативное отношение англичан к национальному правительству было обусловлено объективными факторами. Ведь азербайджанские лидеры в период после Февральской революции 1917 года во внешнеполитической сфере придерживались активной протурецкой ориентации, что вызывала явное раздражение англичан. К тому же, еще были свежи в памяти события лета и осени 1918 года, связанные с освобождением Баку, когда азербайджанские и английские солдаты, находясь в противоположных сторонах фронта, сражались друг против друга.

Тем временем, лидеры Русского Национального Совета в Баку, придерживавшиеся принципа «единой и неделимой России» и считавшие Азербайджан неотъемлемой частью России, чувствуя поддержку англичан, начали открыто требовать аннулирования азербайджанской независимости, и передачи им всей полноты власти. Характеризуя сложившуюся в конце ноября 1918 года обстановку в стране, М.Э. Расулзаде писал: «С одной стороны, поддержанная авторитетом союзного командования вооруженная сила (отряд Л. Бичерахова – А.Б.) не признававшая независимости Азербайджана, а с другой стороны - правительство, черпавшее силу из чаяний и воли азербайджанского народа и не опиравшееся на организованную военную силу. Русские организации и политические партии, являвшиеся подголоском союзного командования, до невозможности были избалованы и в высшей степени набрались смелости. Азербайджанцам говорили, что «откажитесь от независимости, объявленной вами,

¹²³ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 44.

и мы окажем вам благоволение», и к этому любезно добавляли, что в правительстве, организуемом ими, азербайджанцам, сравнительно с другими, будут предоставлены очень высокие посты. Враждебность же и упрямство армянской организации были еще более явными»¹²⁴.

В этой непростой ситуации даже некоторые опытные азербайджанские политики дрогнули, выступив, по сути, за принятие требований Русского Национального Совета. Как впоследствии вспоминал М.Э. Расулзаде, «некоторые уважаемые лица, в патриотизме которых нельзя было сомневаться, впали в такое малодушие, что предлагали поставить на обсуждение вопрос об отказе от независимости»¹²⁵.

Ситуация осложнялась тем, что некоторые крупные землевладельцы и часть азербайджанской торгово-промышленной буржуазии, имевшей тесные контакты с российским капиталом, не надеясь на силу Азербайджанского правительства, стремились иметь более твердую гарантию прочности и незыблемости своего положения в лице общероссийской государственности. Так, представители азербайджанской буржуазии – Нури Амирасланов, Гасан Мустафаев, Бала Гулиев и др. согласились принять «бичераховско-деникинскую ориентацию»¹²⁶ и вступить в сношения с Русским Национальным Советом.

В этом вопросе не следует игнорировать и роль психологического фактора. Ведь десятилетия русского владычества привели к приглушению чувства самодостаточности, и наоборот, развитию иждивенческих настроений даже у части азербайджанской элиты, которая стремилась снять с себя всякую ответственность за судьбу страны и народа, и переложить ее на чужие, более сильные плечи. При этом они искренно верили, что проблемами и бедами азербайджанского народа должны заниматься Стамбул, Москва, Лондон, и вообще, неизвестно кто, но только не они сами.

Трудно сказать, в каком бы направлении развивались события, если бы инициативу вновь не взял в свои руки Национальный Совет Азербайджана, который после пятимесячного перерыва, 16 ноября

¹²⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 46.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 98. Л. 5.

1918 года под руководством М.Э. Расулзаде возобновил свою деятельность в Баку.

На первом же заседании члены Национального Совета высказались за создание коалиционного правительства в Азербайджане, что, в значительной степени, и предопределило направление дальнейшего развития событий. Это был достаточно сильный политический ход азербайджанских лидеров, если учесть, что создание коалиционного правительства в стране было одним из главных требований английского командования. Именно этот шаг позволил азербайджанским лидерам переломить ситуацию в свою пользу, и создал почву для налаживания плодотворного сотрудничества между национальными силами и англичанами.

Причем готовность азербайджанских лидеров к созданию коалиционного правительства проявилось не только в декларативных заявлениях, но и в практических шагах Национального Совета, одним из которых стало принятие 19 ноября 1918 года «Закона об образовании азербайджанского парламента»¹²⁷. Учитывая многонациональный состав населения страны, закон предусматривал создание всех необходимых условий для интеграции представителей не только относительно крупных национальностей – русских и армян, но и малочисленных национальных групп Азербайджана - поляков, грузин, евреев, немцев в государственные структуры власти. Для этих национальностей, строго пропорционально их удельному весу в национальном составе населения Азербайджана, были предусмотрены специальные квоты в парламенте. Из расчета 1 депутат на каждые 25 тыс. населения, 120 депутатских мест в парламенте были распределены следующим образом: мусульманское население получило - 80, армяне - 21, русские - 10 и немцы, евреи, грузины и поляки - по одному месту. Многонациональный состав законодательного органа открывал прямой путь к созданию коалиционного правительства с участием представителей различных политических сил и национальных меньшинств Азербайджана.

После утверждения данного закона, Национальный Совет обратился к народу с воззванием «Ко всем гражданам Азербайджана!». В

¹²⁷ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 169. Л. 19-20.

нем население информировалось о преобразовании этой структуры из «национального учреждения азербайджанских мусульман» в «общегосударственное» учреждение – Азербайджанский парламент. Именно парламент до созыва Учредительного собрания Азербайджана взял на себя полномочия отстаивать интересы молодого государства, формировать правительство, осуществлять законодательные функции¹²⁸.

24 ноября 1918 года Национальный Совет Азербайджана, пытаясь привлечь представителей Бакинского Русского Национального Совета к участию в работе парламента и правительства, выступил с компромиссным предложением, согласно которым, азербайджанские лидеры даже не настаивали на немедленном признании с их стороны независимости Азербайджана. Они предлагали оставить решение этого вопроса на рассмотрение Парижской мирной конференции¹²⁹, при сохранении существующего статус-кво.

Однако, Русский Национальный Совет, раньше времени возмнивший себя хозяином положения в городе, отказался делегировать своих представителей в парламент, и вновь потребовал передать ему всю полноту власти в городе. Условием вхождения своих представителей в состав парламента Бакинский Русский Национальный Совет выдвинул отказ Азербайджана от своей «сепаратистской точки зрения», т.е. от идеи государственной независимости, и признание «единой и неделимой России». По мнению представителей Русского Национального Совета, участие в парламенте, а также в правительстве, «означало бы «молчаливое признание совершившегося факта отделения Азербайджана от России» и облегчило бы международное признание независимости Азербайджана¹³⁰.

Окончательно потеряв чувство реальности, Русский Национальный Совет одновременно поставил перед английским командованием новые условия, реализация которых фактически означало бы реанимацию политики репрессий в отношении азербайджанцев в духе трагических событий марта 1918 года. Принятие этих условий могло привести к новой эскалации межнациональной напряженности, что шла

¹²⁸ «Азербайджан». 1918. 29 ноября.

¹²⁹ ГА АР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

¹³⁰ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 7. Л. 29.

вразрез с планами англичан, стремящихся к стабилизации ситуации в регионе. Поэтому при всей симпатии англичан к русским они не могли принять подобные требования Русского Национального Совета.

Принципиальную позицию в данном вопросе занял и Национальный Совет Азербайджана. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, в ответ представителям Русского Национального Совета было твердо заявлено: «По основному положению парламента, русские и армяне могут участвовать в правительстве; больше этого мы категорически ничего не можем принять»¹³¹. Таким образом, азербайджанские лидеры, в отличие от руководителей Русского Национального Совета, продемонстрировали большой реализм в оценке политической ситуации. Проявив твердость в защите идеи национальной независимости, они, одновременно, выразили готовность к созданию коалиционного правительства в стране.

На фоне непомерных амбиций и нереальных требований руководства Русского Национального Совета, ставшего камнем преткновения на пути создания коалиционной власти в Азербайджане, конструктивная позиция азербайджанских лидеров не могла не imponировать англичанам. К тому же, дальнейшее затягивание с формированием коалиционного правительства грозило окончательной дестабилизацией ситуации. Это способствовало постепенному сближению и налаживанию сотрудничества между англичанами и Национальным Советом Азербайджана.

Принципиальность в сочетании с гибкостью, проявленная руководством Национального Совета в деле защиты независимости Азербайджана, повлияла и на позицию представителей русского населения Баку. Не все они были согласны с политикой руководства Русского Национального Совета. В частности, функционировавшее в Баку «Славно-русское общество» обратилось с просьбой разрешить его представителям войти в состав парламента для «участия в общем государственном строительстве»¹³². После некоторого раздумья своих представителей в парламент согласились направить также партия «Дашнакцутюн» и армянская община Азербайджана.

¹³¹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 47.

¹³² ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 38. Л. 10.

Это позволило национальным силам 7 декабря 1918 года провести первое заседание Азербайджанского парламента, которое с вступительной речью открыл председатель Национального Совета М.Э. Расулзаде. Он, в частности, сказал: « На мою долю выпало великое счастье, открыть заседание первого Азербайджанского парламента, и честь поздравить вас, уважаемых депутатов. Ход великих событий привел нас к эпохе, когда каждый народ, входивший в состав Российского государства, предоставленный самому себе, самостоятельно должен позаботиться о своей судьбе, об устройстве внутренней жизни и урегулировании внешних взаимоотношений».

При этом М.Э. Расулзаде в своей речи особо подчеркнул, что «наше отделение от России не является враждебным актом по отношению к России. Мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма. Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах. Мы любим Россию, но любим и свою независимость. Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье и свобода – в независимости. Для этого, символизирующее независимый Азербайджан и поднятое Национальным Советом трехцветное знамя, олицетворяющее тюркскую национальную культуру, исламскую цивилизацию и демократические ценности современной Европы вечно будет развеваться над нами. Однажды поднятое нами знамя свободы не должно спуститься»¹³³.

Далее М.Э. Расулзаде напомнил членам Азербайджанского парламента о трудностях и проблемах «тернистого пути» независимости, и заявил: «Если мы, азербайджанцы, всем своим существом будем защищать и охранять свою судьбу, свою независимость, проявим стойкость и твердость в этом вопросе, то, несомненно, и Азербайджанская Республика станет прочной. Но повторяю, для этого нужно быть стойким и непоколебимым. Нужно доказать, что мы достойны независимого существования».¹³⁴

¹³³ «Азербайджан». 1918. 10 декабря.

¹³⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Баку, 1998. С. 35.

В конце своей речи лидер национального движения призвал членов парламента «ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов»¹³⁵.

26 декабря 1918 года парламент утвердил состав нового правительственного кабинета Азербайджана во главе с Ф.Х. Хойским. В состав правительства в качестве министров финансов, здравоохранения и продовольствия вошли трое членов Русско-Славянского общества.

После формирования нового правительства, генерал В. Томсон 28 декабря 1918 года выступил с декларацией следующего содержания: «Ввиду образования коалиционного Азербайджанского правительства под председательством Ф.Х. Хойского, объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству, как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана»¹³⁶.

Выступая по этому поводу 30 декабря 1918 года на заседании парламента, М.Э. Расулзаде отметил, что заявление В. Томсона «покажет противникам Азербайджана, что в деле разрушения азербайджанской независимости им нечего рассчитывать на союзников. Они убедятся, что надежда их эфемерна, и что азербайджанский народ не уступит своих прав, и будет защищать их всеми силами». М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «признание легитимности нашего правительства союзным командованием превратится в признание нашей независимости правительствами держав этого командования»¹³⁷.

Прибывший 22 января 1919 года в Баку главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Дж. Мильтон во время встречи с премьер-министром Ф. Хойским еще раз подтвердил, что «английское правительство признает правительство Азербайджана, как единственную легальную власть на территории Азербайджана, что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами»¹³⁸.

¹³⁵ «Азербайджан». 1918. 10 декабря.

¹³⁶ «Азербайджан». 1918. 29 декабря.

¹³⁷ «Азербайджан». 1919. 1 января.

¹³⁸ «Азербайджан». 1919. 25 января.

Таким образом, азербайджанские лидеры в ходе событий ноября–декабря 1918 года руководствуясь извечным принципом, гласящим, что «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы», смогли добиться кардинального изменения отношения англичан к национальному правительству – от полного неприятия к взаимовыгодному сотрудничеству. Даже А. Раевский вынужден был признать, что англичане помогли Азербайджану «государственно оформиться»¹³⁹. В этой связи М.Э. Расулзаде справедливо отмечал, что «такое поведение англичан не вытекало из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев. Собственно говоря, любовь не может служить политическим фактором, т.к. вместе с первобытной эпохой давно отошла в область преданий. Здесь имела место не любовь, а политические и экономические интересы. Нахождение нефти в руках независимого Азербайджанского правительства, и вообще отделение Азербайджана от России было на руку англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство. Этим объяснялись дипломатические успехи национального правительства»¹⁴⁰.

Следует отметить, что нахождение значительной части страны, включая столицу Баку, под оккупацией большевистско-дашнакских сил и обусловленная этим фактором политическая нестабильность не позволяли азербайджанским лидерам на начальном этапе независимости приступить к полномасштабному государственному строительству. Подобную возможность они получили лишь после освобождения Баку и признания в конце 1918 года легитимности Азербайджанского правительства со стороны английского командования.

Между тем именно от устойчивости и эффективности государственных структур в значительной степени зависела жизнеспособность создаваемой азербайджанской нации-государства. Ведь будучи основой всякой политической системы, государственные учреждения играют ключевую роль в консолидации политических институтов и населения в единую систему для реализации стратегических задач нациестроительства.

¹³⁹ *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. С. 24.

¹⁴⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 49.

Становление новых государственных структур в Азербайджане, призванных заменить прежний аппарат национального угнетения, происходило в крайне неблагоприятных условиях, детерминированных колониальным наследием прошлого. Даже по сравнению с соседней Грузией и Арменией условия для создания структур управления национальным государством в Азербайджане были гораздо более тяжелыми.

Обращая внимание на это обстоятельство, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «не в пример армянам и грузинам, азербайджанцы не отбывали воинской повинности (как неблагонадежный элемент), не принимались на государственно-административные службы (за очень редким исключением), ограничивались в общегражданских правах (в местных самоуправлениях Закавказья мусульмане не имели право образовывать больше половины всех гласных) и искусственно держались в темноте»¹⁴¹. В течение достаточно длительного времени азербайджанским тюркам запрещалось создавать общественные организации даже благотворительного и просветительного направления, не говоря уже о создании политических партий и организаций. Колониальные власти подобными методами стремились подавить всякую политическую активность у азербайджанских тюрков.

Отсутствие опыта государственного строительства, острая нехватка квалифицированных национальных кадров, интриги недоброжелателей азербайджанской независимости как внутри страны, так и за ее пределами, также оказывали весьма негативное влияние на процессы государственного строительства. При создании государственных структур азербайджанским лидерам также приходилось считаться с относительно низким уровнем национального самосознания у большинства азербайджанцев, чья психология и идентичность в немалой степени все еще основывались на обычаях и традициях уммы. В этих условиях неудивительно, что идея азербайджанской государственности все еще не укоренилась среди немалой части населения.

Азербайджанские лидеры были прекрасно осведомлены о неблагоприятной ситуации в этой сфере. По крайней мере, они были далеки от

¹⁴¹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 13-14.

идеализации тогдашнего азербайджанского общества. Подтверждением тому является выступление М.Э. Расулзаде в феврале 1919 года на заседании Азербайджанского парламента. Критически оценивая ситуацию после почти девятимесячного существования азербайджанских тюрков в условиях независимости, он открыто признавал, что в азербайджанских тюрках «еще нет, в достаточной степени, национального самосознания, и считаем своей обязанностью, внушить народу это самосознание»¹⁴².

Ситуация осложнялась и тем, что в программе строительства азербайджанской государственности задачи национального освобождения органически увязывались с одновременным осуществлением глубоких демократических преобразований в обществе. А проведение в жизнь реальных демократических преобразований требовало активного содействия снизу, которая в тот период в силу вышеуказанных причин, было не на должном уровне. Поэтому, в условиях сохранения весьма сильных позиций региональной идентичности и партикуляристских тенденций, недостаточной развитости политического и национального самосознания, азербайджанским лидерам зачастую приходилось проводить социально-политические реформы в стране сверху, не надеясь на сколько-нибудь значительную поддержку народных масс.

Впрочем, наличие этих многочисленных проблем, лишь увеличивает значимость проделанной азербайджанскими лидерами работы по созданию эффективных властных структур национальной государственности в 1918–1920 годах.

Следует отметить, что по форме правления Азербайджанская Демократическая Республика 1918–1920 гг. была классическим примером парламентской республики, опирающейся на принципы политического плюрализма и многопартийности. Анализ полномочий и методов деятельности парламента не оставляет сомнений, что именно этот орган был ведущей ветвью государственной власти АДР в 1918–1920 гг., определяя функции и полномочия всех остальных государственно-правовых институтов страны.

Азербайджанский парламента не только был наделен верховной законодательной властью, но и обладал правом формировать и кон-

¹⁴² *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 5.

тролировать исполнительные структуры во главе с правительством. Например, утверждение кандидатуры премьер-министра и всего персонального состава правительства, а также программы деятельности кабинета являлись исключительной прерогативой парламента. Он же в случае необходимости путем выражения вотума недоверия мог отправить правительство в отставку. Для этого было достаточно простое большинство голосов депутатов при наличии кворума.

М.Э. Расулзаде, обращая внимание на ключевую роль парламента в политической системе страны, подчеркивал, что «он держал в своих руках все узловые точки государства. Без его согласия не мог пройти ни один закон, не могла быть объявлена война или заключено перемирие; он же контролировал и государственную казну. Ни одна другая сила не могла вмешиваться в его деятельность, и вся власть принадлежала только парламенту. Это было подлинно народной республикой, не имеющей аналогов даже в Европе»¹⁴³.

В этом отношении все нити управления, как законодательными, так и исполнительными структурами Азербайджана находились в руках правящей партии, которой на тот момент являлся руководимый М.Э. Расулзаде «Мусават», обладающий наиболее многочисленной фракцией в парламенте. В этом отношении все основные законы, принятые национальным парламентом в 1918–1920 гг. и обеспечившие на тот момент лидирующее положение Азербайджана в исламском мире в области демократических преобразований того периода напрямую связаны с деятельностью «Мусават».

Правда, это было сопряжено немалыми трудностями, поскольку, не обладая твердым большинством в парламенте, фракции «Мусават» и ее лидеру приходилось при принятии законодательных актов, необходимых для реализации демократических реформ в стране, постоянно балансировать между различными политическими силами.

Основные приоритеты мусаватской фракции в строительстве национальной государственности были обнародованы М.Э. Расулзаде 10 декабря 1918 года на втором заседании парламента в декларации партии «Мусават». В декларации были сформулированы стратегические цели партии в области строительства национальной государст-

¹⁴³ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 54.

венности. В ней указывалось, что всего полутора лет тому назад даже идея азербайджанской автономии, выдвинутая «Мусават», была встречена в штыки всеми без исключения азербайджанскими политическими организациями. Но, как подчеркнул М.Э. Расулзаде, «не увлекшись социалистическими течениями, склоняющимися к петроградскому централизму, и не заразившись таким психически болезненным состоянием, завладевшим многими умами, как «илхагизм», партия все же добилась признания идеи азербайджанской независимости со стороны других азербайджанских партий»¹⁴⁴.

И он с гордостью отметил, что теперь идея азербайджанской независимости и необходимость ее защиты от внутренних и внешних посягательств нашла свое отражение в декларациях всех азербайджанских фракций, представленных в парламенте, и в этом вопросе между ними нет никаких разногласий. Он выразил свое удовлетворение тем обстоятельством, что теперь «партии занимаются уже не пропагандой идеи независимости Азербайджана, а политической, правовой и внешней защитой существующего факта».

В декларации партии «Мусават» «защита и юридическое признание» независимости Азербайджана провозглашались главной целью национального правительства в области внешней политики.

В области внутренней политики «Мусават» ратовал за осуществление кардинальных демократических преобразований. «Завоевания Великой российской революции, – подчеркивалось в декларации партии, – как-то: свобода печати, слова, совести, собраний, союзов и все другие гражданские и национальные права, должны быть обеспечены законом, Азербайджан должен быть страной свободной. Если до сих пор вследствие исключительных условий, переживаемых страной, эти начала свободы и демократизма не были осуществлены в достаточной мере, то в ближайшем будущем наше правительство должно обратить особое внимание на упрочение этих начал в стране»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 37.

¹⁴⁵ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 40.

Стержневым элементом демократии, по мнению лидеров партии, был принцип национального равноправия. «В Азербайджане не должно быть сынов и пасынков; армяне, русские, евреи, грузины, немцы, поляки и другие народы, оставаясь гражданами Азербайджанской Республики, должны пользоваться правами национально-культурной автономии», – подчеркивалось в декларации «Мусават»¹⁴⁶.

Как отмечал М.Э. Расулзаде в своем выступлении на парламенте, хотя «азербайджанские турки составляют большинство населения страны, это не дает им никаких преимуществ перед остальными этническими группами, наоборот, этот факт накладывает на них дополнительную ответственность по поддержанию межэтнического согласия».

Партия «Мусават» выступила с идеей создания коалиционного правительства, считая ее одним из важных средств обеспечения доверительных отношений между представителями различных национальностей Азербайджана. Партия исходило из того, что «если до сих пор правительство состояло из одних мусульман, то впредь оно должно быть сконструировано на справедливых коалиционных началах».

Лидер партии М.Э. Расулзаде указывал, что «азербайджанские турки, испытывавшие на себе все тягости подневольного состояния, не создадут подневольных наций», – подчеркнул он¹⁴⁷. Он настаивал на том, что Азербайджану необходимо «правительство, способное защищать существование народа и независимость страны». Он был убежден, что в тогдашних условиях подобное правительство «могло быть организовано только на коалиционных началах»¹⁴⁸.

Причем вся практика государственного строительства в 1918–1920 годах свидетельствует о том, что все эти принципы, обнародованные с парламентской трибуны, являлись программой практических действий.

Так, одним из первых решений Азербайджанского парламента стал «Закон о несомещении государственной службы с членством в парламенте», положивший начало реализации в стране принципа

¹⁴⁶ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 40.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 43.

разделения различных ветвей власти и их автономного существования. Данный закон, принятый по инициативе мусаватской фракции, запрещал членам парламента занимать должности в исполнительных структурах. В нем, в частности, отмечалось: «Члены парламента, несшие должности по другим государственным учреждениям и проживающие в г. Баку, в течение трех дней, а иногородние – десяти, должны представить в канцелярию парламента документы об оставлении ими государственной службы. В противном случае они лишаются как должности, так и права представительства в парламенте»¹⁴⁹. Подобное совмещение должностей разрешалось только министрам.

В условиях острого дефицита управленческих кадров, это был довольно рискованный шаг, предпринятый азербайджанскими лидерами в направлении демократизации системы государственного управления в стране. Во время обсуждений в парламенте некоторые депутаты выступили против данного законопроекта, мотивируя свою позицию тем, что при острой нехватке кадров принятие подобного предложения вовсе парализует деятельность государственных структур. Они были убеждены в том, что реализацию подобного принципа могут позволить себе такие развитые страны, как Франция, Америка и Англия, а для зарождающейся азербайджанской демократии это является преждевременным шагом. Поэтому они предлагали разрешить государственным чиновникам совмещать службу в исполнительных структурах с членством в парламенте¹⁵⁰.

Возражая авторам этих суждений, лидер партии «Мусават» подчеркивал, что, если мы выбрали путь парламентаризма, то должны быть до конца последовательными в реализации его основных принципов, в том числе, принципа разделения властей. По его убеждению, «депутат, представляющий нацию, должен быть полностью свободен в своих мыслях и действиях. Если депутат одновременно будет выполнять функции правительственного чиновника, то он будет лишен этой свободы. Что же касается слабости кадрового и интеллектуального потенциала нашей страны, то я не думаю, что после

¹⁴⁹ «Азербайджан». 1919. 28 января.

¹⁵⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 177.

отправки в парламент 60 депутатов, у Азербайджана не останется кадров для заполнения вакансий правительственных чиновников. Если же мы настолько бессильны, то нам, вообще, не нужен никакой парламент»¹⁵¹. Именно яркое выступление М.Э. Расулзаде позволило изменить расстановку сил в парламенте в пользу принятия «Закона о несомещении государственной службы с членством в парламенте».

Составной частью процесса нацистроительства в Азербайджане было утверждение принципов секуляризма в общественно-политической жизни общества. Азербайджанские лидеры прекрасно осознавали пагубность клерикализма для становления зарождающейся национальной идентичности. Поэтому они выступали за вытеснение или, в крайнем случае, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в общественно-политической жизни общества, естественно, за исключением сфер, имеющих непосредственное отношение к отправлению религиозного культа. В этом отношении неудивительно, что Азербайджан стал практически первым светским государством мусульманского Востока, в котором церковь была отделена от государства, а религия объявлена личным делом граждан страны.

Однако все реформы в этой сфере наталкивались на ожесточенное сопротивление правой оппозиции в лице партии «Иттихад», которая добивалась восстановления господствующего положения в жизни азербайджанского общества ортодоксальных исламских норм. Воспользовавшись установленными демократическими свободами, сторонники этой партии стремились к консервации религиозной идентичности в самосознании азербайджанских масс. Своей позицией «Иттихад» объективно способствовал нивелированию национального момента, что крайне негативно сказывалось на развитии национальной идентичности, которая в тот момент переживала этап зарождения и была достаточно уязвима.

Впрочем, как еще в 1914 году отмечал В.В. Бартольд, исламские лозунги использовались «всегда в виде доктрины не столько религиозной, сколько политической, большей частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей»¹⁵². И в

¹⁵¹ АДР (1918-1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 178.

¹⁵² Бартольд В.В. Паисламизм // Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 402.

случае с партией «Иттихад», исламские идеи служили лишь прикрытием для реализации меркантильных целей ее лидеров, которые в зависимости от обстоятельств постоянно менялись. По этой причине «Иттихад» называли «волшебной гибкой» партией.

Следуя политической конъюнктуре, в период АДР иттихадисты хотя и заявили о своей поддержке азербайджанской независимости, но в реальной действительности так и не стали сознательными приверженцами этой идеи. Они рассматривали азербайджанскую независимость вынужденным и временным отступлением от идеи создания иттихади-ислама.

Особенно ожесточенное сопротивление иттихадисты оказали принятию нового избирательного закона, усматривая в нем реальную угрозу для своих прежних привилегий в азербайджанском обществе.

Уже на одном из первых заседаний Азербайджанского парламента М.Э. Расулзаде поднял вопрос «скорейшего созыва Азербайджанского учредительного собрания». С этой целью он предложил создание специальной комиссии для выработки избирательного закона¹⁵³. В течение буквально нескольких месяцев удалось разработать и весной 1919 года внести на обсуждение парламентариев проект «Положения о выборах в Учредительное собрание Азербайджанской Республики».

Принятый парламентом 21 июля 1919 г. в окончательном чтении избирательный закон устанавливал пропорциональную систему выборов в Учредительное собрание. Выборы проводились «на основе всеобщего, без различия пола и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования»¹⁵⁴. Согласно закону, право участия в выборах в Учредительное собрание предоставлялось всем «гражданам республики обоего пола, коим ко дню выборов исполняется 20 лет»¹⁵⁵. Таким образом, «Положение» предоставляло женщинам равные с мужчинами избирательные права. Между тем, в тот период принцип гендерного равноправия в избирательной

¹⁵³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 43.

¹⁵⁴ Там же. С. 71.

¹⁵⁵ Там же.

сфере еще не был реализован во многих европейских государствах, не говоря уже о мусульманском Востоке.

Характерно, что лица, занимающие должности в исполнительных и правоохранительных органах, в частности, приставы, уездные начальники и их заместители, полицмейстера и их заместители, губернаторы и их помощники пользовались лишь активным избирательным правом. Другими словами, они не могли стать членами Учредительного собрания, что было сделано с целью минимизации их влияния на внутриполитические процессы в стране.

Кроме того, в избирательный закон был включен пункт, запрещавший духовным лицам вести предвыборную агитацию «в храме или ином предназначенном для богослужения месте, как посредством проповедей, так и равно и в виде устных или письменных воззваний»¹⁵⁶. Виновные в нарушении данного положения наказывались «заключением в тюрьму сроком до шести месяцев»¹⁵⁷.

Учитывая, что влияние религиозной идеологии и мусульманского духовенства на наиболее отсталую часть населения было еще существенным, это было вполне осознанным шагом со стороны национальных лидеров, направленным на максимальное ограничение вмешательства духовных лиц в политические процессы на стороне самых реакционных сил.

Азербайджанские лидеры выступали за вытеснение, или, в крайнем случае, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в общественно-политической жизни общества, естественно, за исключением сфер, имеющих непосредственное отношение к отпращиванию религиозного культа.

Как и следовало ожидать, в ходе обсуждений в парламенте данное предложение столкнулось с острым противодействием представителей клерикальной партии «Иттихад». В частности, член иттихадской фракции С.М. Ганизаде выступил с инициативой отмены данного пункта. Он мотивировал это тем, что «мечети, как и религия ислама, объемлют не только божественное служение, но и почти все отрасли общественной жизни. Здесь именно в мечетях происходят

¹⁵⁶ АДР (1918-1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 86–87.

¹⁵⁷ Там же. С. 87.

сходки. В мечетях собираются люди для обсуждения своих нужд и жизненных проблем, и запрещать здесь агитацию неправильно»¹⁵⁸. Отвечая С.М. Ганизаде, М.Э. Расулзаде с парламентской трибуны заявил: «На этот вопрос надо смотреть с государственной и принципиальной точек зрения. Мы устраиваем не теократическое, а демократическое государство на новых началах. В такое время нельзя возвращаться к основам прошлых веков. Их время давно уже прошло. Религия и мечеть должны хранить свою святость, оставаясь вдали от политики. Духовенство должно оставаться носителем мира и согласия среди бушующих политических страстей. Нам говорят, что жандармы и городовые с плетью идут на выборы, но мулла идет с еще более худшим бичом – «куфром». Всякого инакомыслящего он предает «анафеме», называя «кафиром» и «баби». Если вы уважаете моллу и мечеть, не втягивайте их в политическую грызню»¹⁵⁹. В конечном итоге, парламентарии подавляющим большинством голосов отвергли инициативу С.М. Ганизаде, оставив соответствующий пункт избирательного закона в первоначальной редакции.

Следует отметить, что секуляризм занимал важное место в политике национального правительства, руководителям которого прекрасно осознавали пагубность клерикализма как для развития национального самосознания азербайджанцев, так и для становления зарождающейся Азербайджанской государственности. В своей работе «О пантуранизме», М.Э. Расулзаде открыто подчеркивал, что ислам препятствует пробуждению национального самосознания мусульманских народов, задерживает их прогресс и, тем самым, мешает им стать независимыми нациями. Далее он отмечал, что «препятствовать пробуждению национального самосознания – это значит препятствовать народам образовать независимые государства»¹⁶⁰.

Поэтому, М.Э. Расулзаде предлагал «во всех мусульманских странах надо усиливать процесс пробуждения национального самосознания, ибо первоисточником всякого прогресса, а также основой

¹⁵⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 468.

¹⁵⁹ Там же. С. 469.

¹⁶⁰ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 58.

национальной независимости является только наличие осознанного национального «Я»¹⁶¹.

Учитывая неопределимую роль печати в процессе строительства нации-государства, с ее безграничными возможностями ретрансляции в массы элементов национальной идентичности, особое внимание в АДР уделялось развитию прессы. Еще в 1911 году М.Э. Расулзаде отмечал, что свобода слова является фундаментом и обязательным элементом всех других гражданских прав и свобод¹⁶². Поэтому после провозглашения государственной независимости Азербайджане он добился практически полного обеспечения свободы слова в стране. М.Э. Расулзаде с гордостью отмечал, что «каждая партия имела свою газету, а правительство относилось ко всем газетам с большим уважением и доброжелательностью, несмотря на то, что большинство из них критиковало, и тягалось с ним»¹⁶³.

Правовую основу свободы слова составил «Устав о печати», принятый парламентом 30 октября 1919 года и запретивший всякую цензуру на печать. Согласно этому документу, «никакого разрешения со стороны правительственной власти на открытие типографии, литографии, металлографии и других заведений этого рода для тиснения, напечатания, выпуск из типографий и продажу произведений печати, публичное представление драматических произведений, а равно на открытие кабинетов для чтения не требовалось»¹⁶⁴.

Для учреждения периодических изданий достаточно было информировать о своем намерении главного инспектора по делам печати. Печатный орган мог быть привлечен к ответственности только по решению суда и только в случае совершения преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством¹⁶⁵.

В период АДР в Баку, Гяндже и других административных центрах страны издавалось более 80 газет и журналов самых различных направлений. С целью развития национального самосознания народных масс целые полосы печатных изданий партии «Мусават» и офи-

¹⁶¹ *Расулзаде М.Э.* О пантуризме. В связи с кавказской проблемой. С. 58.

¹⁶² «İrane nou». 1911. 28 may.

¹⁶³ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 53–54.

¹⁶⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 3. Д. 294. Л. 43.

¹⁶⁵ Там же.

циальных газет посвящались очеркам из истории, литературы и политики Азербайджана. Особое внимание в этих публикациях уделялось освещению процессов, предшествовавших созданию Азербайджанской Демократической Республики, а также происхождения слова «Азербайджан». Для широкой публики проводились лекции на тему – «Азербайджанская Республика» и устраивались специальные «Азербайджанские вечера». На этих вечерах ответственным распорядителем выступал сам М.Э. Расулзаде¹⁶⁶.

В основу принятого 11 августа 1919 года парламентом «Закона об азербайджанском гражданстве» был положен принцип происхождения. Азербайджанскими гражданами считались все подданные бывшей Российской империи, без различия национальности и вероисповедания, которые сами, или их родители родились на территории Азербайджанской республики¹⁶⁷.

Некоторые современные авторы обвиняют лидеров АДР в излишней увлеченности демократическими свободами в ущерб интересам национальной безопасности, что, по их мнению, стала одним из основных причин падения АДР. В качестве примера они приводят нахождение в составе Азербайджанского парламента фракций «Дашнакцутюн», армянской общины и Славяно-Русского общества, крайне враждебно настроенных в отношении азербайджанской независимости.

Отвечая подобного рода критикам, М.Э. Расулзаде еще 28 января 1919 года с парламентской трибуны говорил: «Желая участия всех партий в нашем парламенте, мы, конечно, не предполагали, что все они будут сходить на одной точке зрения и будут отстаивать нашу независимость. Мы желали только одного, чтобы критика наших действий, и возражения против наших позиций раздавались не вне стен парламента, а с парламентской кафедры, чтобы ответы на это получались бы с той же кафедры»¹⁶⁸. Это было проявлением приверженности М.Э. Расулзаде к цивилизованным, парламентским методам политической борьбы. И не вина, а скорее беда М.Э. Расулзаде и его соратников

¹⁶⁶ «Азербайджан». 1920. 27-28 февраля.

¹⁶⁷ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 92. Л. 31.

¹⁶⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 143.

заключается в том, что как само азербайджанское общество того периода, так и политические оппоненты «Мусавата» оказались не готовыми вести политическую борьбу в рамках демократии.

Безусловно, стране предстояло пройти еще долгий путь по развитию демократии. Но уже проделанная работа – создание парламентской системы управления, основанное на многопартийной системе, реализация принципа разделения властей, обеспечение на практике основных гражданских прав и демократических свобод и т.д. дает основание утверждать, что в 1918–1920 гг. был заложен крепкий фундамент для дальнейшего демократического развития азербайджанского общества.

О функциональном характере азербайджанской демократии периода 1918–1920 гг. свидетельствует один примечательный факт. Так, в начале марта 1920 года правоохранными органами Азербайджана в Баку был раскрыт большевистский заговор, преследующий цель насильственного захвата власти в стране. Однако двоим активным участникам заговора – Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось скрыться в квартире члена Азербайджанского парламента, большевика А. Караева. Осведомленная об этом полиция не могла войти в квартиру, т.к. закон о парламентаризме не давал ей этого права. Для этого требовалось согласие самого члена парламента, занимающего эту квартиру, или же официальное разрешение президиума парламента. Только по истечении суток полиция получила подобное разрешение. Причем она имела право лишь на осмотр, но не на обыск квартиры А. Караева. А к тому времени Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось уйти из квартиры¹⁶⁹.

Успехи, достигнутые в этот период азербайджанскими лидерами в сфере демократических преобразований особенно наглядно видны на фоне соседних мусульманских стран, в которых в то время все еще господствовал восточный деспотизм со всеми его атрибутами. Таким образом, в исследуемый период Азербайджан по уровню общественно-политического развития намного опережал соседние мусульманские государства.

¹⁶⁹ *Караев А.Г.* Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926. С. 117.

Проекты, инициированные азербайджанскими лидерами, были направлены не на получение быстрых и сиюминутных политических дивидендов, а рассчитаны на долгосрочную перспективу укрепления основ молодой азербайджанской государственности. Они делали черновую работу, прекрасно осознавая, скорее всего, им не удастся воспользоваться плодами проводимых в азербайджанском обществе реформ.

В этом отношении достаточно примечательным является одно из выступлений М.Э. Расулзаде в ходе парламентских прений. «История несколько похожа на кухню, – подчеркивал он, – где повар готовится вкусную пищу, но часто сам не успевает ее попробовать. Порой ему бывает даже тошно от этих яств, но все же он, не отходя от плиты, аккуратно исполняет свою работу, а потом приготовленными ими блюдами питаются и наслаждаются многие. Мы, члены парламента, создавая историю Азербайджана, должны соглашаться и на неприятности для себя теперь, чтобы наша история не была запятнанной. Мы должны заботиться о потомстве, а потому теперь должны идти на все жертвы»¹⁷⁰.

Реализуемые в стране демократические преобразования вызвали острое противодействие не только иттихадистов, но и представителей различных социалистических организаций. Так, не меньшее упорство в неприятии идеи национальной государственности и реализации проекта азербайджанской нации демонстрировали различные группировки социалистического направления, которые квалифицировали проект формирования азербайджанской нации как попытку «скрыть древо свободы от азербайджанского народа под соусом напыщенного патриотизма». В этом отношении весьма показательна декларация парламентской фракции социалистов, в которой выражалась уверенность в том, что «после признания независимости азербайджанских тюрок, «лженационализм» не сможет больше существовать, и в сознании народа зародятся идеи классовой дифференциации и классовой борьбы, что послужит на пользу всей демократии»¹⁷¹.

Считая создание национальной государственности «проявлением узконациональной обособленности», социалисты пытались стимули-

¹⁷⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 449-450.

¹⁷¹ «Азербайджан». 1918. 15 декабря.

ровать обострение социально-экономических противоречий в азербайджанском обществе путем усиления классового сознания. Подобный подход, дезориентируя народные массы, оказывал негативное влияние на процесс нациестроительства в Азербайджане.

В этой ситуации вся тяжесть решения многочисленных проблем, связанных со строительством азербайджанской государственности и формированием национальной идентичности полностью легла на плечи представителей партии «Мусават». При этом одним из главных инструментов реализации проекта формирования азербайджанской нации и соответствующей идентичности рассматривалась национализация образовательной системы, государственных структур и в целом, языковой жизни общества. В данном случае языковая национализация подразумевала планомерное вытеснение языка бывшей империи с одновременным восстановлением позиций и государственного статуса азербайджанского языка, утраченных им в колониальный период.

Будучи одним из важнейших элементов этнической идентификации, язык является очень удобным инструментом укрепления внутриэтнической солидарности. Ведь способность языка удовлетворять коммуникативно-культурные потребности разных социально-территориальных групп обуславливает его восприятие в качестве главного атрибута этноса. Поэтому выдвижение на передний план задачи повышения статуса национального языка позволяет достичь максимальной степени этнической солидарности, особенно необходимой в начальной стадии нациестроительства. В этом контексте язык автоматически превращается в важнейший компонент формирующейся национальной идентичности.

Родной язык является мощным символом культурного единства и удобным инструментом административного управления в новом национальном государстве. Язык формирует важный элемент культурной идентичности, что в свою очередь является частью национальной идентичности. В этом смысле обязательное образование на родном языке, которое несет национальное государство, постепенно выковывает единую нацию. Поэтому, расширение базы национальной идентичности, в значительной степени, зависит от темпов развития школьной сети на родном языке и степени вовлечения в нее широких народных масс.

С провозглашением в мае 1918 года независимости Азербайджана впервые в новой и новейшей истории страны появилась возможность свободного функционального развития национального языка. В правительственном воззвании от 17 июня 1918 года к народу Азербайджана говорилось: «Одной из ближайших задач правительства является национализация всех правительственных учреждений, суда и школы»¹⁷².

Первым же шагом в этом направлении стало создание соответствующей правовой базы языковой национализации. Так, правительственным постановлением от 27 июня 1918 года азербайджанский язык получил статус государственного языка Азербайджанской Республики. Учитывая тогдашние реалии, временно допускалось употребление русского языка в государственных учреждениях. Дело в том, что в течение 100 лет колониальной зависимости от России, царские власти сделали все возможное, чтобы искоренить азербайджанский язык из основных сфер жизни общества. В частности, он был полностью изгнан из государственных школ, в результате чего значительная часть азербайджанских тюрков, вынужденных получить образование на иностранных языках, не могли читать и писать на родном языке. Эту ситуацию гениально описал Дж. Мамедкулизаде в своем произведении «Книга моей матери», герои которого – три брата, получивших образование, соответственно, на русском, турецком и персидском языках, не понимали не только друг друга, но и свою родную мать.

В силу этого, полное восстановление государственного статуса азербайджанского языка не являлось легкой и быстро разрешимой проблемой. Не случайно, что, выступая в декабре 1919 года на II съезде «Мусавата», М.Э. Расулзаде с горечью заявлял: «Я был очень рад слышать о желании моих товарищей вести все дела в государственных учреждениях на тюркском языке, но, к сожалению, это не представляется возможным»¹⁷³.

Тем не менее, за относительно короткий срок был разработан и принят целый пакет законов, направленных на национализацию системы образования. В частности, 28 августа 1918 года правительство приняло постановление о национализации начальных и средних учеб-

¹⁷² ГА АР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹⁷³ «Азербайджан». 1919. 9 декабря.

ных заведений. Согласно этому постановлению, преподавание во всех национализированных начальных и средних учебных заведениях планировалось вести исключительно на азербайджанском языке. Правда, очень скоро выяснилось, что повсеместное введение обучения в школах на азербайджанском языке в ближайшей перспективе нереально. Поэтому 13 ноября 1918 года правительство вынуждено было принять новое постановление, которое допускало функционирование параллельных классов с обучением на русском и армянском языках. Характерно, что данное решение обязывало азербайджанских детей обучаться в национализированных или же подлежащих национализации учебных заведениях. Лишь в исключительных случаях, когда азербайджанские дети совершенно не владели родным языком, с особого разрешения министра народного просвещения, они могли быть допущены в не национализированные школы. Этот шаг был направлен на увеличение социального престижа азербайджанского языка.

Однако процесс национализации системы образования в стране отнюдь не ограничивалось простым изменением языка преподавания в школах. Объявляя о национализации школьной системы, Азербайджанское правительство считало одной из главных своих задач в этой области достижение всеобщего, обязательного и бесплатного начального образования на азербайджанском языке. Необходимо было подготовить преподавательские кадры, способные воспитывать подрастающее поколение в национальном духе. А это было непростой задачей, поскольку «политика русификации старого самодержавия, возбуждавшая в широких слоях мусульманского населения недоверчивое отношение к правительственным школам, недопущение частной инициативы в области культурно-просветительных мероприятий привели к общей отсталости всех мусульманских народов, населяющих территорию России, в частности азербайджанских тюрок»¹⁷⁴.

Достаточно отметить, что в тот момент в Азербайджане имелось минимум 300 тыс. детей школьного возраста. Для обучения такого количества детей требовалось около 7500 учителей. Министерство просвещения же не располагало даже десятой частью необходимых кадров. Поэтому 22 июня 1918 года правительство приняло решение

¹⁷⁴ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 201. Л. 1.

о переводе Азербайджанского отделения Закавказской учительской семинарии из Гори в Газах и выделило необходимые средства для перевозки имущества этого учебного заведения¹⁷⁵. Одновременно в регионах Азербайджана в экстренном порядке были учреждены новые учительские семинарии и двухмесячные педагогические курсы для ускоренной подготовки преподавательских кадров. Эти меры позволили несколько снизить остроту проблемы.

Коренная реформа системы образования требовала также создания качественно новых учебников на азербайджанском языке, отвечающих требованиям национальной идеологии. Чтобы привести учебные программы в соответствие с целями и задачами национально-государственного строительства при Министерстве просвещения была создана специальная комиссия по разработке и изданию учебников на азербайджанском языке. На нужды этой комиссии из резервного фонда правительства было выделено 152 тыс. руб.¹⁷⁶ За относительно короткий период, практически за год, комиссия сумела создать и напечатать немалое количество учебников на азербайджанском языке для начальных и средних школ.

Несмотря на огромные трудности, принятые меры позволили к началу 1919/20 учебного года охватить языковой национализацией не только все начальные школы, но и 15 из 23-х государственных средних учебных заведений страны. В учебных же заведениях с преподаванием на русском языке в обязательном порядке изучался азербайджанский язык в объеме 3-4 уроков в неделю¹⁷⁷. Об успешности этого процесса свидетельствует и тот факт, что даже авторы, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к азербайджанским лидерам, признают, что реализованная ими в тот период национализация системы образования являлась одним из главных достижений «правительственной политики АDR»¹⁷⁸.

Наряду с национализацией и расширением сети начальных и средних школ, предпринимались меры для создания системы высше-

¹⁷⁵ ГА АР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁷⁶ «Азербайджан». 1919. 27 июня.

¹⁷⁷ ГА АР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 80-81.

¹⁷⁸ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 221.

го образования в Азербайджане. Как известно, в период царского режима на территории Азербайджана не было ни одного высшего учебного заведения. Поэтому страна не обладала необходимыми национальными кадрами для учреждения хотя бы одного высшего учебного заведения. В этих условиях некоторые парламентарии высказывались за «развитие просвещения снизу», т.е. они предлагали первоначально «поставить на ноги низшую и среднюю школу, а также учительские семинарии и институты», чтобы затем, опираясь на них и по мере подготовки национальных кадров, учредить университет с преподаванием на азербайджанском языке¹⁷⁹.

В этих условиях, мусаватистам и их союзникам пришлось предпринять немало усилий, чтобы убедить парламентариев в необходимости немедленного учреждения в Баку русскоязычного университета. Симптоматично, что при обсуждении соответствующего законопроекта в финансово-бюджетной комиссии парламента представитель фракции «Славяно-русского общества» В. Кравченко высказал свои сомнения относительно целесообразности создания университета, посоветовав «впустую не транжирить народные средства»¹⁸⁰. И это несмотря на то, что, на начальном этапе функционирования университета обучение в нем должно было вестись на русском языке, т.к. профессорско-преподавательский состав учебного заведения состоял исключительно из представителей русской интеллигенции.

Хотя азербайджанский язык являлся обязательным предметом преподавания на всех факультетах университета, тем не менее против открытия русскоязычного университета в Баку выступили и представители некоторых азербайджанских фракций, в частности «Иттихада». Лидер иттихадской фракции К. Карабеков, имея в виду русских преподавателей, считал недопустимым «вручение судьбы университета в руки людей неведомых нам и чуждых азербайджанской государственности»¹⁸¹. Поэтому он предлагал не спешить с рассмотрением данного законопроекта и вернуть его в парламентские комиссии и фракции для дальнейшей доработки.

¹⁷⁹ «Азербайджан». 1919. 24 августа.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ «Азербайджан». 1919. 30 августа.

Выступая за безотлагательное открытие университета, М.Э. Расулзаде напомнил своим коллегам о том, что недостаточно объявить себя независимым. По его мнению, для того чтобы зажить действительно независимой жизнью и занять подобающее место в семье культурных народов мира, необходимо заложить прочный фундамент, на котором азербайджанский народ мог бы полностью проявить особенности своего национального гения. В этом контексте он рассматривал «открытие университета одной из первых забот государства», считая его важнейшим атрибутом азербайджанской независимости.

Инициаторы этой идеи рассматривали университет не только как образовательное учреждение, но и как научно-культурный центр, призванный стимулировать исследования основных проблем национальной жизни, а также дальнейшее развитие культурной гомогенизации и национального самосознания населения Азербайджана.

Обращая внимание на это обстоятельство, тогдашний министр просвещения АДР Р. Капланов говорил: «Если мы самостоятельное государство, если мы твердо решили не оставаться бесформенным конгломератом, а превратиться в организованную нацию, играющую подобающую ей роль в общей культурной жизни человечества, мы не можем не прийти к необходимости создания научного центра, который будет душой нашего национального тела»¹⁸². Он выразил надежду на то, что этот рассадник науки «будет вдохновлять, и руководить всей умственной жизнью страны и явится тем центром, вокруг которого будет концентрироваться вся политическая и общественная жизнь народа»¹⁸³.

Безусловно, азербайджанские лидеры не скрывали, что и для них предпочтительным было бы создание университета на национальном языке. Но одновременно они ясно осознавали, что из-за нехватки научных сил страна не в состоянии создать в ближайшем будущем национальный университет. Поэтому М.Э. Расулзаде советовал «не бояться, что открываемый университет, как утверждает священник В. Кравченко, будет русским. В тюркской стране, в тюркской среде он будет носить свою окраску». Он обоснованно считал, что «фундамент национализации университета закладывается вместе с его учреждени-

¹⁸² «Азербайджан». 1919. 27 августа.

¹⁸³ Там же.

ем, поскольку в нем будет преподаваться тюркский язык, да и студенты здесь, в Баку, будут находиться в родной атмосфере, близко к родной стихии и родному своему народу»¹⁸⁴.

М.Э. Расулзаде искренне надеялся на то, что «в атмосфере, густонасыщенной национальными стремлениями, введение усиленного обучения тюркскому языку» позволит уже в ближайшей перспективе безболезненно и поэтапно осуществлять национализацию университета. В конечном итоге эти аргументы подействовали на депутатов, и 1 сентября 1919 года парламент подавляющим большинством голосов принял закон «Об учреждении в городе Баку государственного университета», который начал функционировать 15 ноября того же года.

Составной частью политики языковой национализации являлась попытка реформирования азербайджанской письменности и ее перевода на латинскую графику. Проблема реформы алфавита почти всегда имеет ярко выраженную политическую окраску, поскольку ориентация на ту или иную графическую систему ассоциируется с социально-политическими и культурно-идеологическими установками и целями политической элиты конкретной нации. В этом отношении шаги в направлении перевода азербайджанского алфавита на латиницу, предпринятые в исследуемый период, являлись проявлением стремления азербайджанских лидеров к тесной интеграции с западным миром.

Начиная с М.Ф. Ахундова, многие представители азербайджанской интеллигенции высказывались за реформу арабского алфавита, но первые практические шаги в этом направлении были сделаны лишь после провозглашения независимости Азербайджана в мае 1918 года. В марте 1919 года впервые на мусульманском Востоке на государственном уровне была создана специальная комиссия для перевода азербайджанской письменности с арабской на латинскую графику. Руководителем комиссии был назначен Х. Мелик-Асланов¹⁸⁵. На рассмотрение комиссии были представлены три различных проекта. На основе проекта Абдуллы бека Эфендиева, предусматривавшего перевод азербайджанской письменности на латинскую графику, в том же 1919 году был издан учебник под названием «*Son türk əlifbası*» («Новый тюрк-

¹⁸⁴ «Азербайджан». 1919. 27 августа.

¹⁸⁵ «Azərbaycan». 1919. № 68.

ский алфавит») ¹⁸⁶. Кроме того, в начале 1920 года газета «Азербайджан» опубликовала ряд статей А. Эфендиева о реформе азербайджанской письменности ¹⁸⁷.

После того, как проходивший с 20 августа по 1 сентября 1919 года в Баку съезд учителей Азербайджана одобрил принятие нового латинизированного азербайджанского алфавита ¹⁸⁸, этот вопрос был внесен на обсуждение парламента. Но в сложнейших военно-политических условиях того времени национальное правительство не успело реализовать на практике эту идею, поскольку в апреле 1920 года Азербайджан был оккупирован большевистскими войсками.

Азербайджанское национальное правительство уделяло значительное внимание распространению грамотности на азербайджанском языке среди взрослого населения страны, и, в первую очередь, среди служащих различных государственных и частных учреждений. Так, 30 августа 1919 года Министерство просвещения «в целях успешного проведения полной национализации всех правительственных, общественных и других учреждений республики», приняло специальное постановление, предусматривавшее открытие в Баку для взрослых бесплатных общеобразовательных вечерних курсов для желающих изучить азербайджанский литературный язык и письменность ¹⁸⁹. Вскоре подобные курсы начали функционировать также в Шуше, Нухе, Закатале и Газaxe. Постановление от 30 августа 1919 года содержало просьбу к руководителям всех правительственных и частных учреждений «вменить в обязанность всем своим служащим, нуждающимся в знании азербайджанского языка и грамоты поступить на эти курсы» ¹⁹⁰.

Большое значение придавалось языковой национализации государственных учреждений. Процесс национализации постепенно охватывал все больше государственных структур. В частности, делопроизводство в высшем государственном органе власти АДР – парламенте было полностью переведено на государственный язык. Все обсуждае-

¹⁸⁶ Агазаде Ф., Каракашлы К. Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань, 1928. С. 56.

¹⁸⁷ «Azərbaycan». 1920. № 23, 32, 59, 63.

¹⁸⁸ «Азербайджан». 1919. 6 сентября.

¹⁸⁹ Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. С. 71.

¹⁹⁰ Там же. С. 72.

мые в парламенте законопроекты в обязательном порядке переводились на азербайджанский язык¹⁹¹. Основным рабочим языком пленарных заседаний парламента также являлся азербайджанский язык.

Характерно, что в ходе парламентских прений М.Э. Расулзаде неоднократно требовал составления и оглашения тех или иных официальных документов исключительно на азербайджанском языке. Даже правительственные телеграммы, отправляемые в иностранные государства, он предлагал «оглашать на тюркском языке, а потом если понадобится, перевести их и на русский, ибо здесь Азербайджан и официальным языком должен считаться тюркский язык»¹⁹².

Азербайджанское правительство предпринимало шаги для широкого функционирования государственного языка даже в военной сфере, где по сравнению с другими областями удельный вес национальных кадров был еще более низким. Несмотря на это обстоятельство, военный министр С. Мехмандаров своим приказом за № 76 от 16 февраля 1919 года обязал всех офицеров, независимо от их национальности, в месячный срок усвоить командные слова на азербайджанском языке. По истечении данного срока все офицеры, не выполнившие этот приказ, подлежали увольнению из рядов армии¹⁹³.

С целью «перехода к ведению всей служебной переписки на тюркском языке при Главном штабе» для расквартированных в Баку офицеров были организованы вечерние курсы, где их обучали не только «разговорной речи и тюркской грамоте», но и ознакомили основами национальной истории и литературы. Военный министр выразил желание, «чтобы все военнотружашие, не владеющие тюркским языком, но желающие продолжить службу в Азербайджанской армии, посещали открываемые курсы для изучения тюркского языка и тюркской грамоты»¹⁹⁴. Занятия в курсах проходили в помещении Главного штаба по вечерам 3 раза в неделю.

Кроме того, по приказу С. Мехмандарова, в армейских частях повсеместно были созданы батальонные и полковые школы для рядового

¹⁹¹ ГА АР. Ф. 100. Оп. 2. Д. 7. Л. 70.

¹⁹² Там же. Л. 99.

¹⁹³ ГА АР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 40. Л. 50.

¹⁹⁴ ГА АР. Ф. 2903. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

состава. Занятия в батальонных школах велись в течение 4 месяцев, в свободное от службы время по 2 часа в день. 20-25 лучших выпускников батальонных школ направлялись для дальнейшего обучения в полковые школы. Если основной задачей батальонных школ было обучение грамоте на родном языке, то полковые школы готовили курсантов для комплектования учебных команд. Поэтому в полковых школах аскеров наряду с грамотой обучали также тюркской истории и арифметике¹⁹⁵.

Аналогичные шаги по национализации предпринимались и в системе Министерства внутренних дел. Руководитель этого министерства Б. Джеваншир в начале ноября 1918 года обязал всех должностных лиц учить азербайджанский язык и сообщил о планах проведения в скором времени тюркизации всего управленческого аппарата. Министр Б. Джеваншир внес немалый вклад в подготовку пополнения руководства полицейских инстанций и органов внутренних дел за счет местного населения. За пределами Баку на место изгнанных русских колониальных чиновников пришли новые кадры из числа азербайджанских тюрков¹⁹⁶.

Создание благоприятных условий для широкого функционирования азербайджанского языка во всех сферах жизни общества способствовало ускорению процесса развития национальной идентичности, что в тогдашних условиях имело поистине судьбоносное значение для зарождающейся азербайджанской нации-государства. По крайней мере, крайне вялотекущий до объявления независимости Азербайджана процесс национальной самоидентификации получил мощный импульс.

Широкомасштабные меры правительства по утверждению языковой идентичности дали толчок развитию всей системы азербайджанской культуры - литературы, театра, музыки, прессы и т.д., которые играли важную роль в воспроизводстве и усилении национальных чувств у народных масс. В частности, учитывая громадное значение театра «с точки зрения, как национальной культуры, так и умственного, нравственного и эстетического воспитания народных масс», правительство приняло решение о создании государственной «тюркской оперно-драматической труппы»¹⁹⁷. Тем самым, нацио-

¹⁹⁵ ГА АР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 153. Л. 17.

¹⁹⁶ «Азербайджан». 1918. 19 сентября.

¹⁹⁷ ГА АР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 20. Л. 218.

нальное музыкально-театральное искусство, которое до сих пор развивалось лишь благодаря частным пожертвованиям отдельных меценатов, было взято под опеку государства.

Это позволило не только улучшить материальное и моральное положение азербайджанских артистов, но и значительно повысить профессиональный уровень и обогатить репертуар национального театра. Опираясь «на имеющиеся очень серьезные актерские силы», удалось усилить репертуар за счет постановок, отвечающих «требованиям серьезного искусства», и приступить к постановке «известных европейских опер и драматических произведений»¹⁹⁸.

С целью развития национального самосознания народных масс ведущее место в репертуаре азербайджанских театров заняли драматические произведения, посвященные отдельным славным страницам освободительной борьбы азербайджанского народа. Среди них особо следует отметить пьесы М.Б. Мамедзаде «Борьба за Баку», И. Ашурбекова - «Азербайджан», Дж. Джаббарлы - «Бакинская война» и «Покорение Эдирны», пропагандирующие такие качества, как патриотизм, любовь к Родине и стремление к свободе и независимости.

Отмечая достигнутые в культурной сфере успехи, М.Э. Расулзаде впоследствии подчеркивал, что в этот период Азербайджан являлся «своеобразным мерилом и показателем» развития театра и музыки в тюркском мире. По его словам, «в период республиканского правления азербайджанское театральное и музыкальное искусство, находящееся под опекой правительства, прошло большой путь развития. За это время были осуществлены прекрасные постановки, привлекающие внимание как своими декорациями, так и игрой актеров, танцами, музыкальным оформлением и исполнительным искусством. За короткий срок азербайджанское искусство доказало, что среди его представителей немало подающих надежды художников, актеров, актрис, трагиков, комедиографов, композиторов, создающих оперы и оперетты в современном европейском стиле. В азербайджанской литературе появились молодые поэты, источником вдохновения которых стало трехцветное знамя свободы»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ ГА АР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 20. Л. 218.

¹⁹⁹ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего века // Хазар. 1990. № 1. С. 56.

В целом же, национальное искусство периода АДР было направлено на стимулирование ощущения азербайджанскими тюрками собственной культурной уникальности, а также на укрепление и развитие у них национальных чувств. Этим национальная культура периода АДР способствовала усилению культурной гомогенизации и национальной идентичности азербайджанских тюрков.

В этом отношении период 1918-1920 гг. можно считать переломным в истории формирования азербайджанской нации. Происходившие в последующие десятилетия XX в. процессы укрепления национальной идентичности и развития азербайджанской нации являлись лишь продолжением и углублением тенденций, заложенных именно в этот период.

Даже захватившие в апреле 1920 года власть большевики, для которых «еще в 1918 году даже упоминание о независимости Азербайджана было равносильно проклятию»²⁰⁰, вынуждены были считаться с реалиями, созданными за 23 месяца независимости. И в первую очередь им пришлось смириться с тем фактом, что Азербайджан стал реальностью на политической карте мира. Поэтому большевики вынуждены были отказаться от планов расчленения азербайджанских земель между соседними республиками – Грузией, Арменией и Российской Федерацией и согласиться на сохранение, хотя и в номинальной форме, национальной государственности азербайджанских тюрков в составе советской империи. Именно это обстоятельство позволило спустя 70 лет, в начале 90-х гг. XX века, вновь восстановить независимую Азербайджанскую Республику.

Историческая заслуга лидеров АДР заключается в том, что они предприняли первую на всем мусульманском Востоке попытку реализации европейской модели нациестроительства. Как известно, европейские народы прошли эту стадию исторического развития еще в XIX веке, а на Востоке миссия стать первопроходцами этого процесса выпала на долю азербайджанских лидеров.

В этом отношении основатели АДР во главе с М.Э. Расулзаде на несколько лет опередили создателя современной Турции К. Ататюрка. Ведь идеи национальной государственности, которыми руководствовался К. Ататюрк при создании нынешней Турецкой Респуб-

²⁰⁰ *Swietochowski T. Müslüman Cemaatten Ulusal Kimliğe. Rus Azerbaycanı. S. 258.*

ки в середине 20-х годов XX века, были сформулированы и реализованы М.Э. Расулзаде и его соратниками в Азербайджане еще в 1918–1920 годах. Причем в отличие от К. Ататюрка, опиравшегося исключительно на авторитарные методы при строительстве турецкого национального государства, азербайджанские лидеры придерживались демократических принципов. В этом контексте основателей АДР в какой-то степени можно считать учителями самого К. Ататюрка.

Безусловно, если азербайджанскую нацию представить в качестве развивающейся системы, то очевидно, что многие компоненты этой системы в 1918–1920 гг. еще не обрели достаточной степени зрелости. Однако, несмотря на это, направление движения окончательно определилось, и процесс формирования азербайджанской нации приобрел необратимый характер.

В достижении всех этих успехов в национальном строительстве ключевая роль, несомненно, принадлежала тогдашней политической элите Азербайджана. М.Э. Расулзаде и его соратники искренно верили в способность и возможность азербайджанских тюрок встать в один ряд с развитыми нациями мирового сообщества. И это несмотря на то, что тогдашние реалии азербайджанского общества не давали повода для особого оптимизма на этот счет. Азербайджанскому обществу, в котором были еще достаточно сильны феодально-патриархальные пережитки и религиозные предрассудки, фактически предстояло сделать стремительный рывок из средневековья в современность. Причем, это осуществлялось в крайне неблагоприятных условиях непрекращающихся внешних угроз и упорного сопротивления консервативно-клерикальных сил внутри страны.

Таким образом, в результате принятия 28 мая 1918 года «Акта о независимости», Азербайджан, бывший до этого лишь географическим определением, стал политической реальностью на мировой арене. А примерно 2 миллиона человек, именовавшихся до этого и татарами, и закавказскими мусульманами, и кавказскими тюрками, превратившись в граждан Азербайджанской Республики, сделали решающий рывок от состояния этноса к нации. Пожалуй, это является главным достижением независимого Азербайджанского государства 1918–1920 гг. и его основателей во главе с М.Э. Расулзаде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Только свободная нация обладает национальным характером.

Анна Луиза Жермена де Сталь

Несмотря на всю тяжесть национально-колониального гнета и субъективные устремления царской администрации именно нахождение Азербайджана в составе Российской империи объективно способствовало развитию модернизационных процессов в азербайджанском обществе на рубеже XIX-XX вв., которые, в свою очередь, создали социально-экономические и политические предпосылки для развертывания процессов трансформации азербайджанского этноса в нацию.

Модернизационные процессы наряду с индустриализацией и урбанизацией привели к кардинальным изменениям в социальной структуре азербайджанского общества и появлению на исторической арене новых социальных сил. В частности, национальная интеллигенция, выдвинутая на историческую сцену в результате модернизационных процессов, стала организатором и двигателем нациестроительства среди азербайджанских тюрок.

Именно национальная интеллигенция на рубеже XIX-XX вв. сыграла решающую роль в осознании азербайджанским народом своих социальных, политических и национальных прав. Сравнивая положение своего народа и более развитых наций, перенимая европейские ценности демократии и национальной свободы, интеллигенция разработала идеи, ставшие основой процесса формирования азербайджанской нации.

Очевидно, что процесс формирования азербайджанской нации, в первую очередь, предусматривал работу по утверждению национальной идентичности по модели идентичности европейских народов. Причем, азербайджанской интеллигенции приходилось выполнять эту работу в довольно непростых условиях доминирования религиозной идентичности в самосознании народных масс. Поэтому

процесс утверждения национальной идентичности имел поэтапный характер: эволюция шла от религиозной к общетюркской идентичности, а затем к осознанию азербайджанскими тюрками себя самобытной и самодостаточной нацией.

На начальном этапе Али бек Гусейн-заде и Ахмед бек Агаоглу, создав идеологию тюркизма, подвели мощную теоретическую базу под поиски национальной идентичности в Азербайджане. Правда, будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между тюркскими и другими мусульманскими народами, концепция тюркизма в то же время отрицала качественный характер этнических различий между отдельными тюркскими народами, включая их в единую этническую общность. В этом отношении она отрицала проект азербайджанской нации-государства и связанную с ним версию идентичности.

Тем не менее, идеология тюркизма сыграла решающую роль в пробуждении тюркских народов, в том числе азербайджанцев, к независимой национальной жизни и способствовала освобождению тюркского самосознания из тисков общемусульманского самосознания. В этом смысле идея «единой тюркской нации» стала своеобразным переходным этапом от религиозной к азербайджанской национальной идентичности.

В дальнейшем М. Э. Расулзаде, опираясь на идеи тюркизма, разработал стройную концептуальную систему азербайджанизма – проекта создания азербайджанской нации-государства. Полномасштабное воплощение в жизнь этого проекта началось с провозглашением 28 мая 1918 года Азербайджанской Демократической Республики, первого национального государства азербайджанских тюрков в современном понимании этого слова. Именно в период АДР азербайджанскими тюрками был сделан решающий рывок от состояния этноса к нации, что является главным достижением 1918-1920 гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббасов Али - 48, 93.
Абдулла Сур - 253.
Абдулхамид II - 228, 230, 237.
Авалов З.Д. - 58, 136, 137.
Агаев Гасан бек - 303.
Агазаде Фархад - 383.
Агаоглу (Агаев) Ахмед бек - 3, 12, 46-48, 98, 155, 178, 185, 186-198, 200-206, 214-216, 222, 226, 233, 242-250, 255, 256, 258, 263, 266, 267, 339, 340, 352, 390.
Агаян Г. - 159.
Азизбеков Мешади - 280.
Аклаев А.Р. - 15.
Акчура (Акчурин) Юсуф - 126, 169, 172, 177, 185, 222, 226-233, 237-239, 241, 263, 265.
Акчурин Хасан - 227.
Александр I - 53, 71.
Александр II - 98, 99.
Александр III - 68, 77, 85, 109, 190, 235.
Али ибн Абу Талиб - 45-48.
Алисов Г. - 211, 291.
Алияров (Алиярлы) С. - 24, 115.
Алов А.А. - 100.
Амирасланов Нури - 355.
Андерсен Ханс Кристиан - 16.
Андерсон Бенедикт - 11, 16, 17, 138, 162.
Араблинский Гусейн - 150.
Арапов Д.Ю. - 91.
Аристотель - 35.
Архимед - 35.
Аршаруни А. - 40, 181, 224.
Асадов Ф.М. - 33.
Асадуллаев Шамси - 126.
Ататюрк К. - 225, 226, 387, 388.
Аух Ева-Мария - 258.
Афгани Джемаледдин - 181, 182-185, 206.
Ахвердов Абдуррагим бек - 150.
Ахмедов Э.М. - 157, 171.
Ахундов Мирза Магомед - 303.
Ахундов Мирза Фатали - 140, 141-149, 159, 191, 206, 234, 382.
Ахтямов И. - 288.
Ахундов Сулейман Сани - 170.
Ашурбеков Иса бек - 386.
Бабаев А.-Р. - 213.
Баберовски Йорг - 69, 96, 161.
Багирова И.С. - 209, 215, 260.
Байрамов А. - 374.
Байрон - 236.
Бакиханов Аббас-Кули ага - 159.
Барбьер де Мейнард - 198.
Бартольд В.В. - 40, 368.
Бауэр О. - 8, 9, 10.
Беленький С. - 316.
Бенигсен А. - 35, 82, 83, 88.
Бергсон А. - 228.
Бердяев Н. - 4, 131.
Бернс Роберт - 15.
Биби Гемер Бану - 227.
Бигиев М. - 288.
Бичерахов Л. - 353.
Брокгауз Ф.А. - 22.

- фон дер Брюггенъ А.Ю. - 158.
Буаст П. - 177.
Бунятов З. - 29.
Бурдые П. - 331.
Буровский А.М. - 282.
Бутми Эмиль - 228.
- Вагиф М.П. - 235.
Валиди Заки - 292.
Вебер М. - 10.
Везиров Наджаф бек - 149, 150.
Векилов Мустафа бек - 303.
Векилов Рагим бек - 326, 335.
Велиев Н. - 150.
Вердиева Х. - 74.
Винер Б.Е. - 7.
Витте С.Ю. - 65, 131, 132.
Владимиров Н.Г. - 100.
Волхонский М. - 124, 285, 379.
Вольтер - 140.
Воронцов М.С. - 148.
Воронцов-Дашков И.И. - 73, 214, 279.
- Габибзаде С.М. - 150.
Габидуллин Х. - 40, 181, 224.
Гавличек Карел - 272.
Гаджибеков Узеир бек - 170.
Гаджинский Мамед Гасан - 303, 338.
Ганизаде С.М. - 150, 161, 169, 370, 371.
аль-Гарнати Абу Хамид - 35.
Гасаноглу Иззадин - 39.
Гаспринский Исмаил - 158, 163, 222, 252, 265.
Гатран Тебризи - 38.
Гвазава Георгий - 329.
Гекалп З. - 229, 237, 265.
- Геллнер Э. - 11, 13, 16, 18, 134, 330.
Гердер - 16.
Гете - 16, 236.
Глинка С.Н. - 64.
Гожба Р. - 60.
Голицын Г.С. - 68.
Головин Е.А. - 60, 75.
Гомер - 236.
Губогло М.Н. - 24, 25, 40, 103, 139, 311.
Гулиев Бала - 355.
Гумилев Л.Н. - 7.
Гусейнгули хан Бакинский - 54.
Гусейн-заде Али бек - 195, 202, 222, 233-243, 248-256, 258, 263, 265-267, 270-272, 390.
Гусейн-заде Ахмед - 234.
Гусейн-заде Гусейн - 234.
Гусейн-заде Рауф - 74.
Гусейнов Мирза Давуд - 268.
Гусейнов Рагим - 214.
Гюго Виктор - 159.
- Данте А. - 236.
Дарместетер Дж. - 198, 200.
Джаббарлы Джафар - 386.
Джабиев Г. - 374.
Джавад хан Гянджинский - 53, 54.
Джапаридзе А. - 321.
Джеваншир Б. - 385.
аль-Джурхуми - 32.
Дейч К. - 18.
Деникин А.И. - 297.
Денстервиль Л. - 351.
Державин Г. - 236.
Долгачев И.Н. - 284.

Дондуков-Корсаков А.М. - 68, 84, 109.

Достмухамедов Джаганша - 288, 294.

Достоевский Ф.М. - 190.

Дробижева Л.М. - 15.

Дюркгейм Э. - 100, 228.

Евдокимов Н.И. - 60.

Елизавета I Тюдор - 44.

Ермолов А.П. - 86.

Ефрон И.А. - 22.

Жданов Н.В. - 182.

Жоржон Ф. - 229, 240.

Жуковский В.А. - 235.

Журавская Е.Г. - 123.

Зардаби Гасан бек - 117, 140, 149, 150-152, 154-158, 179, 206.

Зареванд (Завен и Варгуи Нал-бандяны) - 221, 256.

Заходер Б.Н. - 42.

Зенковский С. - 306.

Зубов А. - 59, 61, 62.

Ибн Сина - 35.

Ибн Хишам - 32.

Иван IV Грозный - 81.

Иваненко В.Н. - 74.

Исмаил I Хатаи - 42, 43, 44, 46.

Исмаилов М.А. - 110, 115.

Исмаилов Э. - 28, 34, 37, 38, 44, 50, 51.

Исхаков (Исхаки) Г. - 288, 289.

Исхаков С.М. - 97, 170, 181, 205, 206, 212, 213, 236, 266.

Йакут ал-Хамави - 29, 30.

Казымзаде Аббасгулу - 267.

Каланкайтукский Моисей - 32.

Капланов Рашид хан - 381.

Карабеков Кара бек - 380.

Караев А. - 374.

Каракашлы Гахраман - 383.

Карими (Каримов) Фатих - 265.

Каутский К. - 8.

Кауфман А.А. - 63, 66.

Кемпфер Энгельберт - 43.

Кеннеди Дж. - 27, 299.

Кесреви А. - 26, 27.

Кинросс Л. - 41.

Кокшарев Н.В. - 6.

Кончаловский Д. - 282.

Коротеева В.В. - 15.

Кочарли Фирудин бек - 170, 269.

Кравченко В. - 380.

Крылов И.А. - 159.

Ландау Я. - 224.

Ларина Е.И. - 91.

Леви-Брюль Люсьен - 228.

Ленин В.И. - 235, 306.

Ленрот Элиас - 16.

Лермонтов М.Ю. - 159.

Лернер В.А. - 216.

Леруа Болье Анатолий - 228.

Леруа Болье П. - 83.

Лордкипанидзе Гасан - 292.

Лорис-Меликов М.Т. - 65.

Мадзини Дж. - 10, 16.

Маевский В.Ф. - 213.

Максуди Садри - 132.

Малахова Г.Н. - 59, 102..

Мамедзаде М.Б. - 279, 386.

- Мамедкулизаде Джалил - 170, 254, 377.
Манвелов А. - 316.
Мандельштам А.Н. - 221, 222, 256, 264, 265.
Маркс К. - 8.
Матвеев В.А. - 63.
Махмуд II, султан - 230.
Махмудбеков Габиб бек - 150, 169, 170.
Махмутова А.Х. - 105.
Межуев В.М. - 19.
Мелик-Асланов Х. - 382.
Ментешашвили А.М. - 317.
Меньшиков М. - 66, 67.
Мехмандаров С. - 161, 384.
Мехмет Тахир - 228.
Мехсети Гянджеви - 38.
Мечников Е.И. - 74.
Мидхат паша - 237.
Миллер Б.В. - 27.
Мильман А.М. - 80.
Мильтон Дж. - 360.
Мирза Гасан - 178, 185, 188.
Мирза Ибрагим - 178.
Мирза Мухаммед - 186-188, 191, 194.
Мирза Сулейман - 263.
Мирмехтиев Мир Якуб - 282, 283, 305-306.
Мицкевич Адам - 16.
Мишле Ж. - 10.
Мольер - 140.
Морозов С. - 113.
Муавийе I - 32.
Музниб (Муталлибзаде А.) - 266.
Мурадалиева Э. - 119.
Мустафаев Гасан - 355.
Мухамметдинов Р.Ф. - 224, 227.
Муханов В. - 124, 285, 379.
Мухтаров Муртуза - 126.
Мюссе Альфред - 198.
Навваб Г. - 263.
Навои Алишер - 239.
Нагиев Муса - 126, 280.
Нагиев Таги - 267.
Надир шах Афшар - 49.
Наджип Асым - 228.
Намик Кемаль - 147.
Нариманов Н. - 150, 161, 166, 298.
Насибов Ю. - 31, 32, 34.
Насрулла Фалсафи - 43.
Неверов Я.М. - 102.
Некрасов Н.А. - 159.
Низами Гянджеви - 38.
Николай I - 60, 75, 93.
Нури-паша - 335, 336-338, 340, 341, 347, 350.
Озджан Уфук - 190, 204.
Омар Хайям - 236.
Орбелиани Г.Д. - 60.
Ордубади М.С. - 212, 213-215.
Оруджев Джавад - 288, 289.
Осбринк Брита - 114, 126.
Осман I Гази, султан - 41.
Павел I - 71.
Палацкий Ф. - 272.
Панарин С.А. - 123.
Паскевич И.Ф. - 74.
Пашазаде А. - 92.
Петр I - 59, 288.
Пишевари Сеид Джафар - 333.
Платон - 35.
Погожев В.П. - 65.

- Потго В. - 86.
Поултон Х. - 222.
Птоломей - 35.
Пушкин А. С. - 150, 159.
Пьетро делла Валле - 43.
- Раевский А. - 361.
Расулзаде Мамед Али - 267.
Расулзаде Мамед Эмин - 29, 44,
49, 89, 133, 139, 149, 173, 174,
179, 181-183, 206, 207, 219, 221,
243, 253, 255-259, 260-271, 272,
273-281, 284-286, 292-298, 300,
301-303, 307-315, 317-318, 320,
326-330, 332, 334, 338-349, 350,
353-356, 358-366, 368-369, 371-
373, 375, 377, 381, 382, 386-388,
390.
Рафиев Муса бек - 303, 352.
Рейган Р. - 92.
Ренан Э.- 6, 10, 198, 200-201, 203,
327.
Ренувье Шарль - 228.
Рза Сеид Мухаммед - 263.
Рустамбеков Шафи бек - 303.
Рушди С. - 141.
Рыбаков С.Г. - 91.
- Саади - 187, 282.
Садыхов Алекпер бек - 348.
Сахаров А.М. - 72.
Светоховский Т. - 216.
Сеидзаде Д.Б. - 106, 209.
Сейдамет Джафар - 288.
Селим II, султан - 44.
Семенов Ю.Ф. - 323.
Сенкевич Генрик - 16.
Сеньобос Ш. - 228.
Сеф С.Е. - 312.
- Сидги Магомед Таги - 161.
Скотт Вальтер - 15.
Смит М. - 327.
Смит А. - 11, 17, 300.
Смоленский В.А. - 118.
Солдатова Г.У. - 15.
Сорель Альберт - 228.
Ставровский А.- 338.
Сталин И.В. - 8, 9, 323.
Сталь А.Л. - 389.
Столыпин П. - 121, 130-132, 133.
Страбон - 29.
Сулейманлы Мубариз - 243.
Султан-Галиев Мирсаид - 289.
Сумбатзаде А.С. - 114, 116.
- Табари - 29.
Тагиев Гаджи Зейналабдин - 113,
114, 126, 169, 281, 312.
Тагизаде Сеид Гасан - 263, 333.
Тазе ханум - 185, 188, 194.
Таймас Абдулла - 297.
Тард Г. - 228.
Тишков В.А. - 6, 19, 128, 300.
Толстой Д.А. - 105.
Толстой Л. Н. - 150, 190.
Томсон В. - 353, 360.
Топчибашев (Топчибаши) Али-
мардан бек - 99, 151-152, 155,
158, 169, 172, 195, 207-209, 210,
288-289, 292, 313, 315.
Торвальдсен Бертель - 16.
Тураев В.А. - 19.
Тургенев И.С. - 159, 190.
- Уваров С.С. - 82.
Узун Гасан - 43.
Уимбуш С.Э. - 174.
Ульянов А. - 235.

- Унсизаде Дж. - 159.
Уолтер Л. - 132.
Усуббеков Насиб бек - 301-303,
315, 338, 342, 352.
- Фатали-хан Губинский - 50.
Фатуллаев Ш.С. - 149.
Фердинанд II - 44.
Физули - 187.
Филин Ф.П. - 164.
Филофей - 81.
Фрейд З. - 15.
Фридрих Август - 44.
Функ-Брентано Теофил - 228.
Фурман Д. - 137.
- Хагани Ширвани - 38.
Хадиджа ханум - 234.
Ханазаров К.Х. - 103.
Хобсбаум Э. - 11.
Ходарковский М. - 56.
Хойский Фатали хан - 313, 315,
338, 342, 360.
Хоскинг Дж. - 128.
Хосров I - 31, 32.
Хрох М. - 135, 136, 219, 284-285.
Худадов В.И. - 71.
Хюбнер Курт - 219, 220.
- Цаликов Ахмед - 288-292, 294,
295-297.
Цицианов П. - 53, 54.
- Чаадаев П.Я. - 21.
Чавчавадзе И. - 159.
Челеби Велед - 228.
Черчилль У. - 128, 129.
Чешко С. - 4, 5.
- Шавров Н. - 65, 66, 68.
Шамиль, имам - 79.
Шатохина Л.В. - 55, 60.
Шаумян С.Г. - 319-320, 322-323.
Шаффер Б. - 27.
Шахтагтинский М. - 160-163.
Шекспир У. - 236.
Шербина А. - 173.
Шереметев С.А. - 62.
Шефер Чарльз - 198.
Шиллер И.Ф. - 16, 159, 236.
Шимов Я. - 123.
Ширвани Сеид Азим - 159.
Шисслер Х. - 194, 203.
Шопен Фредерик - 16.
- Энвер-паша - 337.
Энгельс Ф. - 8.
Эривани Д. Т. - 159.
Эфендиев Абдулла бек - 382, 383.
Эфендиев Октай - 43.
Эфендиев Рашид бек - 170.
- Юнусов Абдурашид - 227.
Юсифов Ю.Б. - 30.
- Якубова Салима - 288.
- Afgâni Ş.C. - 183.
Akçura (Akçuraoğlu) Yusuf - 126,
169, 178, 183-187, 189, 191, 228,
229-233, 235-236, 239, 250
Anderson B. - 11, 17, 138.
Ağaoğlu Ahmet - 12, 48, 99, 191,
200, 244-247, 248-249, 339.
Ağaoğlu Samet - 178, 185, 187,
193-194, 196, 201, 243.
Ağaoğlu Süreyya - 201.
Atkin Muriel - 90.

- Baykara Hüseyin - 100.
Bennigsen A. - 114.
Bobrovnikov V. - 91.
- Deutsch K. - 18.
Doerfer G. - 45.
- Essad-Bey - 323.
- Gellner E. - 11, 16, 330.
Georgeon François - 226, 229, 233, 240.
Giray Saynur Bozkurt - 211.
Görürülmaz M. - 337.
Göyüşov A. - 307.
- Hobsbawn E. - 11.
Hüseynov Ş. - 347.
- Kayahan Özgül M. - 251.
Keykurun N. - 303.
Krauchenko B. - 178.
- Landau J.M. - 224.
Litvak M. - 217, 218.
- Minorsky V. - 46.
Məmmədzadə M.B. - 260, 313, 340.
Musayev I. - 340.
Mustafayev Q. - 308.
- Nəvvab V.V. - 213.
- Özcan Ufuk - 171, 190, 198, 204, 339.
- Poulton H. - 222.
- Qurbanov Ş. - 181, 297.
- Rothschild J. - 284.
- Seton-Watson H. - 114.
Shaffer Brenda - 22, 27, 48, 140, 147.
Shissler A. Holly - 43, 140, 144, 145, 147, 194, 197, 200, 202-203.
Smith A. - 11, 18, 300.
Suny G.R. - 316.
Süleymanov Manaf - 113.
Swietochowski T. - 202, 216, 237, 387.
- Turan A. - 234.
Turan Selim - 235.
Tuncer Hüseyin - 248.
- Wimbush S.E. - 174.
- Yüksel I. - 145, 148, 236.
- Zenkovsky S. - 306.

Aydin BALAYEV

The Azerbaijani Nation: Basic Stages of National Formation in the 19th and 20th Centuries

In his monograph Doctor of Historical Sciences, Aydin Balayev has undertaken a survey on the processes that shaped national identity and nation of the Azerbaijani Turks at the turn of XIX-XX centuries. As emphasized in the monograph, despite colonial oppression of Russian czarist regime, development of modernization processes in Azerbaijani society at the turn of XIX-XX centuries had been objectively facilitated by the fact that Azerbaijan was under the rule of Russian Empire, and those processes in their turn created social, economical and political backgrounds for Azerbaijani ethnos to be transformed into a nation.

Modernization processes along with industrialization and urbanization had led to drastic changes in social structure of Azerbaijani society and to emergence of new social powers on the historical arena. National intellectuals, in particular, having been put forward on the historical arena due to modernization processes they had become the organizers and major factor in the process of Azerbaijani Turks nation-building.

It was precisely these national intellectuals at the turn of XIX-XX centuries who played a crucial role in the fact that the Azerbaijani nation became conscious of its social, political and national rights. Juxtaposing standard of their nation's well-being with the standards of more developed nations and adopting European values for democracy and national liberty, those intellectuals defined the ideas that occurred to be the groundwork for shaping Azerbaijani nation.

It is obvious that first priority while shaping the Azerbaijani nation was given to the work on asserting the national identity through the pattern of identity of the European nations. Moreover, the Azerbaijani intellectuals had to execute this work in the rather intricate circumstances of

religious identity dominating in people's self-consciousness. Therefore, the process of asserting of national identity was realized step by step: the evolution beginning with Pan-Islamism ideas worked toward a universal Turkic identity, proceeding afterwards – to the consciousness of Azerbaijani Turks of themselves as being a distinctive and self-sufficient nation.

At the initial stage of this process, Ali bey Huseynzade and Ahmed bey Agaoglu, having developed Turanizm ideology, had founded a strong theoretical basis for search for national identity in Azerbaijan. Though, the concept of Turanizm was an ethnic concept and delineated a definite boundary between Turks and other Muslim nationalities, at the same time Turanizm as a concept denied a qualitative nature of ethnic differences between various Turkic nations, comprising them into a unique ethnos. In this respect, it rejected the concept of Azerbaijani nation-state and option for identity related to this.

Nevertheless, Turanizm as an ideology had played a decisive role in awakening of Turkic nations, including Azerbaijanis, for sovereign national life and had contributed to the release of Turkic consciousness from the grips of all-Muslim consciousness. In this regard, the idea of “single Turk nation” had become a peculiar transition period from religious identity to Azerbaijani national identity.

Later on, based on the concept of Turkizm, Mamed Emin Rasolzade developed a harmonious conceptual system of Azerbaijanizm – an idea to establish Azerbaijani nation-state. Large-scale implementation of this project began from May 28, 1918 with the declaration of Azerbaijan Democratic Republic, which was the first national state of the Azerbaijani Turks in modern understanding of this word. It was exactly at that time – the period of ADR – that Azerbaijani Turks made a decisive breakthrough from the status of ethnos to the nation and this constitutes major achievement of 1918-1920s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	21
§1. Краткий экскурс в этническую историю азербай- джанских тюрков.....	21
§2. Установление российского господства в Азербайджа- не и его политические, социально-экономические, эт- нокультурные и демографические последствия	51
§3. Особенности колониальной политики России в ре- гионе и правовое положение азербайджанских тюр- ков.....	81
ГЛАВА II. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НАЦИЕСТРОИ- ТЕЛЬСТВА	108
§1. Складывание социально-экономических и политиче- ских предпосылок формирования азербайджанской нации	108
§2. Зарождение национальных идей в культурно-языковой сфере и первые попытки постановки проблемы иден- тичности азербайджанских тюрков.....	134
ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРКОВ.....	177
§1. Конфессиональная сущность идентичности азербай- джанских тюрков на рубеже XIX-XX вв.....	177

§2. От религиозной к национальной идентичности.....	218
§3. Мамед Эмин Расулзаде – автор проекта азербайджанской нации-государства	258
ГЛАВА IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	299
§1. На пути обретения национальной государственности ...	299
§2. Нациестроительство в период Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920)	330
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	391

Научное издание

Айдын БАЛАЕВ

**Азербайджанская нация:
основные этапы становления на рубеже XIX-XX вв.**

Подписано в печать 12.02.2012. Формат 60 x 88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 579. Изд. № 1.

Отпечатано в типографии Тиражи. Ru.